

МАРК ЛОУРЕНС

СВЯТАЯ

СЕСТРА

DAS DRITTE BUCH DES AHNEN

|| TOR

Они охотились за ребёнком. А встретили женщину.

Лед надвигается, Коридор сужается, империя в осаде от Ситроула на востоке до Дурнса на западе. И повсюду армии императора отступают.

Нону ждут последние испытания на пути к статусу полноценной сестры избранного ею ордена. Но не похоже, что Нона и её подруги успеют заработать монашеское одеяние до того, как война постучится в их дверь.

Даже такой воин, как Нона, не может остановить прилив войны.

Сердца Кораблей предлагают ей силу, с помощью которой она сможет защитить своих близких, но это сила развращает. Близится финальная битва, в которой ей предстоит разрываться между друзьями не в силах спасти их всех. Битва, в которой её собственные демоны попытаются уничтожить её.

Битва, которая разобьёт сердца, разлучит влюблённых и повергнет троны.

Марк Лоуренс

СВЯТАЯ СЕСТРА

Книга Предка – 3

Перевод Александра Вироховского

Посвящение

Моему деду, «Биллу» Уильяму Джорджу Куку, который прожил большую часть своего первого десятилетия в царствование королевы Виктории и который с большим терпением помог мне сделать мою первую шкатулку с сокровищами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я безмерно благодарю Агнесу Месарош, чье бета-прочтение помогло Ноне дойти до конца курса монастырского образования. Было чрезвычайно полезно получать отклики от того, кто страстно заботится об этих книгах.

Я также обязан поблагодарить, как и всегда, моего замечательного редактора Джейн Джонсон и команду «Voyager» за поддержку завершения моей третьей трилогии.

ПРЕДЫДУЩИЕ СОБЫТИЯ

Тем, кому пришлось подольше дожидаться этой книги, предлагаю кратко освежить память следующими заметками, что мне самому позволит избежать неловкости от пересказа персонажами того, что им и так известно.

Здесь я привожу только то, что имеет значение для последующего рассказа.

Имена людей и мест, которыми начинается мое скромное резюме, я широко использую ниже, поэтому, если это ничего сейчас не значит для вас, то пропустите следующий кусок; всегда можно вернуться к нему при необходимости.

«Серая сестра» заканчивается тем, что пятнадцатилетняя Нона бежит из дворца Шерзал, преследуемая войсками. С ней друзья, в числе которых Зоул, Ара, Регол, настоятельница Стекло, Сестра Чайник и несколько самых разных прочих уцелевших. Зоул похитила корабль-сердце ной-гуин из штаб-квартиры ассасинов, находящейся под дворцом. Клера помогла Ноне сбежать, но вернулась на службу Шерзал. Враг Ноны из монастыря, послушница Джоэли Намсис, все еще во дворце и ее действия привели к смерти подруги Ноны, Дарлы, по ходу побега. Нона и ее спутники находятся в горах на границе со Скифроулом и далеко от монастыря. История начинается не с этой сцены, но вскоре мы к ней вернемся.

Абет — планета, вращающаяся вокруг умирающего красного солнца. Он покрыт льдом, и подавляющее большинство его обитателей живет в обрамленном ледяными стенами Коридоре шириной в пятьдесят миль, который идет вдоль всего экватора.

Искусственная луна, огромное орбитальное зеркало, держит Коридор свободным ото льда, каждую ночь фокусируя в него солнечные лучи.

Когда, тысячи лет назад, четыре первоначальных племени людей пришли в Абет со звезд, они нашли руины исчезнувшего народа, который они называли Пропадшими.

Империя ограничена землями Скифроула на востоке и морем Марн на западе. По ту сторону моря правят Дарны. В конце «Серой Сестры» орды Скифроула под командованием бой-королевы Адомы собрались на своей стороне горного хребта, по которому проходит граница.

Обороной против Скифроула командует сестра императора, Шерзал, из ее дворца в горах. Она собиралась предать империю и пропустить войска королевы Адомы через Великий Перевал. Сделка включала в себя объединение корабль-сердца, принадлежащего ассасинам ной-гуин, корабль-сердца, украденного в монастыре Сладкое Милосердие, и двух корабль-сердец, принадлежащих королеве Адоме, тем самым создавая четверку корабль-сердец, необходимую для открытия Ковчега. Ковчег находится под императорским дворцом и был построен либо Пропадшими, либо первыми людьми, и, как говорят, позволяет контролировать луну.

Корабль-сердца — предметы спорного происхождения, которые, возможно, приводили в движение корабли, доставившие племена людей в Абет. Чем ближе человек подходит к одному из них, тем сильнее усиливается его природный талант к магии. Подойдите слишком близко, и сила корабль-сердца начнет разрывать ваш разум на части. Нежелательные части вашей личности, такие как гнев, жадность или злоба, расщепятся на разумные фрагменты, называемые дьяволами, и окажут на вас большее влияние.

По мере того как солнце слабеет, лед продолжает медленно продвигаться вперед, несмотря на теплоту ночного фокуса луны. Коридор сужается, нации ищут новые территории у своих соседей.

Аристократия империи — это Сис. Суффикс прилагается к именам облагороженных семейств (например, Таксис, Йотсис и т. д.).

Четыре первоначальных племени, пришедшие на Абет, назывались герант, хунска, марджал и квантал. Их кровь иногда проявляется в нынешнем населении, наделяя человека уникальными способностями. Герант вырастет очень крупным, хунска — фантастически быстрым, марджал способен освоить все виды малой и средней магии, включая плетение теней, написание сигиллов и власть над элементами. Квантал может получить доступ к сырой силе Пути и манипулировать нитями, переплетение которых творит саму реальность.

Пропавшие оставили после себя сооружения, называемые Ковчегами. В Коридоре их три. На одном из них построен императорский дворец. Нет никаких достоверных записей о том, что кто-то смог открыть дверь Ковчега, но фальшивое пророчество предсказывает приход Избранного, который сможет это сделать. Другие считают, что открыть Ковчег могут четыре корабль-сердца, используемые вместе.

Нона Грей была крестьянской девочкой из безымянной деревни. Ее отдали похитителю детей Гилджону, который продал ее в Калтесс, где ринг-бойцы тренируются и сражаются друг с другом. Потом она оказалась в монастыре Сладкое Милосердие, где послушниц обучают служению Предку. В конце обучения послушницы приносят обеты как один из четырех классов монахинь. Святая Сестра (исключительно религиозные обязанности), Серая Сестра/Сестра Благоразумия (обученная убийству и скрытности), Красная Сестра/Боевая Сестра (обученная бою), Святая Ведьма/Мистическая Сестра (обученная ходить по Пути).

Нона оказалась три-кровной — невероятно редкое явление. Она — хунска, марджал и квантал. У Ноны совершенно черные глаза — побочный эффект приема опасного

противоядия. У нее нет тени — Нона отрезала ее во время боя с Йишт.

Йишт — женщина из лед-племен и служит у сестры императора, Шерзал. Йишт украла корабль-сердце Сладкого Милосердия и убила подругу Ноны Гессу.

Лано Таксис ненавидит Нону за то, что она убила его брата, а также оставила его отца, лорда Турана Таксиса, привязанным к его собственному пыточному устройству.

Джоэли Намсис — дочь лорда, тесно связанного с семьей Таксис. Она — квантал и искусна в нить-работе и отравлении. Она стала врагом Ноны в монастыре.

Во время кражи корабль-сердца Нона была предана своей подругой и коллегой-послушницей Клерой Гомал. Среди оставшихся друзей Ноны — послушницы Ара, Зоул, Рули и Джула. Арабелла Йотсис происходит из могущественной семьи; она — редкая два-кровка, хунска и квантал. Рули имеет незначительные способности марджал. Джула очень прилежна и надеется стать Святой Сестрой.

Зоул — очень важная послушница. Она из лед-племен и прибыла в монастырь по настоянию Шерзал, которая использовала ее как отвлечение, чтобы помочь в краже корабль-сердца. Она — единственная известная четыре-кровка, имеющая доступ ко всем талантам изначальных племен. Многие считают ее Избранной из пророчества. Согласно пророчеству, Зоул — это Аргата, а Нона — ее Щит.

Монастырь Сладкое Милосердие возглавляет Настоятельница Стекло, женщина, чьи связи в церкви и за ее пределами простираются гораздо дальше, чем кажется.

Самыми старшими среди монахинь являются сестры Колесо и Роза. Сестра Колесо преподает Дух. Сестра Роза управляет санаторием. Другие важные фигуры — Сестра Сало, которая учит Мечу, Сестра Сквородка, которая учит Пути, и Сестра Яблоко, которая учит Тени. Сестра Чайник — Серая Сестра, живущая в монастыре. Она и Чайник — любовницы.

Есть четыре класса/стадии, через которые проходят послушницы, прежде чем принять священный сан монахини: Красный Класс, Серый Класс, Мистический Класс и Святой Класс. «Серая Сестра» заканчивается в то время, когда Нона учится в Мистическом Классе.

Становясь монахинями, послушницы принимают новые имена. Нона станет Сестрой Клетка. Ара будет Сестрой Шип.

РЕВ ТОЛПЫ ВТОРГАЕТСЯ в тебя как живое существо, отражается в твоей груди, без разрешения срывает ответ с твоих губ. Давление тел сокрушает барьеры, и, бессознательно, многие становятся чем-то единым, одна и та же эмоция течет из кожи разных людей, одна и та же мысль эхом отдается в сотне или тысяче черепов. Для эмпат-марджалов это может быть одновременно ужасающим и восхитительным, расширяющим их контроль, облегчающим проникновение в окружающие их умы, но также допускающим возможность того, что в такой человеческой буре они могут потерять себя, могут быть исторгнуты из своей плоти, чтобы никогда не найти ее снова.

Маркус наблюдал, как побежденному бойцу помогают выбраться с ринга под насмешки и жалобы толпы. Победитель, подняв руки, все еще расхаживал по периметру приподнятого над полом поля боя, пот тек по его ребрам. Но толпа уже теряла к нему интерес, люди поворачивались к соседям с рассуждениями, наблюдениями или шутками, поворачивались к букмекеру, чтобы сделать новые ставки, поворачивались к прилавку в дальнем углу, чтобы наполнить свои кружки вином. А некоторые, ища новых острых ощущений, повернулись лицом ко второму рингу в дальнем конце зала.

Герант-боец, грозивший из-за канатов любому будущему противнику, был ростом в девять футов, и Маркус не верил, что видел более крупного человека. Боец был еще молод, лет двадцати с небольшим, и мускулы так плотно обтягивали кости, сражаясь между собой за пространство, что выпячивались огромными, испещренными жилами холмами. Он смотрел на мир бледными глазами из-под зарослей коротких рыжих волос.

В Калтессе состязания герантов были самыми популярными. Зрелище сталкивающихся друг с другом огромных бойцов никогда не прекращало влечь массы, и в вечера «открытого ринга» народ Истины любил наблюдать, как их сила обращается на несчастных, бросивших им вызов. Схватки между ринг-бойцами хунска имели много сторонников среди более опытных зрителей, но скорость сражающихся часто оставляла обычную толпу в недоумении. Смешанные поединки были редкостью, но состязание скорости против силы всегда было интересным.

Из лающей толпы людей вокруг основания ринга, на котором стоял гигант, появился претендент. Могучего телосложения мужчина, который был на голову выше и шире в плечах тех, кто давил на него со всех сторон. В обычных обстоятельствах Маркус был бы впечатлен телосложением этого парня и поддержал бы его против любых трех драчунов в баре.

По залу поползли шепотки и догадки. Этот человек — беженец из порта Рен, теперь завоеванным Дарном. У него есть некоторая репутация, которую он заработал, сражаясь в ямах в холодных городах на северных окраинах.

— Пять соверенов на то, что он не продержится и раунда против Денама. — Кто-то, стоявший за спиной Маркуса, искал с кем побиться о заклад.

Рев вновь прибывшего, поднявшегося на ринг, заглушил дальнейший разговор. Маркус никогда не бывал в большом зале Калтесса, хотя много лет назад прождал несколько часов недалеко от него вместе с другими детьми из клетки Гилджона. Похититель детей никогда не собирался продавать Маркуса Партнису Риву. Он заподозрил в Маркусе кровь марджал и взял его, чтобы предложить там, где за такие таланты можно было бы получить более высокую цену. В ту полночь в большом зале было тихо и темно, и, когда ночь сменилась

утром, юный Маркус дрожал, обхватив себя руками, и даже не подозревал, что когда-нибудь будет стоять внутри, как часть потной волнуемой массы, жаждущей крови.

Однако Маркус слышал имя Денама еще до своего появления рядом с рингом. Несмотря на свои нежные годы, молодой человек был новым чемпионом среди герантов ринг-бойцов, прославившихся своей жестокостью. Для Денама ночь открытого ринга часто оборачивалась ничем иным, как сердитым взглядом на море возмущенных лиц перед ним. Если не найдется никто, кто мог бы ответить на его вызов, он уступит свое место другому бойцу, и толпа снова обнаружит свою храбрость.

— Милос из Рена! — крикнул бой-мастер.

Милос поднял руку в знак согласия и отошел в свой угол, чтобы дождаться колокола.

Маркус не слышал звона из-за рева, но, когда двое мужчин сошлись, Милос показался карликом рядом с Денамом. Герант полн-кровка опустил руки и позволил Милосу нанести удар. Это было похоже на то, как если бы тот замахнулся на дерево. От удара голова Денама слегка повернулась влево. Милос ударил его двумя руками по другой стороне лица, и голова Денама дернулась вправо. Денам снова посмотрел на своего противника и ухмыльнулся, обнажив окровавленные зубы. Милос, казалось, ничего не понял. Он посмотрел вниз свои кулаки, как будто с ними могло быть что-то не так.

Денам отвесил мужчине пощечину, оттолкнув его руки. Из рта Милоса брызнула кровь, и он пошатнулся, как пьяный. Денам поймал его двумя большими руками, одной охватил шею, другой — бедра, и поднял Милоса на четыре ярда над рингом, прежде чем бросить вниз, лицом об доски.

Милос не поднялся. Подмастерье вскарабкался внутрь, чтобы рассыпать песок по багровому пятну, оставшемуся после того, как тело вытащили под нижней веревкой.

Маркус был не одинок в мысли, что Денам на сегодня закончил, но движение в толпе указывало на другого претендента, пробивавшегося к рингу. Появился вновь прибывший, выбираясь из толпы. Сзади Маркус увидел только темный плащ и черные волосы. Этот претендент был еще ниже Милоса, ненамного больше шести футов ростом и значительно более легкого телосложения. Публика удивленно замолчала.

— Хунска? — зашептались вокруг.

— Дурак! — последовал ответ.

Возможно, претендент и не был великаном, но в любом случае хунски никогда не бывают такими высокими и широкоплечими. Денам уставился на новоприбывшего таким убийственным взглядом, что Маркус почувствовал, как внутри у него закипает желание убежать. Как эмпат, он привык плавать в потоках чужих эмоций, но гнев ринг-бойца был быстрее и глубже, чем все, что он чувствовал раньше, и в каждый момент угрожал захлестнуть его чувства.

Претендент нырнул под верхний канат.

— Пьяный, — предположил кто-то.

Маркус попытался представить себе, насколько пьяным должен быть человек, чтобы решить, что драться с Денамом — хорошая идея. Наверное, слишком пьян, чтобы стоять. Но этот двигался не как пьяный.

Тишина сменилась полным молчанием, когда плащ претендента слетел с ринга. Женщина была одета так же, как и ринг-бойцы — белая набедренная повязка и белая полоса ткани, туго обмотанная вокруг груди, ее бледная кожа подчеркивала красноту лица Денама.

Бой-мастер не подошел, чтобы узнать имя претендента. Вместо этого он повысил голос:

— Нона из монастыря.

Нона не подняла руки, чтобы ответить на рев толпы, но медленно повернулась, и, когда ее черные глаза скользнули по нему, Маркус понял, что его заметили.

— Бой!

Денам медленно подошел к послушнице, кулаки защищают горло и глаза, стойка закрытая, для защиты паха. Маркус пристально смотрел на Нону, пытаясь разглядеть в ней хоть что-то от той девочки, которую он знал все те недели в клетке Гилджона. Она была на два года моложе его, так что ей должно было быть около семнадцати, но она смотрелась взрослой женщиной. Длинноногая, стройная, тело атлета, каждая мышца рельефно вырезана, плоский живот над выступающими бедрами. Даже испугавшись за нее, Маркус не мог отрицать, что она привлекла его внимание так, как не подобает Святому Брату.

Нона с быстрой уверенностью шагнула вперед, ударив Денама чуть ниже ребер с левой стороны, пять или шесть ударов обрушились с быстротой дятла, стучащего по дереву. Она била всем телом, повернувшись в талии. Денам рассмеялся, получив все эти удары, и махнул рукой в сторону послушницы. Она легко уклонилась и нанесла еще три или четыре удара в одно и то же место. Как бы сильно она, должно быть, ни била этого человека, Маркус не мог понять, почему Нона надеялась победить. Мышцы, покрывавшие кости Денама, были толщиной в несколько дюймов, а кости под ними, должно быть, были как у тягловой лошади. С тем же успехом она могла бить медведя, требуя, чтобы тот подчинился.

Денам встал в боевую стойку, его ненависть к Нона была очевидна даже тогда, когда он пытался посмеяться над ее усилиями. Нона не двинулась с места, и толпа затаила дыхание. Денам замахнулся рукой, которая выглядела такой же толстой, как грудь Маркуса. Кулак, которым он ударил Нону, был размером с ее череп.

Она приняла удар в лицо, ее голова дернулась вправо. Следующий удар последовал слева, резко повернув ее голову в другую сторону. Маркус представил себе, как эти кулаки разможат череп, разнесут вдребезги скулы, сломают шею...

Нона посмотрела на возвышавшегося над ней бойца и улыбнулась, обнажив зубы, не тронутые кровью. Денам казался изумленным, толпа взревела от удивления. Магия? Но Маркус не почувствовал никакого волшебства, ни малейшего намека. Он мог только представить, что она двигала головой с той же скоростью, что и кулаки, ищущие ее, позволяя лишь легкий контакт.

И снова Нона нанесла полдюжины ударов в одно и то же место под ребрами Денама за один-два удара сердца. Она отскочила назад, прокатилась под размахнувшейся рукой, поднялась в том же движении, пнула свою цель, уклонилась от второй ищущей руки и развернулась, чтобы нанести еще один удар в то же место.

Денам пошел к ней, ревя громче толпы. Двигаясь вперед, он отдавал предпочтение левому боку. Мелочь, которая могла легко пройти незамеченной. Нона, вывернувшись, отпрыгнула, оттолкнулась от двух веревок и приземлилась, нанеся на лету удар ногой, чуть ниже его ребер.

В течение долгих минут бой продолжался, атаки Денама почти касались бледной кожи Ноны, но так и не нашли ее. Нона нанесла по своей мишени двадцать ударов руками и ногами, возможно, два по двадцать. Ярость Денама росла, его лицо побагровело, он плевался, изо его рта шла пена, он выкрикивал угрозы и обещания. Но теперь он кренился на раненый бок, над ушибленными нижними ребрами, прикрывая их локтем. Он прислонился к угловому столбику, переводя дыхание.

— Давай, большой мальчик. — Первые слова Ноны в бою.

Они сработали, как искра на горючий порошок. Денам с криком бросился вперед. Нона нырнула под его вытянутые руки, перекатилась головой вниз между его ног, через отверстие, появившееся, когда ярость пересилила осторожность, и ударила его пяткой в пах со всей скоростью и силой, которыми она обладала.

Денам сделал еще два шага, прежде чем понял, что Нона больше не перед ним, и еще один шаг, прежде чем боль достигла цели. Ноги геранта забыли все приказы и бросили его на доски, где он свернулся калачиком вокруг смертной боли, слепой к миру.

Нона вскочила на ноги, на ее лице все еще бушевал бой, зубы были оскалены. Помимо ужасного урагана ненависти Денама, смешанного с его бессловесной болью, Маркус теперь мог чувствовать эмоции Ноны и обнаружил, что его качает от грубой животной агрессии, текущей из нее. Нечто подобное он испытал, когда, свернув не туда, попал в собачьи ямы за стенами Старого города. Окровавленный мастиф с челюстями, сомкнутыми вокруг горла другой собаки, испускал ту же взрывную ярость, что и послушница. Маркус ожидал, что Нона набросится на свою жертву, выдирая глаза Денама из орбит или превращая его лицо в месиво. Но, вместо этого, в течение пяти глубоких вдохов, она втянула все это обратно, каждый кусочек, пока не осталось ничего, что он мог бы прочитать над смешанным морем эмоций вокруг него. Из всего, что он видел в ту ночь, именно это быстрое подавление ярости оказалось для него самым замечательным.

Не обращая внимания на радостные крики и поздравления, на то, что бой-мастер пришел расспросить или наградить ее, Нона перепрыгнула через веревки и нырнула в толпу. Через несколько мгновений она уже стояла рядом с Маркусом, вся трепеща, мокрая от пота и живая, ее глаза, наполненные чужеродной чернотой, оказались на одном уровне с его.

— Ты пришел, — сказала она.

Маркус пожал плечами:

— Ты меня попросила.

Святой Класс

Настоящее Время

МАРКУС ВЫРОС ВЫШЕ всяких ожиданий. Она помнила свирепого деревенской мальчишку с колючими волосами, который приветствовал ее в клетке Гилджона, первым делом спросив ее возраст, и, казалось, утешился узнав, что был старше ее. Плохое начало, но его привязанность к мулу похитителя детей смягчила ее мнение о нем к концу их путешествия. Теперь он был ростом шесть футов два дюйма, симпатичный, с дружелюбным лицом, которое с удовольствием смеялось вместе с тобой. Черные волосы были приручены маслом и плоско прилегали к черепу, как у монахов. От того мальчика, который сидел в клетке, остались только резкость в чертах лица и быстрота в темных глазах, изучавших ее.

Нона снова закуталась в плащ. Материя прилипла к спине, из-за пота, заставляя ее чувствовать себя неловко, или, возможно, это был откровенный взгляд Маркуса. Она улыбнулась ему в ответ и обхватила себя руками. Костяшки ее пальцев болели от многократных ударов по Денаму. Нона была уверена, что пробивала тренировочные бревна, которые были мягче, чем бок геранта. В остальном она чувствовала себя хорошо, тело светилось, шаг был таким легким, что с небольшим усилием она могла бы просто полностью избавиться от гравитации.

Она наклонилась вперед:

— Давай поговорим снаружи.

Маркус кивнул. Они протолкались к главным дверям. Посетители Калтесса уже стекались обратно ко второму рингу. Пара здоровенных подмастерьев помогала Денаму перевалиться через канаты первого.

— Я удивлен, что монастырь позволяет послушницам приходить сюда, чтобы сражаться, — сказал Маркус позади нее.

— Не позволяет. — Нона проскользнула между дверями, когда они открылись, чтобы впустить новых любителей острых ощущений.

— Почему ты... — Маркус прервался, чтобы поплотнее закутаться в одежду, черную рясу Святого Брата. Он последовал за ней на хлеставший дождем ветер, от холода из него вырвалось громкое *бррр*.

— Старый спор, который нужно было уладить, — сказала Нона. Отчасти это было правдой. Больше всего ей хотелось кого-нибудь очень сильно бить, снова и снова. Маркус, вероятно, уже знал это; секретные церковные отчеты называли его одним из самых эффективных эмпат-марджалов на службе у Предка.

Нона повела Маркуса за угол большого зала, где они могли укрыться от бури. Стены темнели высоко над ними, клочья облаков неслись по небу под багровым покрывалом тысяч умирающих звезд.

— Зачем я тебе понадобился? Зачем ты послала сообщение, я хотел сказать? — Маркус казался менее уверенным в себе, чем она ожидала. Тот, кто может читать ее как книгу, должен быть более уверенным? Она, конечно, хотела бы, чтобы ее собственные навыки эмпата сказали бы ей больше об его настроении, чем она могла догадаться по напряженности его взгляда или тонкой линии крепко сжатых губ.

— В тот день в Академии. — Слова вырвались у нее сами собой. — Это ты вынудил ту девочку напасть на меня? — Нона заставила себя закрыть рот. Она уже все распланировала: что скажет, как и когда. И теперь идиотский язык ее выдал.

— Она... она уже атаковала тебя. — Чувство вины волнами исходило от него.

— Она использовала тьму, чтобы напугать меня. Или пыталась использовать. Но потом она просто обезумела. — Нона вспомнила, как звериная ярость отразилась на лице девочки. — Это сделал ты!

— Да. — Теперь он нахмурился, его лоб побледнел и покрылся каплями дождя.

— Ее тень пыталась меня разодрать. Меня могли разорвать на части!

Маркус поднял руки:

— Я передал ей гнев. Я и не знал, что она на такое способна.

— Да, способна! — Нона почувствовала, как ее собственный гнев поднимается из колодца, который, как ей казалось, опустел на ринге.

— Мне очень жаль. — Он посмотрел вниз.

— Но... — Похоже, он не врал, но Нона полагала, что он мог притворяться лучше, чем кто-либо из тех, кого она когда-либо знала. — Почему?

— Так велел мне Настоятель Джейкоб.

— Джейкоб? — По телу Ноны пробежал холодок. — Первосвященник Джейкоб? Я имею в виду того, кто был первосвященником раньше?

Маркус кивнул, все еще глядя вниз.

— Но... он нет... ты был не обязан...

— Его назначили настоятелем в Св. Круа через год после того, как Настоятельница Стекло заменила его на Невиса на посту первосвященника.

— Св. Круа? Но Джейкоб — чудовище! — Нона не могла понять, как бывший первосвященник смог так быстро оправиться от позора.

— Чудовище с друзьями в высших кругах. Включая Таксисов. — Маркус пожал плечами. — И он не глупый человек, просто жестокий и жадный.

— Значит, он купил тебя у Гилджона, отправил в Св. Круа и последовал за тобой, когда получил там власть? — Нона видела, как первосвященник забил до смерти мула Гилджона и оставил Маркуса сломленным. И это было как раз в тот день, когда он купил его испуганным десятилетним мальчиком. Каково было расти под руководством этого человека?

— Мне очень жаль. — Маркус поднял голову и встретился с Ноной взглядом. Она дала ему очки за то, что он не использовал свою силу, чтобы попытаться повлиять на нее. Она бы знала. По крайней мере, она на это надеялась. Он не мог быть *настолько* хорош... или мог? Маркус кашлянул. — Итак, ты пригласила меня сюда, чтобы избить до полусмерти? Пнуть меня в пах? Или моих извинений достаточно?

Прежде чем Нона успела ответить, из-за угла выскочил мужчина. Он подошел к ним, сгорбившись под дождем.

— Регол? — спросила Нона. Она искала в толпе ринг-бойца, прежде чем сразиться с Денамом, но не заметила его.

— К вашим услугам, моя леди! — Он отвесил широкий поклон, стараясь не сводить глаз с Маркуса.

Нона не смогла сдержать улыбки:

— Я не твоя леди и не чья-то еще.

— Замечательная победа, послушница. — Регол выпрямился. — Наш рыжий друг может

быть очень упрямым. — Он смотрел так, словно держал расстояние между собой и ней, возможно, оценивая ситуацию.

— Ты видел? — Она бы этого хотела.

— Все, от начала до конца. А ты слышала, как на чердаке аплодировали самые свежие рекруты?

Нона согнула руки и поморщилась:

— Я думала, он никогда не упадет.

Регол поморщился.

— Весь вопрос в том, встанет ли он снова и что по этому поводу скажет. — Последнюю часть он произнес высоким тонким, затем перевел взгляд на Маркуса, как будто заметив его за первый раз. — Я бы спросил, не беспокоит ли тебя этот монах, но, думаю, если бы это было так, он бы лежал на земле и искал свои зубы. — Снова этот взгляд, как будто сегодня ночью он видел перед собой другого человека.

— Я уверен, что Нона может спорить, никому не вмазав по лицу. — Маркус вернул взгляд Регола. — Не каждый, кто вылезает из этого ринга, просто шагает в ринг побольше.

Регол пожал плечами, его насмешливая улыбка осталась на месте:

— Весь коридор — ринг вокруг Абета, брат. А когда лед сжимается, дерутся все.

— Уходи, — сказал Маркус.

Регол открыл было рот, чтобы что-то ответить, но на его лице появилось озадаченное выражение. Он повернулся, чтобы уйти, но тут же обернулся, словно что-то забыл.

— Ты бы предпочел наблюдать за боями, — Маркус говорил ровным голосом, но волны силы, исходящие от него, потрясли Нону своей интенсивностью. Как будто кто-то открыл дверцу печи, и неожиданно на нее обрушилась стена жара.

Регол повернулся и ушел, не сказав ни слова.

— Он не обрадуется, когда это пройдет, — сказала Нона.

— Да, — кивнул Маркус. — Но было бы еще хуже, если бы он задержался подольше. Я ему совсем не нравлюсь, и мы оба знаем, почему.

— О. — Нона рассмеялась, но прозвучало как-то неправильно. — Регол вовсе нет. Он флиртует со всеми девушками. Леди Сис практически боготворят...

— Он хочет именно тебя, Нона. Не нужно быть эмпатом, чтобы это понять.

— Нет, он просто... — Она замолчала, когда Маркус с грустной улыбкой покачал головой. — Во всяком случае, ты довольно легко от него избавился. — При этих словах по ней пробежал легкий холодок разочарования.

— Легко? — Маркус прислонился спиной к стене. — Он устроил адскую драку. Я бы никогда не заподозрил, что этот скандалист из Калтесса будет так сопротивляться. — Он приложил пальцы к вискам. — У меня, наверное, всю ночь будет болеть голова...

Нона ничего не сказала, только посмотрела в угол. После того, как Джоэли заставила Регола бросить Дарлу посередине боя во дворце Шерзал, ринг-боец попросил Нону помочь ему. Он не хотел, чтобы им снова манипулировали. Нона потратила часы, обучая его возводить барьеры против такого рода нить-работы. Он плохо воспримет это поражение.

Нона расфокусировала зрение и посмотрела на Маркуса, стоявшего среди великолепия нитей, ореола Пути. Эмпатия марджалов была, по сути, нить-работой, которая концентрировалась только на живых нитях и манипулировала ими скорее интуитивно, основываясь на эмоциональных кластерах. Это был, во многих смыслах, инструмент, предназначенный для конкретной работы. Зато квантал нить-работник обладал большим

потенциалом и гибкостью, решал более сложные и более тяжелые задачи. Нити вокруг Маркуса образовывали сияющую ауру, более яркую и подвижную, чем она когда-нибудь видела раньше. Множество нитей, соединявших его с ней — некоторые старые, некоторые только что сформированные — натянулись, дрожа от возможности, невысказанные эмоции вибрировали по всей их длине. Маркус прочитал бы нити лучше, чем она, но он, скорее, почувствовал бы ответ, чем увидел бы его перед собой в той сложной паутине, которая заполнила пространство между ними.

На самом деле, Сестра Сковородка обнаружила, что все марджал-чары не что иное, как сила Пути и управление нить-работой, но собранные вместе и превращенные в полезные инструменты. Точно таким же образом железо и дерево может быть превращены в различные приборы, которыми можно пользоваться намного эффективнее, чем бревнами и кусками железа, из которых их делают.

— Нона?

Нона поняла, что Маркус сказал что-то, что она пропустила. Она снова посмотрела на него.

— Ты меня сюда пригласила...

— Да. — Она подошла ближе, и он прижался плечами к стене, каждая нить наклонилась к ней, как наклоняется речной анемон, которого ты касаешься. — Мне нужна твоя помощь.

Маркус нахмурился:

— Я могу тебе помочь?

— Мне нужно сделать кое-что опасное и незаконное.

Маркус нахмурился еще сильнее:

— Почему ты мне доверяешь? Потому, что мы несколько недель ездили вместе в клетке, когда мне было десять, а тебе восемь? Два года спустя из-за меня тебя чуть не убили.

— Я действительно доверяю тебе. Ты спросил меня не о том, почему я думаю, что ты поможешь, но о том, почему я доверяю этой помощи. И еще потому, что ты не солгал о том, что произошло в Академии.

— Хорошо. — Он встретился с ней взглядом. — Зачем мне *помогать* тебе? Это опасно и противозаконно.

— Ты мне поможешь, потому что мы так и не вышли из клетки, в которую нас посадили. И еще потому, что твой Настоятель Джейкоб по-прежнему связан с именем Таксиса, как и его планы на будущее дальнейшее продвижение. Это поможет сделать так, чтобы этого никогда не произошло. Гесса рассказала мне, что случилось с Четыре-ноги, когда Гилдзон отвез тебя в дом Джейкоба.

— Мне кажется, ты считаешь меня слабаком, потому что я служу человеку, который сделал такое? Мне кажется, ты забила бы его до смерти. — Маркус даже не пытался скрыть смесь гнева и стыда, бурлящую в нем.

— Может быть, я и убила бы, но *ты* лучше меня. Я не горжусь своим характером.

Маркус скривил губы в двусмысленной улыбке:

— Значит, я тебе нужен и ты мне веришь. Для чего я тебе нужен и для чего ты веришь, что я не предаю тебя?

Нона оглянулась через плечо в темноту. Изнутри Калтесса нарастал рев толпы. Еще один бой подходит к концу, кровавому концу, без сомнения.

— Мне нужно проникнуть в собор Сент-Аллам и украсть кое-что из хранилища

запрещенных книг Первосвященника Невиса.

Три Года Назад

Спасение

В ЛУННОМ МРАКЕ на склоне Большого Перевала две дюжины граждан империи жались друг к другу, прячась от ветра. Рассвет откроет им несравненный вид на империю, раскинувшуюся на запад и марширующую меж льда к морю Марн.

Нона стояла вплотную к каменной стене, зажатая между Арой и Чайник. Ее нога болела в том месте, куда вонзился обрубок меча Йиштг, боль стреляла вверх и вниз, когда она перемещала свой вес, вся конечность заостенела.

Настоятельница Стекло собрала уцелевших в излучине, где складки скалы давали хоть какое-то укрытие. Среди них были мужчины и женщины, владевшие значительными участками Коридора, рожденные для привилегий и командования. Но здесь, в окровавленных бальных нарядах, с пламенем от дворца сестры императора, лижущем ночь позади них, они обратились за указаниями именно к Настоятельнице Стекло.

— Солдатам Шерзал потребуется некоторое время, чтобы обойти оползень Зоул, но они придут. И тогда им не потребуется много времени, чтобы предупредить гарнизоны и послать всадников по дороге в Истину. У нас нет никаких шансов добраться до столицы по платным дорогам.

— Нам и не нужна Истина, — сказал лорд Йотсис. — Мои владения ближе.

— Замок Йотсис неприступен, — сказала Ара, переводя взгляд с дяди на настоятельница.

Настоятельница Стекло покачала головой:

— Шерзал запрет нас где угодно, только не в столице. Возможно, она не настолько безумна, чтобы осадить ваш замок, милорд, но, скорее всего, окружит ваши владения, чтобы не дать известию дойти до императора. И, кроме того, боюсь, что ближе — недостаточно близко.

— Значит, мы сбежали только для того, чтобы нас поймали на дороге? — Одна сторона лица лорда Глосис распухла, превратившись в сплошной синяк, но у старухи все еще хватало энергии, чтобы быть темпераментной. — Неприемливо.

— Больше всего на свете Шерзал хочет именно корабль-сердце. — Настоятельница кивнула туда, где ждала Зоул, примерно в тридцати ярдах ближе к оползню, ее руки темнели вокруг светящейся фиолетовой сферы, которую она извлекла из Тетрагода. — Если мы дадим ей веские основания думать, что оно отправилось в другом направлении, у нее останется не так много солдат, чтобы преследовать нас. А, может быть, ни одного.

— А как, — спросила лорд Йотсис, — мы можем заставить ее подумать, что не взяли с собой корабль-сердце?

Настоятельница Стекло повернулась и уставилась на темные склоны, возвышающиеся над ними:

— Заставив ее подумать, что оно отправилось на юг, по направлению ко льду.

— Как мы можем заставить ее подумать, что его отправили на юг? — спросила лорд Глосис, опирающаяся на руку молодого родственника.

— На самом деле отправив его на юг, во льды, — сказала настоятельница. — Зоул возьмет его, и пусть солдаты Шерзал увидят сияние на склонах.

— Но это же безумие. — Лорд Йотсис выпрямилась во весь рост. — Вы не можете доверить такое сокровище единственной послушнице!

— Могу, поскольку эта единственная послушница каким-то образом украла это сокровище из сердца крепости ной-гуин, — ответила Настоятельница Стекло.

— Она будет не одна. — Нона захромала вперед.

Ара, прихрамывая, подошла к Ноне. Чайник положила руки им на плечи:

— В нашем состоянии мы будем тормозить даже настоятельница даже на дороге. Никто из нас не будет полезен Зоул, пытающейся обогнать солдат.

Чайник была права. Нона стиснула зубы от боли в бедре и отказалась признавать ее правоту.

Настоятельница приблизилась к ним, открытая ветру, который беспорядочно разбросал седые волосы по ее лицу:

— Корабль-сердце ной-гуин принадлежало племени марджал. Говорят, что в руках целителя-марджала оно может залечить любую рану, но может и навредить.

— Ну, а я не хочу к нему подходить. — Нона вздрогнула. Она знала, какой вред может принести корабль-сердце. Оно выжало дьявола даже из Зоул, самого уравновешенного человека, которого Нона когда-либо встречала. — И у нас нет целителя-марджала.

— У нас есть Зоул, — сказала настоятельница и, повысив голос, подозвала лед-девушку. — Зоул, пора показать нам, чему тебя учила Сестра Роза.

Зоул скорее поманила их, чем приблизилась и принесла с собой ужасное давление корабль-сердца. Нона сделала несколько неуверенных шагов по направлению к девушке, Ара-за ней, потом Чайник, все они хромали, послушница — из-за раны от стрелы в икре, монахиня — из-за ножевой раны в бедре.

— Мы не должны этого делать, настоятельница. — Нона оглянулась. — Корабль-сердце Сладкого Милосердия сотворило ужасные вещи с Йишт.

— И все же Зоул осталась невредимой. — Настоятельница и остальные теперь казались черными силуэтами, лишь края которых кое-где вырисовывались в темно-фиолетовом свете корабль-сердца.

Но Зоул *не* осталась невредимой...

— Найдите свою безмятежность. — Голос Зоул пронесся через ночь. — Безмятежность сохранит вас.

Нона не чувствовала в себе безмятежность. Ей было страшно и больно, но она попыталась войти в транс, прокручивая в голове строки старой песни, представляя, как медленно опускается луна и дети ее деревни поют вокруг костра. И с падением луны на нее опустилось покрывало безмятежности. Мир остался снаружи, боль не исчезла, но больше ей не принадлежала, боль стала диковинкой, объектом для изучения.

Зоул протянула к ним корабль-сердце — сферу размером с детскую голову, лежащую на обеих ладонях, темно-фиолетовую, почти черную, но каким-то образом светящуюся фиолетовым светом, который, казалось, уходил за пределы видимости. Нона двинулась вперед. Она почувствовала давление этой штуки, словно упала в глубокую воду. Она и раньше погружалась в черные глубины провала Стеклянная Вода, и это было не менее страшно. Потребность дышать нарастала в ней, угрожая ее безмятежности, прежде чем, с трудом вздохнув, она вспомнила, что нет причин не дышать.

Когда между ними остался всего лишь ярд, кожу Ноны начало покалывать, затем кожа загорелась, как будто дьяволы уже были там, просто ожидая, когда их истинные цвета станут известны. Нона и раньше делила свою кожу с дьяволом, Кеотом, не своим собственным творением, а тем, который заразил ее, когда она убила Раймела Таксиса. Камни вокруг трупа мужчины были покрыты темно-красными пятнами.

— Держись. — Зоул прошла оставшееся расстояние, которое ноги Ноны не пожелали пересекать. Зоул видела старого дьявола Ноны и сохранила тайну. Зоул сказала, что на льду их называют *клаулату*. Куски Пропавших.

Без предисловий Зоул прижала шар к ране на колене Ноны. Нона ожидала, что ее плоть зашипит, кровь в жилах закипит, как вода в трубах Сладкого Милосердия, но вместо этого ледяные пальцы обхватили кости и черно-фиолетовый свет украл зрение. На мгновение она увидела странные силуэты спиц на фоне фиолетового неба, следующий удар ее сердца унес их, словно сильный ветер. Перед ней открылся Путь; не узкая и предательская линия, с которой нужно было бороться, а широкая и сверкающая равнина, настолько обширная, что направления не было, открылось место, по которому можно было бродить, упиваясь силой, до конца дней. В голове Ноны зазвучали голоса, все ее, но говорящие из разных мест, некоторые яростные, некоторые ревнивые, некоторые шепчущие тайные страхи или желания, сначала как лепет, но, постепенно, каждый обретал свою индивидуальность, становясь яснее и отчетливее.

— Готово. — Зоул оттолкнула Нону, толкнув ее ладонью в грудь.

Нона пошатнулась, и только Ара с Чайник удержали ее от падения. Свет сердца отражался на их лицах, делая их обоих чем-то чужеродным.

— С тобой все в порядке? — спросила Чайник.

— Я... — Нона выпрямилась и топнула ногой. Та все еще болела, но плоть была целой, белая линия шрама отмечала проход клинка Йишт. — Да. — Голоса, наполнявшие ее сознание, снова смешались, исчезая в тенях.

— Иди. — Чайник отослала Нону обратно к настоятельнице и остальным членам группы, да еще легонько подтолкнула плечом, чтобы она шла.

К тому времени, как Нона добралась до развалин кареты, в которой они бежали из дворца, она снова стала спокойной, ее безмятежность не пострадала.

— Как ты себя чувствуешь? — Настоятельница пристально и тревожно смотрела в глаза Ноне.

— Не знаю, — ответила Нона. — Устала. Но полна энергии. Если в этом есть смысл. — Она снова посмотрела на свою ногу, на шрам, видневшийся сквозь рваную сорочку. Холод больше не касался ее. — Я не знаю, как Зоул может это выносить. — Часть ее хотела рассказать настоятельнице о дьяволе, которого она видела на запястье Зоул, когда та впервые появилась с корабль-сердцем. Она подавила этот порыв. Она жила с Кеотом много лет, и Зоул не донесла на нее. Зоул придется самой справляться со своими демонами. Настоятельница, вероятно, не смогла бы помочь в любом случае. А вот инквизиторы захотят выжечь дьявола из Зоул.

Настоятельница Стекло взяла Нону за руку и повела ее обратно к основной группе:

— Ты поправилась? Теперь ты сможешь пройти пешком достаточно большое расстояние?

— Я могу его пробежать! — Ара догнала их, ее золотые волосы стояли вокруг головы, словно начесанные, бросая вызов ветру. В ее глазах было что-то дикое. Их взгляды

встретились, и на лицах появилась улыбка — общее понимание и что-то более сложное, чего, возможно, никто из них не понимал. Ноне хотелось бежать вместе с ней, погнаться за ней. Хотелось быть рядом с подругой.

Все трое обернулись и увидели силуэт Чайник на фоне свечения корабельного сердца, Зоул, стоя на одном колене, прикладывала сердце к внутренней стороне бедра монахини. Через мгновение Чайник с криком отпрянула. Она торопливо пошла по дороге, не оглядываясь. Она двигалась быстро, хотя все еще слегка прихрамывала.

— Сестра Чайник? — Настоятельница шагнула вперед, чтобы встретиться с ней.

— Мама... — Широко раскрытые глаза Чайник искали настоятельницу, как будто она ослепла.

— Здесь. — Настоятельница Стекло взяла руки монахини. — Ты в безопасности.

Нона приподняла брови от чудовищности этой лжи, но ничего не сказала.

— Я больше не могу быть рядом с ним. Не могу. — Чайник бросила быстрый взгляд через плечо, как будто Зоул могла приближаться с корабль-сердцем.

— Все в порядке, сестра. — Настоятельница повела их дальше. — Мне нужно, чтобы ты защищала нас, когда мы отправимся на запад. Даже если все силы Шерзал последуют за корабль-сердцем ко льду, имперским дороги больше не являются безопасным местом. А неохраняемые лорды Сис, вероятно, станут заманчивой добычей для любых бандитов, мимо которых мы можем пройти.

— Но Зоул...

— У Зоул будет свой Щит.

Святой Класс

Настоящее Время

ОСТАВИВ МАРКУСА В Калтессе, Нона отправилась к городским воротам. Она почти бегом преодолела пять миль от стен Истины до подножия Скалы Веры. Жжение мышц и горячая дрожь крови боролись с холодом ночного ветра.

Сомнение преследовало ее по пятам, каждую милю и каждый ярд. Голоса ее подозрений были почти такими же реальными, почти такими же бестелесными, как голос Кеота, когда он жил под ее кожей. *Будет ли он правдив? Можно ли ему доверять?* На эти вопросы у Ноны не было ответа, только ощущение внутри. *Клера предала тебя, шептали голоса, а ведь она была подругой.*

— Она меня спасла. — Тяжело вдыхая между выдохами, Нона ускорила шаг, пытаясь обогнать сомнения.

Она покачала головой, пот полетел по ветру. Она должна стать монахиней, выбрать из предложенных ей специализаций. Лишь горстка последних испытаний стоит между ней и обетами. Она должна поставить свою жизнь на фундамент веры. Веры в то, что ветви древа Предка удержат ее, и что эти ветви унесут все человечество в будущее менее мрачное, чем они боялись. Если монахиня не может иметь веры, то кто может? Узы дружбы всегда держали ее крепче, чем узы крови. Маркус ехал с ней в клетке, и этой связи будет достаточно. Она верила, что так и будет. Кроме того, у нее был запасной план. Заставив себя оторваться от этих мыслей, она побежала еще быстрее, пока любой, кого она могла бы встретить на дороге в ту ночь, не остановился бы в изумлении и не посмотрел бы, как она летит.

Наконец она остановилась, тяжело дыша. Над ней возвышалось основание огромного известнякового утеса. Из южных окон Зала Меча открывался вид на город и лед, лежавший в двадцати милях от них и мерцавший красным под луной. Теперь стены льда были ближе чем тогда, когда Настоятельница Стекло впервые привела Нону в монастырь. С севера и юга лед сжимался, и все народы Коридора истекали кровью.

Начало Пути Безмятежности лежало совсем рядом, всего в нескольких минутах ходьбы вокруг Скалы, но в последнее время Колесо стала наблюдать за ним. Старуха целыми ночами сидела в самом узком месте, закутавшись в большое одеяло, и смотрела в ночь слезящимися глазами, жаждая поймать какую-нибудь сбившуюся с пути послушницу. Было неясно, почему она просто не проверяла dormitorio, но Рули заявила, что при предыдущей настоятельнице — после невыясненного «инцидента» — Колесо заставили поклясться, что она никогда не войдет в здание. При этом Рули добавила, что была убита послушница, но, когда на нее надавили, призналась, что выдумала эту часть.

Нона вытянула шею и вверх, посмотрела на темный каменный участок. То тут, то там лунный свет выхватывал линию там, где та цеплялась за край скалы. Она глубоко вздохнула, взмахнула руками и начала карабкаться. Она лезла по старой линии разлома, вонзая концы кожаных ботинок в трещину и протягивая руку за опорой для пальцев. Ее дефект-клинки сделали бы подъем более быстрым и простым, но Нона знала, как опасно слишком

полагаться на то, что может быть не всегда. Кроме того, узор правильных щелей, вбитых в скалу, может быть однажды замечен, и будет трудно отрицать ее собственную подпись.

Когда она забралась уже достаточно высоко, суставы Ноны на руках и ногах начали громко жаловаться. Руки и так уже болели от бесконечных ударов по Денаму. Однако, ей придала сил мысль о том, что в конце концов он упал. Долгие годы она хотела сразиться с ним. Она могла бы сказать, что это для того, чтобы сбить с него спесь и наказать за хулиганство, или что это была плата за его попытку сломать ей шею на ринге по указанию Раймела Таксиса. Правда, однако, была чем-то менее похвальным и состояла из двух частей, и обе теперь проникли в ее сознание, как часто делают правды, если в голове нет ничего, кроме требований тяжелой работы.

Нона сражалась с Денамом, потому что даже с уходом Кеота в ней горела жажда насилия, и, если ее не кормить слишком долго, она могла вспыхнуть и превратиться в опасный пожар. Многие из того, в чем она обвиняла дьявола Раймела, оказалось коренной частью того человека, которым она стала. Денам представлял собой редкий экземпляр человека, которого она могла бить снова и снова, не опасаясь убить и не испытывая угрызений совести из-за причиненной боли.

Другой причиной для состязания были Маркус и Регол. Она попросила Маркуса нарушить священный закон. Она обязана показать ему, ради кого он нарушает эти правила. И Регол... Реголу тоже нужно было это увидеть. Регол, который говорил глупости в подушки, когда она присоединилась к нему под крышей, под которую Партнис Рив упрятал его. Регол, который считал ее чем-то драгоценным, таким же святым, как клятвы, которые она нарушила. Ему нужно было увидеть, что на самом деле скрывается за глазами, в которых он, как сам утверждал, теряется. Что-то остроугольное и злобное, совсем не та принцесса, какой он, иногда, себе ее представлял. Нона знала, что лучше не позволять ему строить свои надежды на лжи. Регол удовлетворил потребность, как и Денам, один на ринге, другой в мехах. Она и Регол были друзьями, чьи тела приятны друг другу. Она не могла позволить другу строить свои надежды на таком ущербном фундаменте, как она. Она не спасла ни Сайду, ни Гессу, ни Дарлу. Даже в качестве мстительницы она потерпела неудачу. Шерзал, архитектор, стоявший за столькими смертями, все еще ходит по миру, как и другие, кто служит ее воле.

Нона перевалилась через край утеса и легла на спину на холодный камень, всего в нескольких дюймах от пропасти. Руки дрожали, тело испытывало глубокое изнеможение от продолжительного жестокого обращения, но в голове все еще крутились образы из темноты, один за другим. Гнев Денама, удивление Регола, осторожность Маркуса, сотни других сцен, нарисованных нитями памяти.

Через некоторое время она перекатилась на бок и заставила себя встать. Она обошла дальний конец Зала Меча, проскользнув по периметру двора перед Залом Сердца. Двигаясь между лунными тенями, она обходила здания, ставя каждую ногу с осторожностью человека, рожденного в Серости.

— Послушница Нона. — Тихий голос за ее плечом. — От тебя пахнет мужским потом.

Нона обернулась, не видя никого в темноте позади себя:

— А ты пахнешь яблоками, сестра. Одним рыжим Яблоком, если быть более точным.

— Тогда наши грехи равны. — Тени сползли с Сестры Чайник, и она шагнула вперед с полуулыбкой.

— Возможно, — усмехнулась Нона. — Но я заработала свой перед аудиторией...

— Ну, это что-то новенькое. — Глаза и улыбка Чайник стали шире.

— На ринге Калтесса.

— Никакого Регола сегодня ночью? — Чайник нахмурилась.

— От этой одежды мне придется отказаться, — сказала Нона. — Я должна оставить вот это. — Она хлопнула себя по плащу. — Скоро я приму монашеские обеты. Если они не значат для меня больше, чем обещания, которые дают послушницы, то я не должна их произносить.

— Есть и другие способы служить. — Чайник поджала губы. — Тебе не обязательно оставаться. И не обязательно быть совершенной. Но... ты должна идти в кровать. — Она ткнула пальцем в сторону дормиторийев.

— Кровать звучит неплохо, — кивнула Нона. — Ванна бы тоже не помешала. Но я, наверное, засну и утону. — Она пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

— Берегись Джоэли. — Шепот в спину.

Нона подошла к дормиториям. Она осмотрела главную дверь, прежде чем открыть ее и войти в холл. Сонная послушница вышла из Красного дорма с фонарем в руке и, не поднимая глаз, прошла мимо нее, направляясь к Необходимости. Нона двинулась дальше, поднимаясь по лестнице на Священный этаж в верхней части здания.

Она изучила дверь в свой дорм более внимательно, чем главную. Расфокусировав зрение, она заметила светящуюся нить, лежащую на полу прямо перед дверью, еще одна петлей обвивала ручку, обе отклонялись под странными углами к миру. Нить-ловушки, скорее всего, предназначенные для того, чтобы предупреждать Джоэли о ее приходах и уходах, но за ними могло скрываться нечто большее. Некоторые нити могут тебя порезать, другие могут просто причинить такую же боль, как если бы они порезали, третьи могут нанести более сложный урон или прилипнуть и тянуться за тобой, обеспечивая информацией всех, кто держит их ближе к тому месту, где они соединяются с Путем. Сколько из этих трюков освоила Джоэли, Нона не могла сказать, за исключением того, что она, определенно, использовала нить-ловушки и боль-нити в прошлом. Собственные навыки Ноны все еще отставали, но уже не так сильно, как раньше.

Нона убрала нити, временно выведя их из материального мира. Они скоро вернуться и покажутся нетронутыми. Она увидела третью нить, как только потянулась к дверной ручке, тонкую, как паутинка, ставшую ядовито-зеленой, когда она сфокусировала ее. Что-то новое и недружелюбное. К счастью, нить тоже поддалась, когда она попыталась убрать ее со своего пути, хотя и обожгла кончики пальцев, прежде чем исчезнуть.

Мгновением позже Нона вошла в дорм. Почти половина верхнего этажа была отведена под комнаты для индивидуальной учебы. Послушницы Святого Класа спали в длинном зале, не намного больше того, который был отведен послушницам Красного. Девушкам еще не доверяли уединение монашеской кельи, но кодекс класса предписывал не обращать внимания на неосторожности друг друга, и у Колесо, несомненно, случился бы апоплексический удар, если бы она увидела события обычного вечера.

Нона молча двинулась вдоль ряда кроватей, ее взгляд несколько раз возвращался к длинным изгибам под одеялами Джоэли. Настоятельница была вынуждена согласиться на возвращение девушки годом ранее в рамках усилий императора по примирению и единству после событий во дворце Шерзал. Лорд Намсис обеспечил возвращение своей дочери, заставив ее подвергнуться допросу инквизиции. Вопроситель был вооружен одной из маленьких горьких таблеток правды Сестры Яблоко. К удивлению всех, кто ее знал, даже с

черным языком Джоэли утверждала о своей невинности. Она использовала свою нить-работу против Дарлы и Регола только для того, чтобы напугать их и заставить отступить, надеясь таким образом положить конец кровопролитию.

Нона скользнула в постель, все еще наблюдая за Джоэли в тусклом свете ночного фонаря. Сама она считала, что Намсис заплатил человеку из Академии, кванталу нить-работнику, чтобы тот взял на себя деликатную задачу по изменению воспоминаний Джоэли. Так что теперь девушка поверила в свою собственную историю и не солгала, хотя то, что она сказала, было неправдой.

В тепле своих одеял Нона выпустила задержанное дыхание и сдалась изнеможению. Следующий день будет долгим. Она должна пройти последнее Меч-испытание и, вдобавок, украсть у настоятельницы монастырскую печать. Ни одна из этих задач не будет легкой.

Три года назад

Спасение

— НОНА НЕ ПОЙДЕТ одна!

— Верно, она не пойдет одна. Она пойдет с Зоул. — Настоятельница оторвалась от кратких советов Ноне и положила руку на плечо Ары: — Нам предстоит долгий путь, послушница, и нам предстоит защищать подданных императора, включая многих его самых могущественных сторонников, в том числе твоего собственного дядю. Неужели ты оставишь нас с одинокой Серой Сестрой и единственным стражником Инквизиции для защиты? Скорее всего, нам понадобится кто-то, кто сможет призвать силу Пути...

Нона заметила страдание на лице Ары и попыталась ее успокоить:

— Мы должны вернуть в Сладкое Милосердие две вещи, чтобы все стало как раньше. Мы с Зоул принесем корабль-сердце. Ты приведешь настоятельница.

— Но... — Ара взглянула на изгиб дороги в сторону Зоул, окрашенную в фиолетовый свет на фоне темноты. — Шерзал пошлет за вами целую армию!

— Когда мы доберемся до льда, армия уже ничего не будет значить, — сказала Нона.

— Потому что лед убьет вас! — Ара, с выражением страдания на лице, стряхнула со своего плеча руку настоятельница.

— Зоул выросла на льду. — Нона улыбнулась. — Там, на равнине, вы будете в бóльшей опасности, чем мы.

— Кроме того, — вставила Настоятельница Стекло, — если Шерзал не вернет корабль-сердце, то ее союз со Скифроулом наверняка будет разорван в клочья. И, вероятно, на нее набросятся ной-гуин. Как только Шерзал поймет, что надежды на возвращение сердца нет, ей будет разумно отозвать свои силы, чтобы защитить Великий Перевал от орд бой-королевы. Так, конечно, поступил бы любой здравомыслящий человек. Я считаю, что, если вы доберетесь до льда, она не осмелится рисковать и продолжать преследование сколь угодно значительным отрядом.

НЕ БЫЛО НИКАКИХ приготовлений, никаких пайков и снаряжения, которые нужно было бы распределить, ничего, кроме одежды. Нона стояла наготове, завернувшись в пальто Чайник. Она вооружилась мечом ной-гуин, ножом и восемнадцатью метательными звездами.

Чайник обняла ее:

— Это объятие, Нона, а не пауки, бегущие по твоей спине. Расслабься.

Нона попыталась расслабиться и улыбнуться:

— Отведи настоятельница домой.

Затем Нону обняла Ара, ее скорость хунска не позволила подруге сбежать.

— Вернись к нам, — прошептала она Ноне на ухо. — Ко мне. — Она втиснула в руку Ноны несколько монет. — Это может помочь.

Чайник и Ара отступили, оставив Регола стоять перед ней; ринг-боец выглядел почти взволнованным.

— Поосторожнее на льду. — Его прежняя улыбка скрывала любую неуверенность.

— Я должна следить за хулами и лед-медведями?

— Если хочешь. Я просто хотел сказать, что там скользко. — Он повернулся, чтобы уйти. — И ты должна навестить нас, в Калтессе, когда вернешься. — Он отошел, чтобы присоединиться к группе. — Я знаю, Денам скучает по тебе.

Нона смотрела за тем, как Настоятельница Стекло, поддерживаемая сбоку стражем инквизиции, Мелкиром, направилась вниз к главной дороге и длинному спуску с гор. Ара замыкала колонну, Регол шел рядом. Нона на мгновение почувствовала ревность. Днем раньше она обвинила бы в этом Кеота. Она повернулась к Зоул, стоявшей дальше по тропе. Вдали пламя из дворца Шерзал освещало склоны, но казалось менее сильным, чем раньше.

— Пора уходить, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь: теперь, когда она потеряла своего дьявола, ей не хватало как слушателя для мимолетных мыслей, так и козла отпущения для недостойных эмоций. Вершины маячили где-то над ней в темноте, впереди ждало трудное путешествие в компании одной Зоул.

— Не отставай. — Зоул пошла вперед, не отрывая взгляда от расколотого камня.

— Постараюсь не упасть ни в какую сторону. — Нона судорожно вздохнула и заставила себя идти вверх.

Пальто Чайник притупляло зубы ветра. Другая теплая одежда была взята у двух гостей, которые забрались в карету, но не выбрались оттуда из-за стрел солдат Шерзал. На ней была обувь мертвой женщины, плохо сидящая, но все же лучше, чем босые ноги на ледяной скале. Там, на дороге, Нона считала себя хорошо укутанной. На склонах, несмотря на усердный подъем, она обнаружила, что дрожит каждый раз, когда они отдыхали.

Нона держалась на расстоянии не менее двух-трех ярдов от Зоул. Если она подходила ближе, ритм корабль-сердца начинал вибрировать в костях и каждая мысль угрожала превратиться в свое собственное существо, которое затем грубо пробежало бы через ее разум. Еще немного ближе — и она потеряет свет.

Сияние корабельного сердца служило как для того, чтобы привлечь любого преследователя, так и для того, чтобы осветить продвижение девушек по склону горы. Нона быстро научилась понимать путаницу черных, как ночь, теней и тусклых фиолетовых поверхностей, которые открывал странный фонарь Зоул. Гравитация и камни дают суровое, но быстрое образование.

Продвижение по диким склонам Грэмпейнов оказалось тревожно медленным. У Ноны не было опыта походов в горах, а у Зоул — немного больше. Лед был, как она сказала, в основном плоским. Первым потрясением было осознание того, как быстро резкий подъем может лишить тебя сил. Нона знала, что находится в хорошей форме, но через полчаса ее дыхание стало прерывистым, а только что зажившая нога заболела почти так же сильно, как и тогда, когда рана была открыта. Сила и холод ветра тоже стали неприятным откровением. Грэмпейны заставили бурю подниматься синхронно с послушницами, и ветер, казалось, был недоволен этой задачей: сбросить на равнины любое тепло, которое они могли бы удержать; похоже, он хотел облегчить бремя. Скалы над ними блестели от инея, и в каждой расщелине скапливался лед.

— Они догоняют. — Оглянувшись, Нона увидела змею светлячков, извивающуюся вдоль гребня, на который она недавно взобралась. Расстояние уменьшало каждый фонарь в погоне до светящейся точки. Медленно, но верно они нагоняли Нону и Зоул. Солдаты, преследовавшие их, знали эти склоны и регулярно патрулировали их. Преимущество было за

ними. — Уже близко.

Зоул хмыкнула.

— Мы не сможем обогнать их. — Ноне казалось, что она скулит, но, на самом деле, она была замерзшей и измученной. И еще боялась невидимых пропастей за этими зазубренные краями, которые виднелись с обеих сторон в фиолетовом свете сердца. Невидимые бездны внушали куда больше страха, чем пустые ярды под меч-путем. — Зоул!

Зоул остановилась, но не обернулась:

— Мы не пытаемся убежать от них.

— Тогда что? — Нона нахмурилась.

— Я ищу лучшее место, чтобы убить их.

— Убить... — Нона повернулась лицом к преследователям. — Но ведь их сотни...

— Сотни людей настолько глупых, чтобы последовать вверх за тем, кто уже показал им оползень.

Нона наблюдала за мерцающими точками света, их приближение было почти незаметным. Теплая рука держала каждый из этих фонарей, другие солдаты карабкались между ними.

— Разве мы не можем вместо этого спрятаться? — Убивать было легко, когда враг поднимал оружие против нее, но лишить жизни столько солдат империи, подчиняющихся приказам своего командира... это казалось неправильным. Она представила себе лицо Зоул, когда та впервые выбралась на дорогу, освещенную снизу светом сердца, — тогда игра теней придавала ее облику что-то демоническое. Неужели теперь ею владеют дьяволы? Неужели их когти сомкнулись вокруг ее сердца?

Зоул повернулась, и свет залил плечи Ноны, давление стало больше, почти физический толчок:

— Спрятаться в скале труднее, чем обрушить ее на них. И, если мы спрячемся, то не сможем путешествовать. Они окружают нас. Среди них будут ной-гуин, и, конечно, некоторые из ассасинов чувствуют близость корабль-сердца, как и мы с тобой. Мы не сможем долго прятаться.

Нона обхватила себя руками и ничего не сказала. Ответить было нечего. На этот раз Зоул сказала все.

Над вершинами забрезжил рассвет, серая волна разлила бледный свет по склонам. Черная змея, чья голова теперь находилась всего в нескольких сотнях ярдов позади них, начала распадаться на отдельные фигуры.

Зоул стала взбираться на скалу, склон которой выглядел настолько вертикальным, что слово «отвесный» казалось вполне разумным. Нона внимательно оглядела гладкий камень, но так и не поняла, как на него можно взобраться. Тем не менее Избранная неумолимо продвигалась вперед, корабль-сердце теперь лежало в рюкзаке, его свет больше не требовался.

— Как?.. — Нона пожала плечами, собралась с силами и двинулась следом, вонзая в скалу дефект-клинки.

То тут, то там, взбираясь по склону, Нона замечала участки, где поверхность скалы выглядела по-другому, камень пошел рябью, словно подтаявшее масло, ставшее твердым прежде, чем успело растечься. Зоул выкапывала себе опоры для рук и разрешала им снова сливаться с камнем, когда двигалась дальше. Это выиграет им время. Солдатам придется искать настоящего альпиниста, который спустит им веревку, или же выбрать более длинный

путь.

После шестидесяти или семидесяти ярдов подъема Нона присоединилась к Зоул на карнизе из расколотого камня, которым заканчивался подъем, над ними возвышался еще один утес. Она забралась на плоское пространство между двумя склонами и лежала, не чувствуя тела, глубоко втягивая воздух в ноющую грудь. Клера стала бы ныть: «Понеси меня». Эта мысль заставила Нону закашляться в болезненном смехе.

— С тобой все в порядке? — Зоул нахмурилась, глядя на нее с насеста в нескольких ярдах дальше по карнизу.

Нона перекатилась на живот:

— Нет.

Внизу, у подножия утеса, появились первые солдаты и начали ломать голову над тем, как их добыча взобралась на него.

— И что теперь? — спросила Нона.

— Мы ждем.

Нона не стала спорить. Она лежала, как мертвая, пока холод камня не заставил ее сесть, прижавшись к утесу в поисках хоть какого-нибудь укрытия. В семидесяти ярдах внизу солдаты собирались, пока не кончилось свободное пространство. За ними тянулась очередь, и они начали спорить, достаточно громко, чтобы отрывки их разговора доносились до послушниц.

— Они там больше не поместятся, — сказала Нона. — Ты должна делать то, что собиралась.

— Ждем.

— Кого?

— Предводителей. И ной-гуин.

— А как ты узнаешь, когда они появятся здесь? — Нона прищурилась, глядя на головы в шлемах далеко внизу.

— Те, кто начнут подниматься, — ной-гуин. Чтобы увидеть офицеров, смотри туда, куда смотрят солдаты.

— Там! — Нона указала туда, где один солдат, ничем не отличавшийся от остальных, начал взбираться на неприступную скалу. — И там. — Еще двое начали подниматься чуть дальше.

— Мы никогда не бываем более беззащитны, чем когда охотимся, — сказала Зоул.

— Это то, что говорят на льду? — Нона фыркнула. — Мудрость племен? — На горе могло быть полтысячи солдат, и все они выглядели далеко не беззащитными.

— Это сказала Настоятельница Стекло. — Зоул сбросила рюкзак. Она вытащила корабль-сердце, держа его в одной руке. Оно выглядело слишком большим для того, лед-девушка могла надежно удерживать его. — Держись покрепче. — Она озвучила мысль Ноны.

Зоул взмахнула рукой над головой и ударила корабль-сердцем по склону скалы прямо под собой. Удар был странным, ни один осколок камня не отлетел, не было большого грохота, только глубокая дрожь, которая, казалось, распространилась по горе. Нона почувствовала ее спиной, там, где она прижималась к камню. Все трое альпинистов замерли. Прошло мгновение. Другое. Затем толчок, от которого Нона полетела к обрыву. Казалось, вся гора содрогнулась. Только рефлекс хунска в сочетании с пронзившими камень дефект-клинками спасли ее от падения.

Все, что находилось под двумя послушницами, за исключением верхней дюжины футов

скалы, оторвалось и начало падать, вниз полетела огромная каменная занавеска, которая ломалась, когда скользила по оставшимся неподвижными более глубоким частям горы. Сцена внизу исчезла под поднявшимся облаком пыли.

Зоул встала и вернула корабль-сердце в рюкзак.

— Следуй за мной. — Она пошла по карнизу.

— Если мы продолжим подниматься, то сможем избавиться от выживших, — сказала Нона, все еще с ужасом глядя на пыль.

— Мы не хотим от них избавиться, — отозвалась Зоул, не оборачиваясь. — Мы хотим, чтобы они нас не поймали.

Нона помедлила еще мгновение, а затем поспешила за лед-девушкой, прежде ту скрыла поднятая ветром пыль. Она не чувствовала себя щитом или вообще чем-то полезным. Запасной багаж, в лучшем случае. Голова у нее кружилась от постоянного давления корабль-сердца, мысли были неорганизованными и медленными.

Зоул повела их обратно на север, а затем начала взбираться на ведущий на юг гребень. Она остановилась там, где скальный шпиль давал некоторое укрытие от ветра, и чудесным образом добыла пищу и воду.

— Как?.. — Нона взяла полоску сушеного мяса и почти полный мех с водой.

— Я приготовилась к путешествию. — Зоул запихнула в рот полоску почерневшей говядины и принялась методично жевать.

— Ты пришла за мной, — сказала Нона. После столь долгого выживания в камере на помоях, кожистое мясо, казалось, взорвалось вкусом и затопило рот.

— Я последовала за Сестрой Чайник, — проговорила Зоул, стараясь не отставать от ритма своих челюстей.

— Но ты же знала, что она ищет меня.

— Да.

— Почему ты пришла? — Ноне хотелось услышать это из рта Зоул.

— Ты — Щит. Мне нужна твоя защита. — Если лед-девушка и издевалась над ней, то это было незаметно.

— Ты же не веришь в эту чушь. Это все выдуманно. — Нона заставила себя не пить слишком много из кожаного меха.

— Все, что когда-либо говорилось, было выдуманно. Предок, Надежда, все маленькие зеленые боги Коридора, которые умрут, когда лед сомкнется.

Нона вытерла рот:

— И на льду. Разве вы не делаете богов из ветра?

Зоул пожала плечами:

— Некоторые делают.

— А вы рассказываете истории о будущем.

— Возможно. У нас есть пророчество о черноглазой богине, которая спасет нас всех, и о четыре-кровке, ребенке льда, чья работа — привести ее домой. — Едва заметная улыбка тронула уголки губ Зоул. Она встала и взвалила на плечо рюкзак: — Пора идти.

— Вверх? — У Ноны упало сердце.

— Вверх, — кивнула Зоул. — Они попытаются опередить нас. Ной-гуин попытаются напасть на нас сразу с нескольких сторон.

— А ты не можешь просто бросить камни им на головы?

— Это... утомительно. — Зоул потеряла запястье в том месте, где Нона видела дьявола.

— Будет лучше, если мы не будем выяснять, могу я или нет.

Это было правдой. Впервые за все время Нона увидела на лице Зоул морщины усталости. Неожиданность поразила ее. До того, как Зоул начала творить чудеса, она никогда не казалась Ноне обычным человеком.

Святой Класс

Настоящее Время

НОНА ПОДНЯЛАСЬ ВМЕСТЕ с колоколом, скатилась с кровати и поспешила натянуть на себя одежду, не обращая внимания на происходившее вокруг в комнате. Остальные послушницы все еще одевались, когда она уходила, Рули только-только высунула голову из-под одеяла по настоянию Джулы, ее волосы образовали колтун невероятного размера.

— Удачи тебе сегодня! — Алата, сверкнув улыбкой, продолжила заплетать волосы Лины в длинную красную косу.

Нона остановилась только для того, чтобы проверить дверной проем на наличие вредоносных нитей, а затем спустилась по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки. Она первой вошла в трапезную и потянулась за хлебом, едва просунув ноги по стол Святого Класса. К тому времени, как к ней присоединилась Кетти, Нона уже во второй раз навалила себе на тарелку целую гору бекона и теперь целеустремленно ее атаковала.

— Я не смогу есть. Только не с последним Мечом передо мной. — Кетти начала накладывать себе яйца.

Нона хмыкнула с набитым ртом. Еда в Сладком Милосердии была не такой обильной и разнообразной, как в то время, когда она приехала сюда голодным ребенком. Дарн удерживал большую часть побережья Марна, а Скифроул пересек Грэмпейны. Оба наступления были медленными, но, казалось, столь же неумолимыми, как лед, так что хорошая и обильная еда не была чем-то гарантированным, даже в пределах видимости столичной стены.

— Ешь, пока можешь. — Нона потянулась за водой. Ей было почти жаль, что она оказалась не в состоянии собрать в своем теле какие-либо резервы. Ее первую будет терзать голод, в то время, как кто-то вроде Сестры Роза сможет потерять половину своего веса и все-равно выжить. Но даже в этом случае она не собиралась сдаваться.

— Удачи тебе сегодня! — Джула села напротив и стала изучать различные дымящиеся миски, выстроившиеся вдоль центра стола. Она всегда тратила минут пять на тщательное обдумывание своих возможностей. Сегодня она выбрала кашу.

— Вот. — Кетти наклонилась вперед и подтолкнула миску с кашей к Джуле.

— Я подумала, что сегодня попробую что-нибудь другое. — Джула задумалась, глядя на грибы.

Кетти и Нона обменялись быстрым взглядом: *«нет, не попробуешь»*.

Джоэли уселась в дальнем конце стола, ее волосы блестели, как будто солнце пробилось сквозь облака только для нее. Почему-то ее ряса выглядела так, как будто была сшита на заказ в соответствии с ее личными потребностями, как и любое бальное платье.

— Последний Меч! Нона, ты вся порозовела от возбуждения. — Она широко улыбнулась. — Молись Предку, чтобы он был хорошим.

Они все проигнорировали ее. С тех пор как она вернулась, Джоэли была безжалостно мила, как будто они все были лучшими друзьями. Нона почти могла себе представить, как академик лорда Намсиса изменяет воспоминания Джоэли о событиях во дворце Шерзал и

той части, которая касалась ее саму. Нить-ловушки, разбросанные по монастырю, выдавали ложь всех этих милых улыбок.

Генна подошла к столу, капли дождя играли на ее тугих кудрях:

— Доброй уд...

— Дело не в удаче! — Нона сдержала рык и заставила себя понизить голос. — Спасибо. Я постараюсь хорошо показать себя. — Она пожалела, что вообще кому-то сказала, что назначена дата последнего испытания. Она изобразила улыбку, отодвинула стул от стола и встала, чтобы уйти, чувствуя, как напряглись ее конечности. Сегодня она встретится с Госпожой Меч без доспехов, с мечом в руке, и ее выступление решит, сможет ли она принять Красное.

Ливень встретил ее на выходе из трапезной. Она, наклонив голову, побежала к Залу Меча, ворвалась в главный вход и остановилась в фойе, обливаясь потом. Ара ждала в тени у дверей, держа в каждой руке по тренировочному мечу.

— Я подумала, что тебе может понадобиться помощь, чтобы согреться. — Она протянула один меч рукоятью вперед.

— Спасибо. — Нона сбросила башмаки и двинулась по песку к раздевалке, огибая место, обозначенное для предстоящего испытания.

Она вернулась немного позже, одетая в белую одежду для урока, такую же, как у Ары. Вдвоем они начали кату меча бок о бок, сначала медленная версия, нанизывая вместе все основные движения формы таким образом, чтобы постепенно согреть и растягивать мышцы. Нона наблюдала, как Ара двигается, создавая свои собственные формы. Хотя Нона знала, что ее собственная ката соответствует строгим стандартам Сестры Сало, красота движений Ары заставляла сердце болеть.

— Все будет в порядке. — Ара усмехнулась, ее дыхание участилось после двойного ката.

Они скрестили клинки. Обычно обе носили тяжелую меч-форму с проволочной маской на лице. Сегодня все будет не так, как обычно. У Ноны не было никаких реальных опасений, что она не сможет показать необходимый уровень владения Мечом. Вопрос, вызывавший серьезные сомнения, касался ее меча. Она получит свой клинок, приняв обет, как и любая другая Красная Сестра. Это должен быть меч из Ковчег-стали, как у Сестры Сало, оружие которое в правильных руках может разбить меньший клинок и расколоть надвое блок от стены замка. Но Нона знала, что за последнее время ни одна из послушниц, взявших Красное, не получила Ковчег-сталь. За эти годы многие мечи были потеряны, а ряды Красных Сестер росли. В эти дни сестрам, получавшим имена, чаще всего давали новый клинок. Сталь для них поступала из кузниц ведьм Бэрронса. Самая прекрасная сталь, какую только можно было сделать в Коридоре, но ничто по сравнению с тем, что делали древние.

— Готова? — спросила Нона.

Вместо ответа Ара атаковала, и Нона едва отвела удар от своего лица. Она ответила немедленным контрударом.

Если Нона произведет сегодня достаточно хорошее впечатление, она сможет получить один из немногих мечей из Ковчег-стали в первый же день в Красном, а не ждать смерти более старшей сестры или положить оружие, стать Святой Сестрой и постоянно молиться. Новые Красные без Ковчег-стали были известны в определенных кругах как «розовые».

Клинок Ары ударялся о клинок Ноны, отскакивал, рубил, парировал и резал. Во время спарринга в голове Ноны всегда воцарялась тишина, и в этой тишине ее осенило.

— Розовый.

— Что? — Ара приостановилась, и Нона атаковала с новой силой.

Как бы внимательно она ни относилась в нить-работе Джоэли, та все еще могла дергать ее за ниточки, не требующие никакой магии. Одно только упоминание слова «розовый» в разговоре за завтраком чуть не заставило Нону оторвать Генне голову, и только за то, что та посмела пожелать ей удачи...

Нона откачнулась назад, чтобы избежать резанного удара Ары, и развернулась в такт движению. Она обратила свой гнев на девушку Намсис, подпитывая огонь, который уже горел там. Джоэли решила испортить ей концентрацию, вывести из холодного центра безмятежности, в котором должна жить Красная Сестра в пылу битвы. Джоэли не смогла понять, что Нона никогда не следовала этой части наставлений Госпожи Меч. Когда она сражалась всерьез, она сражалась яростно, и ее ярость редко нуждалась в подпитке.

Нона ударила ногой по колену Ары и прыгнула, когда девушка отскочила назад. На самом пределе своей скорости Нона бесцеремонно заблокировала запястье Ары, отклоняя удар сверху вниз, который должен был свалить ее, и ударила собственным клинком вверх, в бок Ары, умудрившейся повернуть железо плашмя как раз перед тем, как оно ударило послушницу по ребрам.

— Хорошо... один. — Ара отшатнулась, схватившись за бок, и опустила меч, показывая, что сдается. — Ох. — Она обхватила себя за ребра. Завтра там появится черная линия. — Тебе кто-нибудь говорил, что ты выглядишь чертовски страшно, когда дерешься по-настоящему?

— Никогда. — Нона высунула язык. — С тобой все в порядке? — Она двинулась вперед, чтобы проверить Ару, внезапно забеспокоившись. Она нежно положила руку на ребра Ары.

— Прекрасно. — Ара оттолкнула ее. — Надеюсь, ты не корчишь такие страшные рожи в других видах... боев.

— Что ты...

— Полуночный вид, во время которого ты можешь сражаешься с Реголом... — Их глаза встретились, и на мгновение Ноне показалось, что она видит там что-то скрытое... какую-то боль? Взгляд исчез так же быстро, как и появился, когда Ара заметила встревоженное выражение лица Ноны.

Нона толкнула Ару, которая смеялась, падая, пока не ударилась о песок ушибленными ребрами. Нона помогала ей подняться, все еще извиняясь, когда в зал вошла Сестра Сало.

Настоятельница и старшие сестры последовали за Сестрой Сало в зал и повернулись, чтобы занять свои места на трибуне. Сало подошла к Ноне и Аре, ее морщинистое лицо было непроницаемо. Монахиня, которую Нона никогда раньше не видела, следовала по пятам за Госпожой Меч. Она выглядела лет на двадцать моложе Сало, высокая, стройная, кожа цвета старого ремня, хотя и гладкая, если не считать шрамов на обеих щеках. Двойные раны могли быть ритуальными знаками или, возможно, их странная симметрия возникла случайно. Новоприбывшая пристально посмотрела на Нону. Она была красива, но в ней не было ничего мягкого, ее скулы были почти такими острыми, что можно было порезаться, ударив ее.

— Послушница Арабелла, ты можешь идти. — Сестра Сало кивнула на двери. На последнем меч-испытании не было никого, кроме настоятельницы и старших сестер. Послушниц, пытавшихся наблюдать через окна, в прошлом пороли плетьюми и даже изгоняли из монастыря. Ара бросила тренировочный меч и убежала, бросив последний ободряющий взгляд.

Сало ждала между Ноной и неизвестной монахиней до тех пор, пока двери не закрылись. Нона была на ладонь выше обеих женщин и крепче сложена. Некоторые говорили, что в ней есть герант, но, если и так, это было не более чем прикосновение. Не было никакой крови-войны, как было тогда, когда начала проявляться кровь марджал.

Сало подняла руку, указывая на другую монахиню:

— Нона, это Сестра Железо. Она будет новой Госпожой Меч. Сегодня она заступит на службу.

— Нет...

— Я старею, дитя. Мы, хунска, делаем это быстро. Я присоединюсь к Святым Сестрам и уделю все свое внимание Предку, как велит настоятельница.

Нона бросила взгляд на трибуну. Старшие сестры сидели по бокам от настоятельницы. Сестра Роза сидела слева от Колесо. Колесо, выглядевшая самой старшей из двоих, — хотя они и были ровесницами, — смотрела на Нону бледными водянистыми глазами, как всегда.

— Ты будешь сражаться с Сестрой Железо за Красное, послушница. — Сало вытащила меч из вторых ножен на левом бедре. Клинок Красной Сестры, выкованный в Бэрронсе. Она протянула его Ноне. — Контроль. Сдержанность. Уважение. — Сало сложила пальцы Ноны вокруг рукояти. — Тебя будут судить по ним. Но в Коридоре... победа тоже очень важна.

— Тогда я выиграю. — Нона отступила назад, уходя от Сестры Железо. Ей не нужна была новая Госпожа Меч, хотя она не могла полностью подавить облегчение от того, что ей не придется столкнуться в серьезном бою с Сестрой Сало, держащей в руке острое железо.

Сестра Железо вытащила свой меч, такой же, как у Ноны, так как сражение Ковчег-стали против Бэрронс-стали повредит последнему и, вероятно, разрушит его. Монахиня не двигалась, только склонила голову набок и наблюдала, как Нона расставляет ноги. Ее взгляд скользнул вверх по телу Ноны и остановился на запястье и пальцах, сжимающих рукоять меча. Нона чувствовала себя так, словно ее осудили и нашли недостойной.

— Вы готовы? — спросила Нона, встревоженная неподвижностью женщины.

Сестра Сало, прислонившаяся спиной к стене, закатила глаза.

Нона пошла вперед, выставив перед собой меч. Она не стала набирать скорость, а просто ждала реакции — урок, который она получила от Зоул. Сестра Железо ничего не делала, только наблюдала за ее движением, ее собственный клинок свободно болтался в руке, острие направлено в песок.

Нона подошла ближе. Еще ближе. Острие ее меча находилось всего в двух футах от груди монахини. Она могла бы сделать выпад и проткнуть женщину насквозь. Она неуверенно взглянула на Сестру Сало.

В тот момент, когда глаза Ноны оторвались от монахини, Железо тыльной стороной ладони сильно ударила по лезвию клинка, оттолкнув меч Ноны. Потом монахиня выпустила свой меч и ударила Нону по лицу так сильно, что у той застучали зубы. Нона отпрыгнула в сторону, и к тому времени, когда она приземлилась, Сестра Железо ударила ногой свой падающий меч и выхватила его из воздуха.

— Вы думаете, она готова? — спросила Сестра Железо Сестру Сало.

Нона сплюнула кровь на песок. Дюжина фраз хотела сорваться с ее языка, некоторые горькие, некоторые злые, но она проглотила их всех. Это была ее вина. Не было никаких правил:

— Попробуйте еще раз.

Сестра Железо пошла вперед, вытянув клинок, как у Ноны. Нона позволила ей подойти

так же близко. Взгляд монахини не дрогнул. Она сделала выпад, не выказывая никаких сомнений насчет того, чтобы проткнуть послушницу. Нона погрузилась в мгновение и попыталась оттолкнуть меч, как это сделала Железо, но обнаружила, что режущая кромка повернута к ее руке. Она все равно оттолкнула его, и искры полетели, когда Бэрронс-сталь заскрежетала по дефект-лезвиям. Она хотела дать женщине пощечину, но Железо оказалась быстрой, кончики пальцев Ноны на волосок не дотянулись до ее щеки.

Нона пнула свой падающий клинок в воздух и поймала его, как и Железо, но с гораздо меньшим изяществом. Они остановились в двух ярдах друг от друга, взгляды встретились, пронзая соперницу.

— Сегодня никаких когтей, послушница. — Голос настоятельницы с трибуны. — Только меч, который ты надеешься заслужить.

Нона кивнула в знак согласия. Она плавно перешла в атаку. Больше никаких игр, никаких представлений. Она сказала себе, что перед ней стоит Зоул. За исключением Йишт и Сестры Сало, Зоул была ее самым смертоносным противником, более быстрым, чем мысль, безжалостным, эффективным.

Сестра Железо ответила шквалом ударов, финтов и контратак, таких же быстрых и безжалостных, как у Зоул. Но у нее было что-то большее, какой-то вид искусства, который позволял ей укротить удар ее собственного клинка, направить его, повернуть. При каждом обмене ударами Нона чувствовала, что ее меч вот-вот вырвут из рук. Сестра Железо использовала комбинации, которых Нона раньше не видела, серию движений, которые неумолимо вгоняли Нону шаг за непоколебимым шагом в неправильное положение — она потеряла равновесие, ее инерция была украдена, меч оказался не готов.

Сестра Железо завершила длинную комбинационную атаку восходящим ударом. Только экстравагантная скорость спасла Нону от удара, хотя она не удивилась бы, обнаружив тонкую линию крови на животе, если у нее было время посмотреть вниз. Она развернулась и остановилась на одной ноге, разбрызгивая песок.

— Ах! — Нона пошатнулась, чувствуя себя так, словно ее пятку пронзила раскаленная проволока.

Сестра Железо пошла вперед, продолжая атаку. Нона, отчаянно защищаясь, ковыляла назад, прежде чем отпрыгнуть вбок на здоровой ноге, чтобы выиграть пространство. И покатила по песку, сдерживая крик, когда что-то вонзилось в нее чуть выше локтя. Поднявшись на ноги, она ожидала увидеть кровь, стекающую по руке, но, несмотря на жуткую боль, на коже не было никаких следов.

Нона поднялась на ноги, морщась, подняв меч, прижимая раненую руку к телу. Когда Железо вошла туда, Нона увидела это. Там, где песок был стерт почти до камня, она заметила что-то, почти невидимое искажение, бегущее по плите вниз. Она знала, что, если бы у нее было время расфокусироваться, ее Путь-взгляд нашел бы нить, ярко-зеленую, без сомнения, как и многие другие боль-нити Джоэли.

Когда Сестра Железо подошла ближе, Нона одной ногой смахнула песок перед собой. Это оказалось бесполезной попыткой: вынужденная защищаться, она не успела расчистить больше земли или изучить местность. Их мечи встретились и встретились опять, отбивая быструю чечетку. Пот стекал с кончиков волос Ноны, искрящиеся капельки застревали в мгновении, не в силах упасть в промежутке между полудюжиной ударов.

Еще одна боль-нить зацепила ногу Ноны, и та с криком опрокинулась навзничь, не успев сделать выпад и замах. Нона перекатилась через три боль-нити, уклоняясь от топанья

Сестры Железо. В конце концов монахиня отступила, возможно, вспомнив, что это скорее испытание, а не убийство.

Нона медленно встала, встретив озадаченный взгляд сестры Сало.

— Это всего лишь боль. — Она пробормотала эти слова, заставляя свое сгорбленное тело выпрямиться, расслабляя напряженные мышцы рук и ног. Она страдала и хуже. Туран Таксис прижал к ней испещренную сигилами игрушку под названием Беда, которая заставила завибрировать больше тысячи боль-нитей. Позже она приклеила Беду к его телу. Его не находили больше суток. Поговаривали, что теперь он сидит, пуская слюни, в лорд-кресле, являясь главой дома Таксисов только по названию. Почему его оставшийся сын, Лано, не убил его тихо, никто не мог сказать.

— Всего лишь боль, — произнесла она достаточно громко, чтобы Сестра Железо обратила на это внимание. Нона представила себе, как Джоэли крадется среди ночи, чтобы положить свои нити на песок Зала Меча, каждая полна злобы и тщательно настроена только на Нону. Это были настоящие произведения искусства. Нона сомневалась, что во всей империи найдется хотя бы шесть нить-работников, способных сравниться с ней. Может быть, и меньше. Красный гнев поднялся в ней, его жар прожег жуткую боль, которая пронзала ее невидимые раны. Губы искривились в дикой усмешке.

Нона бросилась к Сестре Железо по уже протоптанной земле, там, где сила нить-ловушек уже иссякла. Она напала не спокойно и умело, как учила Сестра Сало, а с честным и диким желанием причинить вред противнице, призвав зверя, живущего в ней, горячее ядро, которое разглядел Таркакс Лед-копье. Страсть придавала ей такую силу, что Сестре Железо пришлось стиснуть зубы и перейти в защиту. Ярость повысила скорость, которая уже ослепляла, и Сестра Железо впервые была вынуждена отступить, сплетая защиту в глубине собственной безмятежности.

Возможно, никогда еще на песке Зала Меча не разыгрывалось столь безобразное сражение. Но простой факт состоял в том, что Сестра Железо, предполагаемая Госпожа Меч, отступила перед мечом Ноны Грей, теперь уже ее собственные волосы стали влажными от пота. Меч-работа самой Сестры Железо стала экстравагантно длинной, и все это в течение кучки секунд, за которыми мало кто мог уследить.

Еще одна нить зацепилась за ногу Ноны. Она едва поморщилась, но в пропущенной четверти удара сердца Сестра Железо парировала ее размашистый удар, пнула по внутренней стороне левого колена и ударила прямо в лицо, после чего добавила рукояткой меча сбоку по шее. Нона тяжело упала и, пытаясь подняться, обнаружила острие меча Сестры Железо в нескольких дюймах от своего лица.

— Довольно, послушница. — Женщина стояла, внешне спокойная, но с тяжело вздымающейся грудью.

Нона подавила рычание и разрешила своей голове упасть обратно на песок.

— Сестра Сало учила меня сражаться, — сказала Сестра Железо. — Она не учила меня сражаться так, как сражаешься ты. — Она отступила назад, позволив Ноне сесть.

Сестра Сало шагнула вперед, протянула Ноне руку и подняла ее на ноги:

— Мне показалось, что во время боя тебе было больно, послушница. Ты получила какую-нибудь травму в спарринге с Арабеллой?

— Нет, Госпожа Меч. Просто старая травма вернулась, чтобы преследовать меня. — Нона сжала губы. Восстановление Джоэли было делом дворцовой политики. Даже если удастся убедить в ее вине настоятельную, Намсис не будет наказана или выслана из

монастыря. Только не со Скифроулом на востоке, наступающим миля за милей, и не дарнищами, совершающими набеги из захваченных портов на берегах Марна.

Сестра Железо изучила Нону с явным неудовольствием:

— Вопрос в том, будет ли Предок должным образом представлен таким воином. Где твоя безмятежность? Ты сражаешься, как дикий зверь. Я не могу рекомендовать тебе древний клинок. Будет ли вообще прилично, если ты наденешь Красное?

Нона скрипнула зубами. Разоблачение трюков Джоэли могло изменить решение суда, но она не хотела, чтобы девушка Намсис даже упоминалась на ее испытании. Иначе другие скажут, что Красное ей принесли поступки Джоэли, и это встанет между ней и ее мезтью.

— Тогда ей будет отказано в Красном. Так сказала Сестра Железо! — крикнула с трибуны Колесо, и в ее надтреснутом голосе прозвучал долгожданный триумф.

— *Когда* мы покинем этот зал, Сестра Железо станет Госпожой Меч. — Сестра Сало повысила голос, что Нона слышала, наверное, раза три за полжизни, проведенной в Сладком Милосердии. — Но пока еще нет. — Сало положила руку на плечо Ноны. Ей пришлось потянуться вверх. Когда-то она казалась очень высокой. Нона не помнила, чтобы монахиня прикасалась к кому-то, разве что для того, чтобы поправить боевую стойку или сделать язвительное замечание. Рука осталась на плече. — Нона прошла Меч-испытание. Если она примет рукоположение и возьмет себе новое имя тогда, когда я приму посвящение в Святые Сестры, она получит мой меч. — Сало повернулась к Железу, ее голос стал низким и примирительным. — Многие уроки, которые я пыталась преподать этой девушке, не прижились. Кроме самых важных. И, когда лед давит, нам нужны сестры в Красном, которые могут победить, какой бы уродливой ни была эта победа.

То, что последовало за ее словами, прошло как в тумане. Поклоны, отданные старшим сестрам и возвращенные ими, обязательные формальное объятие с настоятельницей, долгая дорога из зала. Не успев опомниться, Нона обнаружила, что выбегает из здания, Меч-испытание осталось позади. Защищаясь поднятыми руками от острого груза льда, несомого ветром, она отправилась на поиски своих друзей.

НОНА, МОКРАЯ И дрожащая, подошла к колодцу. Он лежал в редко используемой комнате в задней части прачечной, строения, которое образовывало одно из крыльев аркады послушниц. Она расфокусировала зрение, чтобы проверить, не расставила ли Джоэли ловушки. Она не думала, что девушка знает о подземной темнице под центральный дубом, но, с другой стороны, найти подсказки к этой загадке было совсем просто — надо было только обратить внимание прачечную, и в последние недели она видела, как Джоэли задумчиво смотрит на это крыло.

Нона спустилась по веревке только на руках, не используя ног. Меч-испытание оставило ее мышцы уставшими и ноющими, но уж не настолько слабыми. На дне она раскачалась, отпустила веревку и приземлилась на скалистый край подземного бассейна. Джула, Рули, Ара и Кетти ждали у стены пещеры, сгорбившись вокруг единственной свечи. Отблески их света высвечивали спускающийся вниз лес корней центрального дуба, покрытых камнем.

— Нона! Сестра Сало не отрезала тебе голову! — Рули вскочила на ноги, когда Нона приблизилась.

— Это была Сестра Железо, наша новая Госпожа Меч. — Ноне не полагалось говорить об испытании, но она чувствовала, что этим она *должна* поделиться.

— Новая кто?

— Но сестра Сало...

— Ты прошла? — Ара перебила остальных.

— Да, прошла. — Нона подняла руку, чтобы опередить следующий вопрос Ары. — И у меня есть меч.

— Значит, мы не будем называть тебя Розовая Нона? — Джула усмехнулась.

— Нет. — Нона села рядом с Рули. — Если мне позволят принять обеты, я стану настоящей Красной.

— Так как же...

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мое меч-испытание, — сказала Нона. — Мы здесь, чтобы поговорить о книге Джулы.

— Эй, это не *моя* книга, — запротестовала Джула.

— Очень жаль. Если бы это была твоя книга, нам не пришлось бы тратить столько сил, чтобы украсть ее. — Кетти нахмурилась, но тут же просияла, словно обретая новую решимость.

— Мы уже договорились об этом, Нона, но давай повторим. Нам нужны две вещи, чтобы повернуть это дело, и нам придется их украсть, хотя я понятия не имею, как. — Ара подняла два пальца, чтобы отсчитать их.

— Мы должны украсть, прежде чем сможем украсть, — прервала ее Рули, не выказывая никаких признаков раскаяния в предполагаемом преступлении. — И мы встречаемся под землей с одной свечой. Как будто мы ной-гуин!

Ара нахмурилась, увидев энтузиазм Рули.

— Во-первых, нам нужна *«Книга Потерянных Городов»* из тайника Сестры Сквородка. Она должна быть в Третьей комнате. Если у нас не будет запрещенной книги, которую надо вернуть, у нас не будет причин находиться рядом со хранилищем первосвященника. — Она загнула один палец. — Во-вторых, нам нужна печать настоятельницы. Без ее печати на нашем послании нас никогда не впустят.

Нона подняла свой палец.

— Еще нам нужны глазные капли, над которыми работала Отравительница.

Джула выглядела потрясенной:

— Она не зря их спрятала, Нона. Они опасны. Она сказала, что, используя их, можнс ослепнуть.

— Это единственный для меня способ попасть туда неузнанной, — сказала Нона.

— К тому же с ними ты хорошо выглядишь, — добавила Кетти.

— Это не обязательно должна быть ты, Нона, — сказала Ара. — Любой из нас может это сделать.

— Это должна быть я. И речь идет не том, кто как выглядит, Кетти. — Нона бросила на нее прищуренный взгляд. Хотя ей действительно понравились те несколько дней, когда ее глаза были похожи на глаза любого другого человека. Регол сказал, что она ему нравится такой, какая она обычно есть. Уникальной. Но что бы он ни говорил, он долго смотрел в ее недавно прояснившиеся глаза, и часть ее хотела этого снова. — Четыре! — сказала Нона прежде, чем Ара и Джула успели возразить. — Нам нужен блестящий марджал эмпат, иначе это просто не сработает.

— Итак, четыре невозможные вещи. — Ара закружила тьму вокруг пламени свечи, заставив взлететь призрачных птиц.

— Нет, — покачала головой Нона. — Всего две. Как ты и сказала.

— Но...

— Вчера вечером в бойцовском зале я нашла для нас эмпата. Самого сильного из всех, кого я когда-либо встречала. — Четыре рта раскрылись. Нона заговорила первой: — И еще у меня есть вот это. — Она достала из кармана рясы янтарный диск, на одной стороне которого был вырезан глубокий рельеф, его край охранял золотой обруч, и все это медленно вращалось на золотой цепочке.

— Печать настоятельницы... — Джула уставилась на диск широко раскрытыми глазами. — Как?..

— Я украла ее, когда настоятельница обняла меня после меч-испытания.

Святой Класс

Настоящее Время

ЧАЙНИК ДВИГАЛАСЬ ПО городу, завернувшись в кокон тени. Через час огромный красный глаз солнца сам увидит кровавую бойню, но не осталось ни одного свидетеля, который будет наблюдать, как он вытесняет ночь. Огни догорели, дым унесло ветром, но жуткая вонь гари осталась. Вонь, мертвецы и развалины их домов.

Скифроул не пощадил никого. Они нечасто оставляли свои трупы разбросанными, но тут и там их тела лежали среди мертвых фермеров, ткачей, пастухов и детей, которые могли бы когда-нибудь заняться этим ремеслом. В дверном проеме несгоревшей хижины лежала маленькая белокурая девочка, ее волосы были соломенными и грязными. Женщина рядом свернулась вокруг раны, которая убила ее. Грязь показывала, как далеко она проползла, чтобы дотянуться до дочери, но она умерла в трех ярдах от того, чтобы в тот последний раз дотронуться до ребенка.

В гавани, среди почерневших и полузатонувших обломков, все еще горела одинокая лодка. Нона, смотревшая глазами Чайник, спросила себя, что это за груз и почему он поддерживает пламя, когда все остальное уже давно кануло во тьму. Она знала, что Чайник потянула ее спящий разум вдоль их нить-связи, чтобы что-то показать. Слишком часто в последнее время Нона, зевая и скатываясь с кровати после первого пробуждения в предрассветные часы, обнаруживала себя обитающей в Чайник, пока Серая Сестра выслеживала добычу. В прошлый раз это был командир Скифроула среди его армии из пятисот солдат. Чайник призраком проскользнула между небольшими палатками и пробралась в большой шатер, где офицер спал под мехами хула. Нона не могла понять, зачем такой роскошью указывать на своих вождей. Имперские генералы спали в палатках, идентичных солдатским, именно для того, чтобы предотвратить подобные покушения.

Чайник отвернулась от темного озера и двинулась через город к его окраинам. Ей надо было что-то показать Ноне. Она редко говорила во время таких уроков, поскольку сосредотачивалась на том, чтобы выжить. Даже здесь могли скрываться мягкотелые Скифроула, готовые убить или захватить разведчиков, или ассасины ной-гуин, верные только тому, кто платил им гонорар, и больше никому.

Впереди замаячило более крупное здание, ни одна деталь не была скрыта от ночь-зрения Чайник. Каменное сооружение, крыша исчезла, вероятно, взятая пламенем, хотя вонь гари чувствовалась здесь не так сильно. Чайник подошла поближе. За зданием стояли могильные памятники. Дюжины. Значит, церковь. Чайник взглянула на небо, туда, где среди багровых рассеянных небес белела Надежда. Значит, церковь Надежды, по замыслу лишенная крыши, чтобы белый свет мог проникать внутрь и смывать все грехи.

И вдруг, когда Чайник приблизилась к разбитым дверям, Нона поняла, где находится. Белое озеро, меньше чем в восьмидесяти милях от стен Истины. Белое озеро, где под землей лежит ее мать и, без сомнения, теперь на ней лежит распростертый проповедник Микэл. У Адомы были отделившиеся от основной массы войск армии, грабившие всего в пяти днях марша от столицы. Быстрые лошади могли доставить их к подножию Скалы Веры меньше

чем за половину этого времени.

Что-то привлекло внимание Чайник. Что-то, что Нона упустила. Чайник прижалась к церковной стене, притягивая к себе темноту, словно вдыхая воздух. Ночь вошла в нее, как чернила впитываются в промокательную бумагу. Вот оно, на другом конце кладбища — бледное, ищущее щупальце, почти плоское, прижатое к земле, бесплотное, как туман. Еще одно, длиной в несколько ярдов, змеится между могилами. Боль-паук, какое-то существо мягкотелых на службе у Бой-королевы Скифроула Адомы. Ходили слухи, что они породили этих чудовищ, выпустив демонов из черного льда и нечестиво соединив их с плотью.

Еще несколько щупалец извивались по голой земле; одно — тонкое, как кожа, и широкое, как ладонь, — бесшумно скользнуло по верхушке церковной стены всего в нескольких ярдах от головы Чайник. Даже на таком расстоянии кожа запела эхом ужасной боли, которую принесло бы его прикосновение.

НОНА ПРОСНУЛАСЬ МОКРАЯ от пота и одинокая, тело сгорбилось, руки крепко обхватили его. Она лежала в темноте дормитория Святого Класа, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Чайник, которой требовалась полная концентрация, выгнала ее из себя.

В ту ночь сон так и не вернулся. Они подошли к острому концу мира. Покой в монастыре, казалось бы вечный, не продлится долго. Праздные дни, ссоры между друзьями, соперничество детей — все это уходило в память. С востока надвигалась черная волна, и у всей империи не было сил устоять перед ней.

— Мы даже не знаем, существует ли эта книга. Первосвященник не вывешивает у себя на двери список запрещенных книг. — Ара стояла с Джулой и Ноной на подветренной стороне Собора Предка, наблюдая за темным каменным пальцем, Башней Пути.

— Инквизиция сожгла мою *«Историю Святого Дэвида»*, — сказала Нона.

— Она не твоя, и Чайник не должна была допускать ее в библиотеку скриптория, — чопорно сказала Джула. — И это была запретная книга, а не запрещенная. Запретные книги сжигают, запрещенные — просто... запрещают.

— Так откуда же она у Сестры Сквородка, если она вообще существует? — спросила Ара.

— Мы знаем, что она существует, потому что на нее есть ссылки, которые забыли удалить из других книг Аквинаса. И мы знаем, что у Сестры Сквородка есть экземпляр, потому что Сквородка цитирует ее, когда говорит о потерянных городах.

— Ты ее не читала! Откуда ты знаешь, что Сквородка цитирует именно ее? — Ара закатила глаза.

— У Аквинаса очень своеобразный литературный стиль. — Джула сложила руки на груди.

— И это все? Мы врываемся в тайную комнату Сестры Сквородка, основываясь на *своеобразном литературном стиле*? — спросила Ара.

— Откуда ты знаешь, что она не запомнила цитаты? — спросила Нона.

— Она до сих пор иногда зовет тебя Ниной, — усмехнулась Джула.

— Справедливое замечание. — Нона медленно кивнула. — Значит, мне нужно попасть в Третью комнату...

— Или мне, — сказала Ара.

— А ты знаешь, как? — спросила Нона.

— Нет, как и ты.

Но́на направи́лась к башне:

— Тогда мы попытаемся обе.

Но́на прищурилась, глядя на Башню Пути, черневшую на фоне неба. Как-то раз Сестра Прави́ло упомянула, что это самое старое здание на Скале Веры, на века предшествовавшее монастырю. Учитывая, что во всех комнатах, кроме самых верхних и нижних, не было ни дверей, ни окон, Но́на предположила, что она была построена для мощного Пути-мага, хотя ни в каких записях не называлось имя первого обитателя. Она подошла к восточному входу, и ее охватило мрачное предчувствие. Не то чтобы они собирались совершить невозможное. Каждая послушница, стремящаяся стать Мистической Сестрой, должна был войти в Третью комнату без посторонней помощи. Это было частью Пути-испытания. Может быть, всем испытанием. Но́на выберет красную одежду, а не небесные цвета Мистиков, но все равно она хотела бы пройти Пути-испытание.

Джу́лы вошла вслед за Но́ной через восточную дверь, Ара — через северную. Они встретились у подножия лестницы в комнате портретов. Две дюжины или больше Мистических Сестер смотрели на них из деревянных рам. Каждая женщина была изображена среди абстрактных изображений их магии, замечательное разнообразие. Любимицей Но́ны была молодая рыжеволосая Святая Ведьма, чьи волосы превратились в языки пламени. Приглядевшись к ней поближе, можно было увидеть, что во тьме каждого зрачка горит крохотная алая звездочка.

— Мы знаем две вещи, — сказала Но́на, когда Ара присоединилась к ним.

— Какие?

— Во-первых, все дело в Пути. В противном случае Джоэли расколола бы его еще несколько месяцев назад. — Ара и Но́на ждали целую вечность индивидуальной подготовки, которую Сестра Сковородка давала кандидаткам для прохождения Пути-испытания. Старуха любила наставлять по одной послушнице за раз, и какие бы уроки она ни пыталась преподать, они не проходили сквозь череп Джоэли. — Джоэли Намсис не смогла бы сделать по Пути и двух шагов, даже если бросить его ей под ноги.

— Верно... — Ара кивнула.

— А во-вторых, мы знаем, что это должно быть по-разному для каждого человека, иначе Сковородка просто тренировала бы нас троих вместе.

Ара начала подниматься по лестнице, Джу́ла и Но́на следовали за ней по пятам.

Они молча поднялись наверх и остановились прямо под классной комнатой.

— Нам действительно стоит это делать? — в десятый раз за утро спросила Джу́ла.

— Нет, — сказала Ара.

— Мы не будем этого делать. По крайней мере, не ты, Джу́ла. Хотя это была твоя идея! Забудь, мы не должны этого делать. Приведет ли эта книга нас в библиотеку первосвященника? Будет ли в библиотеке «Книга Луны» Аквинаса? И спасет ли луна империю? — Но́на посмотрела на лицо девушки, бледное в свете дневного света, проникавшего из люка в крыше классной комнаты.

— Луна — единственная надежда, — тихо сказала Джу́ла.

Но́на кивнула. Джу́ла искренне верила в Аквинаса и его книгу. Чайник показывала Но́не ужасы войны через их нить-связь. Империя проигрывала на обоих фронтах. Скоро эти ужасы доберутся до стен Истины, и, если император падет, империя погибнет, а Ковчег будет захвачен. Чайник сказала, что конец наступит скорее через несколько месяцев, чем лет. Серая Сестра вела разведку для армий императора как на востоке, так и на западе. Орды

Адомы, казалось, бесконечно сменяли одна другую, готовые отдать жизни за бой-королеву, и она была готова их тратить. Шерзал почти полностью заполнила Великий Перевал трупами скифроулцев, и все же они хлынули потоком через Грэмпейны.

Яростная оборона Шерзал и ее умелое отступление заставили императора не обращать внимания на сообщения о ее планируемой измене. Шерзал организовала и руководила продолжающимися атаками в горах, постоянно нарушая линии снабжения Адомы. Это, и выжженная земля превратили продвижение Адомы из стремительной атаки, которая должна была достичь Истины за несколько недель, в медленное напользание, которому потребовалось почти два года, чтобы пройти чуть больше половины пути; но, как и в случае с тонким льдом, медленный треск мог стать внезапным погружением в леденящую смерть, и оборона империи начала разрушаться несколько недель назад. Император Крустикэл нуждался в своей сестре.

Дарнишцы на западе были другой из породы: не фанатики, но кровожадные и поддерживаемые магией своих жрецов. Они любили ссориться между собой, однако пересекли море Марн на своих барках и вступили в бой с империей, как только до них дошла весть о победах Скифроула. Их святые мужи приходили на войну, размахивая посохами из боль-дерева и сея опустошение как огонь-работой, так и вода-работой марджал. Нона видела слишком много горящих городов, слишком много семей, polegших на полях, которыми те пытались прокормиться.

Император держал Красных и Серых рядом с собой, а Мистиков — в качестве последнего резерва, но скоро он выпустит их всех. Нона не знала, переломит ли это ход войны, вытолкнет ли Скифроул обратно за горы и утопит ли Дарн в красном море. Но она знала точно, что на землях, оставшихся после такого конфликта, мертвых будет больше, чем живых.

Сестра Сквородка всегда шла впереди, когда вела послушниц в запечатанные комнаты. Нону и Ару она водила в первые две. О существовании третьей они знали только потому, что в башне было достаточно места для нее. Кроме того, каждая послушница знала: на Путь-испытании надо добраться до Третьей комнаты без посторонней помощи. Нона повернулась и пошла вниз по винтовой лестнице, протиснувшись мимо Ары и Джулы. Она расфокусировала свое зрение, как делала всегда, когда следовала за Сестрой Сквородка в запечатанные комнаты. Как правило, этот взгляд упирался куда-то между лопатками старухи. Она сосредоточила свои мысли на Третьей комнате, на том месте, где должна была находиться дверь, на ее форме, на стене, в которую та, вероятно, должна быть вделана.

Нона была так глубоко погружена в свои поиски, что была потрясена, обнаружив на спиральной лестнице кого-то, преградившего ей дорогу.

— Настоятельница... — Настоятельница редко появлялась в Башне Пути.

— Где Сквородка? — рявкнула настоятельница, с явным отвращением глядя на девушку.

— Госпожа Путь в скриптории, настоятельница. — Нона спокойно встретила враждебный взгляд старухи.

— Хммм. — Настоятельница отвернулась, очевидно, не в силах придумать к ответу Ноны, и эта неудача еще больше распалила ее дурное настроение. Она оглянулась через плечо, с новым подозрением в своих бледных глазах. — Что ты здесь делаешь, девочка? Воруешь?

— Нет, настоятельница. — Нона обокрала настоятельница сегодня утром, а днем, если

повезет, будет воровать в Башне Пути. Но как раз сейчас она не воровала.

— Тебе следует быть в куполе и молиться. — Покачав головой, настоятельница зашагала вниз по лестнице, стуча посохом по каждой ступеньке.

Ара появилась позади Ноны, поглаживая ладонями каменную кладку:

— Это была Настоятельница Колесо?

— Да. — Нона вернулась к своим поискам.

— Кровь Предка! — Из-за спины Ары. Самое близкое к проклятию, что могла сказать Джула. — Нам действительно не следует этого делать.

Нона искала быстрее своих подруг, оставив их позади. Примерно на полпути ее зрение на мгновение дрогнуло. После этого, ничего. Даже покалывания. Она вернулась на место и изучила его нить-зрением. Ничего. Она представила себе Путь и попыталась заглянуть за него в стену. Ничего. Она положила обе руки на камень и напрягла всю свою волю, давя изо всех сил.

— Откройся, черт бы тебя побрал! — В то же самое время она ступила одной ногой на сияющую славу Пути, реку силы, которая соединяет и определяет все сущее. Нона почувствовала, как внутри что-то поддалось, словно она провалилась сквозь тонкий лед. Однако крик победы замер на ее губах. Она все еще стояла на лестнице, прижав руки к холодному камню. Чувствуя себя глупо, она потянулась к своей безмятежности и попыталась снова. Ничего, даже укола. Она вытерла ладони о свою рясу и продолжила спускаться, призвав транс ясности, чтобы обнаружить любой слабый след, который мог бы указать место для применения ее магии.

Одна из остальных, спотыкаясь, последовала за ней.

— Тише, — прошипела Нона, не оборачиваясь. — Настоятельница Колесо, возможно, все еще прячется внизу.

Нона добралась до нижней ступеньки, не обнаружив больше никаких намеков на вход. Настоятельница, казалось, решила не дожидаться Кастрюлю и вышла из башни. Нона вздохнула и повернулась, чтобы снова подняться по ступенькам. Что-то привлекло ее внимание. Среди других висел новый портрет. Как раз справа от двери, через которую, должно быть, вышла настоятельница. Она подошла к картине, удивляясь, что никогда не видела ее раньше. Казалось невозможным, что она раньше не замечала его — она бывала в башне почти каждый день в течение большей части десятилетия. Возможно Сестра Сквородка повесила его совсем недавно. В этой женщине было что-то знакомое, лицо бледное и острое, но дружелюбное, высокие скулы, голубые глаза. Ее светлые волосы завивались близко к черепу, но клочок за клочком тянулись в воздухе, создавая слабую дымку нитей, которые заполняли пространство вокруг нее.

Нона склонила голову набок. На вид монахине было не меньше тридцати. И все же...

— Гесса? — Глаза Ноны наполнились слезами. — Как... — Она наклонила голову, вытирая лицо. Гесса умерла еще ребенком, и с тех пор Нона каждый день скучала по подруге. Ее смерть от руки Йишт преподавала Ноне много горьких уроков, которые стояли как вехи на пути от девочки к женщине. Не последним из этих уроков была ее собственная склонность ошибаться. Сколько ее подруг умерло из-за того, что она не сделала все необходимое для их спасения? Как часто собственные ошибки сбивали ее с толку? Ее гордость, ее гнев... Потеря Гессы научила ее, что месть — пустая ложь, своеобразное тщеславие для того, чтобы отвлечься, зависимость, которая не предлагает тебе никакого лечения.

— Я скучаю по тебе. — Но, когда она снова подняла глаза, мир качнулся, новый слой льда сломался, и, каким-то образом, комната стала другой, и она стояла на коленях возле кровати.

— Нона? — Настоятельница Стекло лежала в постели с посеревшим лицом, она потеряла свое уютное округленное тело, на костях осталась только кожа. — Не плачь, дитя.

Нона вскинула голову, дико озираясь. Спальня настоятельницы в большом доме. Здесь она и умерла. Вот так она и умерла. Забранная болезнью, которая съела ее изнутри и на которую не смогли подействовать ни таблетки Сестры Роза, ни микстуры Сестры Яблоко.

— Я не понимаю...

— Значение переоценивается, Нона. — На мгновение настоятельницу сотряс приступ кашля, в глубине ее груди заклокотало. Она сказала именно это, «*значение переоценивается*». Это Нона помнила, но не помнила вопрос, который задала, чтобы побудить такой ответ. — Может не быть значения для мира или в нем, но это не значит, что то, что мы делаем, не имеет значения. — Стекло замолчала, и в течении самой длинной минуты Ноне казалось, что она больше не заговорит. Но она продолжила, слабым и запинаящимся голосом: — Древо Предка — это то, что посадило человечество, то, что мы поливали своими делами, своими заботами, каждым актом любви, даже своей жестокостью. Держись за него, Нона. Цепляйся... — А потом, как помнила Нона, она действительно замолчала, блеск исчез из ее глаз.

Нона стояла, ее сотрясали старые рыдания. Когда умерла настоятельница, Сестра Роза спала в кресле у окна, спала сном, который подкрадывался от слишком многих ночей без отдыха. Она проснулась от рыданий Ноны и сделала глубокий вдох. Но сейчас стул был пуст, а у двери стояла Сестра Сквородка с блестящими влажными глазами.

Старая монахиня заговорила странно отстраненным голосом:

— Ты все дальше отходишь от двери, Нона.

— Что?

Сестра Сквородка повернулась к окну. За крышами трапезной возвышалась Башня Пути, похожая на линию темноты, видимую в то мгновение, когда дверь начинает открываться или почти закрылась.

Нона нахмурилась, разрываясь между смущением и горем. Она знала, что это только воспоминание о том ужасном дне, но оно казалось более реальным, чем все те дни, которые стояли в очереди между ней и ним. Стекло победил враг, против которого Нона не могла сражаться, и сердце Милого Милосердия было разбито. Когда Йишг похитила корабль-сердце, монастырь стал холодным, а магия исчезла, и Нона решила, что невозможно нанести ему более сильный удар. Но истинным сердцем Милого Милосердия всегда была настоятельница, и пустота, которую она оставила после себя, была глубже, чем та, которую знала Нона.

— Ты все дальше уходишь от двери. — Сестра Сквородка стояла в дверях, но ее единственная рука указывала на Башню Пути. И в одно мгновение башня унеслась вдаль, став крошечной, почти невидимой. Комната исчезла вместе с Настоятельницей Стекло и Сестрой Сквородка, а вместо этого Нона стояла под светом солнца, глядя на великолепный сад. Она пошатнулась, охваченная головокружением, но не дала себе упасть.

Она сделала шаг вперед, сосредоточившись на фикусовом дереве в полном цвету. Ее остановил звук тяжелого удара по плоти. Второй удар и мучительный крик заставили ее обернуться.

Стоя перед величественной колоннадой своего высокого особняка, первосвященник Джейкоб снова взмахнул посохом. Дерево резко ударило по боку Четыре-ноги, глухой звук, словно молот ударил по мясу, и мул застонал от боли.

— Нет! — Ужас момента пригвоздил Нону к месту. Последовал еще один удар, и ее дефект-клинки замерцали вокруг обеих рук. — Нет!

Нона напряглась, когда первосвященник поднял свой посох, Четыре-ноги фыркнул, его морда покрылась кровавой пеной. Нона знала, что это воспоминание или сон, но оно казалось более реальным, чем ее жизнь, более прочным, более важным. Такие потери, как Гесса и Настоятельница Стекло, такие ужасы, как смерть Четыре-ноги, были гвоздями, вбитыми в ее жизнь, навечно прикрепившие к ней эти мгновения, знаками скорби. Оторвать себя от этой сцены — все равно что содрать кожу с тела.

Невероятно молодой Маркус, обезумев от ненависти, боролся на пределе своих сил, стараясь вырваться от охранника первосвященника. Гилдзон стоял у повозки, удерживаемый узами, которых не увидит ни один ребенок, узами, сотканными из долгов и горького понимания истин мира, из тех, что рвут жизнь, когда ты борешься с ними, и оставляют раны, которые не заживают.

Нона поблагодарила Предка за то, что здесь, в этом странном сне, ее не сковывают цепи долга и служения. Каждый мускул напрягся, когда она приготовилась прыгнуть на Первосвященника Джейкоба, готовая разорвать его на куски.

В тот день шел дождь. Небеса плакали, видя такую жестокость.

Где-то в глубине сознания Ноны тихий голос спросил, почему не идет дождь.

Ее прыжок так и не состоялся. Потеряв равновесие, она упала на колени, упершись руками в сухие камни дорожки. Пошел дождь. Так оно и было. Вода текла из пустой глазницы Гилджона, как слезы, которые он должен был пролить. Нона подняла голову. Она знала, что это должно быть воспоминание. Она знала, что ничего не сможет сделать ни для мула, натянувшего веревку, ни для Маркуса, извивающегося в хватке охранника Джейкоба. И все же ее разум жаждал мести, жаждал радости кровавого возмездия. Она стояла с клинками наготове, готовая к атаке.

Какой-то далекий блеск привлек ее внимание. Через стену сада. Над крышами близлежащих особняков, через пять миль сельскохозяйственных угодий, на Скале Веры. Ее взгляд привлекли крошечные бугорки, которыми на таком расстоянии казался монастырь Сладкого Милосердия. Снова блеск. Солнце отражается в окне, возможно. Витражное окно высоко в Башне Пути? Что-то подсказывало ей, что она должна быть там. Казалось, в этом направлении перед ней протянулась тропа.

Ты все дальше отходишь от двери.

Стиснув челюсти, стараясь не обращать внимание на звук сыплющихся на Четыре-ноги ударов, Нона побежала. Она отказывалась отвести взгляд от Скалы и от неясных очертаний монастыря. Она вскарабкалась на стену одним прыжком и одним рывком.

Когда Нона спустилась в соседний сад, монастырь исчез за дымовыми трубами соседнего особняка. Она хотела подняться, но тень стены углубилась в ночь, окутав ее, словно густейшая грязь. *Нет!* Она боролась, отчаянно пытаясь вернуться в монастырь, но темнота унесла ее в какое-то другое место, в ночь, наполненную криками и огнем.

Нона стояла между двумя темными зданиями. Она медленно огляделась по сторонам, беспокоясь не столько об опасности, сколько о том, какая новая трагедия может развернуться, к какой черной вехе ее жизни привел этот кошмар.

На открытом пространстве перед ней горело еще одно здание, пламя было таким ярким, что даже умирающий фокус луны казался бледным. И хотя ночь не давала ей ничего, кроме углов и свирепого огня, Нона точно знала, где находится. Справа от нее — дом Джеймса и Марты Бейкер. Слева — каменные стены дома Серого Стивена, того самого, который в юности сражался с пеларти. Вокруг нее горела деревня Реллам. Фигуры, движущиеся на фоне пылающих хижин, принадлежали детям, с которыми она выросла, их родителям и солдатам, которых сестра императора послала, чтобы убить всех жителей деревни.

Нона знала, что это иллюзия, или подделка, или воспоминание, или все три, сплетенные вместе. Каким-то образом она попала в ловушку. Возможно, это случилось, когда она коснулась Пути. У Сестры Сковородка были бесконечные истории о страшных концах, к которым это могло привести неосторожных, и она регулярно пугала ими любую послушницу-квантал, находящуюся под ее опекой. Нона должна была вернуться в Башню Пути, но шанс был упущен, и каждая смена обстановки уводила ее все дальше от монастыря, ставя милю за милей на этом пути и не давая времени их пересечь. Что бы не произошло, это должно было случиться в то мгновение, когда она попыталась пройти сквозь стену в Третью комнату. Она забрела в какое-то царство кошмаров, созданных из ее прошлого.

Нона побежала сквозь тьму, дым и смятение, готовая принять любой вызов. Хотя она говорила себе, что ее окружает ложь, правдивость происходящего обольщала ее чувства. Здесь не было ничего фальшивого. Под вонюю гари это место пахло домом, детством, которое теперь окутывало ее кости. Это было ее, нравится ей это или нет, ее фундамент, хотя он и стоял в грязи и невежестве.

Почему-то ни один солдат не подошел к ней. Через несколько минут она уже стояла в дверях коттеджа своей матери. Две комнаты, где она провела столько лет, вырастая из мяукающего младенца до девочки, которая унесла полдюжины жизней в лесу у ее порога. Теперь вся деревня платила за одну из этих жизней, особую, платила вместо нее.

Тростниковая крыша над головой начала тлеть, искры из дома Блюстоунов начали падать среди соломы. Внутри было темно.

Это не настоящее. Нона подошла к входу. Что-то будет по-другому. Что-то будет неправильно. В каждой сцене до сих пор кто-то был не на своем месте, какая-то деталь была изменена. Это был ключ, загадка. Тем или иным образом. Она вошла, собравшись с духом, закутавшись в свою безмятежность, как в шаль. *Это не настоящее.*

Через мгновение глаза Ноны приспособились к темноте. Горела единственная свеча, проливая воск там, где упала — у двери в мастерскую матери, в которой та плела тростник. Мать Ноны лежала, растянувшись, одна рука тянулась к выходу, ее пальцы почти касались носков башмаков Ноны. Губительная рана вскрыла ее спину, кровь собралась вокруг нее, пляшущее пламя свечи отражалось в свежей луже крови. И, несмотря на все ее внутренние протесты, из груди Ноны вырвались рыдания и крик боли. Щеки онемели, и она упала на колени, горячие слезы брызнули из глаз при ударе о плотно утрамбованную землю. Безмятежность Ноны пошатнулось. Она стояла на четвереньках, прерывисто дыша. Ее мать лежала мертвая. Ее мать. Не важно, что произошло между ними, за этими отрицаниями всегда скрывались узы любви. Вспомнились нежные времена, разделенные улыбки, смех, объятия. Узы, которые образовывали ветвь великого дерева Предка, узы человеческой цепи, тянувшейся через зоны назад к единственному стержневому корню арбората.

Нона, оттолкнув боль, поднялась на колени. Это было испытание. Это была ловушка. Она вытерла глаза, ища свой центр.

— Где-то, оно должно быть где-то здесь. — Она встала и огляделась. Что-то должно быть не так. Что-то не на месте? Транс безмятежности защищал ее от горя, но ее глаза продолжали возвращаться к телу матери, маленькому и сломанному.

— Ничего нет... — Нона упала на колени, несмотря на свой транс, придавленная тяжестью, которую не могла понять. Слезы снова наполнили ее глаза, затуманивая зрение, когда она поднимала голову женщины, которая была для нее всем, на колени.

— ...устала...

— Мама? — Нона сморгнула слезы. Но карие глаза, в которые она смотрела, не принадлежали ее матери, а рука, сжимавшая ее руку, была огромной.

— Дарла? — Нона выдавила имя подруги.

Карие глаза Дарлы затуманились замешательством, чем-то вроде удивления, и посмотрели куда-то вдаль, над головой Ноны. Дым и огонь вокруг них были не из деревни Реллам. Это горели конюшни Шерзал. Восемьдесят миль до Башни Пути превратилась в сотни.

— Она ушла, Нона. — Чайник положила руку на плечо Ноне.

— Дарла... — Еще одна кровоточащая рана. Нона скрипнула зубами.

Рука Дарлы все еще держала ее, теплая, твердая, настоящая. Может быть, ее еще можно спасти... Может быть, на *этот* раз все будет по-другому.

Усилие, с которым она оторвала взгляд от Дарлы, едва не сломило Нону. Отвернуться от друга, который нуждался в ней, *умирающего* друга...

— Это не настоящее. — Нона повернула голову, пытаясь вызвать транс ясности, хотя ее сердце болело и колотилось. — Все это не настоящее.

— Нона... — Чайник медленно покачала головой, словно горе сделало ее слишком тяжелой. — Мы должны идти.

— Там! — Среди клубящегося дыма и красных языков пламени виднелась дверь, которой не было, когда все это произошло, дверь, которой не было места в конюшне Шерзал и которая не могла никуда вести.

— Нона! — Крики из большой кареты перед главным выходом. — Ты нам нужна.

Позволить голове Дарлы упасть было бы равносильно предательству. Каждая ее частичка хотела остаться. Каждая ее частичка хотела встретиться лицом к лицу с опасностью вместе со своими друзьями. Чтобы спасти их. На этот раз сделать это лучше.

Но она вскочила на ноги и бросилась через пылающую конюшню как раз в тот момент, когда дверь, на которую был устремлен ее взгляд, начала исчезать из виду.

— Нет! — Она добралась до нее как раз в тот момент, когда таяли последние линии. — Нет! — Дефект-клинки вонзились глубоко и, неистовство рубя, окруженная бурей щепок... Нона прорвалась внутрь.

Ее окружили изогнутые, заполненные сигилами стены, инкрустированное серебро мерцало в свете, который, казалось, быстро угасал. Нона обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть исчезающий дверной проем, а за ним — спиральные ступени Башни Пути. Тень человека, Джулы или Ары, лежала на каменных ступенях, освещенных цветным шепотом дня, который сиял в классе наверху и струился через витражные окна.

Мгновение спустя дверной проем исчез, и Нона стояла в комнате, слепая и одинокая.

— Это была неправда. Все это, — прошептала она в темноту.

Хотя кое-что из этого было правдой. Настоятельница Стекло умерла и Сладкое Милосердие уже никогда не будет прежним.

Три года назад

Спасение

— ОНИ ОПЯТЬ НАС догоняют. — Нона сгорбилась на плотном снегу, слишком замерзшая, чтобы дрожать. Ветер украл ее слова и с воем унес прочь. Солдаты Шерзал хорошо знали горы и нашли для подъема на высоты пути попроще. Нона видела на юге черные фигуры, чуть больше точек, почти на плече между двумя вершинами, где они с Зоул должны были пройти, чтобы добраться до льда.

— Мы должны спуститься вниз. — Зоул указала на ледяное ущелье, где восточная сторона хребта расколослась вдоль какой-то скрытой линии разлома.

— Вниз? — Нона попыталась представить себе какой-нибудь способ достичь этого, кроме падения. — Там же Скифроул. — Она посмотрела на предгорья, частично скрытые туманом и клочьями облаков, окружившими пояс гор.

— Вряд ли они последуют за нами туда, — пожалала плечами Зоул и продолжила путь вдоль кряжа. Их путь казался зазубренным каменным лезвием, покрытым двумя футами замерзшего снега на южной стороне и черным льдом на северной.

Спуск оказался таким же трудным, как и подъем, хотя и по-разному. Он нашел совершенно новый набор мышц для напряжения. Ноги Ноны начали чувствовать себя так, будто они принадлежали кому-то другому, не обращали внимания на ее приказы, зато позволяли получать полную долю боли. Несколько раз она начинала падать и спасалась только потому, что вонзала свои клинки в лед и камень. Они спускались в течение часа, и мир внизу, казалось, не становился ближе, хотя черная скала, все выше поднимавшаяся позади них, уверяла, что они не стоят на месте.

На склонах, обращенных к земле королевы Адомы, ветер дул уже не так яростно, но был далек от спокойного. Облака плыли под ними, плескаясь о склоны, как серое море. Нона слышала крики еще до того, как они достигли клубящегося слоя тумана, и, оглянувшись, увидела, что те, кто возглавлял погоню, были менее чем в ста ярдах. Мимо нее просвистело копьё.

— Мы потеряемся в облаках, — сказала Зоул. Она запрыгнула вниз, с камня на камень, и, казалось, ноги у нее были такие свежие, словно она только что встала с кровати. Подойдя к копьё, застрявшему в камнях, она подняла его.

Нона последовала за ней, хмуро глядя на облака.

— Мы тоже там потеряемся. — Но она предположила, что «вниз» — более легкое направление, когда идешь, почти ничего не видя.

Туман поднимался навстречу их спуску, холодное белое море окутало их, украсив волосы Зоул драгоценными камнями росы, которые замерзали в крошечные жемчужины. Нона спотыкалась в изнеможении, огонь корабль-сердца наполнял ее разум рассеянной энергией, но ничего не делал для мышц бедер.

— Ты раньше бывала в Скифроуле? — спросила Нона, соскальзывая на карниз, с которого только что ушла Зоул.

— Нет.

— Их армии на границе...

— Если нам придется убивать солдат, чтобы добраться до льда, не лучше ли, чтобы это были скифроульцы?

— Наверное, да... — Нона испытывала страх перед Скифроулом, наследие бесконечных историй, которые рассказывали по всей Серости. Она ожидала, что в каждой части империи есть свои рассказы об ужасах Скифроула. Рассказывали их, без тени сомнения, такие старухи, как Нана Эвен, даже те, кто никогда не был достаточно далеко на востоке, чтобы увидеть вершины Грэмпейнов, не говоря уже о настоящем еретике. Сжигали ли они пленных, ели ли младенцев и применяли ли особые пытки? Лучше не попадаться, чтобы в плену все уяснить на себе..

Ветер начал разрывать слой облаков вокруг них, открывая белые склоны гор и давая возможность увидеть Скифроул, простирающийся на восток. Он выглядел удивительно похожим на империю, простиравшуюся по другую сторону Грэмпейнов. Лед на севере был мерцающей белой линией, на юге он лежал менее чем в пяти милях — сводчатая стена, теперь вся в тени.

— Лед. — Нона остановилась. Она и раньше видела огромную стену Коридора, каждую ночь срезаемую фокусом луны, но впервые в жизни у нее была возможность взглянуть вниз на то, что лежало за ней. Зоул тоже остановилась. Даже жизнь на льду не давала такого обзора. Миля за милей беспощадного льда, кровавого от прикосновения утреннего солнца. То тут, то там внутреннее давление мяло равнину гребнями или растягивало ее трещинами, которые на таком расстоянии выглядели как морщины, но должны были быть достаточно глубокими, чтобы проглотить любую башню, построенную человеком. Корни Грэмпейнов рассекали лед каждые несколько миль, серые каменные ребра тянулись от главного хребта, покрывались снегом и, наконец, тонули под ледяным потоком.

— Это... завораживающее зрелище. — Зоул стояла неподвижно, как статуя, ветер трепал ее плащ.

— Черный лед! — Нона указала на рану в ледяном покрове — можно было почти вообразить, что это дыра с затененными краями. Черная слеза, которую невозможно было не увидеть теперь, когда глаза нашли ее, погруженная в серый ореол, тянулась как тень через окружающий лед и уходила на север, широкий поток льда, темно-серый в центре. Там, где серая полоса достигала Коридора, ледяная стена также была серой, а земля вокруг — бесплодной; мертвая зона вторгалась в обрабатываемую землю Скифроула. Границы этой мертвой зоны были окаймлены коричневым там, где флора Коридора боролась за выживание. В узком промежутке между зараженной территорией и западными предгорьями Грэмпейнов цепочка из четырех крепостей шагала от одного гребня к другому, навстречу чистому льду.

Зоул позволила им немного отдохнуть. Нона рухнула на подветренную сторону скалы. Она съезжилась там, дрожа, и уставилась на Скифроул, бесконечно тянущийся на восток. Земля лежала зеленой и серой, затененная несущимися облаками и еще более окрашенная слухами о жестокости ее жителей. Если верить историям, их королева была чудовищем, гораздо более темным, чем Шерзал.

Несколько лет назад Сестру Чайник послали в Скифроул, чтобы узнать секреты королевы Адомы. Она рассказала Ноне историю своей миссии, передав в тот раз образы по связующей их нить-связи. Разделенные таким образом картины событий очень поражают и часто горят так же ярко, как собственные, пока не становится трудно отличить их от

подлинных воспоминаний.

Чайник была не первой и не последней Серой Сестрой, которую послали в столицу Адомы, но она подошла ближе к королеве, чем любой другой член ордена за долгое время. Достаточно близко, чтобы стоять вместе с придворными в обличье ной-гуин и слушать, как королева обращается к своим вельможам.

Среди сверкающих толп, собравшихся под золоченой крышей дворца, Чайник видела с полдюжины самых страшных Путь-магов Скифроула, стоявших плечом к плечу со знатью. Каждый из этих полно-кровок квантал носил золотой медальон, отмечающий их как членов Кулака Адомы, организации магов из кванталов и марджалов, чья репутация была известна далеко за пределами как Скифроула, так и империи. Говорили, что при ударе Кулака Адомы дрожал даже лед.

Их предводитель, Йом Рала, стоял перед тронном на первой ступени возвышения, на самом почетном месте. Чайник описала его как мужчину, похожего на жеваную палку, с пристрастием к алым нарядам.

— Он может выглядеть слабым и глупым, — сказала Чайник, — но, когда он смотрит в твою сторону, кажется, что он знает все твои секреты, и там, где он ступает, земля дымится. Я молю Предка, чтобы войны Скифроула на востоке держали Кулак на границах Альда, а не на наших!

Адома говорил о западе и о судьбе Скифроула, претендующего на побережье Марна.

Нона видела королеву глазами Чайник. Высокая женщина, с грубым лицом, крепкая, передающая ощущение физической силы, едва сдерживаемой энергии. Черные волосы, пеннистая масса кудрей, удерживаемых золотыми обручами, бледная кожа в пятнах и прожилках, словно натертая свежими чернилами. В Скифроуле говорили, что она принесла себя в жертву. Чтобы обрести силу и привести свой народ к победе, Адома бросила вызов черному льду и была им отмечена.

Враги Адомы называли ее безумной, пьющей кровь, жестокой сверх всякой меры, готовой подвергнуть любой пытке, какую только может придумать воображение. Ее люди называли ее беспощадной, безжалостной, рожденной, чтобы отдать всю длину Коридора в их распоряжение.

Однако когда она заговорила, обращаясь к своему двору на текучем языке Скифроула, Чайник нашла, что она вполне четко и разумно выражает свои мысли.

— Если бы я была жителем Скифроула, я бы пошла за ней, — сказала Чайник. — И она права. Лед надвигается на нас, и как еще нам жить, как не продвигаться на восток или запад? Мир жесток, наш выбор суров, и каждая альтернатива ведет к чьей-то смерти. У меня есть только одно возражение — она планирует проложить путь через нас.

Какими бы вдохновляющими ни были ее речи, истина о Бой-королеве лежала в черном льду, в том ужасном месте, где даже Чайник сбилась с пути и откуда, как говорили, Адома получила свою силу. Чайник не делилась воспоминаниями об этой тьме, только убеждением, что из нее не может выйти ничего, кроме зла.

Зоул взглянула на облако, вздымающееся всего в сотне футов над ними, и двинулась дальше:

— Идем.

— Я видела его. Дьявола... — Нона не собиралась ничего говорить. Может быть, вид черного льда навел ее на эту мысль: — Я видел его у тебя на запястье, когда ты вылезла на дорогу.

Зоул остановилась на один удар сердца, затем продолжила спускаться:

— Не думаю, что во мне остался кто-то еще.

— Еще? — Нона поспешила за ней, стиснув зубы под напором корабль-сердца.

— Похоже, чтобы полностью очистить нас, потребуется по корабль-сердцу каждой крови. Или, может быть, это нужно только *мне*.

— Очистить? О чем ты говоришь? — Нона поскользнулась, одна усталая нога зацепилась за другую, и она упала. Она цеплялась за этот момент, но, хотя и проваливалась сквозь паутку, все равно падала, ее руки были слишком далеко от любой поверхности, чтобы спасти ее.

— Осторожнее. — Зоул с быстротой хунска бросилась к ней и поймала ее запястье.

Нона высвободилась и безмолвно поползла прочь от корабль-сердца, огонь которого горел в ее крови.

— Неужели ты думаешь, что во всей необъятности льдов их больше нет? — Зоул мотнула головой в сторону своего рюкзака. — Ни одного из ваших «корабль-сердец»? Ты думаешь, что они существуют только на этой узкой полоске Абета, где все еще растет зелень?

— Ну... — Нона об этом как-то не задумывалась. — Но лед покрывает...

— Есть пути вниз. А лед-племена — потомки тех, кто отказался бежать перед его наступлением, потомки людей, которые ходили по зеленому лику Абета тысячи лет назад. Они забрали свои сокровища с собой на лед.

Зоул двинулся дальше, и, казалось, целую вечность Нона только и могла, что не отставать от нее. Лед-девушка остановилась там, где из трещины в скале сочилась струйка ледяной воды.

— Пей. — Она начала наполнять мех водой.

Нона обнаружила еще меньшую струйку, стекающую с выступа, и встала под нее с открытым ртом. После нескольких глотков она отступила:

— В тебе сидит дьявол, один из этих... ты назвала их *клаулату*?

— У тебя под кожей был *клаулату*, Нона Грей, эхо Пропавших. Это, — она раскрыла ладонь, и та стала алой, — *раулату*, он не из Пропавших. Это эхо меня.

— Я не понимаю.

Зоул прищурилась, глядя мимо Ноны на склоны над ней.

— Облака замедлили их не так, как я надеялась. Они снова нашли нас. — Она повернулась и прыгнула вниз, приземлившись на огромный валун в двадцати футах ниже выступа, по которому тек ручеек Ноны.

Нона выглянула из-за обрыва.

— Черт побери. — Она взглянула на темные пятна, движущиеся по более высоким склонам. Пожав плечами, она собрала свое ноющее тело в сосредоточенный узел, шагнула в пространство и позволила падению овладеть собой.

Они оставили облака цепляться за плечи гор; раннее солнце приветствовало двух послушниц в восточных предгорьях. Ничто не осмеливалось находиться на этой труднопроходимой местности, за исключением нескольких видов металл-травы и коз, которые пришли за ними с равнин. Зоул шла впереди, хотя знала географию не лучше, чем Нона; они обе полагались на воспоминания о бесконечных картах Сестры Правило. Они двигались быстро, следуя вдоль ручьев вниз по долинам, держась начеку на случай, если пастухи захотят проверить свои стада.

— Это могла бы быть империя, — сказала Зоул. — Все это ничем не отличается от другой стороны.

— Пару веков назад это *была* империя.

— Возможно, и люди не будут такими уж разными, несмотря на то, что Сестра Колесо называет их пожирателями детей и извращенцами. — Зоул повернула к гребню долины.

— Возможно. — Ноне было трудно так легко избавиться от ожиданий, порожденных сотней рассказов у камина. Она уставилась на спину Зоул и заставила свои не желающие двигаться ноги идти вровень с девушкой вниз по гребню. Солдаты Шерзал, похоже, сдались, не готовые рисковать на территории Скифроула. Ной-гуин нигде не было видно, но Нона сомневалась, что они так легко уступят. Даже если бы на карту не было поставлено их корабль-сердце.

— Этот твой дьявол... — Нона вернулась к разговору, прерванному на скалах высоко над ними.

— *Раулату*.

— Это какая-то часть тебя, которую корабль-сердце... оторвало?

— Нечистота духа. В этом случае возможно очиститься, став ближе к божественному.

— И... — Нона замолчала, перелезая через каменный выступ. — И ты уже прикасалась к корабль-сердцу? На льду?

— Мое племя называет их *клауклар аффак*, «Следы Пропавших». Большинство на льду знают их просто как «Старые Камни». И да, я прикасалась к такой вещи раньше. Двум таким, на самом деле. Когда говорящие со льдом находят ребенка, который мог быть поблизости от Старых Камней, они проверяют его. Каждый новый *раулату* отделяется от человека дольше, чем предыдущий, и его труднее выбросить наружу. Я отдала огню двенадцать. Это было тяжело. Ни один из камней племени не смог найти больше.

— Сколько лет тебе было тогда? — Нона знала, что когда Зоул называла что-то «тяжелым», это означало, что любой другой был бы этим убит.

— Девять. Говорящий со льдом прогнал меня в Коридор. Он не сказал почему. Дядя отвез меня на окраину империи. Меня продали агенту Шерзал в деревне под названием Осколок.

— Ты... ты думаешь, что поэтому у тебя и нет нитей?

Зоул ничего не ответила. Она достигла того места на гребне, откуда могла видеть следующую долину и крепость на севере, ближайшую в цепи:

— Похоже, у Бой-королевы есть уши во дворце Шерзал, которые очень быстро передают то, что узнают.

Нона вскарабкалась на гребень, чтобы присоединиться к Зоул. Она выпрямилась, вытирая песок с ладоней:

— О.

По дальнему краю долины спускалась колонна всадников — отряд на косматых пони, которые жили на свободе в таких равнинах и по этой местности могли бегать хоть целый день.

— Шестьдесят. — Зоул повернулась и спустился под гребень.

— Мы не сможем убежать от них. — Нона не была уверена, что прямо сейчас сможет убежать от трехногого мула.

Зоул прищурилась. Мгновенный хмурый взгляд, и она снова двинулась вниз, в долину, под углом к их первоначальному пути вдоль потока. По эту сторону Грэмпейнов реки

некоторое время текли сверху, прежде чем скрыться под ледяным покровом. На глобусе Сестры Правило можно было повернуть вспять продвижение ледников и приложить пальцы к древним океанам, выделенным голубой эмалью. Нона подумала о том, что они все еще лежат под километрами льда и что нагретые солнцем воды Коридора должны в конце концов достигать этих скрытых морей.

— Если мы собираемся драться, то должны сделать это здесь, — крикнула Нона вслед Зоул.

— Шестьдесят — это слишком много, — отозвалась Зоул. — И придут еще. Я лучше отдохну.

Нона пожала плечами и последовала за ней. Шестьдесят — это слишком много, а отдых — это хорошо.

Святой Класс

Настоящее Время

ПОЛНАЯ ТЕМНОТА. ТРЕТЬЮ комнату Башни Пути окутывала вечная тишина.

— Яйца дохлого кобеля! — Нона нарушила тишину, ударившись голенью обо что-то твердое. Одно из любимых проклятий Регола, хотя он использовал его только тогда, когда думал, что ее рядом нет. Нона надеялась однажды порадовать им Клеру.

Она наклонилась, чтобы потереть ногу, затем протянула руку, чтобы проверить препятствие. Сундук с бочкообразной крышкой. Она не была уверена, видела ли она его за мгновение до того, как умер свет, или вообразила после. Ее пальцы исследовали металлическую окантовку и нашли тяжелый замок. Есть ли там еще более хитрая защита? Нить-ловушки? Сигилы? Или Сестра Сковородка считает достаточной защитой то, что он покоился в Третьей комнате Башни Пути?

Нона села на холодный каменный пол. Она могла бы поставить ногу на Путь и призвать свет, но чем это может закончиться после странных путей, по которым она только что прошла, Нона не знала и не хотела знать.

Замок представлял из себя большой кусок холодного железа. Нона расфокусировала зрение, чтобы увидеть черенки нитей. Замок полыхал ими. Нити самого металла вели назад через слесарей, через мастерскую, расщеплялись в кузнице, где были выкованы различные части, снова соединялись в белом жаре топки и убегали назад вдоль рек к далекому карьере, из которого добыли руду. Все они переплетались с жизнями тех, кто трудился, чтобы сделать замок, и переплетались со старой песней земли, в которой составляющие железа пролежали бесчисленные годы.

Внезапный свет пронзил все вокруг, размыв детали и заставив Нону прикрыть глаза.

— Я подумала, тебе не помешает фонарь, — сказала Ара дрожащим голосом. Она подняла его и оглянулась на стену, через которую прошла: — Ну, это было... нервное дело. — Она глубоко, сосредоточенно вздохнула и оценивающе оглядела покрытые сигилами стены. — Здесь все сложнее, чем в других комнатах. Здесь написаны целые предложения...

— Как ты вошла? — требовательно сказала Нона, вставая.

— Полагаю, так же, как и ты. — Ара моргнула.

Нона сильно в этом сомневалась:

— Расскажи мне, во всех подробностях.

— Хорошо. Я несколько раз прошла туда-сюда и заметила, что ты исчезла. Я нашла место, где, как мне показалось, могла быть дверь, и попробовала все, что знала, чтобы открыть ее. Это, казалось, не сработало, но когда я вернулась в комнату с портретами, все было по-другому... там была новая картина, которая... Ну, во всяком случае, я не стала останавливаться, чтобы ее рассмотреть. Я просто развернулась и побежала вверх по ступенькам. И по всей лестнице были двери в сцены из моей жизни, как будто я могла просто шагнуть в них. Пройти мимо них было трудно. По-настоящему трудно, я имею в виду. И я думаю, что, если бы я заколебалась, они могли бы просто всосать меня внутрь. Но я не остановилась. И на полпути вверх была арка, показывающая тебя перед этим сундуком. Я

переступила порог и вот я здесь. — Она улыбнулась. — Ты так же?

— Мой путь был немного сложнее. — Нона пожала плечами. — Книга здесь, если она вообще где-то есть. — Она пнула сундук ногой.

— И мы действительно хотим ее украсть? У Сестры Сквородка? — спросила Ара.

— Никто из нас не хочет. Но я не вижу другого пути. — Нона снова опустилась на колени перед сундуком и осмотрела его. Никаких сигиллов. Она снова взглянула на нити замка, ища ловушки или сигнализацию.

— А она не заметит, что ее нет? — спросила Ара.

— И что она скажет? «Кто из вас взял запрещенную книгу, которую мне не разрешили иметь под угрозой изгнания?» — Нона определила нити, которые должны были разгадать загадку механизма. Их было три. Ключ должен быть сложным куском железа. — Кроме того, как часто она, по-твоему, смотрит на нее? Может пройти год, прежде чем она заметит, что книга исчезла. А, может быть, десять лет!

— Итак, мы крадем книгу, которая должна помочь нам украсть другую книгу, которая тоже может не существовать. — Ара села, ее глаза приняли «ведьмовское» выражение, и она присоединилась к охоте за любой нить-защитой сундука.

— Книга существует, — сказала Нона. — Настоятельница Стекло не стала бы мне лгать.

— Эта женщина лгала, когда ей было удобно, Нона. В этом нет ничего личного. — Пальцы Ары подергивались, когда она перебирала нити, выбирала одну, рассматривала ее, откладывала и брала следующую. — Кроме того, она была очень больна и могла ошибиться. Она назвала меня Дарлой, когда мне в последний раз разрешили ее навестить.

— Джула уже знала о книге. Она пыталась рассказать мне об этом много лет назад, — сказала Нона.

— И все же я не вижу в этом никакого смысла. Шерзал собиралась проникнуть в Ковчег и использовать четыре корабль-сердца для управления луной. И ей не нужна была никакая книга.

— Четыре ингредиента желтого пирога — это масло, мука, яйца и сахар. Даже если я дам тебе эти четыре необходимые вещи, ты все равно не сможешь испечь пирог, над которым Сестра Ложка не будет смеяться.

— Как и ты. — Ара перешла на гнусавый тон Сестры Ложка. Лучшим имитатором была Рули, но Ложку было легко передразнивать. — Послушница Нона, это отличный пирог, пожалуй, лучший желтый пирог, который я когда-либо видела...

— ...если бы целью изготовления такого пирога было создание чего-то подходящего для рукопашного боя, — продолжала Нона, зажимая нос. — Однако, если бы я захотела съесть пирог вместо того чтобы забить им кого-нибудь до смерти...

— ... тогда мне лучше наскрести что-нибудь из монастырских свинарников, — закончила Ара.

— Не в этом дело. — Нона постаралась выглядеть серьезной. — Шерзал хотела заполучить Ковчег, дворец, трон. Остальное, она надеялась, уладится само собой. Ковчег был чем-то, в чем она нуждалась, чтобы заполучить Атому в союзники. Корабль-сердца — необходимые ингредиенты. Но мы ищем кулинарную книгу.

— По-моему, все чисто. — Ара провела руками по сундуку. — Попробуй открыть замок.

Нона взялась за три нити ключа. Руки ей не были нужны, но это помогает сосредоточиться. Любой замок — загадка. Нити делали эту загадку простой или, по крайней мере, менее сложной, и позволяли разгадать ее с помощью подходящих манипуляций. Ноне

потребовалось семь попыток. Ара только открыла рот, ее губы сложились в звук «д» из «дай мне попробовать», когда раздался нужный щелчок.

Только открыв крышку и взглянув на содержимое, Нона впервые почувствовала себя виноватой. Увидев свернутые письма, аккуратно сложенный шарф из шелка Хейренамона, покрытый детской вышивкой, маленькие фигурки лошади и младенца, вырезанные из темного грушевого дерева, и дюжину других личных вещей, Нона поняла, что она — незваная гостя самого худшего сорта, топчущая сад воспоминаний.

— Она должна быть внизу... — Нона не видела никаких признаков книги.

— Нам пора идти. — Все, что чувствовала Нона, прозвучало в голосе Ары.

— Мы должны это сделать.

— В любом случае это чепуха. — Ара встала, чтобы уйти. — Если бы тайны луны были записаны в книге, они бы использовались в то время, когда она была написана. Или по крайней мере сто лет спустя, когда император Шарль запретил эту тему и приказал спрятать все книги в хранилище! Он бы сам воспользовался этим секретом. Он бы не оставил его двум послушникам в царствование своего внука!

Нона посмотрела на подругу. Ей хотелось, чтобы они могли уйти. Ей хотелось, чтобы они просто закрыли сундук и ушли:

— Если бы я поклялась тебе, что Предок поведал мне: в книге написана истинная алхимия... нам нужно только следовать рецепту и обычные металлы превратятся в золото прямо перед нами... и мы будем богаты?

— Ну, да. Мы бы взяли книгу и...

— Какую книгу?

— Ты только что сказала, что секрет записан в книге. погоди, разве Предок не рассказал тебе название?

— Только то, что это написано в книге по алхимии.

— Ну, тогда нет, мы будем бедны, потому что существует тысяча книг и свитков, обещающих истинную алхимию.

— И есть тысяча книг, обещающих все тайны луны. Но Настоятельница Стекло, которая забыла больше, чем мы с тобой когда-либо узнаем, и Джула, которая скорее прочтет самую грязную книгу, чем поест, и которая умнее любой Госпожи Академии, с которыми я встречалась, обе говорили, что эта книга — другая. Джула и сейчас утверждает, что книга может сказать что-то реальное. А Настоятельница Стекло *пообещала*, что так и будет. — Нона с бесконечной осторожностью протянула руку и начала вынимать предметы из сундука, запоминая их положение. — И если Настоятельница Стекло это сказала, большая она или нет, мне этого достаточно.

Ара нахмурилась, как часто хмурилась в последние недели:

— Итак, если книга в запретной библиотеке действительно та, о которой говорила настоятельница, как мы ее используем? Как мы это проверим? У нас нет четырех корабль-сердец. Ни у кого нет! У нас нет доступа к Ковчегу. У нас нет никого, кто бы нам поверил, и уж тем более Колесо. Это казалось плохим планом, когда мы только обсуждали его. Теперь, когда мы действительно это делаем...

Нона со вздохом потянулась за пачкой писем. Настоятельница Стекло многому ее научила. Она научила Нону, что часто можно найти угол, где любое правильное выглядит неправильным, а любое неправильное — правильным. Она научила ее песне Предка, силе долгой игры и необходимости действовать решительно. Но прежде всего Настоятельница

Стекло научила Нону ценить ложь. Единственное, чему ей так и не удалось научить Нону, — не чувствовать себя виноватой за то, что рассказала ее.

— То, что мы делаем, — правильно. Ключ ко всему. Мне нужно, чтобы ты верила в это, Ара. Мне нужно, чтобы ты заставила поверить в это остальных. Мы скоро примем священный сан, так что должны научиться верить, не так ли?

— В Предка, конечно, а не в какую-нибудь старую...

— Это пришло от самого высокого авторитета, которого я знаю.

Ара вдруг недоверчиво подняла голову, глаза ее заблестели.

— У тебя было видение? От Предка? — В ее голосе смешались благоговение и желание.

Нона склонила голову:

— Было.

На самом дне сундука Нона обнаружила три книги, завернутые в черный бархат. «*Книга Потерянных Городов*» Аквинаса была самой маленькой из трех, она выглядела менее старой и менее впечатляющей, чем «*Путь Мистика*» или «*Жизни Лестяля Кроу*». Она больше походила на путевой дневник, чем на увесистый том, достойный запрета. Нона взяла томик в кожаном переплете и спрятала его во внутренний карман рясы, прежде чем вернуть два других в их упаковку и начать возвращать другие сокровища Сестры Сковородка.

На мгновение ее охватила паника, когда она потянулась за фигуркой младенца и обнаружила на полу за ней старую маргаритку, высушенную и спрессованную, которая, должно быть, выпала из-под страниц одной из книг. Она осторожно извлекла все назад, развернула книги и положила цветок за обложку «*Жизни Лестяля Кроу*», надеясь, что угадала правильно.

Наконец, слегка вспотев, Нона закрыла крышку:

— Готово.

— Запри. — Ара кивнула в сторону замочной скважины.

— Верно. — Нона нашла нужные нити и начала манипулировать ими. На этот раз задача была проще.

Ара подошла к стене и положила на нее руки.

— Теперь мы выяснили, что попасть внутрь было проще простого. — Она нервно улыбнулась.

— Я пойду за тобой, — сказала Нона. — У тебя это получается лучше, чем у меня.

— Но ты же вошла первой! — Ара надула губы.

— Ты не захочешь возвращаться моим путем. Поверь мне.

НОНА, СПОТЫКАЯСЬ, ВЫВАЛИЛАСЬ на лестницу Башни Пути, держась за плечи Ары, чтобы не упасть.

— Наконец-то! — Джула поспешила к ним. — Я думала, вы там умерли! Застряли в стене или еще что-нибудь в этом роде!

— Расслабься, — улыбнулась Ара, поднимая фонарь. — Мы ее достали.

— Мы должны идти! — Джула протиснулась мимо них. — Брей сейчас пробьет шестой колокол. С минуты на минуту снаружи выстроятся маленькие Красные.

— Шестой колокол? — Нона покачала головой. — Я не думала, что мы были там *так* долго!

— Да, были! — Джула едва не топнула ногой. — Пошли. — И она начала спускаться.

— Я удивлена, что Сковородка еще не здесь, если время так близко к шестому, —

сказала Ара, недоверчиво улыбаясь.

— Здесь. — Джула не остановилась, только прошипела им в ответ из-за поворота лестницы.

Это заставило обеих послушниц задвигаться. Они поймали Джулу, когда та спешила в комнату с портретами.

— Она здесь?

— Я была на лестнице, когда она начала подниматься! Мне пришлось подняться в класс, спрятаться за крышкой люка и выскользнуть наружу, пока она расставляла стулья. Просто чудо, что она меня не заметила! — Джула побледнела.

Ара хлопнула ее по спине:

— Отравительница все же сделает из тебя Серую Сестру!

— А потом я снова слонялась по лестнице, ожидая с минуты на минуту ее следующего урока и гадая, сколько времени понадобится, чтобы объявить вас обеих пропавшими и признаться во всем. — Джула подвела их к северной двери, осторожно открыла ее и широко распахнула. Все трое вывалились на улицу.

После нереальности прошедшего часа, странных и эмоциональных прогулок по памяти, хождения сквозь стены, кражи из тайника Сестры Сковородка в деле, которое было больше, чем любая из них... было неожиданно обнаружить себя в холодном свете того же дня и подчиниться тому же старому расписанию, которое управляло их жизнями столько лет.

Друзья немного постояли, дрожа и моргая, под прикрытием башни.

— Тень! — Нона вспомнила, где ей следует быть дальше. — Проклятье! — И Нона и Ара бросились в погоню за временем, рассеяв полдюжины приближающихся послушниц Красного Класса.

Святой Класс

Настоящее Время

НОНА И АРА побежали в класс Тени, оставив Джулу добираться до углубленного класса Духа под купол Собора Предка вместе с Настоятельницей Колесо.

Скоро все в Священном Классе примут обеты или вернутся в свои дома. Если у них еще есть дома. При обычных обстоятельствах послушницы, такие как Нона, могли бы ожидать, что им придется ждать по меньшей мере два года, прежде чем им разрешат взять головной убор монахини. С миром, смыкающимся со всех сторон, с его острыми зубами и когтями, время выбора было бы слишком тяжелым для них. Джула была нацелена на черную рясу Святой Сестры, она хотела провести жизнь в молитвах и созерцании, жизнь, покоящуюся на основах ее веры. Помимо богослужений, ее время будут занимать простые монастырские дела. Она могла бы даже попытаться преподавать послушницам. Черный был открыт для любой девушки, окончившей обучение в монастыре без пятен на характеристике. Чтобы принять Красный, Серый или Синий цвета Боевой Сестры, Сестры Благоразумия или Мистической Сестры, необходимо было пройти испытания, продемонстрировать достаточные способности. Ара сказала, что вернется к своей семье, если ей не предложат Красный или Серый. Ей нужны волнение и вызов, а не дни смирения, отмеряемые звоном колоколов.

Хотя свободным выбором Ноны всегда будет Красный, она знала, что Серый и Синий предлагают достаточно опасности и разнообразия, чтобы удовлетворить и ее. В конце концов, однако, она будет служить в любом качестве, которое потребует Церковь. Всем сестрам придется сражаться, прежде чем все это закончится. Сражаться или умереть. Вероятно, и то и другое, судя по потокам прибывающих беженцев, забивших дороги на востоке и на западе.

Меньше чем через минуту после того, как они покинули Башню Пути, Нона и Ара спустились по ступенькам в пещеру. Сестра Яблоко только что заняла свое обычное место за столом для приготовления зелий. Алата, Лины, Кетти, Рули и Шарлот обернулись, чтобы увидеть, как вошла Нона с Арой за плечом. Опоздание всегда было хорошим зрелищным развлечением, и то, что Нона однажды спасла кого-то очень дорогого Отравительнице от неминуемой смерти, никогда, казалось, не смягчало наказания за проступки в классе.

Нона стояла, пригвожденная взглядом Сестры Яблоко, и ждала приговора. В последнее время ее излюбленным занятием была чистка главного котла в седьмой день. Струйка пота побежала по ребрам, параллельным корешку «*Книги Потерянных Городов*» Аквинаса. Если книга будет обнаружена, то все наказания, когда-либо раздававшиеся в классе Тени, побледнеют в сравнении с возмездием, которое обрушится на нее.

Отравительница отложила свои записи.

— Сестра Мантия была отозвана на другие обязанности, так что дальнейшие инструкции в Тень-кулаке будут ждать ее возвращения. — Монахиня жестом приказала Ноне и Аре занять свои места. — Таким образом, мы можем на досуге определиться с сегодняшней темой урока. Сеанс по раздиранию был бы мудрым выбором, учитывая ужасное

состояние тень-работы этого класса.

Нона опустила голову. Без тени даже простейшие манипуляции с темнотой были ей не по зубам. Когда гас свет, она была слепа и беспомощна, как человек, в жилах которого нет ни капли крови марджал. Знание того, где лежит ее тень, смягчало потерю, но не намного. Незначительной компенсацией было то, что, поскольку ее тень все еще была привязана к корабль-сердцу Сладкого Милосердия, она получила небольшой, но устойчивый контакт с сила сердца. Даже сейчас она чувствовала, как оно пульсирует вдоль тень-узы, связывающей их. Корабль-сердце осталось у Шерзал — часть условий нелегкого перемирия с братом. Но Нона продолжала надеяться, что грядущие годы дадут ей возможность вернуть свою тень и добиться справедливости за преступления Шерзал. Гесса и Дарла оба погибли из-за махинаций этой женщины, и Нона увидит, как Шерзал истекает кровью.

— Или, — продолжала Сестра Яблоко, — мы могли бы попрактиковаться в ваших проволока-навыках, которые в равной степени нуждаются во внимании.

Нона подняла глаза. Проволока-работа включала в себя удушение, которое всегда было грязным делом, и установку различных неприятных ловушек, но, по крайней мере, она могла это делать.

— Какие предпочтения?

Нона и Ара знали, что лучше не говорить. У Яблока был инстинкт правды даже без ее маленьких таблеток, и она выбрала бы вариант, которого ни один из них не хотел. Нона подумала, не схитрить ли и попросить вариант, который ей меньше всего нравится, но промолчала, уверенная, что Яблоко ее раскусит.

— Проволока-работа? — Лина подняла руку.

— Проволока-работа. — Сестра Яблоко позволила себе едва заметно улыбнуться и наклонилась, чтобы отпереть выдвижной ящик, в котором хранила оборудование. Она немного порылась там, затем извлекла семь комплектов, каждый из которых представлял собой небольшую коробочку из полированного дерева, содержащую набор проволоки, нарезанной на мотки различной стандартные длины. Прижимая к себе стопку ящичков, монахиня пошла по классу, раздавая их.

— Спасибо, Госпожа Тень. — Нона не потянулась за своей, вместо этого позволив Сестре Яблоко поставить ее перед собой.

Прежде чем открыть коробочку, Нона убрала ладони в рукава. Контактный яд был излюбленным наказанием для запоздавших послушниц. Внутри, в маленьких отсеках, лежали туго свернутые мотки проволоки. Железные наперстки и напальчники, сплетенные из очень тонких металлических колец, должны были помочь избежать рваных ран. Рядом с напальчниками находились разнообразные крючки, клинья и блоки. Они стояли в узкой линии углублений, приспособленных для их размещения. Серые Сестры могли использовать сигил-инструменты для быстрой проволока-работы, но такие дорогие инструменты доверяли только лучшим и каждая Сестра Благоразумия должна была уметь пользоваться более простыми методами.

— Работайте парами. Я хочу, чтобы окна были защищены проволокой. Шарлот, ты займешься дверью. Сначала запри ее, дорогая. — Сестра Яблоко махнула им, чтобы они приступали к своим заданиям, и вернулась к столу.

Ара и Нона поспешили занять центральное окно. Каждое из окон представляло собой прямоугольный туннель длиной около трех ярдов, прорезанный в известняке Скалы Веры. Они выходили на утес, возвышавшийся над зелеными окрестностями Истины. Окна были

достаточно широки, чтобы передвигаться на четвереньках или на корточках, так что проволоку можно было установить через равные промежутки от одного края до другого.

— Я буду готовить, а ты ставь. Потом поменяемся местами. — Нона махнула Аре в сторону туннеля. Нона выбирала нужные клинья и подавала проволоку, в то время как Ара занималась суетливым делом: закрепляла проволоку на камне и сматывала ненужную длину.

Нона потянулась за коготь-крюком. Ара захочет этот крюк. Она, наверняка, захочет все шесть. Крюки довольно хорошо работали на краях и трещинах, которые можно было найти в известняке. Ее пальцы замерли в дюйме от нужного устройства. Она наклонилась вперед, щурясь и пригнувшись. Вздохнув, она достала из кармана тряпку.

— Яд на устройствах, Ара. — Сестра Яблоко сработала быстро, нанеся, вероятно, бескостную смолу на несколько ключевых компонентов. Впереди Ара хмыкнула в знак согласия.

— Я считаю до пятисот! — крикнула из-за стола Сестра Яблоко.

Нона надела железный наперсток и отмотала кусок проволоки, осторожно проведя ее через ткань. Не было кузниц, которые могли бы сделать проволоку такого качества или длины. Только Ковчег-сталь могла быть такой опасной, будучи настолько тонкой, что могла считаться невидимой для ничего не подозревающих или спешащих. Нона почувствовала некоторую гордость, обнаружив, что проволока была извлечена из ледяных туннелей элитными мусорщиками, такими же, как ее отец, которые осмеливались в чернильных глубинах льда охотиться за сокровищами, погребенными под его наступающей толщей. В городах, покинутых людьми много веков назад, можно было найти очень ценные вещи. Следуй по любому туннелю с окраин, и ты отправишься назад во времени. Найди правильный туннель, расположенный в достаточном числе миль между тобой и Коридором, и земля, на которую ты ступишь, была зеленой тысячелетия назад. В редких местах сохранились предметы, укрытые от течения льда за гранитными хребтами или погребенные в пещерах. Однако истинными призами были не древние остатки человеческого труда, а города Пропавших. В таких местах мусорщик мог найти Ковчег-сталь в виде проволоки, осколки розового хрусталя, собравшуюся в углублениях ртуть, бусины ночь-черноты и сотни других чудес.

Нона закрепила крошечный коготь-крюк на конце проволоки, стараясь не порезать палец. Даже при небольшом давлении проволока могла порезать до кости. Она, как всегда, спросила себя, для чего Пропавшие использовали эти вещи и что бы они подумали о тех способах, к которым Сестры Благоразумия прибегли во имя Предка.

Пораженная внезапной мыслью, Нона расфокусировала свой взгляд, желая проследить за нитями Ковчеха-стали назад, как она проследила за нитями замка Сестры Сквородка. Существовала отдаленная возможность, что где-то на стальной нити ее ждет отец. Возможно, он стоит там среди видений исследования, во время которого он нашел этот моток. Но разгадать такие тайны было выше ее сил. Вместо этого она увидела проволоку так, как будто это была ее собственная нить; она сверкала тайной, сплетенной вокруг жизни безымянных Серых Сестер, и вела обратно в тьму подо льдом. Подробности его открытия и далекое чудо егоковки были окутаны тревожащим туманом...

— Нона? — В голосе Ары послышалось раздражение. — Угол-мост!

Нона вздрогнула. Она сморгнула нить-зрение и виновато вернулась к работе:

— Уже несу. Прости.

— Осталось четыреста, — крикнула Сестра Яблоко. Кто-то в соседнем туннель-окне

выругался. Даже один единственный момент отвлечения мог закончиться порезом.

Ара установила четыре проволоки: две пересекались по диагонали от противоположных углов, третья отрезала угол, до которого могла дотянуться рука, и последнюю горизонтально, на уровне глаз. Она отступила на два фута от них и посыпала металл сажей, чтобы скрыть его блеск. Расположение зигзагом сводило к минимуму вероятность обнаружения и означало, что жертва может врезаться во вторую и третью проволоку с бóльшей силой, оставив спереди и сзади другие, готовые ловить.

Как только Ара выползла обратно, Нона вошла и начала устанавливать свои собственные проволоки. Первый клин, который она установила, был прямоугольным блоком, похожим на те, что используют альпинисты, хотя и гораздо меньше.

— Сто! — крикнула Сестра Яблоко.

Ноне трудно было поверить, что осталось так мало времени. Она слышала, как Лили ругается в соседнем туннеле. Она призвала свою безмятежность и приказала своим пальцам работать быстрее, устанавливая клин и крюк и протягивая проволоку между ними.

— Наружу! — Сестра Яблоко терпеть не могла тех, кто пытался закончить работу после положенного срока.

Нона отступила от своей четвертой проволоки.

— Дома моя младшая сестра учится расставлять цветы, — сказала Ара, когда Нона отряхнула колени.

— Проволоки, цветы — это все хорошо. — Ноне пришлось заставить себя ответить легкомысленно. Она видела, что проволока-работа делает с людьми. Это было некрасиво.

Сестра Яблоко сначала осмотрела и убрала работу Шарлот с дверью:

— Сносно. Но ты должна была выставить нижние перед верхними.

После завершения проверки она повернулась, чтобы посмотреть на послушниц:

— Присоединяйтесь ко мне в коридоре, если не возражаете.

Сестра Яблоко пошла вперед, и послушницы сгрудились вокруг нее в туннеле снаружи.

— Каждая Сестра Благоразумия должна уметь пройти через любую проволоку, которую она поставила, оставив ее нетронутой. Часто бывает необходимо пройти на большой скорости, чтобы побудить других преследовать их с соответствующим отсутствием осторожности.

Нона почувствовала, как что-то сжалось у нее в животе. Она попыталась вспомнить схему, которую использовала Ара. Две пересекаются, одна горизонтальная, одна хорда. Была ли эта диагональ слева направо ближе всего к выходу?

— Иногда в темноте. — Отравительница подняла руку в сторону классной комнаты. — Тень поднялась черной волной, закипела вокруг дверного проема и добралась до потолка. — Кто нам покажет, насколько они быстры? Кого выбрать? — Сестра Яблоко поворачивала голову, пока ее взгляд не остановился на Ноне и Аре. — Может быть, те две послушницы, которые опоздали?

— Но, Госпожа Тень. Нона там ничего не увидит! — Ара выглядела обеспокоенной за Нону, хотя в ней самой было только прикосновение крови марджал, а тень-работа была ее единственным талантом, поздно развившимся и слабым.

— Это не обязательно, — сказала Сестра Яблоко. — Если только ты не хочешь Серый.

— Но Нона...

— Она не выполнит всех требований Серого, если не сможет выполнить эту задачу. Ты можешь войти первой, Ара, а Нона войдет после тебя, на счет двадцать. Потом мы с твоими

одноклассницами не торопясь поднимаемся по лестнице. Если ты не будешь ждать нас наверху, и если Нона не будет там на счет двадцать после нашего появления, ты или она, или вы обе потерпите неудачу и больше не будете посещать мои занятия.

Ара покачала головой.

— Нона...

— Иди! — рявкнул голос, принадлежавший только Отравительнице и никак не Яблоку.

—Один!

Нона шагнула вперед и толкнула Ару в темноту:

— Не будь на моем пути, когда я буду добираться до окна.

— Два!

Нона услышала шаги Ары, спешащей к центральной оконной шахте.

— Три!

Она позволила себе удивиться. Даже небольшая ошибка может привести к ране, из-за которой Ара может истечь кровью. Потеря пальца, уха или еще какой-нибудь важной части лица тоже была вполне вероятной. При движении на большой скорости это была опасная игра, даже если ты могла видеть проволоку. Это тебе не простое отравление рвота-травой или чем-то подобным. Опоздание на урок никогда не несло за собой смертельно опасного наказания.

— Десять.

Уроки закончились. Замкнутый мир монастыря вот-вот взорвется. Настал конец игры.

— Пятнадцать.

Нона потянулась к своему трансу ясности, представляя мертвую свечу и воспоминание о пламени, мерцающем над ней. Ее ясность не могла пробиться сквозь тени, но она проясняла кое-что другое. Ясность привела ее к осознанию того, что Яблоко не ожидала, что она попробует принять вызов. Это было прощание. Она должна взять Красный.

— Девятнадцать. Двадцать.

Нона вбежала в темную, как ночь, комнату.

— Нона! Что, во имя Предка, ты делаешь? — В крике Сестры Яблоко прозвучало неподдельное отчаяние. — Это безумие!

Холодный камень встретил протянутые ладони Ноны, ясности хватило, чтобы подвести ее к промежутку между левым окном и центральным, на которое они с Арой установили ловушки.

Знание, что Яблоко не хотела, чтобы она даже пыталась выполнить задачу, принесло ей одновременно облегчение и тревогу. Это означало, что монахиня не желала ей зла. Но это также означало, что Яблоко считает любого человека, не умеющего элементарно работать с тенью, неподходящим для Серого.

Нона нащупала край оконной шахты. Время от времени она скучала по едким комментариям Кеота, но она никогда по-настоящему не скучала по его насилию над ее телом, во всяком случае пока ей не нужно было видеть в темноте. Как бы ни было неприятно, когда древний дьявол вторгается в твои глазные яблоки... это могло быть очень удобно.

Несмотря на дневной свет снаружи, темнота Сестры Яблоко заполнила оконную шахту. Нона знала, где проходят проволоки, но доверять воспоминаниям, сделанным без особой необходимости, было бы самоубийством. И тут к ней пришло озарение. Она расфокусировала зрение. При правильном освещении нить-пейзаж накладывался на то, что

она обычно видела, и эти визуальные подсказки помогали понять путаницу нитей, почти бесконечную сложность их, исходящих от каждой поверхности, проходящих друг через друга и твердые объекты, покидающих мир под странными углами. В темноте масса нитей обычно вызывала гораздо большее недоумение. Однако Нона уже знала, как выглядит эта комната. Она провела в ней добрую часть своей жизни. Она знала форму окна, природу камня, даже плетение магии, которая украдала дневной свет. И, скорее случайно, чем рассудительно, она осмотрела нити проволоки из Ковчег-стали. Поверхностное знакомство, но, в сочетании с грубым знанием их положения, оно позволило ей выделить из хаотического фона туго натянутые участки нитей, расположенные на ее пути.

И все же Нона двигалась гораздо медленнее, чем если бы могла видеть. При дневном свете она могла бы различить предательские клинья и повернуть голову, чтобы увидеть мерцание вдоль проволоки. Она двигалась вперед на четвереньках, преодолев вторую, третью и четвертую проволоки, прежде чем полностью выбросить из сознания первую. Послушницы бывали сильно порезаны, когда маневрировали, чтобы пройти новую проволоку, и забывали ту, которая теперь была на уровне их колена или ноги.

Проползая мимо седьмой проволоки, Нона почувствовала щекотку на левой икре. Боли, однако, не было, пока она не почувствовала острый укол, когда поправила свое положение и двинулась дальше.

На утесе тени Сестры Яблоко растворялись в дневном свете. Нона просунула голову под последнюю проволоку и посмотрела вверх. Ара уже была в двадцати ярдах над ней, но ей оставалось в десять раз больше. Она карабкалась босиком, видимо сбросив башмаки заранее, еще в пещере.

Ноне пришлось заставить себя набраться терпения. Она не будет в безопасности, пока каждая частичка тела не пройдет последнюю проволоку. Если карабкаться по внешней стороне Скалы Веры, то ветер Коридора можно было считать безопасным.

Она тащила себя так быстро, как только могла, оставаясь при этом уверенной, что знает, где находится каждая конечность относительно каждой проволоки. Несколько мгновений спустя она повисла над обрывом, выходящим на равнину ярдах в трехстах ниже.

Задержка в оконной шахте оставила Нону позади Ара на значительном расстоянии. Большим, чем можно было пробежать за двадцать счетов Сестры Яблоко. Если она не сократит разрыв, то не успеет вовремя. Через несколько мгновений Ара исчезнет за краем слева от предательского участка между Мечом и Залом Сердца. Секундами позже она пробежит вокруг задней части Зала Сердца. Напоследок бег вдоль винодельни и через открытое пространство приведет ее к воротам, которые закрывали ступени Тени.

Нона рванулась вверх, презирая любые попытки найти опоры для рук и ног. Она вонзала свои дефект-клинки в саму Скалу и подтягивалась, опираясь на силу рук. Каждый выпад рисковал отломить кусок известняка, который унесет ее с собой, но кровь кипела в жилах, чувство обиды гнало ее, и она пробивалась все выше, сначала крича с усилием, а потом кряхтя, спасая дыхание.

Она поднималась гораздо быстрее Ары, которой приходилось полагаться на пальцы рук и ног, но хватит ли этого, чтобы сократить разрыв? Вместо того, чтобы карабкаться через скалу, стремясь к краю, через который Ара вытащила себя наверх около задней части Зала Сердца, Нона стала подниматься прямо вверх. Это привело ее к отвесной южной стене Зала Меча в том месте, где она находилась на одном уровне с краем Скалы. Дальше слева начинался выступ, который позволил бы ей обойти здание, взбираясь на ряд опор. Это

препятствие и заставило Ару пересечь почти отвесный склон утеса и направиться к Залу Сердца. Нона просто продолжала двигаться вверх, вонзая клинки в каменные блоки и поднимаясь по стене Зала Меча. Она надеялась, что Сестра Сало никогда не заметит повреждений.

Добравшись до крыши, Нона, используя всю свою силу, вскочила на наклонную черепицу и побежала. Она перепрыгнула через гребень крыши и соскользнула вниз. Прыжок с высоты двадцати футов привел ее на землю среди небольшого шквала из выбитых черепиц. Она перекатилась, чтобы разделить силу удара по ступням и ногам с плечом, бедром и спиной. Перекат поставил ее на ноги, и она побежала так быстро, как может только хунска, прямо через площадь, туда, где должна была появиться Сестра Яблоко.

Нона видела ступеньки, железные ворота чуть дальше, но никаких признаков Сестры Яблоко или Ары. Потом она увидела монахиню, которая одной рукой тянулась к решетке, а другой вставляла ключ в замок. Из-за угла выскочила Ара, ее босые ноги подскользнулись на каменных плитах, еще мокрых после последнего дождя. Она скорее перекатилась, чем попыталась выпрямиться, и, когда Сестра Яблоко открыла ворота, чтобы подняться на последние полдюжины ступенек, Ара на четвереньках добралась до самой верхней.

Отравительница поднялась на верхнюю ступеньку через несколько мгновений, послушницы следовали за ней, все головы повернулись в ту сторону, откуда пришла Ара, ожидая появления Ноны.

— Один, — начала монахиня.

Нона ворвалась с другой стороны, едва не сбив Ару, которая вставала на ноги.

— Две... — Нона набрала полную грудь воздуха. — Две послушницы... как и было приказано.

— Должно быть, она порезалась о проволоку, — сказала Лини. Кетти и Алата, стоявшие позади Сестры Яблоко, смотрели на нее с открытым ртом. Сама монахиня, однако, упала на колени, ее руки потянулись к ноге Ноны с рулоном бинта. — У тебя кровь идет, девочка.

Нона посмотрела на свою багровую ногу и красные следы, тянущиеся за ней. Внезапное головокружение, совершенно отсутствовавшее, когда она висела над пропастью в сотни ярдов, охватило ее, и она без крика упала в темноту.

Святой Класс

Настоящее Время

ДВУХ ДНЕЙ В санатории оказалось достаточно, чтобы транс терпения оправдал все усилия, которые Нона столько лет прикладывала, чтобы овладеть им. Проволока порезала ее неглубоко, но сумела вскрыть несколько крупных вен на икре. Сестра Роза зашила рану и сказала, что Ноне понадобится неделя покоя, чтобы оправиться от потери такого количества крови. После двух дней пристального взглядывания из глубин транс в маленький садик за окнами санатория, Нона почувствовала, что готова уйти.

— Я должна попробовать ходить. — Нона села.

— Тебе предписан покой. Ключ — в названии. — Рули толкнула ее обратно.

— У меня беспокойный покой. — Нона снова попыталась подняться.

Рули пыталась отвлечь ее сплетнями. Она пришла в гости одна и теперь выглядела так, словно хотела бы, чтобы Ара поддержала ее, если понадобится сила, чтобы удержать Нону в постели:

— Чайник дома! Они говорят, она убила трех капитанов военных судов Дарна.

— Кто говорит? — Нона уже почувствовала приближение Чайник через их нить-связь.

— Сама знаешь. — Рули отмахнулась от вопроса. Нона никогда не понимала, кем были эти таинственные «они». — Я слышала, она поднялась на борт бой-барки, чтобы забрать последнего. Убила его и выбросила в море. Надеюсь, это было больно. — Рули на мгновение опустила голову, длинная светлая вуаль волос закрыла ее лицо. Дарнишцы убили двух дядей Рули и потопили множество торговых судов ее отца. Она уже несколько месяцев не получала никаких известий о своей семье.

— Я уверена, она заставила дарнишцев пожалеть о том, что они пересекли море. — Чайник была на побережье Марна несколько недель назад, и кое-что из того, что она пережила, преследовало Нону во сне на протяжении всего ее путешествия. Нона сомневалась, что капитаны Дарна сильно страдали. Чайник была врачом точно в своих убийствах. Но, похоже, Рули нужно было услышать что-то более приятное.

Рули кивнула и фыркнула.

— В любом случае, если Чайник вернулась, это идеальное время, чтобы взять на складе Яблоко то, что мне нужно. — Нона сбросила одеяла.

Глаза Рули расширились, когда она обнаружила пациентку полностью одетой.

— Идеальное? У Отравительницы и так глаза на затылке. Если Чайник там, это будет еще труднее. Ты не... — Рули встала, когда Нона свесила обе ноги в башмаках с края кровати. — Вернись туда!

— Да, самое подходящее время. Я ждала возвращения Чайник. — Настоятельница Колесо отсылала Чайник при каждом удобном случае, а война на два фронта давала для этого массу возможностей. Правда, в мирное время она отправила бы ее почти на такое же количество миссий. Старуха никогда не одобряла отношений Яблоко и Чайник, но, даже будучи настоятельницей, не могла этого запретить. Церковные правила о celibате сестер касались только тех отношений, которые могли добавить ветви к дереву Предка. Отказ от

такой возможности считался достаточным брачным жертвоприношением со стороны Невест Предка. — Прошла целая вечность с тех пор, как Чайник была здесь. А кто лучше будет занимать Сестру Яблоко?

— Ну. — Рули спрятала улыбку за ладонью. — В твоих словах есть смысл. Они очень громкие. — Она покраснела. — По крайней мере, так они говорят. Судя по тому, что я слышала, если выбрать удачное время, можно выбить дверь склада кувалдой, и ни один из них тебя не услышит. На самом деле они тебя заглушат.

— Рули! — Нона покачала головой. — Значит, решено. У нас есть книга Сестры Сквородка, которую нужно вернуть в хранилище. Джула сделала ордер, и, вместе с печатью настоятельницы...

— Которую тебе нужно вернуть так, чтобы Колесо этого не заметила.

— Маркус готов помочь убедить любого чиновника или стражника, усомнившегося в нас. И мне сейчас нужны только магические капли Яблока, чтобы, если будет расследование, охранники не могли сказать: «Ну, я мало что помню о них, но у одной девушки были совершенно черные глаза...»

— Эти капли не магия.

— Все магия, Рули. Если бы ты видела нить-плетения, ты бы это знала. Все магия, или ничего. — Нона соскользнула с кровати, скользнула под протянутые руки подруги и встала между ними, улыбаясь. — Я в порядке. И я должна сделать это, пока все думают, что я еще в постели.

Рули раздраженно отступила назад:

— Как ты вообще туда попадешь? И на главных воротах, и на дверях склада теперь замки с сигилами.

— Найду способ. — Нона подошла к окну. — Подумай, не можешь ли ты положить в кровать несколько комков в виде меня, на случай, если кто-нибудь заглянет проверить. — С этими словами она проскользнула в укромный садик и взобралась на любимое вишневое дерево Сестры Роза, чтобы добраться до крыши. Несмотря на свои смелые слова, Нона была потрясена тем, насколько слабыми были ее руки, когда-то способные выполнять любую реальную работу. Ее икроножная мышца горела там, где ее перерезала проволока. Она стиснула зубы и двинулась к гребню крыши, чтобы осмотреть свой путь.

Сигил-замки были проблемой. После смерти Гессы в подземелье и обнаружения Отравительницей кражи с ее склада, Настоятельница Стекло одобрила расходы на усиление безопасности. Нона заклеила себя как воровку, затемнившую свои глаза самостоятельно сваренной дозой черного лекарства, но то, что за день до приема лекарства Нона спасла жизнь Чайник, означало, что единственным принятым решением стал лучший замок.

Как ни заманчиво было пересечь монастырь в стиле ной-гуин, прыгая с крыши на крышу, лучшая практика, которой учила сама Сестра Яблоко, была куда менее яркой. Нона вышла из санатория через дверь, как только представилась возможность сделать это незаметно. Под рясой она несла фонарь из санатория, теперь зажженный, хотя и на минимуме. Было уже неприятно жарко.

Она подошла к краю Скалы, опустив голову и уставившись на кусок пергамента, словно заучивая его для экзамена. Оттуда она пошла к Залу Меча и подождала, пока стайка послушниц Серого Класа пройдет внутрь, прежде чем быстро соскользнуть с края утеса. Упершись пальцами ног в выступ, она вытащила фонарь, поставила его на максимум и привязала к поясу.

Следующий колокол Брея был уже близко. Старая Сестра Трава, должно быть, уже, кряхтя, поднималась по деревянной лестнице, чтобы ударить в него. Нона добралась до окон в комнату Тени и повисла на дефект-клинках, желая, что ее руки не дрожали от усилий. Если бы урок продолжался, то колокол вывел бы класс и дал возможность войти. Но никаких звуков не было слышно, и самый быстрый взгляд подтвердил, что комната не заполнена тень-работой или послушницами, прижатыми к стенам и упражняющимися в бдительном терпении, которое должна была проявить сама Нона.

Нона сделала шаг вперед. В последний момент она неловко спохватилась и повисла, мышцы болели, пока она не убедилась, что оконная шахта не была оставлена с перекрещивающейся проволока-работой. Расслабившись, она упала и поползла через шахту. Она встала среди знакомых скамеек и стульев, испачканных и обожженных десятками химических пятен. Сколько наказаний было вынесено несчастным виновницам этих несчастных случаев? спросила она себя. Сколько послушниц было спасено от повторения тех же ошибок в какой-то более поздний момент их жизни с последствиями куда более ужасными, чем любое из наказаний Яблока?

Нона подошла к двери в коридор. Даже сквозь толстые доски она слышала отдаленные звуки из пещеры, где Сестра Яблоко держала кровать. Официально подземная квартира предназначалась для тех случаев, когда монахиня варила смеси, требующие регулярного наблюдения в течение длительного периода. Неофициально она служила для тех случаев, когда кровать в ее монашеской келье под куполом Предка была слишком узкой и слишком доступной.

Нона и Чайник научились управлять своей нитью-связью так, что в целом ни одна из них не могла чувствовать ничего другого, кроме смутного представления о направлении и близости, когда они ее проверяли. Теперь для достижения более интимных уровней связи требовалось согласие обеих сторон. Но даже при этом, так близко, с криками, доносящимися из пустых туннелей, Нона начала чувствовать отвлекающие отголоски счастливого воссоединения монахинь. Мысли о Реголе затопили ее, и, если она позволит этому влиянию продолжаться, то может оказаться, что она бежит пять миль до Истины, чтобы найти его, больная нога или нет. Нона прикусила губу, прислонившись к стене, когда очередная волна любовной страсти грозила захлестнуть ее. Еще немного, и Истина окажется слишком далеко. Она возможно, он даже не пройдет мимо кабинета Ары.

В конце концов Нона призвала транс безмятежности, чтобы оградить себя от вторжения чувств, и занялась своими делами. Пещера склада находилась ближе к покоям Сестры Яблоко. Нона поспешила туда, не опасаясь, что ее могут подслушать. Сейчас ей нужен был фонарь, но, если появится Яблоко или Чайник, свет мгновенно выдаст ее.

Несмотря на предложение Рули, Нона сомневалась, что крепкая дверь на склад поддастся кувалде, особенно быстро. У нее был тот упрямый вид, который появляется у дуба после столетия или двух выдерживания на воздухе. Кроме того, целью здесь было не просто украсть, а украсть без последующего обнаружения. Судя по историческим свидетельствам, Нона была бы главной подозреваемой в любой новой краже, поэтому она планировала не оставлять никаких признаков того, что там кто-то был.

Сигил установленный над замком, был вырезан на серебре, инкрустированном в дерево. Нона изучила нить-пейзаж. Как и все сигилы, этот был узлом, втягивающим и связывающим десятки нитей. Форма, выгравированная в видимом мире, отражала его более сложную структуру и функцию в более глубоком мире, который лежит за пределами зрения. Каждый

сигил можно рассматривать как тень сложной структуры, отбрасываемую на плоскую поверхность.

— Хитро́. — Нона приложила руку к стене и сосредоточилась.

Скала начала медленно течь. Через минуту образовалась канавка, позволившая дверной защёлке сдвинуться, когда Нона открыла дверь. Замок оставался запертым.

Нона шагнула внутрь, готовая к любым новым неожиданностям, и закрыла за собой дверь. Комната осталась такой же, какой она помнила ее по предыдущей краже более пяти лет назад. Сушеные ингредиенты аккуратными пучками лежали на рядах полок. Один ряд был отдан сотне или более глиняных кувшинов, каждый из которых был набит стручками с семенами разных растений. В другом месте стояли стеклянные банки, наполненные дистиллятами, настойками и отварами, дюжина видов змеиной чешуи в кожаных мешочках, кости, крошечные и большие, целые и измельченные, минералы всех оттенков радуги, некоторые в виде порошка, некоторые в монокристаллах, значительно более длинных, чем пальцы.

Пещера была выбрана из-за отсутствия протечек на стенах; те, что появились раньше, были запечатаны смолой. Тем не менее, горшки с разлагающейся каменной солью стояли через равные промежутки, высасывая влагу из воздуха, чтобы предотвратить плесень. В этом месте стоял ароматический запах, смешанный с множеством травяных. Некоторые острые смешанные ароматы служили напоминанием о том, что, если попробовать то, что лежало на виду, ты, скорее всего, умрешь.

В шкафчиках вдоль стен, на десятках полках, выстроились аккуратными рядами горшки и кувшины. В отличие от пучков трав, которые Яблоко, по-видимому, считала невозможным неправильно идентифицировать, контейнеры были помечены, некоторые с ингредиентами, написанными на глазури, другие с идентификатором, выжженным на кожаной бирке, привязанной к горлышку кувшина. Гвоздика, зеленый перец, красный перец, сердцевинки больноворта, сушеный коровий помет, соскобы заболони вяза... Еще и еще, достаточно странный порядок, и Нона могла видеть только намек на него.

Во всей этой неразберихе Нону спасло только то, что готовые препараты хранились на одной большой полке в алфавитном порядке в различных подгруппах, таких как «контактные яды», «яды для еды», «противоядия» и «разное».

Капли, которые приготовила Сестра Яблоко, хранились в приметном керамическом сосуде, широком у основания, узком у горлышка около двух дюймов высотой. Нона довольно быстро нашла колбу в разделе «Разное»; на ней красовалась этикетка: «Оптический серонок, рецепт четырнадцатый, ненадежный».

Крошечная колба с легким хлопком отпустила пробковую затычку. Нона вылила половину содержимого в стеклянную пробирку и запечатала конец воском. Она отодвинула пробку и уже собиралась вернуть капли на полку, когда в дверном замке загремел ключ.

Огромное количество мыслей попыталось прорваться в разум Ноны, и все одновременно. Все, начиная с оправдания, которое она предложит в первую очередь, и заканчивая тем, какое оружие ей следует использовать. В этом шуме с трудом можно было расслышать разглагольствование о несправедливости всего происходящего. Нона отказалась впустить их всех. Вместо этого ее рука упала на фонарь. Обучение Сестры Яблоко настолько укоренилось в ней, что Нона бессознательно оценивала комнату на предмет тайников с тех пор, как вошла. Самое очевидное — щель за полкой смесей. Кривые каменные стены означали, что ни одна из полок не могла стоять ровень с камнем. Вместо этого Нона с

быстротой хунска двинулась к мешку, набитому свежей, еще не рассортированной добычей из лесов и полей. Рядом лежали два пустых мешка и запачканная какой-то недавней работой одежда.

Ключ повернулся, замок щелкнул, дверь начала открываться. Нона бросилась вниз, вжалась в угол между стеной и полом и укрыла все тело грязной одеждой и мешками. Она спрятала ноги за полным мешком, желая быть такой же маленькой и гибкой, как Генна, которая могла бы полностью спрятаться в таком мешке. Когда щель в двери стала еще шире, Нона задула фонарь и, зажав его между ног под грязной одеждой, поморщилась от жара. В последний момент она натянула капюшон рясы, чтобы скрыть лицо. Только тогда она впустила в себя отчаяние. Возможно Яблоко и Чайник не донесут на нее Колесу, но потеря доверия и разочарование в их глазах ранят сильнее, чем порка.

Что касается маскировки, то это была довольно плохая работа, но люди видят то, что ожидают увидеть, а бесформенная куча мешковины и грязной одежды редко заслуживает пристального внимания. В любом случае ни Сестра Яблоко, ни Чайник не пропустят ее, где бы она ни пряталась. Даже если они не заметят выемку в камне, которая означала, что отпирать дверь было не нужно — а ни одна из них не *пропустит* ее, — запаха фонаря будет вполне достаточно, чтобы заставить их искать. Если бы это была Яблоко, а не Чайник тогда, по крайней мере в нынешнем положении Ноны, была бы возможность безумной схватки за дверь, пока монахиня стояла спиной.

Нона лежала так, как ее учили, не жесткая, но полностью расслабленная, несмотря на все инстинкты, заставлявшие ее напрягаться. Свет фонаря пробивался сквозь материал ее капюшона. Зачем кому-то из монахинь брать с собой фонарь? Никто в монастыре не работал с тенями так хорошо, как Чайник или Яблоко.

Человек вошел. Один человек, неуверенные шаги. Нона призвала свою ясность, позволив разуму погрузиться в паутину чувств. Она все еще слышала отдаленные отголоски страсти, Чайник, судя по звуку. У кого еще мог быть ключ? И как он попал в пещеры? Второй ключ от ворот наверху?

Незванный гость торопливо прошелся по комнате, что-то подхватывая то тут, то там, шурша и шмыгая носом. Это напомнило Ноне ее первый рейд на склад, когда она собирала ингредиенты. Очевидно, она была не одинока в том, чтобы воспользоваться возможностью, предоставленной возвращением Чайник. Нона лежала как мертвая. Несмотря на скуку в санатории, она вынуждена была признать, что сестра Роза, возможно, была права. Спуск к окнам Тени вымотал ее, и все, чего она действительно хотела, — лежать, несмотря на бешено колотящееся сердце.

Прислушиваясь к возне незванного гостя, Нона попыталась представить себе, что человек ищет. По крайней мере, тот факт, что человек сам нес фонарь, не позволит ему обнаружить ее собственный дым. И все же что-то его напугало. Торопливая деятельность прекратилась. Долгая минута молчания, затем громкий хлопок, словно откупорили маленькую бутылочку.

Глазные капли. Нона не успела их убрать.

— Я тебя вижу, — раздался женский голос. Молодой. Знакомый. — Выходи.

Нона старалась не напрягаться. Судорожные движения могли ее выдать.

Тишина. Затем медленные шаги, приближающиеся — не прямой путь, но все же постепенно приближающиеся.

— Я не причиню тебе вреда...

Нона потянулась к камню вокруг себя. Это было нетрудно сделать, ее лицо было

прижато к холодному каменному полу достаточно долго, чтобы онеметь. Она мысленно потянулась внутрь и проследила за поверхностью, ее восприятие ощупало внутренность пещеры. Ее марджал камень-работа никогда не сдвинет горы, но наблюдение и ощущение работы Зоул помогли ей сфокусировать тот талант, которым она обладала. Стиснув зубы, Нона толкнула. На противоположной стороне пещеры от стены отделился слой камня и упал. Слабый звук заставил незваного гостя резко развернуться. Что-то ударилось о дальний конец комнаты — метательная звезда, судя по звуку. Она какое-то мгновение катилась, прежде чем упереться в другую поверхность.

— Ямы! — Девушка поспешила туда, куда бросила свой снаряд.

Нона слегка наклонила голову. Достаточно, чтобы можно было хоть что-то разглядеть через узкую щель в складках капюшона. Видно было немного, только коленапреклоненная фигура на фоне фонаря, высоко поднятого перед ней. Но даже так, с сиянием, освещающим золотистые края ее волос, этого было достаточно. В последнее время Джоэли Намсис предпочитала «ямы» как проклятие.

Нона вернула голову в исходное положение, потеряв врага из виду. Они говорили, что Джоэли была лучшим отравителем среди послушниц. И не ускользающие «они» Рули, а все. Когда заболела Настоятельница Стекло, Нона, в момент особой паранойи, спросила себя, не отравила ли ее Джоэли. Она отвергла эту идею на том основании, что Джоэли не могла быть настолько хороша в этом ремесле, чтобы одурачить и Сестру Розу, и Сестру Яблоко. Кроме того, продолжать давать яд больной Стекло, несмотря на то, что Чайник наблюдала за ней с целеустремленной преданностью, было выше сил девушки. Конечно... Нона не подумала, что у Джоэли может быть доступ в пещеру с запасами и рядами ожидающих там приготовленных лекарств. Могла ли она испортить те самые лекарства, которые применяла Яблоко? От этой мысли по спине Ноны пробежала холодная дрожь, в ней поднялась волна ярости.

Но могла ли это сделать Джоэли? Сама Сестра Яблоко всегда хвалила старания девушки. И эта оценка стояла перед лицом подозрения, что ее таблетку правды могли перехитрить в вопросе о роли Джоэли в смерти Дарлы. Джоэли, несомненно, умела варить с редким мастерством. Что касается доставки, Нона была менее впечатлена. Джоэли так и не удалось отравить ее. На самом деле Нона не была уверена, что Джоэли когда-либо пробовала, что говорило об отсутствии уверенности в своих навыках, поскольку она, конечно же, не стеснялась своей нить-работы. Но если все, что ей нужно было сделать, — прийти в кладовую во время урока Тени и добавить каплю в лекарство настоятельницы...

Джоэли рылась в дальнем углу комнаты, а Нона кипела от самых мрачных мыслей. После того, что казалось вечностью, но, вероятно, было не более чем парой минут, Джоэли закончила свою кражу. По-видимому, удовлетворенная, она собрала свою добычу. Затем послышались шаги, направлявшиеся к двери.

Нона лежала неподвижно, пока Джоэли искала ключ. Кроме Госпожи Тень, ключ от двух монастырских сигил-замков наверняка есть только у настоятельницы. В голове Ноны проносились разные варианты. Неужели Колесо просто дала Джоэли ключ? Она всегда любила эту девушку... Но так рисковать гневом сестры Яблоко?

Дверь открылась на смазанных петлях, и из туннеля донесся особенно громкий визг. Нона сжала губы, не давая улыбке появиться на них. Мгновенный укол ревности пронзил ее. Они с Реголом никогда не были такими громкими. Неужели они делают это неправильно? Возможно, это была просто неуместная вера монахинь в уединение пещер. Конечно, Алата и

Лини никогда не заставляли дорм не спать всю ночь.

Наконец скрежет ключа, вставляемого в замок, прервал цепочку мыслей Ноны. Пауза. Дверь закрывается. Еще одна пауза. У Ноны заколотилось сердце. Заметила ли Джоэли бороздку, которую она сделала в камне? Поднимет ли она тревогу? Джоэли знала, что настоятельница легко обрушится на нее и, как Скала Веры, на Нону. Хватит ли у нее духу принять порку, чтобы увидеть, как Нона снова будет изгнана... или еще хуже?

Щелчок. Наконец-то Джоэли повернула ключ и заперла дверь.

Нона позволила себе вздох облегчения.

Мгновение спустя дверь снова открылась, уже без всякого щелчка:

— Надеюсь, тебе понравится серая горчица?

Что-то ударилось о потолок с тихим хлопком.

Дверь быстро захлопнулась, быстрые шаги затихли вдали.

Нона сделала глубокий вдох, вызванный шоком, но продленный осознанием того, что, если Джоэли действительно бросила в потолок серые споры горчицы, они еще не успели до нее добраться.

Она повернулась лицом к скалистой стене, лихорадочно размышляя. Ее руки уже были в рукавах, и теперь она собрала провисшую ткань в кулаки, запечатывая концы. Джоэли заперла ее в темной пещере, которая быстро заполнялась серыми спорами горчицы. Дверь стояла примерно в четырех ярдах от Ноны, с двумя рядами отдельно стоящих полок, которых надо было обойти. Не было никакого способа сделать это вовремя.

Серая горчица? Сделала ли это Джоэли? Даже для нее это было бы слишком. Труп Ноны будет уродлив, кожа покрыта волдырями и обожжена, глаза выцарапаны ее собственными руками. Мучительная смерть может занять большую часть часа, так что Сестра Яблоко, без сомнения, найдет ее, когда она своими конвульсиями будет крушить склад. Но даже Отравительница ничего не сможет сделать, только смотреть, как Нона умирает.

Нона не могла в это поверить. Как Джоэли вообще добралась до... Нона вспомнила, где она. Джоэли могла украсть горчицу прямо здесь и сейчас. Что же делать? Время для бега уже упущено, и, по правде говоря, у нее не было времени на бег, особенно после первого мягкого удара пакетика о потолок.

Сохранять спокойствие. Первый совет сестры Яблоко. Легко сказать, трудно сделать. Паника еще быстрее сожжет воздух в легких Ноны. Споры серой горчицы нужно было держать совершенно сухими. Они быстро теряли свою эффективность во влажных условиях. В тумане они не распространялись и теряли силу в течение нескольких секунд. Во влажном воздухе подземелья они могли оставаться опасными в течение пяти-десяти минут. Но сестра Яблоко очень заботилась о том, чтобы сохранить пещеру-склад сухой. Может быть, пройдет час, прежде чем можно будет ходить совершенно безопасно.

Споры горчицы не проникнут в ткань во время торопливого бега, и Нона хорошо прикрыта, но, если она встанет и побежит, они закрутятся над ее рясой и, вероятно, найдут путь в капюшон и вниз по рукавам. Нона видела на шрамы на ноге Сестры Скала, там, где обнаженная нога оказалась на краю горчичного облака. Раны были злыми, красными и уродливыми. Сестра Яблоко сказала, что боль может продлиться всю жизнь. Что во многом объясняло характер Скалы.

Легкие Ноны начало покалывать от первого намека на ожог, который будет расти и расти, требуя, чтобы она сделала вдох. Ее камень-работа не давала никаких решений: даже

если бы ее навыки шли дальше, чем делать фигурки в огне, у нее не было пламени. Ее марджал-власть над водой и воздухом было не столько властью, сколько возможностью время от времени просить о небольшом одолжении. Скорость ее не спасет. Возможно, она могла бы пройти по Пути, хотя чувствовала себя слишком слабой, однако энергия, которую она получит, сможет разрушить комнату, но вряд ли уничтожит все споры.

Разочарование боролось с неприкрытым ужасом. После стольких лет Джоэли победит, и Нона умрет самой страшной смертью в одиночестве, в темноте.

Без всякой надежды она начала перекатываться, крепко держа ноги вместе, надеясь на мешки, верхнюю одежду и юбки ее собственной рясы, туго обернутые вокруг лодыжек. Она подняла руки, чтобы как можно лучше накинуть капюшон на лицо. Полная темнота мешала понять, есть ли щели, через которые споры могут проникнуть в ее глаза. Скоро она узнает, есть они или нет.

Пяти или шести оборотов оказалось достаточно, чтобы внутренняя карта пещеры Ноны завертелась. Она старалась катиться достаточно медленно, чтобы мешки и ее одежда не хлопали вокруг нее, но воздух в ее легких не мог длиться вечно. Она уже хотела сделать этот вдох.

Удивление от внезапного удара ее лодыжек о что-то неподатливое почти заставило Нону вздохнуть. Последовала серия грохочущих звуков, драгоценные ингредиенты Сестры Яблоко нырнули с полок. Нона похоронила всякую вину под уверенностью, что в ближайшем будущем ее ждет мучительная смерть. Ее лодыжки уже горели. Она отогнала от себя образы выживания, которое оставит ее опаленной — лицо превратится в руины, череп покраснеет и покроется шрамами, шок и отвращение, когда ее впервые увидят друзья... Лицо Регола напряглось, улыбка сползла с его губ.

Исправленное направление и еще один набор перекатов привели ко второму столкновению. Последовала еще одна серия аварий. Паника окутала легкие Ноны, крепко сжимая их. Она не знала, где находится, не могла перекатиться к двери. Ей придется встать, подставляя себя спорам. И даже когда она начала подниматься, она знала с холодной уверенностью: прежде, чем она найдет дверь в темноте, размахивая руками, прежде, чем кожа запузырится, ей придется сделать вдох, а тогда легкие начнет погибать. Нона видела, как люди умирают от серой горчицы, она видела это глазами Чайник глубоко внутри Тетрагода. Она не могла так кончить. Страх только быстрее поглотил ее воздух и безмятежность покинула ее.

Собрав все свое мужество, Нона поднялась и бросилась в ту сторону, где, как она надеялась, находилась дверь. Закрыв лицо руками, она врезалась во что-то, что не было дверью. Целый стеллаж полок рухнул на землю, и Нона запуталась в этом сооружении. Горшки и пакеты посыпались дождем, и каждая полка, казалось, вырвалась из рамы, когда эта штука упала.

Нона тяжело ударилась о землю и легла лицом вниз среди острых краев беспорядка. Ей пришлось перевести дух. Все ее тело требовало этого. Предательские мускулы подняли ее грудь, требуя воздуха. Она стиснула челюсти, стуча по земле кулаками, отказываясь признать поражение. Пятна красного света вспыхнули в ее глазах, биение ее сердца превратилось в барабан, гром в ушах, давление нарастало, преодолевая боль, преодолевая сопротивление. Со вскриком отчаяния она выпустила затхлый воздух, за который так долго цеплялась, и втянула новый.

Ожог ударил сразу. Через несколько мгновений Нона беспомощно каталась, кашляла,

задышалась, глаза у нее начали щипать. Брызгая слюной, стекающей с подбородка, Нона встала на четвереньки и поползла, не обращая внимания на панику. Она ударилась головой о камень, зарыдала и последовала вдоль стены за слепыми руками. Наконец она нашла деревянную дверь. Та поддавалась под ее толчком, и она вывалилась в коридор.

Нона села, вытирая с лица сопли и слюни.

— АПЧХИ! — Могучий чих потряс ее, прозвенев по туннелю.

Потребовалось еще мгновение, чтобы понять, что это была не серая горчица:

— Перец! АПЧХИ!

Кроме эха чиха Ноны, не было слышно никакого шума.

— Вот дерьмо!

Где-то в глубине туннеля открылась дверь.

Нона вскочила. Шепоток света из окон классной комнаты Тени подсказал ей направление и границы коридора. Она шлепнула ладонью по стене, где вырезала канавку для защелки замка. Начался пульс чар марджал и дождь из области, где камень разлетелся на куски. У нее не было времени починить свою работу, поэтому она надеялась спрятать ее. Теперь ущерб может стать похож на работу молотка и зубила.

Она уже бежала, когда раздался крик Чайник. Она рванулась по туннелю, выбила дверь в класс Тени и нырнула в оконный туннель, думая только о побеге.

Пока ее тело летело навстречу дневному свету, Нона цеплялась за это мгновение так яростно, что, казалось, будто она летит по воздуху. Она не могла карабкаться. Чайник слишком быстра. Она подойдет к окну и посмотрит вверх. Но вниз было гораздо дальше...

Нона дотронулась руками до стены, чтобы замедлиться на выходе... и упала.

Утес под окнами был почти отвесным. До лесистых склонов, возвышавшихся в тени Скалы Веры, падать более трехсот ярдов. Падая, Нона изогнулась. Когда каменная поверхность угрожала оцарапать ее, она выталкивала себя вперед мелкими ударами на скорости хунска. Она опустилась на сотню ярдов, двигаясь теперь так стремительно, что это казалось быстрым даже посреди ее собственной скорости.

Нона не могла использовать свои дефект-клинки, только не в поле зрения окна. Ее спуск будет слишком медленным, а оставленные следы сделают очевидным, кто там был. Еще пятьдесят ярдов стены пронесли мимо. Верхушки деревьев приближались с пугающей скоростью.

В последний момент Нона вонзила свои дефект-клинки в скалу одной рукой, сначала только кончиками, позволив руке принять на себя напряжение торможения. Другой рукой она направила клинки на камень, стараясь держать тело подальше. Без этой предосторожности она оставила бы половину своей плоти в тридцатиярдовом пятне, достигающем до земли. Сила на ее руке росла и росла с каждым пройденным ярдом, грозя вырвать плечо из гнезда. Она замедлилась, перейдя от падения к бегу. Глухой удар, с которым она ударилась о замшелые валуны, наваленные вокруг стволов деревьев у основания Скалы, был из тех, после которых ты ковыляешь прочь, ругаясь, а не из тех, что были одновременно влажными и хрустящими.

Нона обняла ствол винт-сосны и прищурилась сквозь густую хвою. Верхняя половина Чайник показалась из среднего окна комнаты Тени, крошечная на расстоянии и розовая в своей наготе.

Нона еще глубже забралась в подлесок, подавив очередной приступ чихания. *Перец.* Джозели не собиралась убивать ее, просто напугала и оставил наедине с неизбежным

беспорядком. Дочь лорда не могла знать наверняка, была ли это Нона или нет, и будет ли она опознана или нет, но была готова рискнуть и тем, и другим. Ясно, что она чувствовала: даже если ее имя будет названо, она будет защищена, в то время как та, которая ворвалась, будет брошена волкам или, что более вероятно, в Стеклянную Воду. Или, возможно только метафорически, сброшена со Скалы Веры.

Перец все еще щекотал ей нос, и Нона начала спускаться по склону. Ей нужно быть где-то еще к тому времени, как Чайник решит проверить, нет ли ее вдоль их нить-связи. Тем временем она делала все, что могла, чтобы эту связь заглушить.

У подножия Дороги Безмятежности Нону охватила внезапная паника, и она похлопала себя по карманам рясы. Влажное пятно и хруст внутри сказали ей все, что ей нужно было знать. Флакон, в который она налила эти драгоценные глазные капли, разбился, когда она катилась по полу пещеры. Остальные были правы. Эти капли не были существенными для проникновения в хранилище первосвященника. Именно тщеславие привело ее в эту пещеру. Желание быть нормальной, встретить взгляд другого человека, не видя, как на мгновение расширяются его глаза.

Сестра Яблоко сказала, что она заперла капли из-за риска, что они могут лишить Нону зрения. Но теперь Нона поняла, что все это время была слепа.

Три года назад

Спасение

ХИЖИНА ПАСТУХА ПРЕДСТАВЛЯЛА из себя не более чем низкий круг сух каменной стены, увенчанный конусом из палок и папоротника. Загон для коз оказался еще более примитивным — наклонная крыша на четырех столбах, стены из плетеных палок, простая дверь на каждом конце и пространство, чтобы заглянуть внутрь.

Зоул легла на грязную подстилку из папоротника и жестом пригласила Нону присоединиться к ней.

— Это худшее место, где можно спрятаться.

Зоул похлопала по увядшей зелени рядом с собой.

— Это глупо. — Нона присела на корточки. Старый помет испещрил папоротник, который, должно быть, был горьким, если козы не стали его есть. — Это первое место, где они будут искать. — Хижина и загон стояли в одиночестве, единственные строения в широкой, пустынной долине. Знаменитое перенаселение Скиффроула, казалось, было чем-то вроде мифа или, по крайней мере, не распространялось на возвышенности предгорий Грэмпейнов.

— Это первое место, где они будут нас искать, — согласилась Зоул. — И, как ты сказала, глупое место для того, чтобы прятаться. Значит, странно, если они будут искать здесь...

— Тогда что мы здесь делаем?

— Нет такого места, где они не найдут нас, но в этом месте, вероятно, заглянет только один из них.

— О. — Нона опустила и легла рядом с лед-девушкой, приготовившись к близости корабль-сердца.

Они пролежали в тишине минуту, только завывал ветер и скрипели стены. Внимание Ноны привлекло алое пятно на запястье Зоул:

— Значит, корабль-сердце отрывает от тебя кусочки... от того, кто ты есть... и ты их выбрасываешь?

— Это избавление от нечистоты, — тихо сказала Зоул.

— Но недостатки человека — это часть его. — Нона не смогла выгнать ужас из своих слов. — Мой характер достаточно плох, но это часть того, кто я есть, как сплетни Рули или то, что Лини спит с другими девушками, хотя любит Алату. Помешательство на учебе Джулы, острый язычок Генны... если избавиться их всех от этих частей себя и приблизить к идеалу... разве все не станут одинаковыми?

Зоул едва заметно улыбнулась:

— Мы должны отпустить эту гордыню, эту направленность на собственное «я». Это никогда не принесет счастья. Посмотри на Предка, который идет по Пути вперед, к совершенному будущему, а не в ширину — от жизни до смерти. Разве Предок — не слияние, не общность, в которой хорошее усиливается, а плохое исчезает? Вот почему статуи Предка гладколицые, черты лица плохо очерчены. Предок — не личность.

— Но он то, что с нами произойдет, когда мы умрем...

— И что произойдет с острым языком Гены, с амбициями эгоистичной Клеры, когда они присоединятся к Предку? В этой целостности добро присоединится к добру, а нежелательное, индивидуальное, эго — все это смоеся. Со Старыми Камнями мы, обитатели льда, приближаемся к этому идеальному ядру прежде, чем умрем, а не после. Мудрецы говорят, что тем, кто избавится от своих последних *раулату*, больше не нужно будет умирать. Они будут божеством.

— Ты действительно считаешь себя Избранной, — выдохнула Нона.

Зоул покачала головой:

— Приближение к божественности делает нас всех одинаковыми. Если я Избранная, то и мы все, в сердце.

Нона отвела взгляд. Она лежала среди козьего помета в крошечном сарае в дебрях Скифроула и рассуждала о божественности... с сумасшедшей девчонкой.

— Я...

— Лошади! — Зоул жестом велела Ноне пригнуться.

Стук копыт, слабый, но приближающийся. Одинокий всадник. Когда звук приблизился, послышался слабый фон — другие всадники.

Послушницы ждали. Нона почувствовала, как аура корабль-сердца потускнела. Зоул каким-то образом обуздала его силу.

Лошади остановились неподалеку. Их было много, они наполнили воздух своим фырканьем и звоном упряжи.

— Обыщи его. — Слова с сильным акцентом. Дальше к востоку Скифроул говорил на другом языке, но здесь, в тени гор, сохранился язык империи.

Тяжелые удары всадников, спрыгивающих в лошадей, их приближающееся ворчание.

Мгновение спустя верхняя половина человека заслонила клочок неба над дверью в дальнем конце козьего загона.

— Ты нас не видишь, — пробормотала Зоул, в ее голосе послышалось напряжение.

— Здесь никого нет! — крикнул мужчина.

— Иди туда и проверь, ты, ленивый сукин сын.

Нона напряглась, готовая к атаке, когда скифроулец, бормоча проклятия, пнул дверь так, что она распахнулась.

— Ты нас не видишь. Это место пусто, — сказала Зоул тихим, но разборчивым голосом; она сжала руки в кулаки, пальцы побелели.

Человек вошел, согнувшись почти вдвое, чтобы не задеть низкую крышу. От него пахло застарелым потом, несвежим пивом и каким-то перезрелым мясным запахом, который Нона не могла определить. Он двинулся вперед, пиная папоротник, его взгляд несколько раз прошелся по обоим послушницам. Когда он приблизился, Зоул медленно перекатилась на бок. Она подтолкнула Нону, показывая, что ей следует перекатиться на другую сторону.

Мужчина, нахмурившись, встал между ними. На нем была килт из кожаных полосок, обшитых железными пластинами. Он пнул подстилку везде, кроме тех мест, где лежали послушницы.

— Ничего. — Он вышел через дальнюю дверь, оправданный.

Снаружи послышался такой звук, словно дюжина или больше всадников спешили и вступили в спор.

— ...нет никаких признаков, что они снова ушли! — Повышенный голос.

— Ну, здесь их нет. — Женский голос, низкий и воинственный.

— Мы должны сжечь его, чтобы быть уверенными.

Зоул начала что-то бормотать себе под нос. Крошечные вены в ее глазах сдались под нарастающим давлением, окрасив белки в малиновый цвет.

— Сжечь это? Хижину и хлев?

— Здесь негде спрятаться.

— ...много чего можно сжечь по ту сторону гор...

Гул согласия.

— Разделитесь, прочешите долину.

Всадники снова забрались в седла, и через несколько мгновений отряд с грохотом тронулся.

Нона начала подниматься.

— Нет. — Зоул понизила голос. — Они могли оставить кого-нибудь присматривать.

— Так что же нам делать?

— Отдыхать.

Нона опустила голову на руки и попыталась расслабиться. Она задумалась, действительно ли на склоне холма сидит скифроулец и наблюдает за хижинкой. Она предположила, что это возможно.

Демон Зоул двинулся, чтобы обвить ее шею, алый ожог, как будто она избежала повешения на полпути.

— Итак, когда ты выгоняешь своего последнего дьявола, какие части ты изгоняешь? — спросила Нона. — Та Зоул, которая пересекла половину империи, чтобы спасти меня от Тетрагода, здесь? — Она положила руку на горло Зоул, потом постучала ее по лбу. — Или здесь?

Зоул ничего не сказала, но сосредоточенно прищурилась, и ожог соскользнул с ее шеи.

— А та Зоул, которая шутит раз в три года, ее надо изгнать или оставить?

— Как только они отделятся, *раулату* должны быть вычищены. Их голоса звучат все громче, их беды — все острее.

— Но то, что ты изгнала... это жизнь. Кеот, мой дьявол, несмотря на все свои беды, был живой, и у него были свои надежды. Ты хочешь сказать, что он был изгнан, брошен? А совершенные существа, которые остались, когда все это было изгнано... Что стало с ними, избавившимися от своих пятен?

Зоул перекатилась на спину:

— Говорят, Пропавшие ушли. Но некоторые верят, что они повсюду вокруг нас, невидимые, непознаваемые, существующие в своей собственной гармонии. Другие думают, что Пропавшие ушли под воду и живут там в золотых городах, сжигая саму воду ради тепла, которого им хватит надолго даже после того, как погаснет последняя звезда.

На крайнем севере есть народы, которые верят, что Пропавшие выделяют тепло, которое пузырится и может растопить купола подо льдом, а иногда дать нам открытую воду, которая поддерживает глубинные племена.

— Сестра Правило говорила, что это делают вулканы на дне моря. — Нона попыталась представить себе золотые города под милями льда и темной воды.

— У госпожи Академии есть своя мудрость, — пожала плечами Зоул. — Как мы можем узнать правду?

Нона замолчала. Она не знала, что таит в себе смерть, что станет с ней, если Предок

заберет ее себе. Она не знала, правы ли говорящие со льдом, или во что превратится Зоул, когда избавится от всех своих недостатков, от ревности, от каждой капли злобы... Но это было неправильно. Только не для нее, Ноны. Возможно, это говорила ее гордость, ее собственные многочисленные грехи, — каждый своим собственным тихим голосом, — но, как бы она ни была несовершенна, Нона хотела остаться здесь, целая, нетронутая, пока ее сердце бьется, а легкие дышат.

— Как ты думаешь, где ной-гуин? — Ноне было трудно поверить, что убийцы сдались. Они преследовали ее почти полжизни просто за то, что у нее хватило безрассудства не умереть. Кроме того, Зоул украла их корабль-сердце.

— Ждут, — сказала Зоул.

— Ждут? — Нона приняла бы слово «подходят». — Где? Почему?

— Они ждут, потому что теперь знают, что мы опасны. Они хотят, чтобы Скифроул ослабил нас. Истошил наши резервы. Основная масса ной-гуин будет ждать на льду, потому что они знают, что это путь, который бы выбрала я, чтобы пройти солдат Шерзал и вернуться в империю. Они захотят держать нас в движении. Измотать нас. Они наиболее опасны, когда ждут.

— Значит, нам придется пройти сквозь них, чтобы добраться до ледяного покрова? — Сражаться с ной-гуин с преимуществом внезапности было достаточно сложно. Попасть в засаду было бы самоубийством. Особенно со Скифроулом на хвосте.

— Лучше бы не проходить, — сказала Зоул. — Вот почему мы идем к черному льду.

— Черному... — Нона замолчала и шмыгнула носом. — Что-то горит! — Она обернулась и увидела белые щупальца дыма, поднимающиеся сквозь плетеные палочки стены.

Зоул села:

— Наш отдых окончен.

Три года назад

Спасение

ОГОНЬ ВЫГНАЛ ПОСЛУШНИЦ наружу, но тот, кто бросил зажженный факел, не стал дожидаться, пока они выйдут. Как и предполагала Зоул, ной-гуин затеяли более длительную игру. Столб дыма вернет всадников Скифроула и приведет многих других. Две девушки направились прямо к пустошам, предпочитая скорость скрытности. Вдалеке зеленое сменилось коричневым. А за милями мертвой, нездоровой земли вздымались серые льды — высокие утесы льда уступами поднимались почти на две мили к огромному южному ледяному покрову.

Предгорья спускались к холмистым полям, лежавшим под прикрытием Грэмпейнов. Ветер Коридора, дувший с запада, почти не шевелил живые изгороди. Прыг-кукуруза стояла среди буйства посевов, вырвавшихся из плодородной темной почвы; Нона никогда не видела такую. Деревни почти на каждой миле, дороги в хорошем состоянии, с постоянными дворами, перевалочными пунктами и крошечными сторожевыми фортами. Зоул вела их мимо таких мест так быстро, что местные жители успевали только поднять головы и удивиться. Дважды группы детей бежали за ними, бросая камни. Нона позволила им отскочить от ее спины. А однажды за ними погнался молодой человек в залатанной униформе на три размера больше, чем ему нужно, размахивая руками и крича им на языке империи с таким сильным акцентом, что Нона почти ничего не поняла, кроме слова «стой». Он задыхался, сердился и, наконец, положил руку на плечо Зоул, которая перебросила его через стену в стог сена.

— Держи. — Она бросила Ноне кинжал с лезвием в виде листа, который выхватила из-за пояса юноши — производство армии Скифроула.

С пустошами всего в миле впереди и темной толпой всадников, грохочущих через деревню на гребне позади них, послушницы обнаружили, что их путь прегражден шестью рыцарями Скифроула. Детство Ноны было наполнено историями о рыцарях-еретиках за горами. В рассказах Наны Эвен они всегда были великанами в железных доспехах, их лица скрывались за забралами, отлитыми в виде рычащих зверей, а головы детей империи свисали с их поясов за волосы.

На самом деле перед ними стояли шесть суровых мужчин в потрепанных доспехах, лет тридцати-сорока, а их шрамы и мрачные взгляды на послушниц выдавали в них ветеранов. Вероятно, они служили в бесконечных восточных войнах против королей Альда.

— Стой! — Их предводитель вытолкнул своего жеребца на дорогу из укрывавшей его рощицы.

Зоул не замедлила шага. Она побежала прямо на рыцаря с поразительным ускорением. К его чести, мужчина выхватил меч прежде, чем она добралась до него, но Зоул прыгнула и нырнула под брюхо коня следующего всадника, прежде чем этот успел нанести хоть какой-то удар. Нона бежала вслед за лед-девушкой, уклоняясь с пути размахивающего меча.

Они успели пробежать ярдов пятьдесят, прежде чем рыцари развернули коней и пустились в погоню.

— Деревья? — прошипела Нона между вдохами.

Впереди поля сменились ежевикой и колючим кустарником, кое-где виднелась чахлая рошица. Ничто из этого не замедлило бы лошадей больше, чем послушниц.

Зоул развернулась, упираясь пятками, словно продолжала скользить в том направлении, куда бежала. Она подняла руки и растопырила пальцы. Лошади остановились как одна, словно увидели перед собой стену. Рыцари, одетые в пластинчатые доспехи, перелетели через головы своих коней и тяжело упали на избитую землю. Нона поморщилась.

— С животными проще, чем с людьми. — Зоул стерла с уголка рта струйку крови. Она не выглядела так, словно это было легко. — Пошли.

Зоул снова повела, Нона последовала за ней. Позади них из последней деревни на дорогу выскочили всадники. Десятки всадников. Она спросила себя, не ошиблись ли ной-гуин, позволив Скифроулу измотать ее и Зоул. Возможно, люди бой-королевы убьют их и захватят корабль-сердце ной-гуин для себя.

Растительность умерла за четверть мили. Деревья стояли безжизненные и хрупкие, на ветвях не было листьев. Колючие кусты постепенно исчезали. Ежевика стала черной и искривленной, раздутой уродливыми наростами, а потом и вовсе отказалась от потрескавшейся земли. Послушницы пробежали через акр мертвой серой травы, полегшей там, где ее потрепал ветер; дальше начиналась голая земля.

Нона обернулась на стук копыт, не желая получить копьё в спину. Зоул остановилась в нескольких ярдах впереди нее. Всадники замедлили шаг и рассредоточились, явно не желая наступать, животные нервничали. Наверное, сотня скифроулцев присоединилась к погоне. Нона спросила себя, удалось ли рыцарям уйти с дороги или их затоптали там, где они лежали.

— Сколько лошадей ты сможешь отпугнуть?

— Может быть, сейчас мы узнаем. — Зоул подошла и встала за плечом у Ноны. — Они — стадные животные... Но я не очень хорошо знаю их разум.

Скифроулцы остановилась в сотне ярдов от них, среди последних клочков ежевики и колючих кустов. Многие сняли со спины короткие луки.

— Они выглядят испуганными. Возможно, они думают, что это место населено духами, — сказала Нона.

— Ты сомневаешься? — Зоул начала пятиться назад, медленным и ровным шагом.

Первые несколько стрел пролетели вокруг них, лучники прицеливались. Одна подлетела совсем близко, и Зоул выхватила ее из воздуха. Она развернула ее, сделала два шага вперед и бросила стрелу назад, ее рука рассекла воздух. Секундой позже лучник свалился с седла.

— Я не... знала, что мы можем это сделать... — тихо сказала Нона.

Дюжина лучников выстрелила сразу, еще больше последовало за ними, и в течение следующих нескольких мгновений Нона была занята тем, что отбивала их стрелы. Это навеяло воспоминания об испытании Щита много лет назад. Нона и представить себе не могла, что, когда придет Зоул, она будет защищать именно ее — не то, чтобы Зоул нуждалась в помощи.

Они отступили и защищаться стало и проще, из-за небольшого замедления стрел и уменьшения точности, и труднее, поскольку их выносливости в таком темпе близился конец.

Нона отбила стрелу, метнувшуюся к ее груди, и двинула ногой, чтобы избежать еще одной, которая могла бы пронзить ее колено. Теперь, по мере того, как расстояние удлинялось, стрелы сыпались с неба. Ноне приходилось прищуриться, чтобы разглядеть черные точки на фоне солнца. Она надеялась, что колчаны лучников опустеют раньше, чем

иссякнул ее силы. Она изогнулась, чтобы избежать очередной, и выругалась, когда стрела прочертила горячую линию через ее плечо.

— Бежим. — Зоул повернулась и начала зигзагами пробираться через хрупкие остатки мертвой ежевики к обочине. Нона рванулась в другую сторону, и там, где она бежала, поднялось облако пыли. Сестра Сало объяснила, что, за пределами определенного расстояния, лучник может целиться только туда, где, как он надеется, будет цель к тому времени, когда прилетит стрела.

Они обе бежали в заикающемся, меняющемся ритме, который вбила в них Госпожа Меч. Еще больше стрел падали вокруг обеих послушниц, но удача не подвела их, и вскоре девушки оказались за пределами досягаемости короткого лука.

— Хорошо, что они так боятся этого места. — Нона стряхнула пыль с пальто.

— Возможно. — Зоул, похоже, не была в этом уверена.

— Чего они боятся? Призраки? Яд? — Нона посмотрела на бесплодную землю, раскинувшуюся перед ними, на полуразрушенные фермерские дома и заброшенные деревни, усеявшие местность. — Вряд ли это будет хуже того, что мы найдем там. — Она указала на далекий лед, угрюмо-серый, за исключением тех мест, где гребни кровоточили под светом солнца.

— Это проклятие уже несколько веков движется по их землям. Скифроулцы — не робкий народ. Их научили бояться этого. — Зоул поправила рюкзак и еще раз взглянула на наблюдающих солдат. — Будем надеяться, что мы не встретим то, что их научило. — Она стиснула зубы и пошла дальше в мертвую зону.

Сначала это было только ощущение, что за тобой наблюдают. Взгляд Ноны устремился к темным окнам заброшенных домов. Тут и там еще стояли трупы деревьев, их ветви почти исчезли. Тем не менее, Нона посмотрела на голые ветви, которые остались, убежденная, что какой-то ужас ждал там, ожидая возможность напасть.

Они миновали одинокий каменный столб, его углы выветрились, сохранив лишь надпись «7 миль». Учитывая возраст камня, место, о котором он говорил, могло лежать в пяти милях за льдом, потерянное для человека поколения назад. Следующий подъем показал кладбище и разрушенную церковь Надежды. Надгробия наклонялись под пьяными углами, и каждая могила возвышалась над своим обитателем, как беременный живот.

Ближе ко льду налетел ветер, поднимая кислую пыль и закручивая ее в мгновенные формы, каким-то образом более наполненные ужасом, чем любое ясное изображение. В воздухе чувствовалась горечь, заставившая Нону сжать губы в жесткую линию. Руки стали сухими, а рана, оставленная стрелой на плече, с каждой минутой жгла все сильнее.

Впереди замаячили ледяные стены, серая зараза придавала им странный металлический вид. Ближе к основанию лед темнел, становясь угольно-черным, создавая впечатление зияющего входа в пещеру. Трудно было судить о размерах, но Нона решила, что черная область может быть не более ста ярдов в ширину и, возможно, тридцать ярдов в высоту, разложение просачивалось сквозь толщу льда, так что даже вершины утесов в тысяче ярдов и выше были серыми, как будто гнили.

На окраинах, в миле до настоящих скал, лежали большие блоки, еще не расплавленные интенсивностью фокуса луны или продолжительностью дня. Ледяные валуны варьировались в размерах от кусков не больше кулака до глыб, которые могли бы скрыть дом. Повсюду вокруг них потоки талой воды прорезали мертвую землю, обнажая под собой коренную породу. Все место бурлило проточной водой; в некоторых местах ее проглатывали скалистые

трещины, в других она была заперта в зловонных болотах, трясинах черной грязи, которые могли засосать человека и не вернуть его до закрытия Коридора.

Сами блоки излучали не только холод, но и что-то вроде злобы. Нона поймала себя на том, что пристально смотрит на них, пытаясь постигнуть их полупрозрачную серость. Зоул старалась придерживаться хребтов и твердой земли. Там, где им приходилось спускаться, чтобы пересечь канавку или ручей, она старалась не промочить ноги.

Вскоре они уже стояли среди ледяных валунов, так плотно сбившихся в кучу, что единственным открытым местом были извилистые овраги, змеившиеся между ними. Впереди зиял черный лед, самая темная часть которого, как оказалось, занимала значительно бóльшую площадь, чем предполагала Нона. Очертания по-прежнему напоминали вход в пещеру, но гигантских размеров — несколько сотен ярдов в ширину и сотню в высоту.

— А что говорят лед-племена о черном льде? — спросила Нона и поняла, что этот вопрос ей следовало задать раньше.

— Они не говорят, — ответила Зоул. — Они знают, но это не те истины, которыми можно поделиться.

— Ну, может быть, на этот раз ты сделаешь исключение? В конце концов, я твой Щит. И мы будем там очень скоро... — Нона повертела головой из стороны в сторону, пытаясь дать черной стене хоть какое-то определение, — ...если есть какой-то способ войти. — Это было похоже на разинутую пасть, наполненную полночью, но за иллюзией стояла сплошная стена черного льда. Убежденность Ноны в том, что через все это проходит какой-то туннель, основывалась исключительно на заверениях Зоул и неохотном признании Чайник, которая отважилась проникнуть в помещения с черным льдом и последовала туда вслед за королевой Скифроула. Столкнувшись со злобой, исходящей из темноты перед ней, Нона должна была согласиться, что любого, кто основывает свою власть на таком месте, следует опасаться.

Зоул ответила на вопрос Ноны после такой долгой паузы, что Нона уже перестала ждать ответа:

— Пропавшие избавлялись от своих *клаулату*... своих грехов, если хочешь... в храмах, построенных для этой цели. *Клаулату* — это части личности, не совсем живые и не совсем мертвые, и они обитают по краям Пути. Но такие места, как эти храмы, в которых так много было очищено, остаются слабыми местами, где *клаулату* могут просочиться обратно в мир.

— А черный лед? — У Ноны было неприятное чувство, что она знает ответ.

— Это там, где *клаулату* загрязнили лед, когда он двигался напротив места, где стоял такой храм. Порча, зло целой расы, снова пятнает этот мир.

— И это лучший способ забраться на ледники? — Нона не могла себе этого представить.

— Это лучший способ избежать встречи с ной-гуин. Они лишены чистоты сердца и восприимчивы к *клаулату*. Они не посмеют охранять этот путь.

Нона взглянула на засасывающую черноту впереди:

— Я не уверена, что осмелюсь пройти по ней. Я ведь тоже восприимчива, помнишь?

Святой Класс

Настоящее Время

— МЫ ДОЛЖНЫ УКРАСТЬ книгу сегодня? — Ара выглядела потрясенной. — Нужно, по крайней мере, подождать до седьмого дня, чтобы все спланировать.

— Сегодня! Сейчас же! — Нона выскользнула из кабинета Ары. — Я за Джулой.

— Подожди! Разве ты не должна быть в постели? — Протест Ары последовал за Ноной вниз по лестнице.

Образы лица Сестры Яблоко заполнили сознание Ноны, то, как она, должно быть, выглядела, когда обнаружила развалины своего склада. Нона была уверена, что забыла флакон с глазными каплями. Должно быть, именно это и подсказало Джоэли, что она там. Нона надеялась, что флакон затерялся в беспорядке, а не стоит обвиняюще на столешнице перед полками с препаратами.

Но даже без таких немедленно изобличающих улик, Нона не думала, что Госпоже Тень потребуется много времени, чтобы доказать ее вину. О том, что сделает в ответ Настоятельница Колесо, думать было невыносимо, но Нона сомневалась, что налет на хранилище первосвященника все еще будет возможен.

— Нона! — Ара, широко распахнув ставни, высунулась из окна дормитория на третьем этаже. — Ты уверена? Это безумие...

Нона посмотрела на подругу, которую просила так рискнуть. Настоятельница Стекло велела ей достать книгу любыми средствами. Она дала Ноне наставление, когда ее болезнь только началась, и она повторила его на смертном одре, зная, что армии империи терпят неудачу. Нона пообещала умирающей женщине, и она сдержит обещание с помощью или без помощи, даже если это будет означать вызов первосвященнику и всем его архонтам. Она сделает это, даже если ей придется превратить то место в руины и выкопать книгу из груды трупов.

— Поверь мне. — Самая большая мольба, на которую она способна. Ара кивнула и исчезла в комнате.

В скриптории Нона подбежала к заднему окну, подпрыгнула и забралась на подоконник, чтобы с высоты проверить обитателей библиотеки. Как это часто бывало, Джула сидела в одиночестве за столом, окруженная множеством пожелтевших свитков. Нона спрыгнула на землю и поспешила войти через главный вход. Сестра Шрам сидела за своим столом в главном зале скриптория, иллюминируя экземпляр «*Книги Предка*». Она одарила Нону прищуренным взглядом, но ничего не сказала.

— Джула! — Нона закрыла за собой дверь библиотеки. — Ты...

Она проглотила свои слова при виде крошечной послушницы, несущей книгу с полки. Ряса девочки собралась вокруг ее ног.

— Мы ведь никогда не были такими маленькими, правда?

— Ты была меньше, когда появилась здесь. — Джула оторвалась от работы. — В рясе, которую тебе выдали, нашлось место для двух Нон. — Она повернула голову к младшей послушнице. — Да, это та самая. Спасибо, Марта. Положи ее на стул, пожалуйста.

— Нам нужно поговорить. — Нона взяла Марту за плечи, когда та выпрямилась, положив тяжелую книгу. — Наедине. — И повела ребенка к двери.

Джула вздохнула:

— Беги, Марта. Мы сделаем еще кое-что в седьмой день.

Они обе ждали, когда закроется дверь.

— Что?

— Мне нужен ордер, — сказала Нона.

— Тебе нужно как-то вернуть печать настоятельницы. Я знаю, что ей не часто пользуются, но удивляюсь, как она не заметила, что печати нет.

— С этим придется подождать. — Нона протянула руку. — Мы делаем это сегодня.

Джула сунула руку в карман и достала кожаный тубус, внутри которого лежал пергаментный свиток:

— Хорошо.

— Хорошо? — Нона взяла тубус и проверила документ. — Я думала, ты придешь в ужас.

— Пойдем со мной. — Джула встала и направилась в заднюю часть библиотеки. — Я хочу показать тебе кое-что важное.

Плечи Ноны поникли, как всегда, когда Джула пыталась увлечь ее какой-нибудь старинной книгой. Она последовала за ней, хмурясь. Некоторые свитки были настолько древними, что почти казались написанными на другом языке, все эти *сей* да *оный* и слова, которые нужно было объяснять. Другие по-прежнему не содержали ни единого известного ей слова.

Джула протиснулась между рядами полок, заваленных свитками и пробилась к стене. Она отодвинула доску в сторону, чихая от пыли. В полумраке и после яркого света читального зала Нона почти ничего не могла разобрать. Джула нащупала ключ. Нона и представить себе не могла, что в скриптории найдется место для еще одной комнаты, без сомнения, какого-нибудь тайного хранилища... Дверь приоткрылась, и, к удивлению Ноны, в комнату ворвался дневной свет. Джула шагнула внутрь, поманила ее и заперла за ними дверь. Они стояли за зданием, перед ними находились склад бочек и мастерская Сестры Свеча. Нона, должно быть, тысячу раз проходила мимо двери, через которую они вышли, даже не замечая ее.

Джула пошла вперед, к концу отрога, на котором стоял монастырь. Скалы с обеих сторон становились все ближе по мере того, как плоская вершина Скалы Веры сужалась в точку. Тень Джулы прыгала перед ними, словно стремясь первой добраться до края и спрыгнуть. Нона могла вообразить, что она одна и тень принадлежит ей. Тени могут показаться простыми вещи, но каким-то образом они прикрепляют тебя к этому дню. С тех пор как она потеряла свою, Нона никогда не чувствовала себя частью этого мира.

— Куда мы...

Джула проигнорировала попытку Ноны задать вопрос и зашагала дальше. Она миновала Стекланную Воду и продолжила путь по изрытому камню, пока они не остановились всего в нескольких ярдах от зазубренного края, где Скала падала вниз. Она указала на восток. Вдалеке дым пятнал небо.

— Ты была очень занята последние несколько дней, Нона, и никто не хотел беспокоить тебя в санатории... Но этот дым? Это линия фронта королевы Адомы. Шерзал вернулась к Ковчегу. Говорят, что битва в поле почти проиграна. Еретики будут у стен Истины через неделю. Может быть, раньше.

— Но... — Нона не знала, что все так плохо. — А как насчет Девятого и Седьмого? — Личные подразделения императора были элитой со страшной репутацией, выкованной веками. — Все говорят, что Крустикэл развернет их.

— В последний седьмой день Девятый ушел на запад. У стен Арнтонна показалась армия Дарна. Монастырь Безмолвного Терпения и монастырь Красного Ручья лежат в руинах. Седьмой выстраивается перед Ковчегом, но их численность сильно поредела.

— Откуда ты все это взяла? — спросила Нона, не желая верить. — Ты целыми днями сидишь в библиотеке, когда не на занятиях!

Джула снова ткнула пальцем, и Нона последовала за ней взглядом к многооконному шпилью, в котором гнездились монастырские грачи.

— Армии потеряли так много почтовых птиц, что теперь используют церковных грачей. А Дарла научила меня читать стандартные военные коды. — Лицо Джулы вытянулось. — Генерал Ратон погиб на побережье на прошлой неделе...

— Я... — Ноне хотелось сказать отцу Дарлы, что она привлекла Джоэли Намсис к ответственности за смерть его дочери. Теперь генерал уже никогда не услышит этого. Возможно, это не принесло бы ему никакого утешения, но Нона думала, что Дарла будет счастливее. Дарла была не из тех, кто прощает. — Ну... это делает то, что мы делаем, еще более важным.

— Будь осторожна. — Джула выдавила слабую улыбку.

— Я? — Нона вернула более яркую. — Ты тоже идешь! Сейчас у тебя нет времени учить меня, как работает картотека. Мне нужно, чтобы ты нашла книгу, как только мы войдем!

Четверо подруг встретились у колодца прачечной, Нона и Джула пришли, чтобы найти уже ждущих Ару и Рули.

— Все это с нами сделала Джоэли, — сказала Нона вместо приветствия.

— Заставила нас украсть запрещенные книги? — спросила Рули.

Нона подавила рык. Рули не видела, как умерла Дарла, не видела, что сделала Джоэли.

— Она слишком много знает о нас. Она — шпион Таксиса, прямо здесь, в монастыре. Мы должны...

— Убить ее? — спросила Джула. — Книга Предка против такого рода вещей. — Она одарила Нону ровным взглядом.

— Хорошо, хорошо, Святая Сестра. — Нона покачала головой. Спокойствие Джулы, ее доброта были чем-то, что Нона ценила в таких ситуациях, хотя обычно задним числом, а не вначале. — Я не собиралась предлагать ее убить... Не совсем.

— Что же тогда? — спросила Ара.

Нона испустила долгий вздох.

— Мы разберемся с ней, когда вернемся. — Она шагнула в колодец, взявшись за веревку. — Пошли.

Вчетвером они спустились в комнату под аркадой послушниц и начали преодолевать подземелья. Они прошли через пещеру, где стояло странное свободно стоящее кольцо выше человеческого роста, пересекли место, где они когда-то стояли лицом к холотуру, и спустились вниз по утесу. Десять минут спустя они миновали печальные, обывествленные скелеты в их нише и, наконец, вышли обратно на свет через скрытую трещину на склоны к основанию Пути Безмятежности.

Несмотря на их тайное бегство, Нона чувствовала, что за ней наблюдают. Джоэли толкнула ее на это. Джоэли подстегнула ее к внезапным действиям. И хотя она не видела

никаких признаков девушки, Нона почему-то чувствовала, что взгляд, сверлящий спину, принадлежит той же презренной манипуляторше нитями. Джоэли была пауком в паутине, но паутина была больше, чем она могла бы построить сама.

Ощущение того, что за ними наблюдают, ослабевало по мере того, как они подходили к воротам города после часа быстрой ходьбы от подножия Скалы. Хотя улицы Истины нисколько не потеряли своего цвета, они приобрели достаточно серых и коричневых полос, чтобы нарисовать совершенно иную картину, чем обычно. На каждом углу толпились группы беженцев. Городская стража убирала их, но на смену всегда приходили новые. Крестьяне, грязные с дороги, с рваными узлами на спинах. Горожане с повозками, груженными их домашними сокровищами, с недоумением в глазах. Раненые солдаты, беспризорные дети, поток вытесненного человечества, ищущего убежища Ковчег.

Нона разрешила Аре провести их через лучшие кварталы города, где людское давление ослабело и позволило им продвигаться вперед. Даже в больших особняках Истины царил дух тревоги: окна заколочены досками, у дверей стоят новобранцы-охранники в плохо сидящих мундирах.

Мало кто из аристократии или богачей ходил по широким улицам вокруг императорского дворца. Ара подвела их достаточно близко, чтобы разглядеть шпили дома Крустикэла. Где-то глубоко внутри лежал Ковчег, на котором держалась власть императоров. Нона чувствовала его сердцебиение даже на таком расстоянии. слабая пульсация в ткани мира. Возможно, у них там было корабль-сердце. Возможно, что-то большее.

За спиной Ноны заскрежетали открывающиеся ворота особняка, мимо которого они только что прошли, вышли люди, залязгали доспехи. Она проигнорировала это.

— Послушницы, и так далеко от дома в опасные времена. — Мужской голос, сочащийся благородным выговором.

Девушки обернулись и увидели кольцо солдат в доспехах, выстроившихся вокруг четырех фигур — трех в темных одеждах и одной в наряде лорда. Этот последний, худой и высокий, с улыбкой, полной злобы и насмешки, был хорошо знаком Аре и Ноне.

— Лано Таксис. — Ара не использовала ни одного из почетных званий, которых требовали приличия.

Нона открыла было рот, но у нее пересохло в горле. В последний раз она видела этого человека, когда он стоял и смотрел, как она корчится и пачкает себя, мучаясь от нестерпимой боли на полу камеры ной-гуин. Из каждого ее пальца непроизвольно выскочили дефект-клинки. Во время их последней встречи Лано видел, как она страдала от прикосновения фамильной игрушки Таксисов, Беды, сигил-орудия пыток. Перед уходом он перерезал ей ноздрю — шрам, который она все еще носила, — и пообещал вернуться, чтобы нанести ей всевозможные ужасные увечья. Она вспомнила удовольствие в его голосе. Рвение.

— Нона... — пальцы Ары сомкнулись на плече Ноны, и она обнаружила, что стоит, упершись в землю, неосознанно сделав шаг в сторону Лано.

Солдаты в синих мундирах Таксисов взяли за рукояти мечей. Двое смуглых мужчин рядом с Лано переменили позы. Третьей из его приближенных была черноволосая женщина, Сафира, которая давным-давно ударила ножом Чайник, прежде чем сбежать из монастыря и продать свои услуги Шерзал. Ее присутствие здесь говорило о возобновлении отношений между сестрой императора и его самым капризным вассалом.

— Арабелла Йотсис. — Лано проигнорировал приближение Ноны. — Я слышал, что

скифроулцы пляшут на обугленных развалинах замка твоего дяди. Сейчас опасные времена. Особенно для маленьких девочек.

Нона нашла язык:

— Ты...

— И Нона... — Лано перевел на нее взгляд своих темных глаз. Он взглянул на свою правую руку и два скрюченных пальца, поврежденных, когда он впервые попытался схватить ее, много лет назад. — Знаешь, я приказал откопать твою маленькую подругу? Как же ее звали? Сая? Сайлар? Сайда, вот оно! Я сделал чашу из ее черепа и отдал ее кости моим собакам.

Хмурая Сафира подошла к Лано и что-то прошипела.

— Нона! — Ара сдерживала ее с возрастающим усилием. — Совершенно очевидно, что он делает! Не давай ему того, чего он хочет!

Нона понимала. Они пришли сюда за книгой, вот что было важно. Но она физически не могла отодвинуться, как не могла летать. Образы Сайды заполонили ее сознание. Сайда в клетке, утешает. Сайда кричит в хватке Раймела Таксиса. Тело Сайды под простыней перед виселицей. Она напряглась, чтобы прыгнуть на первых охранников Лано.

Улыбка Лано стала шире, и он изобразил, что делает глоток:

— Я сказал...

Вперед шагнула Джула.

— Почтенный Лано из Дома Таксис. Я понимаю, что ваши солдаты искусны и что те, кто рядом с вами, вероятно, разделяют подготовку Сафиры. Я уверена, что у вас есть сигил-амулеты, которые, как вы считаете, могут поглощать и отражать враждебную магию. Но я должна предупредить вас. Нона Грей могла бы разорвать эту улицу до основания, чтобы увидеть вас мертвым, и сравнить с землей дома вокруг нас. Она может обрушиться на вас с такой силой, что ваши золотые амулеты сгорят и рассыпятся в прах. И, прежде чем я успею сделать хоть шаг, чтобы остановить ее, вы все превратитесь в дымящиеся потроха среди развалин. — Джула бросила взгляд на Нону. — Вы должны знать, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы отдать ее под суд императора после такой вспышки. Но это будет слабым утешением для ваших трупов.

Сафира, должно быть, говорила что-то очень похожее, потому что Лано, зарывчав, позволил увести себя через улицу к другой дороге.

Нона смотрела им вслед, пытаясь восстановить дыхание. Солдаты в тылу отряда Таксиса постоянно оглянулись на нее, как будто даже сейчас она могла броситься в погоню. И Нона все еще хотела. Джула была права. Она убила бы Лано, но не воспользовалась бы для этого Путем — она бы вырезала его сердце голыми руками.

Послушницы продолжили свой путь в напряженном молчании, которое длилось несколько кварталов. Наконец Нона остановилась и уставилась на Джулу:

— Ты действительно сделала бы все, что в твоих силах, чтобы отдать меня суду императора?

Джула повернулась, сложив руки на груди:

— Да, сделала бы! В страну вторглись. Нам нужен каждый гражданин, каждый солдат. Верховенство закона жизненно важно для цивилизации во все времена, и когда же оно так важно, как не тогда, когда мы находимся в таком напряжении? Ты же знаешь, что я права, Нона.

Нона с трудом сдержала улыбку:

— Ты бы отдала меня?

Джула кивнул:

— Я бы так и сделала.

Нона пожала плечами и усмехнулась:

— А когда мы украдем эту книгу, ты признаешься и отдашь себя на милость суда?

Джула хмыкнула и пошла дальше:

— Это, Нона Грей, совсем другое дело!

МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ СВ. Кастора стоял в одном из наименее приятных кварталов Истины — окаймленный трущобами район, отданный под промышленность и склады. Зловоние дубильщиков, обрабатывающих шкуры, висело над улицами невероятно густо, и Ноне казалось, что она должна была бы видеть туман от него в воздухе. Тени взялись за руки, предвещая вечерний сумрак, и за закрытыми ставнями зажглись первые свечи. Ара, Джула и Рули шли почти рука об руку, отставая от Ноны на несколько ярдов. Они закрыли носы и бросали нервные взгляды на переулки. Не то чтобы кому-то из них было о чем беспокоиться. Даже Джула смогла бы сбить с ног одного-двух обычных преступников. Нона предположила, что это своего рода предвкушающее чувство вины, заставляющее их нервничать.

— Постарайтесь выглядеть естественно... — Нона оглянулась через плечо на троицу.

— Да, Госпожа Черноглазка. — Рули высунула язык и обхватила оба глаза большим и указательным пальцами. — Все нормально. — Чем больше пугалась Рули, тем больше шутила.

Нона покачала головой и пошла дальше. Со своим украденным монашеским платком она, вероятно, выглядела как полноценная монахиня, выводящая послушниц. Она продолжала расти, когда остальные остановились и стала на голову выше Джулы, на полголовы выше Ары, Рули примерно посередке.

— Перестань его трогать! — прошипела Ара.

Нона опять обнаружила свои пальцы на головном уборе. После катастрофы на складе Тени ее шансы на платок были так же малы, как и на то, чтобы стать монахиней.

Впереди монастырь угрюмо смотрел на своих соседей — уродливое кирпичное здание, стоящее на огромных блоках песчаника, вырезанных из камня Скалы Веры. Путешествующим братьям из всех монастырей империи предоставлялось жилье в стенах монастыря, когда их обязанности приводили их в столицу. Обычно эти обязанности заключались в доставке иллюминированных рукописей покровителям или обучении детей Сис, но в такие смутные времена Красные Братья, наряду со своими Серыми и Мистическими братьями, могли значительно превосходить своих Святых кузенов по численности в списке гостей монастыря.

— Подождите здесь, — сказала им Нона.

— Да, госпожа. — Джула, стоявшая рядом с Рули, подавила смехок. Чудовищность преступления, в котором ей предстояло участвовать, казалось, довела ее до истерического веселья. Нона удостоверится, что все они глубоко погружены в транс безмятежности, прежде чем приблизиться к залу регистрации.

Парадная дверь была добрых десяти футов высотой, дубовая, выветрившаяся до бледно-серого цвета, усеянная ржавыми засовами с ромбовидными головками. Монах, открывший ее, выглядел еще более старым и более выветренным.

— Да... сестра? — Нахмуренный лоб над белыми бровями говорили о том, что за его долгую, посвященную размышлениям жизнь монахини с каждым годом становились моложе, но *такую* молодую он еще не видел.

— Мне нужно поговорить с Братом Маркусом.

Пауза, пока он оглядывал ее с ног до головы. Даже с высоты уличной ступеньки ему пришлось вытянуть шею, чтобы встретиться с ее глазами. Увидев их совершенно черными, он поднял брови.

— Хммм. — Он отвернулся и закрыл дверь. Его «Подождите здесь» добралось до нее уже сквозь толщу дерева.

Нона съежилась в дверях, глядя на улицу. Если принять всерьез сообщения Джулы, орды Скифроула хлынут через эту дверь в течение нескольких дней. Ноне было трудно в это поверить. В распоряжении императора были легионы, Красные братья и сестры, вся мощь Академии. Крепости и замки доминировали в Коридоре от Грэмпейнов до Марна. Империя пережила почти тысячу лет и выдержала полсотни войн.

— Я думал, к тебе трудно подкрасться.

Голос Маркуса вывел Нону из задумчивости. Старец уже закрывал за ним дверь, чтобы даже запах монахини не портил братьев внутри. На мгновение Нона представила себе старого брата в объятиях Настоятельницы Колесо. Они, вероятно, поладят.

— Что-то смешное? — спросил Маркус.

— А, нет. На самом деле скорее наоборот. — Нона вывела его на улицу, перешагнув через зловонную лужу. — Мы должны сделать это сегодня.

— Сегодня?

— Сегодня. — Она бросила взгляд через плечо.

На мгновение на лице Маркуса промелькнуло беспокойство, но он отогнал его и улыбнулся так тепло, что щеки Ноны покраснели:

— Тогда сегодня. Не то, чтобы мне нужно было что-то готовить.

Еще несколько шагов привели их к Аре, Рули и Джуле, последние двое уставились на Маркуса с широко раскрытыми глазами, в то время как его взгляд задержался на золотистой красоте Ары, не надолго, но гораздо дольше, чем требовалось Ноне, чтобы разозлиться.

— Послушницы. — Широкая улыбка и легкий поклон.

Нона почувствовала пульс эмпатии марджал, которую Маркус так хорошо использовал на настолько низком уровне, что, похоже, она была бессознательной. Она вспомнила, как он сидел в клетке до того, как его талант расцвел. Довольно неуклюжий, постоянно спорящий мальчик. Нона предположила, что с тех пор они оба изменились до неузнаваемости.

— А вас не хватятся? — спросил Маркус. Солнце уже зашло, и на широких улицах купеческого квартала то тут, то там в вихре ветра кружились блуждающие листья.

— Нет. — Нона была менее уверена, чем сказала. Генну и Кетти долго пичкали легендами о том, что они вчетвером рано ложатся спать. Они также использовали все навыки, которые Сестра Яблоко пыталась передать им, создавая иллюзию, что кровати пропавших послушниц заняты. Рули и Нона давным-давно изготовили фальшивые головы из высушенных тыкв, на которые наклеили собственные волосы, спасенные после прошлых наказаний стрижкой. Сестра Роза могла подняться вверх, чтобы проверить, в порядке ли Нона после ее самовольного отъезда из санатория. Могла заглянуть и Чайник в поисках улик к дневной краже, а еще могла ворваться Сестра Скала во время одного из нечастых патрулей целомудрия, которые проводились по приказу Настоятельницы Колесо. Нона надеялась, что

надвигающийся кризис отвлечет монахинь от дел послушниц и сосредоточит их на более жизненно важных вопросах.

По мере приближения к старому кафедральному собору дома становились все больше, все старше и несколько более обветшалыми. Здание утратило свой статус более ста лет назад, в то время, когда Церковь построила впечатляющую Святую Кровь, чьи шпили угрожали затмить даже Ковчег. Теперь старый собор служил самым различным целям, включая жилье бывших священников, слишком дряхлых, чтобы заботиться о себе, управление и оплату церковного персонала по всей империи, и, самое главное, хранение документов, которые считались слишком важными, чтобы уничтожить, но которые требовались не слишком часто.

Даже здесь — так близко к географическому центру города и так далеко от стен, что башен не было видно, — солдаты стояли на многих углах. Мимо спешили патрули в полном вооружении и цветах Седьмого. Горожане смотрели и волновались. Истина был единственным городом, в котором Нона проводила время, поэтому она не знала, какое настроение в других городах, но жители Истины знали, и им было страшно.

— Золотое дерево. — Джула указала на замысловатую башню собора, выглядывающую из-за крыши особняка впереди.

— Это не похоже на дерево, — сказала Рули.

— Это было бы непросто с архитектурной точки зрения, — сказала Ара.

— Когда-то, — раздался позади них низкий голос Маркуса, — на центральной башне росли золотые ветви, похожие на ветки арбората. Я думаю, что они были деревом, покрытым чеканным золотом. Стержневой корень проходит через большой зал и, как говорят, зарывается под катакомбы.

Нона взглянула на манжеты своей рясы. Там был вышит арборат, дюжина символов дерева обхватывали запястья. Их корни тянулись к первому предку, хотя они истончались и исчезали, не доходя до локтей. Она попыталась представить себе арборат в сто футов высотой, древо Предка, сверкающее на солнце.

— Безмятежность, — проинструктировала она и потянулась за своей.

Бывший кафедральный собор стоял в центре широкой площади, где еще оставалась горстка владельцев ларьков, разбиравших навесы и прилавки. Стражники с цепким взглядом стояли на главной лестнице, их было шестеро. Их присутствие, вероятно, было продиктовано тем, что где-то внутри хранилось жалование духовенства; вряд ли они здесь, чтобы следить за пыльными книгами, но, все равно, они стерегли и хранилище первосвященника.

— Рули, я хочу, чтобы ты была настороже и смотрела. В хранилище может быть нить-работа, может подняться тревога. Если кто-нибудь прибежит, сделай все возможное, чтобы задержать их с помощью тумана и теней.

Рули кивнула:

— Я постараюсь.

— Ара, ты отвлекаешь. Если у нас будут неприятности, это может привести солдат. Если это произойдет, им понадобится веская причина, чтобы отправиться куда-нибудь еще. Возможно, гром с молнией подойдет.

Ара кивнула.

— Я буду наверху. — Она указала на крышу особняка, выходящего на площадь.

— Маркус, ты со мной. Нам нужно только одно — все, кого мы встречаем, должны отнестись к нам хорошо.

Он кивнул:

— Это зависит от того, кого мы встретим, но я могу быть довольно убедительным.

— А ты, Джула, — наши мозги.

— Я? — Мгновение паники угрожало нарушить безмятежность Джулы. — Да, я — повторила она с бóльшей уверенностью.

— Тогда вперед. — Нона направилась к дверям собора, гадая, где это Джула вновь обрела уверенность и осталось ли там что-нибудь еще. То, что они делали, было опасно. Убийственно опасно. Кража книги Сестры Сквородка могла привести к тому, что их вышвырнут из монастыря и, возможно, отправят в карцер. Если их поймают на краже из хранилища первосвященника, их казнят, без сомнения, каким-нибудь неприятным способом, предписанным древним законом Церкви.

Нона попыталась унять дрожь в руках. Так много поставлено на карту, и все из-за обещания старой женщине. Поставлено из-за обещания и из-за веры в то, что, даже в конце жизни, Настоятельница Стекло все еще могла переиграть всех в длинной игре.

Поднимаясь по широким ступеням, Нона потянулась за ордером, скрепленным печатью настоятельницы. Под мышкой у Джулы в кожаной сумке лежала книга Сестры Сквородка.

— Сестра? — Один из охранников шагнул вперед, чтобы перехватить ее. — Уже слишком поздно заходить внутрь. Все клерки разошлись по домам.

— Я доставляю запрещенный текст в хранилище первосвященника. — Нона кивнула в сторону Джулы, которая показала ордер, украшенный печатью настоятельницы.

— Мне очень жаль, сестра. — Мужчина нахмурился, глядя на бумага-работу Джулы. — Вам следовало бы заранее договориться о встрече. Вам придется вернуться утром. — Он преградил ей путь. Ему не хватало дюйма или двух до роста Ноны, но он был намного шире в плечах, стальной нагрудник защищал пространство между ними.

Маркус шагнул вперед с легкой улыбкой на лице:

— Гвардеец, эта голубоглазая монахиня не может ждать в истерзанном войной городе с запретной книгой в руках. Книга может попасть не в те руки. Ее необходимо поместить в надежное хранилище.

На мгновение между ними повисло молчание. Маркус начал кивать, и гвардеец тоже нерешительно кивнул.

— Голубые глаза... — Нахмурившись, он сказал с большей уверенностью. — Да, лучше спрятать ее подальше, брат.

Гвардеец повел их вверх по ступенькам. Остальные стражники открыли двери, по два человека на каждую створку, затем закрыли их за собой. И хотя Маркус завоевал их вход с силой, которая должна была позволить им всем троим безопасно войти и выйти, Нона не могла избавиться от ощущения, что эти огромные двери, закрывающиеся за ними, были челюстями ловушки, в которую они добровольно сунули свои головы.

— Мы вытащим брата Эдрана из его покоев и отнесем книгу туда, где ей самое место.

— Брата Эдрана? — спросила Нона.

— Он наблюдает за хранилищем первосвященника. Проводит больше времени взаперти с этими книгами, чем с людьми. — Гвардеец содрогнулся.

Большой зал собора был разделен давным-давно, деревянные каркасы поддерживали новые уровни и перегородки. Гвардеец ввел их в лабиринт коридоров, затянутых дымом и скудно освещенных фонарями. Они прошли мимо нескольких пожилых клерков, один из которых запирает двери и тушил свет. То тут, то там прохаживались в дозоре стражники,

старика и мальчишки, взятые на службу теперь, когда война забрала тех, кто мог сражаться.

Их гвардеец остановился у двери в глубине здания и постучал в нее.

— Эдран? Эдран! Клиенты для вас!

Последовала долгая пауза.

— Он немного глуховат. — Гвардеец виновато пожал плечами. — ЭДРАН!

На этот раз раздался грохот столкновений, смешанный с жалобами. Он становился все громче, пока дверь не распахнулась и на них не уставился старик в ночном халате, его лысая голова была окружена бахромой седых волос, из обеих ушей вырывалось еще больше.

— У этих людей есть книга для хранилища, — сказал стражник.

— Неужели эль окончательно превратил твои мозги в грязь, Мика? — Эдран покосился на Нону, Джулу и, наконец, на Маркуса. — Скажи им, пусть вернутся утром.

Мика нахмурился и посмотрел на Нону с некоторым подозрением:

— Это необычно...

Маркус заговорил, его голос дрожал, каждое слово погружалось в сознание:

— Это очень важно. Книга должна попасть в хранилище сегодня.

— Чепуха! В тот день, когда какой-нибудь монах, слишком юный, чтобы бриться, придет приказывать мне в моем собственном архиве... — Возмущение завладело языком старика. — Убирайтесь отсюда!

Маркус моргнул и бросил на Нону встревоженный взгляд:

— Это... Так... Важно.

— Утром это будет очень важно. Сейчас это просто раздражает. — Эдран двинулся вперед, толкая Маркуса перед собой. — Убирайся! Мика, вытащи этого парня отсюда или помоги мне...

Джула попятилась, выглядя подавленной.

Нона не могла поверить, как легко старик отмахивался от всех усилий Маркуса. Невольно она сама поверила его словам, даже больше, чем собственному имени. Она уставилась на библиотекаря, ища хоть какой-то ключ к его стойкости.

— Да, Эдран. Прощу прощения. — Мика встал между двумя мужчинами и схватил Маркуса.

Нона двигалась быстро. Она встала перед Эдраном, встретив его возмущенный взгляд абсолютно черными глазами, и крепко прижала руку к его груди.

— Что? — Его глаза расширились при виде ее. — Как ты смеешь!

В то же самое время Нона потянулась другой рукой и нащупала серебряную цепочку, которую увидела у него на шее над воротником халата. Коснувшись кончиками пальцев звеньев цепочки, она резко ударила по ним клинками; звеньями раздвинулись и цепочка упала. В то же мгновение она толкнула старика так сильно, что тот покачнулся:

— Это очень важно!

Где-то между голыми лодыжками Эдрана и обутыми в шлепанцы ногами незаметно звякнул на пол амулет, волоча за собой серебряную цепочку.

— Стража! — Крик Эдрана был хриплым от ярости.

— Объясни еще раз, Маркус! — крикнула Нона.

Маркус, находившийся на полпути по коридору и быстро уносимый прочь, заговорил через плечо стражника:

— Ты хочешь нам помочь.

Гнев Эдрана сменился смятением:

— Подождите...

Мика опустил монаха, извиняющимся жестом отряхивая его рясу.

— Позвольте мне помочь...

— Нам нужно надежно спрятать эту книгу в хранилище до наступления темноты, — сказал Маркус.

Старик всплеснул руками:

— Если вы должны, вы должны!

Он нахмурился, глядя на Нону, словно вспоминая толчок. Из-за угла, пыхтя, выскочил стражник, но Эдран нетерпеливо отмахнулся. Он повернулся к Маркусу.

— Подождите здесь. Я возьму ключи. — С этими словами он вернулся в свою комнату и закрыл за собой дверь.

— Тебе пора идти. — Маркус отослал гвардейца обратно на свой пост.

Нона наклонилась, чтобы поднять амулет, и когда Маркус повернулся к ней, она раскрыла ладонь, чтобы показать ему его — сигил, выкованный из серебра.

— Это сигил называется мендент. — Маркус прищурился, как будто эта штука была слишком яркой, чтобы на нее смотреть. — Не дает манипулировать мыслями и эмоциями. В Св. Круа такие есть у Настоятеля Джейкоба и старших монахов. В противном случае повелителями монастыря стали бы послушники.

Нона сжала его в кулаке. Часть ее хотела взять эту вещь себе. Безопасность от манипуляций Джоэли и всего, что может случиться в будущем. Но пропажа такого ценного предмета будет, безусловно, обнаружена, как и ее визит в архив. Она неохотно положила амулет у двери:

— Пусть найдет потом.

Эдран заставил их ждать десять минут и наконец появился в своем испачканном чернилами рабочем халате, позвякивая тяжелой связкой ключей:

— Это действительно очень необычно. Позвольте взглянуть на ваш ордер.

— Он здесь, архивариус. — Джула достала документ и протянула ему *«Книгу Потерянных Городов»* Аквинаса.

Эдран изучил ордер и книгу, приподнял белую бровь и перелистал страницы последней.

— Хм. Удивительно, что такие работы продолжают появляться. — Он щелкнул пальцами. — Тогда давайте займемся этим!

Он провел их еще по нескольким коридорам, отпер две пары дверей и спустился по лестнице.

— Я тысячу раз говорил им, что хранить книги в катакомбах — безумие, но разве они меня слушают? — Подняв фонарь, Эдран поспешил по туннелю, вдоль которого тянулись пустые ниши, и остановился перед тяжелой дверью, в которую постучал: четыре стука, пауза, три стука.

После долгой паузы кто-то отодвинул засов, и Эдран толкнул дверь. Вестибюль за дверью был пуст, если не считать свечей, расставленных по стенам, и стула, на котором сидел одинокий гвардеец. Напротив двери, через которую они вошли, находился железный портал в хранилище первосвященника.

— Эрнас, я делаю депозит. — Эдран нетерпеливо протянул руку Джуле. — Книга, девочка.

Гвардеец поправил свой железный шлем и, нахмурившись, подошел ближе. В отличие от наемников у входа, это был церковный страж лет сорока, обветренный ветром Коридора,

линии старых шрамами оставили белые швы на руках и лице, на табарде — древо Предка, на бедре — меч. Он был совсем не похож на мягкотелых мальчиков и стариков, мимо которых они прошли по дороге.

— Хранилище закрыто в нерабочее время, архивариус. Вы это прекрасно знаете.

— Я... — Эдран заколебался.

— Он делает исключение, — сказал Маркус. — Все будет в порядке.

Последние слова жужжали силой, которая тянула за собой множество нитей. Нона поймала себя на том, что кивает — все будет в порядке.

Рука церковного стража скользнула к рукояти меча.

Нона двигалась быстро. Как и Эдран, человек перед ней, казалось, был невосприимчив к влиянию Маркуса: как и Эдран, он, вероятно, носил сигил, мендент. Если она сумеет снять с него эту штуку, и быстро, то, возможно, Маркус сумеет все уладить. Шлем! Это должен быть шлем. Он выглядел слишком хорошо сделанным, неуместный на церковном страже, на котором на было других доспехов, не считая кольчужного жилета под табардом. Она врезалась в мужчину, ухитрившись перерезать ему подбородочный ремень и сорвать шлем, прежде чем они оба врезались в дверь позади него.

— Скажи ему, Маркус! — Нона схватила его за запястье и вложила меч в ножны.

Маркус удивленно моргнул, обнаружив их обоих на земле.

— Ты должен помочь нам, — произнес он сквозь стиснутые от напряжения зубы.

— К оружию! — крикнул церковный страж. — К... — Нона стукнула его головой о дверь достаточно сильно, чтобы он замолчал.

— Хорошо... — Нона достала из кармана пузырек с сиропом бескостного и дала его ошеломленному стражнику. — Возможно, нам следовало бы вернуться завтра.

— Я не понимаю... — Эдран попятился к двери.

— Простите. — Джула схватила архивариуса за руку и вывернула ее за спину. — Вы каталогизируете книги по системе Оккадавиана? Или это место все еще на Дуи?

— Как ты смеешь! — Старик оцетинился и, вытянув шею, уставился на послушницу, стоявшую у него за спиной.

— Простите... — Джула виновато улыбнулась и вывернула его руку еще выше, пока он не взвизгнул от боли. — Но мне действительно нужно знать.

— Дуи! Дуи!

Джула ослабила давление:

— И это с хронологическим порядком и категориями в алфавитном порядке для исследований?

— Я не... Да! — Еще один поворот сменил ярость на писклявое утверждение.

— Это то, что тебе нужно? — спросила Нона.

— Если он не врет, — сказала Джула.

— Я так не думаю, — Маркус приблизился, глядя старику в лицо. — Да, не врет.

Нона пожала плечами и, оттолкнув руку Эдрана, размазала по его губам последние капли бескостного.

Они положили его рядом с гвардейцем лицом вниз.

— Надо было спросить у него, какой ключ, — сказала Джула, когда Нона вытащила связку из вялых пальцев Эдрана.

— Самый большой. — Нона взяла лучшего кандидата, сделанного из черного железа, почти шесть дюймов в длину.

Догадка оказалась верной, и Нона толкнула дверь на петлях, которые завизжали громче, чем Эдран. К счастью, безопасное расположение хранилища сделало его вне пределов слышимости всех, кроме горстки священнослужителей, и Маркус заставлял Эдрана отправлять всех, стоявших на их пути.

— Готов? — Нона внимательно посмотрела на Маркуса, все еще склонившегося над парализованными мужчинами.

Монах кивнул, убирая руки с их затылков и продолжая что-то бормотать. На цепочке, свисавшей с его пальцев, мерцал амулет — сигил, близнец того, что был на Эдрани. Он снова надел его на шею церковного стража прежде, чем встать и отойти. Нона последовала за Джулой в хранилище, Маркус — за ней.

— Что ты с ними сделал?

— Я хочу быть уверенным: единственное, что они запомнят о тебе, — твои ослепительные голубые глаза. — Его взгляд скользнул по ее лицу, и он заставил себя улыбнуться.

— Это сработает?

Он пожал плечами:

— Надеюсь.

Нона обернулась:

— Давайте расскажем им другую историю.

Она достала из-под рясы скифроульский нож, кинжал с лезвием в виде листа, выдаваемый ударным войскам Адомы. Много лет назад Зоул подарила ей этот клинок, забрав его у мальчика, который, вероятно, получил его от своего отца. Она поставила его у ног охранника, прежде чем вернуться в хранилище и закрыть за собой дверь.

Сразу за дверью она уронила потертый медный грош, с оттиснутой на нем головой отца Адомы. Он подпрыгнул и покатился к стене. Она не видела, в какую сторону он приземлился, но орел или решка все равно указывали на восток.

— Что ты делаешь?

— Небольшая мистификация. Пусть думают, что это были переодетые агенты Скифроула.

— Очень неосторожные агенты Скифроула!

— Орда у нас на пороге, все шарахаются от теней, не так уж трудно заставить их бежать не в ту сторону. Пусть думают, что здесь были шпионы и скоро Кулак Адомы придет и откроет городские ворота для их королевы, — сказала Нона. В любом случае, это было недалеко от правды. Она повернулась к возвышающимся полкам.

В пространстве перед полками толстый и слегка сужающийся кусок железного дерева спускался с потолка и уходил в каменный пол. Самый глубокий корень древа Предка, часть золотого арбората, который когда-то раскидывал ветви над собором. Стержневой корень, ведущий обратно к источнику. Нона задумалась, что бы она нашла, если бы стала копать дальше. Она отогнала эту мысль:

— Джула, нам нужна книга!

Джула, с голодным изумлением смотревшая на стопки туго переплетенных томов, резко вернулась в настоящее и начала двигаться между рядами. На полках висели этикетки, относящиеся к книгам, которые они содержали, каждый том был тщательно завернут в кожу скейла, чтобы защититься от сырости. Воздух был тяжелым от плесени и вони покрытой лисьими пятнами бумаги. Маркус начал чихать, и Нона, чувствуя, как у нее тоже начинается

покалывать в носу, подошла к двери хранилища и свежему воздуху, проникающему через щель.

— Я буду слушать, не приближаются ли неприятности.

Она ждала, призывая на помощь остатки транса безмятежности, чтобы не поддаться искушению поторопить Джулу. Снаружи Ара и Рули, должно быть, представляли себе всевозможные несчастья, которые могли с ними случиться.

Время ползло, казалось, так медленно, что даже самая глубокая хунска-кровь Ноны не могла похоронить ее между секундами. Она обнаружила, что ее нога постукивает по полу сама по себе. За дверью то ли Эдран, то ли церковный страж издали тихое ворчание, вероятно, сердитый крик, приглушенный бескостным.

Прошло еще несколько мгновений; они медленно растянулись в минуты.

— Ну, как дела?

— Я уже близко. Кажется, я нашла нужный раздел. Но мне придется все развернуть, а потом завернуть обратно, чтобы они не узнали, что нам было нужно.

Раздался далекий крик, и в тот же миг Ара передала сообщение по их нить-связи — изображение солдат, толпящихся в дверях собора наверху.

— Скорее! Кто-то идет! — прошипела Нона.

Отдаленный звук приближающихся на бегу сапог. Много обутых ног.

— Хрен мне в рот! — Нона отступила на шаг и, взявшись за дверь, заперла ее. — Нас обнаружили... — Это казалось невозможным.

— Обнаружили? — Маркус поспешил к ней. — Предок! Они нас всех повесят. Как нас могли обнаружить?

— Нас предали. — Нона оглядела темные углы склепа. Должно быть, их было много, иначе Ара и Рули задержали бы их более эффективно.

— Нам конец. Мы не сможем пройти мимо них!

Нона начала ходить по периметру хранилища, проводя пальцами по стене:

— Джула! Поторопись с этой книгой!

Маркус последовал за ней, паника в голосе:

— Оставьте эту чертову книгу. Если мы не коснемся ее, то сможем сказать, что пришли вернуть другую книгу. Просто переусердствовали... — Он замолчал, услышав, как слабо прозвучало оправдание, произнесенное вслух.

Кто-то снаружи крикнул в наступившем молчании.

— Откройте! — Кулак застучал по железным панелям.

— Маркус, забаррикадируй дверь. — Нона взяла его за плечи и направила обратно. — Скоро они получат другой ключ.

— И как это поможет? — Но он пошел и взялся за лестницу, по которой можно было добраться до верхних полок.

Мысли Ноны метались, разрушая ее безмятежность. Она могла бы пробиться сквозь толпу солдат, заполнивших вестибюль и коридоры за ним, но это вряд ли было бы спасением. Убийство будет добавлено к обвинению в краже. Ее собственные сестры будут посланы, чтобы выследить ее. Все, ради чего она работала, будет потеряно.

Она продолжала расхаживать по комнате, отходя от стены, где этого требовали полки, возвращаясь, чтобы снова прикоснуться пальцами к камню. Камень-работа марджал позволяла делать больше, чем просто манипулировать с камнем. Нона погрузила свои чувства сквозь блоки, выстилающие свод, в землю за ним, смесь грунта и щебня,

использовавшегося для фундамента собора. Она двинулась дальше, ее восприятие продолжало искать сквозь стены.

— Нашла! — Джуле пришлось перекрикивать стук в дверь. В одной руке она держала фонарь, в другой — толстую книгу в черном кожаном переплете.

— Заверни остальные. Положи их обратно, — крикнула Нона.

— Я не знаю, как долго продержится эта дверь! — Маркус прижал к ней лестницу и изо всех сил пытался сдвинуть одну из небольших отдельно стоящих полок, книги сыпались на пол, когда она раскачивалась и тряслась.

Дверь показалась Ноне надежной. Она надеялась, что они возьмут молотки и что к тому времени, когда будет найден другой ключ, замок заклинит или дверная панель будет слишком искорежена, чтобы открыть.

На стене напротив входа Нона нашла то, что искала. Пустота за каменными блоками. Пространство под собором должно было содержать складские помещения, хранилища, канализацию, дренажные каналы и катакомбы, где хоронили богатых и святых. Нона пожалела, что у нее нет таланта сказать, как далеко находится пустота, ведет ли она куда-нибудь и что лежит между ней и хранилищем. Нона могла только сказать, что это было довольно большое пространство и, вероятно, не более чем в ярде от того места, где кончики ее пальцы касались стены.

Нона не хотела следовать этому плану, но их возможности сузились почти до нуля. Это сделала Джоэли, Нона была в этом уверена. Она думала, что, даже если девушка Намсис узнает об их действиях, она будет ждать дольше, желая разгадать их план и разоблачить их перед настоятельницей. Но, даже если Джоэли упустила возможность увидеть, как ее враги попадут в беду, она, несомненно, будет наслаждаться мыслью о том, что их поймают, как крыс в ловушку, и запрут в той самой комнате, в которую они так старались попасть.

Что-то ударило в дверь со значительно большей силой, чем любой предыдущий удар. Нона оглянулась на потрясенные лица Джулы и Маркуса и на огромную вмятину в двери позади них. Лестница с грохотом упала на пол, а с полки посыпались новые книги.

— Отойдите и заткните уши, — приказала Нона.

Ей достаточно было только представить лицо Джоэли, чтобы вызвать в себе необходимый гнев. Нона закрыла глаза и на фоне красного тумана увидела яркую линию, которую искала, горящую перед ее внутренним взглядом. Дверь снова содрогнулась, мощный удар сотряс все хранилище, и Нона без колебаний прыгнула на Пути.

Как всегда, прикосновение Пути осветило все ее существо, словно Предок протянул руку и дернул ее, как струну арфы. Сила, которая трепетала в ней, принесла с собой такую чистую радость, что она угрожала смыть все следы необходимого страха, который позволил бы ей снова упасть с Пути. Страх, что энергии Пути прожгут ее насквозь, поглотят ее изнутри, разрушат ткань ее существа. Страх, что, вернувшись в мир, она не сможет ни удержать, ни придать форму тому, что взяла. Страх, что, если она будет недостаточно осторожна, она никогда больше не найдет Абета и упадет в темные места, о которых предупреждала Сестра Сковородка, места, откуда нет возврата.

Крик Джулы заставил Нону кувырнуться с Пути. Набрав ужасную скорость, она упала обратно в свою плоть. Какое-то мгновение Нона стояла, дрожа от силы, свет, истекающий из ее кожи, наполнял хранилище малиновым светом и тенями. В следующее мгновение инерция Пути подхватила ее и швырнула в стену, как камень из пращи.

Нона лежала, растянувшись, от нее шел дым. Со стоном она встала, все еще закованная в

силу Пути, наполовину оглушенная, стряхивая грязь и камни, куски которых все еще падали позади нее. Через заполненный пылью туннель, который она проделала, она могла видеть свет фонаря Джулы.

— Пошли... — Ее голос сорвался на хриплый шепот. — Быстрее! — На этот раз громче.

Джула вбежала, опустив голову, Маркус последовал за ней, низко пригнувшись, спотыкаясь о камни. Из хранилища донесся еще один удар, за которым последовал звук упавшей на землю железной двери.

Нона огляделась, когда свет Джулы начал освещать пространство вокруг нее. Они оказались в выложенном кирпичом туннеле с низким сводчатым потолком. Прямоугольные углубления усеивали стены, места, куда гробы могли быть помещены на вечный покой. Но собор закрылся, и для них подыскивали другое место.

— Быстрее. — Джула прошла мимо Ноны.

— Пошли! — Маркус тоже подтолкнул ее к действию.

Страхнув с себя остатки дезориентации, Нона бросилась в погоню. Крики эхом отдавались в склепе, когда солдаты начали вливаться внутрь, готовые к битве.

Туннель встретился со вторым, и они повернули налево. Этот туннель встречался с другим и еще одним. Налево, направо, их выбор увеличивался, пока они спешили в том, что оказалось чем-то вроде лабиринта.

— Мы никогда не найдем выхода! — Маркус побледнел и обернулся.

Впереди него по щиколотку в воде шлепала Джула.

— Мы найдем, — сказала Нона. — И это хорошо. Мы сможем сбросить их со следа здесь.

— Я не могу оставаться здесь, внизу. — Маркус казался более испуганным, чем тогда, когда их могли схватить через несколько минут. Нона чувствовала, как из него истекает страх, заражая ее, как может делать только эмпат-марджал, наполняя ее разум образами ловушки, крепко зажатой в непроницаемой тьме глубоко под землей.

Она потрянула его:

— Ты же монах. Имей хоть немного веры.

— Я монах, воруящий у Церкви. Я не уверен, что Предок захочет помочь мне, — прошептал Маркус, но тень улыбки появилась вместе с ним.

— Здесь решетка, — крикнула Джула. — Она слишком высоко, чтобы дотянуться, но я вижу звезды.

— Ну вот. — Нона попыталась скрыть свое облегчение. — Предок одобряет.

Три года назад

Спасение

ТУННЕЛЬ В ЧЕРНОМ льду было трудно разглядеть. Однако они легко нашли его — нем сообщил огромный веер чернильно-темных обломков, разбросанных перед его устьем.

— Его выкопали? — Нона с ужасом посмотрела на отверстие высотой чуть больше шести футов. Злоба, уколотившая ее, вызвала желание содрать кожу с рук. Даже без рассказа Зоул она бы поняла, что черные глубины льда полны дьяволов. Она чувствовала их, бесчисленных, голодных, гораздо худших, чем Кеот, и жаждущих очутиться в плоти. — Его действительно выкопали люди?

Зоул только кивнула и вошла. Нона последовала за ней, пытаясь представить себе, как это подействовало на тех, кто орудовал здесь кирками, а на них таял черный иней.

— Я ничего не вижу.. — Через двадцать ярдов Ноне показалось, что ее глаза просто перестали работать. Обернувшись, она увидела круг дневного света позади себя, просто яркое пятно, ничего не освещающее, не имеющее смысла.

Зоул хмыкнула, и мгновение спустя корабль-сердце ной-гуин пролило между ними фиолетовый свет. Теперь Нона видела себя и Зоул, но больше ничего. То, что окружало их, поглотило сияние и ничего не вернуло. Зоул шла впереди, осторожно ступая по разбитому льду.

Они прошли около четырехсот ярдов, когда их проход соединился с естественным туннелем, прорезанным потоком талой воды, который уже давно нашел лучшее русло. Они спустились из пролома по пандусу, образованному из обломков прохода, теперь замерзших в неровную, твердую массу. Прорезанный водой туннель пересекал их под прямым углом, что делало выбор направления неясным. Зоул присела на корточки, размышляя.

— Наверх? — предложила Нона.

Зоул молча разглядывала лед минуту, потом другую. Нона обхватила себя руками. Пальцы на ногах, находившиеся внутри плохо сидящих башмаков, онемели, холод начал просачиваться в кости.

— Или вниз. — Ноне просто хотелось двигаться. Тысячи глаз следили за ними, ледяной воздух был пронзен их ненавистью.

— Наверх. — Зоул встала и пошла по едва заметному склону. Здесь она двигалась медленнее, лед скользил под ногами.

Нона мгновение помедлила. Там, где сидела и ждала Зоул, лед побледнел до полупрозрачно-серого. В глубине под ними древние трещины мерцали фиолетовым светом корабль-сердца.

— Оно отталкивает их! — Нона догнала Зоул, едва не потеряв при этом равновесие. — Корабль-сердце.

— Да, — кивнула Зоул. — Оно освобождает от них от наш разум, а затем, если мы сильны, изгоняет их из нашей плоти.

После этого Нона держалась поближе к Зоул. Сияние корабль-сердца было трудно переносить, но оно защищало от злобы дьяволов; из двух невыносимых вариантов оно

оказалось меньшим злом.

Туннель провел их на неисчислимое расстояние. Это могли быть мили, змеящиеся сквозь толщу ледяного покрова; исчезнувший поток поворачивал то в одну сторону, то в другую, давление превратило лед во что-то более близкое по консистенции к железу. В тех местах, где один древний ледник поглощал другой или сталкивал его со своего пути, совместный груз камней и скал лежал на льду полосами во много ярдов глубиной.

Несколько раз уклон становился круче, и ни одна из послушниц не могла продолжать путь, не упав на колени и не используя ножи как опору. Сначала Нона попробовала свои дефект-клинки, но они едва царапали черный лед; точно так же они оказались бессильны против кожи Раймела Таксиса, одержимого дьяволами.

Набрав высоту, они обнаружили лед, пронизанный каналами талой воды — вода с поверхности сочилась вниз после прохождения фокуса луны. Постоянный звук текущей воды проникал сквозь лед, и очень часто раздавалось глубокое горловое бульканье, когда камеры подо льдом заполнялись и опустошались через естественные воздушные шлюзы.

В нескольких местах вентиляционные отверстия в стенах туннеля возникали без предупреждения и с огромной скоростью выбрасывали наполненный брызгами воздух. Нона смутно помнила о подобных явлениях из рассказов отца, но именно Зоул нырнула и вытащила ее на пол пещеры, когда Нона шла перед одной трещиной как раз тогда, когда она начала взрываться.

Брызги черного тумана причиняли боль там, где они касались кожи, хотя они не обжигали, не замораживали и не жгли, как кислота, но почему-то хуже, чем все три, как будто неправильность была превращена в жидкость.

— А как ты узнала, что он идет? — Нона вытерла руки о плащ, который дала ей Чайник.

— Воздух-работа и вода-работа не так уж отличаются от камень-работы. — Зоул помогла Ноне подняться. — Во льду есть камеры, которые заполняются талой водой, пока не достигнут определенного уровня, а затем быстро пустеют. Внезапные перепады давления воздуха могут быть очень резкими.

На их пути вверх Зоул сделала несколько остановок, ожидая, когда взорвутся вентиляционные отверстия. Каждый раз, когда они останавливались, ледяная чернота вокруг корабль-сердца становилась серой. В одной длинной галерее они миновали дюжину вентиляционных отверстий, каждое из которых взрывалось в своем собственном ритме. Зоул объяснила, что, должно быть, талая вода со вчерашней ночи проходит мимо них на пути к скрытым морям. Самое мощное из вентиляционных отверстий было окаймлено сосульками и взрывалось с регулярной свирепостью. Нона выучила его ритм до того, как пролетела мимо, и все равно хвост предыдущего залпа почти сбил ее с ног.

Нона поразилась объему воды, который должен был протечь через галерею, но та открылась в полость, которая сделала его карликовым. Нона не могла видеть дальше свечения корабль-сердца, но Зоул описала пространство перед ними как огромный воздушный пузырь, пойманный в ловушку подо льдом.

— Есть несколько выходов, которые мы... — Зоул замолчала.

— Мы что?

— Здесь Йишт.

Нона впервые услышала дрожь в голосе Зоул и обнаружила, что дрожит сама.

— Йишт? Ты же говорила, что ной-гуин и близко не подойдут к черному льду! — Она напряглась, чтобы увидеть дальше в темноту впереди. — Ты ведь не можешь быть более

восприимчивой к дьяволам, чем Йишт, верно?

— Может быть, да, может быть, нет. Ее разум далек от слабого. — Зоул подняла корабль-сердце. — Но Йишт больше не нужно бояться *клаулату*.

— Не нужно? — Нона выхватила меч.

— Да. — Зоул сидела на краю туннеля, положив пустую руку на лед, готовая скользнуть в большую полость. — Она полна.

Йишт ждала их у большого сливного отверстия в самой нижней точке огромного пузыря — зияющей пасти, в которую со всех сторон низвергались тонкие струи черной воды. Нона знала, что никто из тех, кто туда упал, больше не выйдет. Казалось, дыра притягивала к себе с силой, намного превосходящей силу тяжести на склоне скользкого, влажного льда.

— Почему именно здесь? — прошипела Нона. Она вытащила кинжал, скользнула ногой вниз по склону льда, воткнула кинжал, вытащила другой. — И почему она не ждала у входа?

— Мы могли бы убежать, — ответила Зоул, сползая ниже. — Здесь она считает, что поймала нас в ловушку.

Йишт нашла или прорубила нишу, где могла стоять. Зоул и Нона распластались на склоне, Нона держалась за руку с ножом, а Зоул каким-то образом находила опору пальцами.

Их враг стояла бесстрастно, наблюдая; ее коренастая фигура застыла как статуя. Фиолетовый свет корабль-сердца освещал контуры, иногда выхватывая детали: темный блеск глаз, угловатые черты лица, острое как бритва лезвие тулара. Нона уже испытала на себе поцелуй тулара Йишт. На ее бедре все еще был шрам. Ее бедренная кость тоже носила след зазубренного конца сломанного меча лед-женщины. Сейчас нога болела, как будто холод проник в нее через старую рану.

Почему-то казалось, что, пока Ноне снились сны о мести Йишт, та ждала ее здесь, в соборных просторах этой лишенной света пещеры, черные воды неслись мимо нее, талая вода бесконечно падала вокруг.

Йишт с несравненной ясностью видела короткую игру, как Настоятельница Стекло видела длинную. Ноне было трудно видеть обе, но она почему-то знала, что все закончится здесь. Тем или иным способом.

Нона висела промокшая и замерзшая, окутанная мертвой водой, наполненной дьяволами; странные порывы и чужие мысли пытались найти приют под ее кожей. Голоса соперничали с теми, что были внутри ее черепа, когда корабль-сердце схватило ее разум, пытаясь выдавить из него ее собственных дьяволов. Она непроизвольно задрожала, хотя не могла сказать, от ужаса или от холода.

Но хуже всех этих многочисленных источников страданий было то, что она чувствовала себя глупо. Она не осмеливалась встать или посмотреть, как они могут двигаться дальше. Неужели им придется ползти к Йишт на четвереньках?

— Это было бы печальное место для твоей смерти, дитя. — Йишт посмотрела на Зоул налитыми кровью глазами. — Отдай мне корабль-сердце, и я пропущу тебя. Другой, — она перевела взгляд на Нону, — я хочу причинить боль. Лучшее, на что она может надеяться, — броситься в бездну прежде, чем я доберусь до нее.

Под пристальным взглядом Йишт Нона почувствовала, как в ней поднимается прежний гнев. Она почти забыла о нем в этой морозной ночи подо льдом, но теперь, когда внимание лед-женщины было приковано к ней, старые образы, которые преследовали ее во многих снах, снова всплыли, наполняя ее разум смертью Гессы. Она вложила меч в ножны и нащупала онемевшими пальцами метательную звезду из перевязи на груди.

— Предок предостерегает нас от того, чтобы стать рабами мести, Йишт. И, хотя я тоже хочу причинить тебе боль, я буду вполне удовлетворена, когда ты умрешь. — Она подняла руку, чтобы бросить. — Насколько хорошо ты сможешь увернуться *здесь*?

Йишт широко раскрыла рот, выражение ее лица стало диким, и она зарычала, как больной лихорадкой зверь. Зубы, которые она оскалила на Нону, были черными, как лед.

— Она пила воду! — Нона вздрогнула при этой мысли, потом отдернула руку.

— Подожди. — Зол вытянула руку, чтобы предупредить ее, потом сжала пальцы в кулак. — Держись. — Лед вокруг них начал трескаться, черные пластины отрывались и скользили к глотке. Лед взрывался вверх и наружу, как будто под ним копалось какое-то существо. Воздух наполнился осколками. Когда воздух успокоился, в свете корабль-сердца стала видна иная топология.

— Как? — ахнула Нона.

— Вода-работа не так уж отличается от камень-работы, — сказала Зоул. — Особенно если это лед.

Зоул прорубила для них ступенчатую дорогу к Йишт шириной в два ярда, а прямо перед лед-воительницей — еще более широкий уступ. Лед-девушка протянула руку и погрузила корабль-сердце в лед прямо перед ними, так глубоко, что только верхняя половина осталась в поле зрения.

— Почему ты просто не спихнула ее в яму? — спросила Нона.

Зоул посмотрел в сторону Йишт.

— Она — воин льда. — Зоул встала и обнажила меч. — Кроме того, *клаулату* не дадут ей упасть. Насилие для них — сладость.

Нона поднялась на ноги, все еще опасаясь потерять равновесие, ее мокрое позаимствованное пальто висело на ней, с него текло. Она вернула метательную звезду на место и обнажила меч.

— Вместе? — Нона стиснула зубы, чтобы они не стучали.

— Она использует нас друг против друга, — сказала Зоул. — Здесь слишком мало места.

Нона вздохнула и шагнула вперед.

— Нет, — Зоул протянул руку, чтобы остановить ее. — Я пойду.

— Я твой Щит. — Гнев Ноны сменился внезапной волной облегчения. Она хотела покончить с Йишт, но ни одна часть ее души не верила, что она способна на такой подвиг. Нона увидела лицо Гессы, снова почувствовала ее последние мгновения, и гнев нахлынул обратно. — Она моя.

— Нет, — Зоул произнес это слово с тем же жужжащим резонансом, который не дал всаднику Скифроула увидеть то, что лежало прямо перед ним.

И пока Нона боролась с принуждением, лед-девушка двинулся на Йишт по вылепленному ею пути. Йишт шагнула вперед с туларом в руке, готовая встретить свою бывшую ученицу. Первый же лязг стали вырвал Нону из-под принуждения Зоул, и она немедленно последовала за подругой.

Две лед-воительницы сражались в ровном круге, который создала Зоул, ноги двигались точно и почти не скользили, несмотря на черную скользкую поверхность под ними. Зоул атаковала со всей быстротой и точностью, которым Ноне было так трудно противостоять — безжалостное нападение, лишённое яркого блеска, эффективное и нацеленное на убийство. Йишт защищалась с пугающим мастерством, противопоставляя скорости хунска способность

предвидеть каждую атаку.

Звон клинков эхом разносился по огромной потайной пещере, возвращаясь дробными раскатами. Один раз Йишт поскользнулась и упала, но Нона сразу же поняла, что лед-женщина позволила этому случиться — уклоняясь от удара Зоул, она упала и пнула соперницу по голени, и та тоже упала. Обе воительницы встали на ноги вместе и продолжили бой, размахивая мечами.

Хотя Йишт могла установить непробиваемую защиту, она не могла найти способ пробить защиту Зоул: ее атаки были слишком медленными, и она почти не пыталась, зная, что такие движения оставят ее открытой. Вместо этого она полагалась на свою бóльшую силу, зная, что скорость Зоул исчезнет, оставив ей преимущество. Каким-то образом, даже с Зоул, Йишт могла увидеть все действия и последствия с предупреждением в несколько секунд. Кеот рассказал Ноне, что Йишт видела только то, что будут делать люди. Она читала будущие действия своих противников. Она знала, собирается ли Нона подбросить монетку, но не знала, упадет ли та орлом или решкой. Однако в такой схватке достаточно было знать, что сделает ее противник.

Грохот меча о меч продолжался. Заточенная до остроты бритвы сталь пронеслась мимо плоти снова и снова, иногда только на долю дюйма.

— Отойди назад! — Нона заметила, что Зоул начала замедлять шаг. — Я могу взять ее! — Ей было стыдно стоять здесь, пока Зоул сражался за нее, стыдно за облегчение, которое испытала, когда Зоул шагнула вперед. — Отступай!

Зоул не выказывала никаких признаков того, что собирается отступить. Она атаковала, ее быстрота была почти такой же, как при первом нападении. На мгновение Йишт была вынуждена отступить к самому краю платформы. Зоул мгновенно топнула ногой, и лед под ее противницей взорвался, причем взрыв был таким же сильным, как и те, что создали платформу.

Каким-то образом Йишт ухитрилась перехватить силу и заставить ее погнать волну в сторону Зоул. Она отразила удар меча послушницы и схватила ее. Зоул скользнула слегка назад и вонзила нож в бок Йишт, но, несмотря на рану, женщина осталась на ногах. Мгновение спустя Йишт схватила руку Зоул с ножом за запястье, а другую руку положила под локоть девушки, развернула ее и толкнула к черной дыре. Сила и выбор времени движения были достаточны, чтобы поднять Зоул надо льдом, и послушница упала в пищевод под ними, не касаясь боков. Ее крик висел в воздухе гораздо дольше, чем она сама.

— Нет! — Нона недоверчиво уставилась на пустоту, в которую провалилась Зоул, а затем на то место, где она стояла.

— Да. — Йишт вытащила из своего бока нож Зоул и потянулась, чтобы вытащить осколок черного льда, застрявший у нее в спине. Ее кровь должна была течь реками, но каким-то образом дьяволы внутри нее отказывались выпускать больше, чем тонкую струйку, воздух вокруг нее дымился.

Ужас и ярость вели свою старую войну через Нону. Йишт убила еще одного ее друга, и теперь она придет за ней.

Нона попыталась разглядеть Путь, но тот был очень далеким, даже с корабль-сердцем всего в паре ярдов. Она дважды ходила по Пути во дворце Шерзал. Второй раз почти убил ее. Третий точно убьет, даже если ей удастся на него ступить. Половина ее требовала бежать, половина — броситься на Йишт и атаковать с каждой унцией своей страсти.

Йишт подняла свой тулар и начала наступать. Корабль-сердце лежало между ними,

просветленный лед вокруг него светился фиолетовым.

— Я с удовольствием убью тебя, маленькая девочка.

Йишт, казалось, почти не замечала своих ран. Она шла с уверенностью охотника. Нона убрала меч в ножны и вытащила из-за пояса второй нож. Цепляясь лишь за краешек плана и слабую надежду, она последовала за своим страхом и побежала. Преследуемая смехом Йишт она отступила к выходу из туннеля, по которому вошла. Она взбиралась по склону, используя силу своих рук, вонзая ножи в лед, чтобы продвинуться вперед, ее цель терялась в темноте над ней.

Когда стена пещеры стала почти вертикальной, Нона остановилась и оглянулась. Она ничего не видела вокруг, только под ней Йишт приближалась к серому острову льда, освещенному фиолетовым светом корабль-сердца. И сразу за Йишт черная глотка, бросающая вызов всякому освещению, та самая, что проглотила Зоул. В воздухе все еще звучало воспоминание о отчаянном крике лед-девушки.

Йишт добралась до корабль-сердца и оторвала его ото льда, рыча так, словно оно обжигало ей руки. Она встала, сжимая шар, затем последовала за Ноной, по-видимому, не обращая внимания на скользкий пол, который круто изгибался, превращаясь в стену. Ноне, висевшей на ножах, продвижение лед-женщины казалось невозможным. Может быть, корабль-сердца усиливало талант Йишт, или дьяволы внутри нее подпитывали ее в своем стремлении увидеть, как развернется насилие.

Нона удвоила усилия, потянулась, чтобы вонзить кинжал, приподнялась за ним, повторила действие другой рукой. Она перевалилась через край туннеля, всхлипывая от усталости. Свет корабль-сердца вокруг нее становился все ярче по мере того, как Йишт неуклонно сокращала расстояние между ними.

Нона поднялась на ноги и тут же опустилась на колени. Руки и ноги ничего не чувствовали, она дрожала от холода, зубы неудержимо стучали. Она снова встала, чуть не упав, и, пошатываясь, побрела дальше, срывая с себя перевязь с метательными звездами. Она могла бы подстеречь Йишт, попытаться обезглавить ее, когда она поднимется к выходу из туннеля. Но Йишт могла видеть действия Ноны в ближайшем будущем. Она могла изучить, как будут разворачиваться каждое ее собственное действие и каждое действие Ноны, и могла выбрать то, что подходило ей. Что бы ни решила сделать Нона, в конце концов она умрет или, что еще хуже... попадет в плен. С самым тонким ломтиком надежды, преследуемая страхом, Нона скрылась в темноте.

Двигаясь с безрассудной скоростью, Нона оторвалась от Йишт, пока та все еще поднималась. Она уже могла слышать взрывы из вентиляционных отверстий в галерее впереди, нерегулярная барабанная дробь их извержений катилась по ледяному туннелю. Вскоре она почувствовала край взрывов, пульсацию ледяного тумана и неправильность, когда черный иней осел и растаял на ее коже.

Нона вслепую вошла в галерею, полагаясь на память. Она вошла в транс ясности, пытаясь отделить и рассчитать взрывы. Закоченевшими дрожащими пальцами она вытащила из перевязи метательные звезды. Если она и порезалась, то не почувствовала этого. Взрыв прогремел совсем рядом, и, когда он затих, Нона нашла вентиляционное отверстие. Она поднесла двойную пригоршню шипастой стали к ледяной пасти и торопливо воткнула в нее как можно больше звезд. Большинство из них выскользнуло из ее рук и с грохотом улетело прочь. Вдалеке туннель, по которому она отступила, озарился фиолетовым светом.

Нона выхватила меч и не двинулась с места. Она подумала о Гессе и Зоул и позволила

своему гневу согреть ее, когда черная фигура приблизилась.

— Приходи, — сказала Нона в затишье между серией взрывов дальше по галерее. Ее рука с мечом дрожала, но голос оставался твердым.

Йишт бросила корабль-сердце у входа, ее руки побелели до запястий. К тому времени, как она вытащила тулар из ножен, пятна конкурирующих дьяволов уже выползли из-под рукавов туники. На тыльной стороне ее руки с мечом проступил ожог, и Нона подумала, что это мог быть Кеот, жаждущий сыграть свою роль в гибели бывшей хозяйки.

Нона швырнула нож, когда Йишт приблизилась к ней. Лед-женщина отступила в сторону, позволив лезвию срезать ей волосок.

— Я вижу, что ты сделаешь прежде, чем ты это сделаешь. Ты уже должна была это понять.

Йишт ударила, как только Нона оказалась в пределах досягаемости. Нона отвела клинок от своего тела, почти потеряв контроль над собой. Меч казался мертвым в ее руке, ее замерзшие пальцы едва могли сказать, что держат рукоятку. Она попробовала замахнуться, неуклюжее усилие, которое Йишт с презрением отбила.

— Хунски... они так гордятся своей скоростью, их так легко уничтожить.

Нона снова атаковала, почти не надеясь на что-либо, рассчитывая только остановить атаку Йишт. С холодом в пальцах Ноне казалось, что кто-то другой держит ее меч. Один, два, три раза. Йишт блокировала настолько неуклюжие удары, что Сестра Сало заплакала бы, увидев их.

— Пора покончить с этой чепухой, — сказала Йишт и атаковала.

Нона сделала шаг назад. Она стояла так неуверенно, что едва осмеливалась пошевелиться, что само по себе лишало ее преимущества в скорости.

Йишт сделала ложный выпад влево, а затем рубанула в сторону руки Ноны с мечом. Нона с трудом отразила удар, но потеряла хватку на оружии. Как только меч выпал из ее пальцев, ледяной шторм завыл справа, стремительно меняясь от урагана к чему-то еще более худшему. Вентиляционный взрыв подбросил их обеих в воздух и пришел, окаймленный не только льдом. Сверкая среди взрыва в свете корабль-сердца, появились метательных звезды, дюжина и даже больше, некоторые из них были вырваны из льда, в который Нона затолкала их, другие вырвало из глубин, в которые упали.

Нона замедлила мир, время поползло. Кеот сказал ей, что Йишт заранее знала о каждом движении противника, но Нона уронила метательные звезды несколько минут назад, и предвидение Йишт не давало ей ничего. То, что сейчас двигало их, не было делом рук Ноны. Йишт могла бы исследовать следующие несколько секунд будущего каждого человека, но когда дело доходило до падения яблока с дерева или броска кубика, у нее было не больше предупреждений, чем у любого другого.

Метательные звезды неслись вперед, и Нона извивалась всем телом, чтобы избежать их, ныряя головой под полет одной, убирая руку с пути другой. Она не смогла избежать их всех. Один из снарядов рассек ей бок, так как ей не хватило тяги, чтобы отодвинуться. Йишт, однако, висела, словно замороженная, зажатая в пасти судьбы. Одна звезда ударила ее в грудь, другая — в левое запястье, а третья — в лоб, чуть выше правой брови.

Взрыв отбросил их обоих к дальней стене галереи. Йишт соскользнула на пол. Нона тоже упала.

Хриплый смех эхом отозвался позади Ноны, когда она лежала, растянувшись на льду, все ее тело болело.

— Ты не можешь убить меня.

Нона оглянулась на Йишт, сидевшую, прислонившись к стене галереи, почти невидимую в темноте. Нож в одной руке. Лед-женщина, казавшаяся ошеломленной ударом, потянула за звезду, врезавшуюся ей в лоб. Стальное острие со скрипом вышло из кости, и в глаз Йишт потекла кровь.

— Я не могу умереть. — Она отбросила оружие в сторону. Она говорила точно так же, как Раймел в последний раз. Нона пронзила его насквозь, ударила дюжину раз ножом, и все же дьяволы внутри него не давали ему упасть. Только собственный сигил отрицания Йишт, наконец, сломал их власть... и был уничтожен в процессе.

— Нет, — пальцы Ноны нащупали рукоять тулара Йишт, лежащего там, где его уронил ветер, в ярде справа. Она вытащила оставшийся нож и вонзила его в лед, набирая силу, чтобы развернуться. — Нет, можешь.

Кровь ослепила Йишт с той стороны, откуда был нанесен удар. Она подняла руку, но нож выскользнул из ее пальцев. Нона не знала, то ли Йишт была слишком ошеломлена, чтобы как следует исследовать будущее, то ли обстоятельства просто не давали возможности уклониться от удара. Она просто испытала прилив облегчения, когда тулар пронзил сначала руку Йишт, а затем ее шею. Отрубленная голова последовала за дугой меча и отскочила в темноту.

Святой Класс

Настоящее Время

АРА И РУЛИ ждали в условленном месте у статуи генерала Айзена на Грэмпейнской площади.

— Слава Предку! — Ара бросилась к Ноне. Долгое мгновение Нона держала ее, вдыхая золото ее волос, благодарная за безопасность ее рук.

Рули безмолвно обняла Джулу, оставив Маркуса стоять несколько ошеломленным в окружении обнимающихся послушниц.

— Там было не меньше сотни солдат! — Ара отстранилась глядя на улицы, соединявшиеся с площадью. — Мы не могли их остановить. Они побежали прямо к дверям собора.

— Ну, до нас они не добрались, — сказала Нона.

— И мы получили книгу! — Джула отступила от Рули и порылась в рясе. Ее лицо вытянулось. — Она у меня была! Я знаю, что она у меня была.

— Джула! — Желудок Ноны сжался в холодный кулак.

— Шучу. — Джула эффектно достала книгу.

— Джула! — Рули толкнула ее.

— Нам лучше вернуться. — Внезапно лицо Ары стало серьезным. — Кто бы ни заставил этих солдат совершить налет на архивы, он не собирается останавливаться на достигнутом...

— Они будут ждать нас в монастыре! Мы все будем изгнаны! — Рули снова схватила Джулу, словно та могла каким-то образом спасти ее. В этот вечер, с тех пор, как она покинула монастырь, ее настроение колебалось между беззаботным и истеричным, как будто серьезность их положения продолжала возвращаться, несмотря на все усилия отогнать о ней мысли.

— Мы ничего не сделали. — Нона нахмурилась, размышляя. — В худшем случае мы были нескольких часов снаружи. Если мы вернемся наверх незамеченными, значит, мы только что были у провала, принимали лунные ванны.

— Пока они не найдут на тебе печать настоятельницы! — сказала Джула. — Я не могу поверить, что она до сих пор ее нехватила. Просто подождите конфирмацию новой монахини, и вот тогда она обнаружит...

— Конфирмации происходят в самые святые дни. У нас есть недели. — Нона выдавила из себя уверенность, которой не чувствовала. Возможностей подобраться поближе к Настоятельнице Колесо было совсем немного.

— Хорошо. Ну, а как насчет этого? — Джула помахала перед собой «Книгой Лунь» Аквинаса. — Один взгляд — и нам конец.

— Поэтому мы позаботимся о том, чтобы никто этого взгляда не бросил. Мы спрячем ее до того, как вернемся. Может быть, ты найдешь то, что нам нужно, и запомнишь.

— Мне больше нравилось пророчество Аргаты, когда предполагалось, что нас спасет четыре-кровка. — Джула нахмурилась, глядя на томик в своей руке. — Не четыре корабль-сердца, не Ковчег и не какой-то несчастный идиот, которому придется заучить наизусть

целую чертову книгу. Только одна четыре-кровка. Красиво и просто.

— Я скучаю по Зоул. — Рули отпустила рясу Джулы и опустила взгляд на землю. — Даже если она не Избранная...

На это никто ничего не ответил, и какое-то мгновение говорил только ветер.

— Мне пора возвращаться, — сказал Маркус. — Приятно было познакомиться, послушницы. — Он отряхнул грязь со своей рясы.

— Брат Маркус. — Ара склонила голову.

Маркус склонил голову в ответ и посмотрел на Нону:

— Я был очень несправедлив к тебе в Академии. Надеюсь, теперь я оплатил счет.

— Да, — сказала Нона.

— Я не уверен, что кто-нибудь из нас переживет следующий месяц. — Маркус поднял руку, предупреждая любые патриотические возражения, хотя, похоже, их бы и так не последовало. — Но, если мы выживем, то, под властью повелителей Дарна, бой-королевы или нашего собственного славного императора, да будет он править долго, я бы хотел снова встретиться с тобой, Нона Грей.

Нона почувствовала, как к ее щекам приливает жар. Рули и Джула переводили взгляд с нее на Маркуса и обратно, разинув рты. Нона открыла свой, призывая Предка, Надежду или любого маленького бога, который мог бы услышать, вложить туда слова, любые слова, лишь бы они были холодными, остроумными и утонченными. Мгновение тишины растянулось до точки, в которой любой связный звук был бы приемлемым, пока он смутно напоминал ответ...

— БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕДКА, БРАТ? — спросила Рули, наверное, уже в десятый раз — Благословение Предка? — Одиннадцатый.

— Это было все, что я смогла придумать. — Нона снова ускорила шаг. Огни Истины лежали в трех милях позади них, огни монастыря — в двух милях впереди.

— Но благословение Предка? — Джула тяжело дышала.

— У меня был стресс, хорошо? — Нона снова увидела, как бровь Маркуса поползла вверх. Она не могла перестать это видеть.

— Оставьте Нону в покое. — Ара поравнялась с ней, не переставая бежать. — Брат Маркус, несомненно, очень святой человек. Вполне естественно, что Нона хотела разделить с ним благословение. Вместо того, чтобы отвечать на его слова.

Рули и Джула фыркнули и отстали, задыхаясь.

Нона бежала к Скале Веры. Что-то вроде истерики охватило ее подруг. То состояние, которое требует, чтобы ты плакала или смеялась. На востоке далекие огни усеивали местность, слишком много и слишком ярко. А по дороге, несмотря на поздний час, они уже миновали дюжину оборванных групп, ковылявших к городу, многие со всем своим имуществом, наваленным на ручные тележки.

Ужасы, окружавшие послушниц, были слишком велики, чтобы все время держать их внутри. Война на востоке. Война на западе. Обе приближались к столице с ужасающей скоростью. А теперь явная возможность того, что вся власть самой Церкви будет обращена против них; послушниц заклеят как похитителей запрещенной книги, преступление, за которое — Нона не сомневалась — какой-нибудь древний закон потребует ужасного и, почти наверняка, смертельного наказания. Она поклялась, что до этого не дойдет, но, даже если остальные согласятся сражаться за свободу... любое будущее, которое их ожидало,

выглядело очень мрачным.

НОНА ПРИКАЗАЛА ОСТАНОВИТЬСЯ у подножия плато. Они с Арой подождали, по Рули и Джула не догнали их. Ара патрулировала местность, ее тень-работа раскрывала тайны ночи, пока Джула восстанавливала дыхание.

— Я поднимусь первой, — сказала Нона. — Ара закутается в тени, проверит Путь Безмятежности и отведет вас двоих в подземелье. — Вход в пещеру находился недалеко от начала тропы. — Рули проведет Джулу к аркаде послушниц, и где-нибудь по дороге можно будет найти место, где спрятать «Книгу Луны». Там, где Джула сможет навещать книгу, когда ей понадобится ее изучить.

— А что, если они охраняют дорогу? — спросила Джула. — Мы могли бы пройти через долину Стикс и подойти с запада...

— Слишком далеко, — покачала головой Нона. Добраться до плато с запада было легко, и долина Стикс, как правило, не охранялась, но для этого требовался крюк в несколько миль. — Ара возьмет на себя отвлечение, чтобы вы смогли проникнуть в пещеры, а потом найдет свой собственный путь вверх, чтобы разведать для вас выход из аркады. — Нона уставилась на скалы. То тут, то там лунный свет улавливал намек на Путь Безмятежности, зигзагами прокладывающий свой путь к высотам. — Ара может подняться по Виноградной Лестнице. Я полезу.

— В одиночку? — Ара в притворном ужасе всплеснула руками.

— Мы все знаем, что с нами будет, если нас поймают. Первым делом я доберусь до монастыря и проверю, не ждет ли нас кто-нибудь в дорме.

— Ты проверишь, чист ли берег, используя... свой легендарный талант к тень-плетению? — ехидно спросила Рули. — Ара должна пойти первой!

— Ара будет ждать вас у колодца прачечной. — Ноне было наплевать, что Рули права. Если кто и ждал их возвращения, то для того, чтобы поймать Нону, а не Ару, Рули или Джулу.

— Мне придется идти по пещерам вслепую? — спросила Джула. — И полагаться на Рули, чтобы найти дорогу?

— Да. И не урони книгу, — сказала Нона.

— Я же сказала, надо было взять фонарь! — Джула надулась.

— Ты не сказала.

— Ну... Я подумала!

Рули закатила глаза и направилась к подножию скал:

— Увидимся в дормитории, Нона. Или попытаемся научиться плавать в Стеклоанной Воде с железным ярмом на шее. Или одно, или другое.

Нона ничего не ответила. Это был конец, к которому она была опасно близка прежде, и, с Колесо во главе монастыря, самые старые и жестокие из церковных наказаний были намного более вероятны, чем за много предыдущих лет.

— Верни Джулу в целостности и сохранности. Никому не говори, куда ты положила книгу. Даже мне и Аре! — крикнула ей вслед Нона. — Она повернулась к Аре. — Убедись, что они в безопасности, и остерегайся Джоэли.

Ара коротко кивнула и пошла вслед за Рули, таща за собой Джулу, все с мрачными лицами. Хорошее настроение, которое поддерживало их после прощальных слов Ноны Маркусу, умерло где-то по дороге домой. Возможно, когда они проходили мимо первых

беженцев, или когда ветер впервые принес запах дыма, или, может быть, в тот момент, когда они увидели огни монастыря — каждое окно в доме настоятельницы светилось, обычный уют был отброшен ночью, в которой сон был бы чем-то чужим.

Нона взобралась на скалы, выбрав место, которое было достаточно далеко от окон, ведущих в класс Тени. Она поднялась за монастырем, там, где полуостров сужался, и повисла, высунув из-за края только голову и ожидая, когда фокус луны ослепит любых наблюдателей.

Лунный свет становился все сильнее, пока Нона карабкалась, вместе с ней поднималось и тепло. Монастырские здания засияли, багровея в сфокусированном свете умирающего солнца. И Нона, как и много раз прежде, удивилась тому, что луна, отражающая этот свет, была помещена туда мужчинами и женщинами, такими же как она, людьми, которые теперь стояли внутри Предка и чья кровь текла в ее жилах.

Нона перебросила себя через край утеса с достаточной силой, чтобы приземлиться на ноги. Пригнувшись, почти ослепнув от яростного блеска фокуса, она побежала к монастырю, прячась в клубах тумана, вырывавшихся из провала Стеклянная Вода. Подобно туману, она позволила неуверенному ветру вести себя, направляясь к цели.

Нона быстро обошла монастырь, высматривая любые признаки неприятностей, которые могли поджидать остальных. Хотя в окнах горело слишком много света, пространства между зданиями казались тихими. Необычно тихими. Она заметила Сестру Скала в дозоре и едва заметный бугорок на конической крыше башни, в которой гнездились грачи — вероятно, одна из Серых Сестер, наблюдающих за неприятностями иного порядка, чем сбившиеся с пути послушницы.

Нона наблюдала, пока не появилась Ара, прокрадываясь по Виноградной Лестнице. Ее выдала только тень, густо тянувшаяся за ней. Окутанные тенью, они вместе наблюдали с крыши монастыря, как Джула и Рули нерешительно вышли из крыла прачечной и поспешили в dormitorio.

Не успели девушки подойти к двери, как в монастырь с грохотом ворвался отряд всадников с высоко поднятыми фонарями, словно они что-то искали.

— Черт возьми, их же заметят! — прошипела Ара.

Сестра Скала уже спешила навстречу стуку копыт, и шишка на крыше гнездовья отделилась, теперь невидимая, без сомнения, чтобы присоединиться к всадникам. Если Джулу и Рули поймают, стол настоятельницы сумеет распутать всю их ночную работу. Колесо не стеснялась использовать жесткие методы, чтобы добраться до правды, которая удовлетворила бы ее, и никто не смог бы сказать, к чему может привести ее гнев, если она обнаружит кражу своей печати.

— Иди за ними. Тащи их внутрь, — прошипела в ответ Нона. Она схватила черепицу и резким движением отправила ее крутиться через ночь и взорваться о стену бани. Взрыв привлек всеобщее внимание. Ара уже исчезла. Нона запустила вторую черепицу, на этот раз нацеленную на каменные плиты за баней, подальше от солдат. Прежде чем та ударилась о землю, Нона скользнула на живот и спрыгнула с крыши.

Чайник, наверняка, бродит по крышам или между зданиями. После катастрофы на складе Сестры Яблоко, Нона была далеко не уверена, какой прием она получит от любой из монахинь. Она не горела желанием это выяснять.

Нона никогда не была способна обнаружить Сестру Чайник. Ее подруга была одним из немногих людей, вселявших в нее страх. Нет ничего хуже, чем бежать в темноте и знать, что

ты беззащитна и уязвима для атаки с любого угла. Нона полагалась на скорость своих ног. Она бежала к задней части дормиториев, по спине у нее ползли мурашки от осознания того, что в любой момент из тени может вылететь ядовитый дротик и сбить ее с ног.

Нона добралась до задней стены дормиториев и облегченно вздохнула. Чтобы избежать возможных сторожей в передней части здания, а также любой из нить-ловушек Джоэли, она поднялась по стене и проскользнула через ставни в кабинет Ары, а оттуда прокралась к своей кровати. Какая-то часть ее хотела пересечь комнату, стащить Джоэли с кровати и приколоть ее к стене, дефект-клинками, если она начнет сопротивляться. Правда выйдет наружу достаточно быстро.

Нона подавила инстинкт и, вместо этого, легла в постель. Ара уже лежала на соседней кровати, притворяясь спящей; почти погашенный фонарь на стене тускло освещал ее. Нона скользнула под одеяло и напрягла слух, пытаясь услышать тяжелые шаги на лестнице. Эти солдаты пришли не просто так. Вскоре они приведут настоятельницу к дверям дормитория и начнут расспрашивать о краже из хранилища первосвященника.

Она лежала, уставившись в темноту, и жажда насилия дергалась в ее пальцах, все еще желая вытащить Джоэли из кровати до прихода солдат. Чайник как-то посоветовала ей в таких обстоятельствах считать до десяти, а может, и до тысячи. Нона обнаружила, что Настоятельница Стекло помогает больше, чем счет. Не то, что настоятельница говорила, а то, как она жила. Настоятельница имела куда более могущественных врагов, чем Нона, и победила их, играя в долгую игру, игру, в которой ее противники думали, что выигрывают, вплоть до момента своего поражения. Настоятельница никогда не поднимала руку в гневе, но удары, которые она наносила, были сильнее, чем те, которым учила Сестра Сало.

Никто не пришел. Никакого топота сапог по лестнице дорма. Возможно, солдаты прибыли по другому делу... Когда сон овладел ею, Нона снова увидела настоятельницу, бледную, лежащую на смертном одре, исхудавшую, с лихорадочно блестящими глазами. В ту последнюю ночь она призвала Нону к себе и нашла в себе силы, которые часто приходят перед последним прощанием. Она разговаривала с Ноной, вновь обретая ясность сознания, которая была ей чужда в течение многих дней:

«Миллион слов не сдвинут лед с места, даже на ширину пальца. Но одно слово может разбить сердце, два — починить его, три — уложить стоящих на самом верху».

Настоятельница Стекло говорила, а Нона давала обещания. Обещания другу. Обещания, которые она собиралась сдерживать.

Колокол, вырвавший Нону из сна, говорил стальным языком. Бител! Вокруг нее послушницы вскакивали с постелей, сбрасывали ночные рубашки, хватались за одежду, выкрикивали вопросы. Все, кроме Джоэли, которая сидела на своей кровати, полностью одетая, с волосами, уже причесанными до обычного золотистого великолепия. Она с тайной улыбкой наблюдала, как Нона сначала влезла в нижнюю одежду, потом в юбки, а потом, наконец, в ряску, которая была слишком коротка для нее.

— Это плохо. — Ара подскочила к кровати Ноны, пытаясь засунуть ногу в башмак.

— Вы должны быть готовы бежать, — сказала Нона.

Ара стояла, нахмурившись, наполовину засунув ногу в башмак:

— Куда бежать Джуле? Мой отец живет в замке... У Джулы есть комнаты над лавкой с чернилами и бумагой в Истине. А Рули придется пересечь пятьдесят миль, занятых Дарном.

Нона не нашла, что ответить. Она могла бы сказать, что Аре придется пересечь вдвое большее расстояние, занятое Скифроулом, чтобы добраться до владений своего отца. И,

скорее всего, найти там дымящиеся руины или дом, занятый одним из кузенов Адомы. Если Лано Таксис сказал правду, главный замок Йотсисов уже пал.

Рули присоединилась к Аре, с бледным лицом стоявшей у постели Ноны, и все это время Джоэли улыбалась. Нона зашнуровала башмаки и в очередной раз задумалась, действительно ли Джоэли с ее ключом от склада Сестры Яблоко отравляла лекарства настоятельницы. Или смерть Стекла, как и многие другие беды в этом мире, была слепой случайностью? Конечно, настоятельница так и думала.

«Я снова встречаюсь со своим сыном в Предке, так что не плачь, Нона Грей. — Она взяла пальцы Ноны в свою иссохшую ладонь, все еще покрытую шрамами от пламени той давней свечи. — Борьба имеет значение. Но в конце концов она никогда не бывает по-настоящему выиграна или проиграна, и победа заключается в том, чтобы обнаружить, что мы больше, чем она».

— Где Джула? — Нона не видела ее, и кровать послушницы была пуста.

— Через час после того, как мы вернулись вчера вечером, она взяла фонарь и пошла читать книгу. — Пока Ара отвечала, в дверях появилась Джула с темными кругами вокруг глаз, растрепанными волосами и выражением легкой паники на лице.

Открывшаяся дверь вызвала массовый исход, первой выскочила Алата, протиснувшись мимо растерянной Джулы. Через несколько мгновений Нона и остальные торопливо спускались по лестнице, присоединяясь к потоку младших послушниц и давке у главного входа; все высыпали наружу.

Резкие перезвоны Битела прекратились почти сразу же, как только Нона вышла из дормиториев. На востоке солнце все еще занимало выемку, которую Коридор проделал на горизонте, каждая тень указывала на дом настоятельницы.

Монахини уже начали выстраивать послушниц по классам, когда появилась Нона. За десять лет, проведенных в монастыре, Бител звонил всего несколько раз, и ни разу колокол не предвещал ничего хорошего. Нона поискала глазами церковных стражей или вчерашних солдат. Не найдя ничего, она изучила расположение Красных Сестер. Если Настоятельница Колесо собиралась задержать их и надеть ярмо, то, учитывая ее низкое мнение о благочестии Ноны, вряд ли она ожидала, что простое послушание удержит Нону на месте. Сердце Ноны упало, когда она увидела, что Красные Сестры выстроились вокруг послушниц в свободный круг. Сестра Сало стояла рядом.

— Похоже на ловушку, — прошипела Рули.

— Рули, настоятельнице незачем ловить нас, если она считает, что мы поступили неправильно. — Голос Джулы прозвучал устало, как будто она читала всю ночь. — Настоятельница Колесо говорит от имени Церкви, и мы повинемся.

Нона поняла, что нарушить правила один раз, добывая книгу, — самая длинная дорога греха, по которой Джула была готова пройти. Если Настоятельница Колесо прикажет ей сдаться, она не побежит. Это говорило толстые тома о том, почему Джула пошла с ней, когда Нона сказала, что не сможет найти книгу одна. Из всех подруг Ноны, Джула, возможно, была единственной, кто искренне верил не только в Предка, но и в Церковь как институт. В то, чему она собиралась посвятить свою жизнь в черной рясе Святой Сестры.

— Все Красные здесь. Даже те, кто должен быть в патруле. — Ара понизила голос и встала в ряд рядом с Ноной. — Серые тоже здесь, насколько я вижу. — Она указала глазами вверх, на большой дом. — Бента на крыше.

— Сестра Котел, — поправила ее Нона. — Не стоит ее недооценивать.

Настоятельница Колесо появилась только тогда, когда все послушницы были собраны и выстроены в идеальном порядке. Старшие сестры, Роза и Правило, встали на ступеньку ниже двери настоятельницы, Сестра Яблоко на ступеньку ниже их, с ней и Сестра Железо. Ноне было больно видеть эту женщину на месте Сестры Сало, и она снова искала глазами пожилую монахиню в толпе, обнаружив ее совсем недалеко, рядом с Сестрой Скала.

Когда помощница Колеса, Сестра Лед, открыла дверь, Сестра Сквородка поднялась по ступенькам, чтобы присоединиться к Яблоку и Железу. Она бросила мрачный взгляд на собравшихся послушниц.

— Предок... — Джула пробормотала молитву.

— Она не выглядит счастливой, — прошипела Рули. — Она там, чтобы признаться в существовании запрещенной книги?

Если бы это было так, то это был бы последний гвоздь в их гроб. Кто еще мог украсть книгу Кастрюли, как не Ара или Нона? И Сестра Сквородка никогда не присоединялась к настоятельнице на ступеньках, даже когда это была Стекло, которую она любила, а не Колесо, которую она с трудом терпела.

Колесо появилась и оглядела толпу своим обычным сердитым взглядом. Пальцы Ноны сомкнулись на печати настоятельницы в глубине кармана ее рясы. По лицу старухи было трудно понять, обнаружила ли она пропажу. В любом случае, большую часть времени она выглядела разъяренной.

Настоятельница стукнула посохом, требуя внимания. Это напомнило Ноне о первосвященнике Джейкобе, точно также стучавшем посохом на суде над Настоятельницей Стекло.

— Послушница Нона, подойди. — Колесо сердито посмотрела в ее сторону.

У Ноны упало сердце. Она не знала, будет ли пытаться пробиться мимо монахинь, которых знала много лет, или сдастся несправедливости. Она не могла взять с собой друзей. Конечно, Джула не убежит. Это знание парализовало ее.

Ее щеки покалывало то ли от стыда, то ли от потрясения. Нона не была уверена, от чего именно. В полубессознательном состоянии она направилась к ступенькам настоятельницы. После Зоул старуха перестала говорить о пророчестве Аргаты. После возвращения Ноны не было ни мгновения, когда Колесо призналась бы, что Нона может быть Избранной. Настоятельница не проявила никакого интереса к толкованию, согласно которому четыре корабль-сердца — а не четыре крови — были ключом к Ковчегу. С уходом Зоул весь этот вопрос больше не интересовал Сладкое Милосердие.

Настоятельница Колесо окинула собрание кислым взглядом.

— Это собрание проходит не тогда, когда надо, но мы живем в трудные времена, и требуется спешка. — Она повелительно указала своим посохом на место перед самой нижней ступенькой. — Встань здесь.

Нона стояла, вызванная стальным колоколом, и весь монастырь смотрел на нее, склонив голову.

— Ну что, Сестра Сквородка? — сказал Колесо. — Покончим с этим.

Сквородка нахмурилась, ссутулила плечи и повысила голос:

— Послушница Нона вошла в Третью Комнату Башни Пути. Тем самым...

Нона приготовилась бежать.

— ...она прошла испытание Пути. И я предлагаю ей Синее Мистической Сестры.

Сестра Железо кашлянула:

— Послушница прошла испытание Меча и может носить Красное. Я предлагаю ей место Боевой Сестры.

Нона подняла голову. Озадаченная.

Сестра Яблоко уставилась на нее прищуренным взглядом:

— Послушница Нона прошла испытание проволокой, и я не нахожу никаких законных причин, чтобы не предложить ей стать Сестрой Благоразумия.

— Теперь ты, — рявкнула Настоятельница Колесо. — Выбирай. И поторопись. Ты не последняя, кто сегодня выбирает свой обет. У нас на пороге война.

Нона посмотрела мимо Колеса, мимо крыши дома настоятельницы. Дым стелился по небу, словно трубы Истины за ночь добрались до подножия плато. Она открыла рот, потом закрыла. Насколько близко сейчас должны быть войска Адомы?

— Ну, девочка? — Настоятельница Колесо снова топнула своим посохом. — Ты получила то, что хотела. Бери его.

Нона снова перевела взгляд на ступеньки, на Сестру Сквородка, склонившуюся под своими годами, — темные глаза глядели с темного лица, — на ровный взгляд Сестры Железо, на Яблоко, бледную в утреннем свете, ее головной убор, как всегда, не справлялся со своей задачей, красная спираль вырвалась наружу.

Настоятельница Стекло сказала, что этот день настанет. Она сказала это на смертном одре, и Нона кивнула и сказала, что верит в это, но чувствовала себя виноватой, потому что не верила.

— Я... — Нона переводила взгляд с одной сестры на другую. Неожиданно она подумала о Зоул, девушке из лед-племен, с ее стремлением достичь совершенства в этой жизни, а не в объятиях Предка в потустороннем времени.

— Ну?

— Святой Сестрой, — сказала Нона. — Я хочу быть Святой Сестрой.

Взрыв восклицаний поднялся позади нее, волна приглушенных вопросов, но она быстро утихла, когда настоятельница спустилась со ступенек, проталкиваясь мимо старших сестер.

— Святой Сестрой? Ты хочешь стать Невестой Предка? — Старуха подняла руку, и Нона с трудом удержалась, чтобы не отразить удар.

— Да, настоятельница.

Колесо прижала костлявые пальцы к щеке Ноны.

— Святой Сестрой! — Она повысила голос. — Святой Сестрой! Ибо вера — это то, что необходимо в самые темные часы. Вера! — Она посмотрела мимо Ноны на ряды послушниц позади, словно высматривая ту, кто осмелится не согласиться. Ее взгляд вернулся к Ноне. Она отдернула руку. — Возможно, я ошибалась насчет тебя... — Она покачала головой. — Возможно.

Старуха обняла ее, как каждая настоятельница должна обнимать каждую душу, призванную на службу Предку.

— Могу ли я служить, настоятельница? — Нона опустилась на колени, как все послушницы, что получить обет и встать уже монахиней.

Колесо стояла над ней. Она похлопала себя по рясе, потом нахмурилась, словно вспомнив о какой-то помехе. Ее пальцы замерли на комке под тканью. Она нахмурилась еще сильнее, потянулась к шее и вытащила из-под воротника ожерелье из четок, золотое древо Предка на серебряной цепочке, ключи от входной двери и... — на узловатом кожаном шнурке — свою печать. Нона обвязала ее вокруг шеи Колеса во время их объятий всего

мгновение назад. Она надеялась, что скрыла свой поступок так, как учила ее Госпожа Тень. Мгновения, когда все глаза устремлены на тебя, часто бывают такими, когда легче всего достигается такая ловкость рук.

— День чудес! — Редкая улыбка искривила губы настоятельницы. Она взяла печать и прижала ее к губам Ноны. — Встаньте, Сестра Клетка, встаньте!

И Нона встала. Сестра Клетка из монастыря Сладкого Милосердия, Невеста Предка Святая Сестра.

— Послушница Арабелла! — позвала Настоятельница Колесо. — Подойди у ступенькам.

Три года назад

Спасение

НОНА СИДЕЛА, СОГНУВШИСЬ, на краю свечения корабельного сердца и наблюдал как дьяволы медленно уходят в лед из трупа Йишт, скользя серыми лоскутами по рукам женщины. Крысы покидали затонувший корабль.

Одно цветное пятно задержалось на тыльной стороне ладони Йишт, в то время как другие текли над, под и вокруг него. В конце концов оно осталось, погрузившись частично в два кончика пальцев, которые касались льда и через которые остальные выливались в большую черноту.

Иногда слышались взрывы из вентиляционных отверстий и бульканье талой воды в скрытых каналах, которое быстро затихало.

— Кеот? — Шепот. В этом месте ужасов, так глубоко погребенном во льду, все знакомое можно было считать утешением. Даже дьявол, вырезанный из разума одного из Пропавших эоны назад. — Это ты?

Нона не почувствовала ответа. Какая бы линия греха ни впустила в нее дьявола после убийства Раймела Таксиса, на этот раз она не оказалась достаточно широкой, чтобы впустить Кеота. Убийство Йишт было пустым делом. Даже сейчас, когда тело женщины остывало перед ней, а ее отрубленная голова лежала где-то в темноте, Нона не чувствовала удовлетворения от содеянного, только отголоски потери друзей.

Нона смотрела, как Кеот, наконец, стек в лед, и спросила себя, не он ли заставил нож выскользнуть из пальцев Йишт, когда та пыталась заблокировать последний удар. Некоторые вещи были за пределами понимания. Нона оставила тело Йишт нетронутым. Женщина могла носить с собой что-нибудь полезное, но ной-гуин часто клали в неиспользуемые карманы ловушки для неосторожных, например отравленные иголки, и Ноне не хотелось выяснять, приобрела ли Йишт такую привычку. Она встала, подождала, рассчитывая время взрывов из вентиляционных отверстий, и подошла к корабль-сердцу.

Даже попытка неуклюже пошевелить его кончиком меча, привела Нону в сияние этой штуки гораздо глубже, чем она могла долго вынести. Свет скорее ослеплял, чем освещал, казалось, его не трогали такие мелочи, как открытые или закрытые глаза. Корабль-сердце изгнало из сознания коварные шепотки, доносившиеся из темноты вокруг нее, но на смену им пришло более громкое бормотание, которое на многие голоса булькало из ее собственной внутренней темноты.

— Я не знаю, куда иду. Я забыла, зачем туда иду. — Нона говорила так, чтобы ее собственный голос звучал громче, чем любой из соперничающих голосов. Она подтолкнула корабль-сердце вперед. То прокатилась несколько футов и остановилась. В его странном свете кровь Йишт на лезвии меча казалась черной.

Приближаясь к булькающей пещере, где она столкнулась с Йишт, Нона следила за тем, чтобы корабль-сердце не убежало от нее. Если бы оно перелетело через тот край, где туннель встречался с пещерой, то скатилось бы на дно и исчезло бы в глотке, которая забрала Зоул.

Нона убрала меч в ножны и взяла в левую руку нож.

— Я должна это сделать. — Она собрала вокруг себя все, что осталось от ее безмятежности, и наклонилась, чтобы поднять шар света. Казалось, он ничего не весит и обжигает ей кости. С рычанием она шагнула за край, в пустоту за ним.

Она соскользнула почти к самой пасти у основания пещеры, прежде чем ее нож нашел достаточно места, чтобы остановить ее. Вокруг нее узкие струйки талой воды разделяли лед, глубоко врезаясь в него, прежде чем выплеснуться в шахту. Дюжина голосов заполнила голову Ноны, и она едва могла сказать, какой из них, если таковой вообще был, принадлежал ей.

— ...оона!

— Что? — Нона попыталась сосредоточиться. Ей нужно было обогнуть дыру и пользуясь одной рукой, взобраться по дальней стене полости и найти другой выход. Она спросила себя, оставляли ли исследования ее отца когда-либо его таким испуганным, таким потерянным...

— Ноооо! — Далекий, отдающийся эхом крик среди какофонии в ее черепе. — На!

— Что? — Нона подняла корабль-сердце для большего освещения, но шахта, уходящая вниз прямо за ее пятками, поглощала его свет и ничего не давала взамен. — Кто там? — Она прикусила язык, чтобы не задавать вопросы. Даже она знала, что лучше не разговаривать с голосами. Это делало их настоящими. Помогало им вырваться.

— ...оул!

— Я знаю, что ты дыра, прокол во льду. — Нона лежала холодная на мокром льду, держась за рукоятку ножа, корабль-сердце горело в руке и в сознании. — Я разговариваю с дырой...

— Зооооул!

— Зоул? — Нона села.

— ...сердце!

— Что? — крикнула она.

— Нужно...

Ноне вдруг стало страшно:

— Ты у меня в голове, да? Один из моих дьяволов...

— ...уууужн...

Нона уставилась в чернильное ничто перед собой.

— Ты хочешь, чтобы я бросила корабль-сердце в эту дыру? После всего, через что мне пришлось пройти, чтобы сохранить его? — Смех вырвался сквозь зубы, снова начавшие стучать от холода. Лед вокруг нее побледнел и превратился в полупрозрачный серый. Конечно, дьяволы хотели, чтобы она выбросила корабль-сердце. Это было все, что удерживало их от того, чтобы скользнуть под ее кожу и превратить во что-то худшее, чем Йишт.

— Ноооонааа?

Голос, казалось, доносился из глубин, в которые упала Зоул, но так много других голосов требовали внимания. Как она могла посчитать любой из них настоящим?

— Зоул? — Она наклонилась вперед, крича в дыру.

— ...оооось его мнееее.

— Бросить его тебе? — В смехе Ноны послышались истерические нотки. — Ты мертва!
— Сердце корабля обожгло ее и раскололо мысли на части, но оно было также драгоценным

сверх всякой меры и единственным источником света в этом месте бесконечной тьмы. Голос в дыре затих, а голоса в черепе Ноны стали громче.

— Зоул?

Ничего.

— Зоул?

Только шум за ее лбом — разум начал разбиваться на осколки, которые сведут ее с ума. Именно молчание убедило ее. Зоул никогда не станет умолять. Лед-девушка сказала свою часть, и больше говорить было нечего.

Нона посмотрела на яркий свет. Зоул назвала его Старым Камнем. Ни одна часть Ноны не хотела отпускать его, даже если оно причиняло ей боль. Она наклонила ладонь и почувствовала, как голоса дрогнули. Величайшее сокровище, которое она когда-либо держала в руках, перекатилось через ее пальцы. Корабль-сердце выпало из ее руки, перекатилось к краю и исчезло из виду. Быстро опускающаяся полоса фиолетового света осветила черную глотку, находя случайные отблески от разломов и трещин. Мгновение спустя она исчезла, и Нона осталась одна, слепая в темноте.

Время нужно с чем-то сравнивать. У Ноны было ничего, кроме медленно нарастающего давления — дьяволы возвращались на лед под ней. Присутствие корабль-сердца изгнало их оттуда, и теперь они возвращались потребовать то, что принадлежало им. Она чувствовала их злобу, похожую на крошечные коготки, пытающиеся прорезать путь под ее кожу.

— Я здесь не умру. — Онемевшие пальцы нащупали второй кинжалу нее на поясе, и она повернулась, чтобы начать подъем обратно в туннель. Она предпочла бы приползти полуживой в Коридор и сразиться с ной-гуин, чем столкнуться с безумием в одиночестве в ледяной темноте.

Она протянула руку, ударила ножом и подтянулась. Без света она могла бы пропустить вход полностью, но попытка, по крайней мере, немного согреет ее.

То, что последовало за этим, было долгим, слепым кошмаром — она колола, напрягалась и скользила. Нона понятия не имела, сколько минут или часов она трудилась над этим, сколько раз скользила назад, сколько раз проклинала Предка. Она даже призвала на помощь призрак своего отца.

— Я не могу... — Она висела на ледяной стене, очень крутой, почти отвесной. Силы покинули ее руки, и, хотя она больше не чувствовала, как сжимает оба ножа, она знала, что хватка слабеет. Руки выглядели потрясающе бледными. — Я не могу. — У нее не осталось никакой надежды. Даже надежды на легкую смерть.

Она снова посмотрела на свои руки, почти не чувствуя, что они все еще принадлежат ей. Обе были с фиолетовым оттенком.

— Как? Как я смогла их разглядеть?

Нона повернула голову и увидела там, далеко внизу, Зоул. Лед-девушка стояла на краю шахты, в которую упала, и держала в руках корабль-сердце.

При виде Зоул Нона выпустила из рук сначала один нож, потом другой и полетела вниз по стене. Каким-то образом Зоул удалось перехватить ее и остановить значительный импульс только одной рукой, сохранив при этом и равновесие, и корабль-сердце.

Лед-девушка казалась невредимой, не тронутой холодом. Нона спросила себя, не призрак ли это, не порождение ли ее собственного раздробленного разума. Но рука, схватившая ее запястье, была теплой и настоящей.

— Как... Как ты здесь оказалась? — выдохнула Нона.

— Ты бросила мне Старый Камень, — сказала Зоул. — Это дало мне контроль над льдом, в котором я нуждалась, чтобы выбраться. — Она почти незаметно улыбнулась. — Спасибо.

— Ничего особенного. — Нона закашлялась от изумленного смеха, зубы продолжали стучать. — Все равно проклятая штука убивала меня.

Зоул подняла глаза и взгляделась в темноту, словно обдумывая варианты.

— Тебе придется оставить меня здесь, — сказала Нона. — Я не могу идти дальше.

Зоул, казалось, ничего не слышала. Она смотрела в какую-то точку высоко над головой.

— Пойдем.

— Я же сказала, что не могу.

— Можешь.

Нона попыталась встать, но ноги подкосились, и она упала. Зоул снова поймала ее запястье, железной хваткой. Без дальнейших слов она подняла Нону на ноги, наклонилась и перекинула ее через мокрое плечо.

— Не будь дурой... ты не можешь меня нести.

— Могу. — Зоул, ворча, выпрямилась. — И понесу.

Зоул пошла к своей цели. С каждым шагом лед раскалывался под ее ногами, превращая себя в опоры.

Нона упала в свою собственную темноту и пропустила большую часть их побега из булькающей пещеры. Она мельком видела крутой подъем, Зоул, прижимающуюся к стене, погружающую сердце корабля в лед и каким-то образом использующую его, чтобы удержаться на ногах, когда она двигалась с одного уступа и создавала следующий. Нона пропустила многое из того, что последовало за этим, и, приходя в сознание, больше всего сражалась с попытками корабль-сердца разорвать ее на части; однако, постепенно, тепло тела Зоул начало проникать в ее собственную холодную плоть.

— Я могу идти. — Слабость в голосе Ноны заставила ее усомниться в собственных словах, но Зоул без возражений опустила ее вниз.

Лед вокруг них из черного стал темно-серым, и не только там, где они стояли, но впереди и сзади.

— Мы приближаемся к поверхности, — устало сказала Зоул. — Если твоя одежда будет мокрой, когда мы выйдем на ветер, ты не выживешь.

Нона закашлялась:

— И как ты предлагаешь мне ее высушить?

— Телесное тепло, — сказала Зоул. — Мы побежим. — И она побежала вперед.

Нона застонала и бросилась вдогонку.

СНАЧАЛА ОНИ УСЛЫШАЛИ звук. Приглушенные раскаты и далекий вой ветра дующего через устье туннеля на неизвестном расстоянии впереди них. Затем заметили свет. Только намек, пробивающийся сквозь лед, предположение, что даже эта долгая ночь когда-нибудь закончится.

Зоул приказала остановиться:

— Снимай пальто.

— На самом деле? Потому что мне и так в нем холодно? — Несмотря на протест, Нона сбросила поход-пальто Чайник. Талая вода прошла сквозь него и замерзла снаружи, оставив одежду слишком жесткой, чтобы ее можно было сложить.

— И рубашки.

— Нет! — Нона скрестила руки на груди. Оба слоя стали теплее после бега, но все еще оставались влажными. Сестра Сало много раз говорила им до их ледового похода, что такая простая вещь, как работа до пота, на льду может тебя убить, как только ты остынешь и за работу возьмется ветер.

Зоул сбросила рюкзак и поставила корабль-сердце на лед. Содержимое ее рюкзака было плотно завернуто в тюленью шкуру. Узлы не хотели сдаваться и, в конце концов, их пришлось разрезать. Зоул вытащила толстый шерстяной жилет и развернула нечто похожее на кожаные леггинсы.

— Сухие. — Она вытащила полоски бархата, которые, казалось, были вырезаны из плаща лорда. — Обернешь ими ладони. мех был бы лучше, но это должно гарантировать, что ты сохранишь пальцы.

— Могла бы сказать мне раньше! — Нона взяла жилет и начала снимать с себя одежду.

— И, если бы ты снова промокла, то наверняка бы умерла.

— Справедливое замечание... — Нона с трудом натянула сухую одежду и обхватила себя руками. Она уже чувствовала себя теплее, хотя жилет и леггинсы были бы слабой защитой на открытом месте.

Она бросила подозрительный взгляд на Зоул, которая наклонилась, чтобы поднять брошенную одежду:

— Почему ты не мокрая? Ты же пробралась через полдюжины водопадов!

Зоул стояла, держа в руках одну из рубашек Ноны и хмурясь. Из самых нижних концов свисающих рукавов потекла струйка серой воды.

— Я обнаружила, что со льдом работать труднее, чем с камнем, а с водой труднее, чем со льдом. Но я могу это делать. — Поток сменился капанием, которое быстро прекратилось. Она вернула Ноне сухую рубашку.

Нона надевала каждый предмет по мере того, как Зоул его высушивала. Поход-пальто пришло последним, лед отслоился от внешней поверхности, когда Нона его надела. Став сухой после столь долгого времени, она снова почувствовала себя человеком, испорченная вода исчезла с ее кожи. С дневным светом вдалеке она чувствовала себя почти хорошо.

— Пошли!

Еще несколько сот ярдов, и впереди показался конец туннеля, круг надежды.

— Следуй за мной. — Зоул повысила голос, перекрывая вой ветра. — Иди за мной шаг в шаг. На льду опасно.

— Подо льдом опаснее! — Нона поспешила к свету.

Зоул протянула руку, останавливая ее.

— Те, кто приходит из Коридора, скорее умирают на льду, чем под ним. Иди сюда с уважением, Нона Грей. Белая смерть ждет.

Святой Класс

Настоящее Время

— КАК ТЫ МОГЛА не сказать мне, что прошла Меч-испытание? — спросила Нона.

Ара подняла руки:

— Во-первых, я не хотела давить на себя. Если бы я потерпела неудачу, я бы хотела рассказать всем об этом в свое время, а не заставляя их выстраиваться в очередь, чтобы спросить меня. А потом я не хотел давить на тебя. Сало сказала, что тебя вызовут следующей.

Нона покачала головой:

— Не могу поверить, что ты меня опередила.

— Я почти на два года старше тебя!

— Ты знаешь, что я имею в виду. Мы пришли в монастырь в один день. — Нона посмотрела на Башню Пути. Они пришли вместе с остальным классом на урок только для того, чтобы Сестра Сквородка мягко указала, что ни один из них больше не принадлежит Святому Классу и, следовательно, в ее классе им делать нечего.

— Объясни еще раз, — попросила Ара. — Нона Грей, Святая Сестра?

— Я же тебе сказала.

— Да, но я надеюсь, что во второй раз твои слова будут иметь смысл.

— А что плохого в том, чтобы быть Святой Сестрой? — спросила Нона. — Это достаточно хорошо для Джулы, но не для меня? Разве ты не любишь Предка, Сестра Шип?

— Я очень люблю Предка, Сестра Клетка, но я знаю, что ты любишь это. — Ара хлопала по мечу на бедре. — Как ты собираешься жить без всего... этого?

— Настоятельница Стекло *все это* было не нужно, и она реально меняла мир. Она была более опасна, чем дюжина Красных или Серых Сестер, более смертоносна, чем даже Святые Ведьмы.

— Но никогда больше не размахивать мечом? У тебя это очень хорошо получается! Разве не грех не пользоваться даром, который дал тебе Предок?

Нона долго молчала, не сводя глаз с меча Ары.

— Любая сестра может быть призвана в Красные во время чрезвычайной ситуации. Джула говорит, что монастыри к востоку от Грэмпейнов вооружали даже самых юных послушниц, когда к ним приходил враг. — И Нона процитировала: — «Каждый ребенок Предка носил красное в тот день, когда Скифроул выстроился перед монастырем Мудрого Созерцания. У них не хватило ряса Красных Сестер, и вместо этого они выкрасили рясы новых послушниц кровью захваченных еретиков».

Ара открыла рот. Потом закрыла.

Нона посмотрела на затянутое дымом небо и покачала головой:

— Не думаю, что пройдет много дней, прежде чем мне снова вручат меч, Сестра Шип.

— Я должна пойти и доложить Сестре Сало... То есть Сестре Железо, — сказала Ара. — Теперь я получаю приказы от нее наставления. А она — от настоятельницы.

— А настоятельница от императора... — нахмурилась Нона. — Ты же не думаешь, что

император действительно разговаривает с Колесом?

Ара покачала головой.

— Отец сказал мне, что новый лорд Глосис — военный советник императора. Глосис инструктирует генералов, а генерал Венсис наблюдает за развертыванием боевых братьев и сестер во время кризиса. — Она посмотрела на Зал Меча. — Мне лучше идти... Думаю увидимся вечером в дормитории...

— Нам дадут кельи. Мы уже большие девочки.

— О да. Что ж, по крайней мере, нам не придется видеть Джоэли каждое утро. — Ара нахмурилась. — Как ты думаешь, почему она не донесла на нас? Я была уверена, что настоятельница подняла нас с постели, чтобы предъявить обвинение.

— По-моему те, кому она рассказывает свои истории, хотят того же, что и мы. Как только мы сбежали, они не могли быть уверены, что смогут вернуть книгу. Если бы это зависело только от Джоэли, она бы с радостью увидела, как нас унижают и наказывают.

— Кому она передает свои истории?

— Лорд Намсис потянул за множество золотых нитей, чтобы вернуть ее сюда, не так ли? — спросила Нона. — Ты думаешь, он действительно хочет, чтобы его старшая дочь стала монахиней? Я считаю, что истории Джоэли доходят до Шерзал самое большее за три шага. Неужели ты думаешь, что сестра императора простила кого-то из нас? Мы разрушили ее союз с Адомой. Клянусь Предком, мы подожгли ее дворец!

Ара сделала знак дерева над своим сердцем.

— Уже много лет я рассказываю вам, какая она. Я хотела бы, чтобы мы были более осторожны в этом книжном деле, более скрытны... но ты не слушала. Вовлекать в это дело монаха было безумием. Ты его почти не знаешь! — Она подняла руку, чтобы остановить ответ Ноны. — Мне нужно бежать. Не думаю, что Сестра Железо более добродушна, чем Сало! Тебе тоже лучше поторопиться. Я уверена, что есть какая-то важная молитва, которую нужно прочитать...

Покачав головой, Ара умчалась прочь, меч подпрыгивал у нее на ноге. Нона с некоторой завистью смотрела, как подруга пересекает площадь. Жалость Ары была плохо скрыта, и это жгло, хотя Нона понимала ее. Она повернулась спиной к мечу, к искусству теней и к тайнам Пути. Ее друзьям потребуется время, чтобы понять этот выбор. Нона со вздохом посмотрела в сторону Собора Предка. Ветер нес запах дыма. Если когда-нибудь и было время для молитвы, то именно сейчас.

Чайник перехватила Нону у дверей Собора.

— Ты устроила адский беспорядок на складе Яблока. Ради Абета, что это было?

Ложь, начавшая формироваться на губах Ноны, испарилась под пристальным взглядом Чайник:

— Глупая ошибка. Мне очень жаль. Я извиняюсь.

— Ну, ты должна! — Чайник толкнула Нону в плечо, все еще сердясь. — Ябби в ярости!

— Тогда почему она предложила мне Серое?

— Настоящий вопрос, почему ты не взяла его? — Чайник тряхнула головой, словно пытаясь сбросить с себя глупость решения Ноны.

— Я первая спросила, сестра.

— Она... ну, она все равно предложила бы тебе Серое... По крайней мере, предложила бы, если бы было время успокоиться. Но... — Чайник замолчала, и глаза ее заблестели от слез.

— Но что? — Тыльные стороны рук Ноны закололо. Она знала, что скажет Чайник.

— Но... но она пообещала Настоятельнице Стекло, что предложит тебе Серое, что бы ни случилось.

Глаза Ноны затуманились, во рту пересохло. *Что бы ни случилось.*

— Почему ты не взяла его? — спросила Чайник. — Яблоко считала, что никто не может быть Сестрой Благоразумия, не умея работать с тенью. Она всегда собиралась предложить тебе Серый из-за обещания, но, на самом деле, она не хотела, чтобы ты взяла его до того дня, когда ты прошла проволока-испытание. И тут она поняла. Ты родилась для этого, Нона.

— Я не взяла его потому, что дала обещание. На смертном одре Настоятельница Стекло попросила меня стать Святой Сестрой, и я поклялась, что это сделаю.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Она все еще делает это, не так ли, сестра? — спросила Чайник. — Даже мертвая, она все еще играет в долгую игру, которую никто из нас не понимает. — Она метнулась к Ноне, яростно обняла ее, и убежала.

Нона вошла в Собор Предка, погруженная в свои мысли. Она не знала об обещании которое Настоятельница Стекло попросила у Сестры Яблоко, но знала — или думала, что знает, — в какую игру играет и будет играть до конца.

В необъятности купола Предка, стоя на коленях перед статуей Предка и глубоко погруженная в свою безмятежность, Нона не замечала, как приходят и уходят другие Святые Сестры. Часы текли и колокола говорили, Брей и Ферра боролись за ее внимание, хотя теперь день для нее определял железный голос Ферры, как и для всех монахинь.

В свою первую ночь в качестве Святой Сестры Нона спала в своей монашеской келье, случайно той же самой, в которой она спала почти десять лет назад в ту ночь, когда прибыла в монастырь. Лежа без сна на узкой постели, она думала об Аре, лежащей в ее собственной узкой кровати в трех кельях от нее. Аре, которая взяла Красный. Ара, которой она не могла позволить причинить вред. Не из-за какой-то загадочного приказа Настоятельницы Стекло, но по велению собственного сердца. И когда, наконец, сны пришли, они были тревожными. Ее сны были тревожными, наполненными криками, кровью и светом корабль-сердец.

ПРЕРВАВ ПОСТ, НОНА следовала за призывом Ферры к куполу для второй молитвы когда заметила послушниц, бегущих из своей аркады к Залу Меча. Не один класс, но все вместе. Послушницы Святого Класа бежали вместе с девочками из Красного Класа, вдвое ниже их ростом. Нона позволила унести себя потоку, который принес ее не к Залу Меча. Вместо этого послушницы и полдюжины монахинь присоединились к остальным на краю Скалы. Рост Ноны позволял ей хорошо видеть.

— Предок присмотри за ними. — Стоявшая рядом с Ноной Сестра Роза заломила руки, глядя в темное от дыма небо.

Пожары на востоке продвинулись за ночь и, казалось, горели у самых стен столицы. Даже из Сладкого Милосердия Нона видела, что дорога, протянувшаяся на пять миль до Истины, была забита повозками, все они направлялись в одну сторону, к убежищу императорских стен.

Резкий звон Битела привел монастырь к ступеням настоятельницы. Собравшиеся монахини и послушницы узнали, что враг действительно находится в десяти милях от Истины, его передовые отряды движутся по окрестным деревням группами из десятков и сотен солдат.

— Никто из вас не должен покидать монастырь иначе, как с моего разрешения, — объявила Колесо с порога большого дома. — Мы будем ждать приказов Церкви. Сестры Железо и Яблоко организуют оборону периметра.

Неожиданно настоятельница спустилась по каменным ступеням своего дома и остановилась среди послушниц Красного Класа. Она провела костлявыми пальцами по светлым кудряшкам самой маленькой девочки.

— Если еретики подойдут к нашим дверям, мы будем сражаться с ними. Сражаться до последней капли нашей крови. — Ярость покинула ее голос. — А пока... Молитесь, сестры, молитесь.

Нона вернулась в Собор Предка и последовала приказу. В то время, как Ара присоединилась к патрулям Красных и Серых Сестер, защищавших монастырь, Нона преклонила колени перед золотой статуей Предка, одна из многих фигур, приносящих свои молитвы.

Настоятельница Колесо присоединилась к ним на некоторое время, чтобы почитать вслух из Книги Предка. Она читала, что они благословенны, что вечность ожидает их в славе и благодати дерева, с которым связаны все рожденные от женщины и в котором все соединены. Потом она опустилась на колени рядом с Ноной и молча помолилась.

Когда молитва кончилась, старуха положила руку Ноне на плечо, чтобы помочь себе подняться.

— Молись, дитя. — Она встала и посмотрела на ряды склоненных голов. — Твоя вера — это дар, который делает их сильными.

Нона осталась стоять на коленях и, хотя множество мыслей боролось за ее внимание, она пробежала в голове литанию Св. Аффиды, день которого праздновали сегодня. Монахини в черном молились по обе стороны от нее, каждая держа перед собой тлеющую ароматическую палочку. И, возвышаясь над их головами, стоял Предок, как всегда молчаливый, ничего не обещая, но наблюдая за их жизнью и ожидая их прибытия.

Хотя никто из них не говорил об этом, казалось, что все они могут быть вызваны к Предку в течение следующих нескольких дней или недель. Скифроулцы были не более милосердны к предполагаемым еретикам, чем инквизиция к их собственным. Они могли позволить Куполу Предка остаться стоять, но ни одна из сестер, которые ухаживали за ним, не переживет падения Истины.

— Пенни за ваши мысли, Сестра Клетка. — Сестра Роза с трудом встала на колени рядом с Ноной.

— Я молилась. — Нона посмотрела на невысокую женщину. Странно было видеть Розу вне санатория.

— Мы все это говорим. — Сестра Роза сделала знак дерева, один палец для стержневого корня, остальные — тянущиеся к нему ветки. — Но мы всегда о чем-то думаем.

Нона вздохнула и кивнула.

— Я думала о Зоул. — Она размышляла о том, каково это — быть единым целым с Предком. Совершенство, к которому стремились Зоул и лед-племена, одновременно завораживало и отталкивало. Это казалось чем-то вроде смерти, а жизнь была для того, чтобы жить. Но ошибки, за которые она цеплялась, приносили ей боль так же часто, как и удовольствие. Она думала и о Реголе. Теперь, когда она стала сестрой, невестой Предка, он был запрещен ее собственной клятвой. Регол, Маркус — все мужчины теперь были ее братьями. Вырезала ли Зоул из себя эту особую слабость первой? спросила она себя.

Резкий звон Битела прервал размышления Ноны:

— Дважды за двадцать четыре часа?

— Я живу в этом монастыре тридцать восемь лет, — сказала сестра Роза. — И я никогда не слышала, чтобы этот колокол звонил дважды за день.

Нона помогла монахине подняться на ноги и побежала к ступенькам дома настоятельницы.

Дюжина церковных стражей и высокий человек в доспехах ждали перед большим домом, человек в доспехах все еще сидел верхом, его золотисто-зеленый плащ развевался на ветру.

— Цвета императора! — Рули подошла к Ноне.

Никто не пытался сгруппировать послушниц по классам. Такой хаос тревожил даже больше, чем вид церковной стражи и человека императора. Монастырь всегда был местом порядка.

Настоятельница Колесо пришла со стороны Зала Меча в сопровождении всех Красных Сестер, все еще живущих в монастыре. Она поднялась на несколько ступенек, чтобы получить высоту, необходимую, чтобы видеть над ее собирающейся паствой.

— На этот раз за нами! — Джула подошла, тяжело дыша. — Должно быть, Джоэли все рассказала.

К ним присоединилась Ара:

— Я думаю, сегодня есть рыба покрупнее нас.

Настоятельница Колесо топнула своим посохом, требуя внимания, что было совершенно излишне, поскольку все глаза были обращены в ее сторону.

— Сегодня славный день! — прокричала Колесо, перекрывая усиливающийся ветер, ее голос был хриплым от страсти, которую она обычно приберегала для чтения самых драматических отрывков из Книги Предка. — Сегодня, сестры и послушницы, мы встанем перед Ковчегом и будем защищать нашу веру кровью и костями.

— О черт, — слабо произнесла Джула.

— Все старшие послушницы и все монахини боевого возраста будут сопровождать меня к Ковчегу, где мы присоединимся к нашим сестрам в Красном под командованием генерала Венсиса. — Глаза Колеса заблестели, и она сжала свой посох, как оружие, словно все ее долгие годы шли к этому моменту, а целью всей ее жизни было вывести на поле битвы своих сестер-монахинь и детей, находящихся на их попечении. — Сестра Железо проследит за немедленным снаряжением наших сил из монастырских запасов. Старуха подняла руку. — Следуйте за мной! — И она зашагала в сторону Зала Меча, сопровождаемая Сестрой Железо. По крайней мере, у нее хватило порядочности выглядеть обеспокоенной.

— О радость, — сухо произнесла Сестра Яблоко, стоявшая где-то позади Ноны. — Всю жизнь посвятить искусству скрытности... а теперь я встану среди бела дня и буду останавливать стрелы для императора.

— Я не подпущу к тебе ни одной стрелы, — сердито и расстроено сказала Чайник.

Их разговор затерялся в общей вспышке беспокойства и жалоб, когда три четверти монахинь и половина послушниц бросились вслед за настоятельницей.

НОНА ВЫШЛА ИЗ Зала Меча в самой старой одежде Красной Сестры, которую он когда-либо видел. Та, должно быть, десятилетия сражалась с молью в задней части кладовой. Рукава висели лохмотьями, изрезанные, возможно, ударами, которые сокрушили

бренные останки последней обитательницы и отравили ее присоединиться к славе Предка.

На бедре у нее висел меч Сестры Сало. Монахиня надавила на нее, не обращая внимания на протесты:

— Лучший художник нуждается в лучшей кисти.

Сестра Ведро взяла Нону за руку, когда та прошла через толпу послушниц, сравнивающих оружие у дверей.

— Настоятельница хочет вас видеть. — Она дернула ее за руку и побежала прочь. — Быстрее!

Нона оглянулась и увидела выходящую Рули с мечом из Бэрронс-стали. Вокруг Джулы собралась группа послушниц Мистического Класса, восхищавшихся боевым топором с длинной рукоятью, которым ее наградили. Ара еще не вышла.

— Идем! — Далекий крик.

Нона положила руку на рукоять и побежала. Прошло много времени с тех пор, как она носила меч за пределами Зала Меча.

Коридоры дома настоятельницы были забиты монахинями и церковной стажей. Настоятельница Колесо ждала Нону в своем кабинете под пристальными взглядами двух десятков предыдущих обитателей. Портрет Настоятельницы Стекло висел над дверью, и взгляд Колесо останавливался на нем всякий раз, когда она отрывалась от своих бумаг.

Нона посмотрела на него, проходя — хорошее сходство, которое удалило десять лет или больше, но с совершенством поймало взгляд, который, казалось, был сосредоточен на чем-то далеком, что только Стекло могла видеть.

— Мне велели оставить вас здесь, — без предисловий сказала Колесо. Она подняла свиток пергамента. — *«В том случае, если сестринство будет призвано на помощь императору, будет уместно оставить Щит для охраны младших послушниц»*. — Костлявый палец двинулся, указывая на печать первосвященника. — Он, конечно, имеет в виду «охранять корабль-сердце».

Нона почувствовала себя так, словно ее ударили в живот:

— Нет! Настоятельница! Я не могу оставаться здесь, пока все мои сестры сражаются с врагом на поле боя. Не могу!

Колесо подняла руку.

— Должна признаться, приказ показался мне странным. Выделить конкретную послушницу, и, даже если Первосвященник Невис каким-то образом предвидел ваше возвышение в орден сестер, возложить такую важную обязанность на такую молодую монахиню... — Она остановила свой взгляд на Ноне. — Я была не слишком высокого мнения о вас, Сестра Клетка, но вы проявили мудрость не по годам, когда выбрали Черное. Воистину, вера может пребывать в самом невероятном сосуде... — Она посмотрела на пергамент, который держала в руке. — Я чувствую, что здесь замешана политика. Милости покупаются и продаются. Если и есть что-то, что я презираю почти так же сильно, как ересь, так это политика. К сожалению, у нас нет другого выбора, кроме как подчиниться.

Мысли Ноны заметались. Остаться на Скале Веры, присматривая за детьми, в то время как ее друзья будут сражаться и умирать вместе перед стенами императора, было невозможно.

— Первосвященник хочет охранять корабль-сердце. И именно корабль-сердце подвергает послушниц наибольшему риску... — Нона взглянула на окно и Собор Предка за ним. — Мы должны взять его с собой!

— Что?

— Взять его с собой. Корабль-сердце. Вы же знаете, что я могу принести его из хранилища и спрятать в надежном месте во дворце. Нам оно нужно на передовой: рядом с ним все кванталы будут сражаться более эффективно, и, если мы проиграем, враг получит корабль-сердце, будь оно с нами или спрятано здесь.

Настоятельница Колесо склонила голову набок, размышляя:

— Сделай это.

Нона на мгновение застыла, потрясенная. Колесо действительно согласилась с ней! На этот раз она сделала то, что требовалось Ноне. И тут ей пришло в голову: это, по крайней мере, часть того, что хотела Настоятельница Стекло, чего она добилась обещанием, вырванным из Ноны. Как еще могла Нона Грей приобрести благосклонность и сотрудничество Настоятельница Колесо?

Настоятельница нахмурилась и постучала пальцем по гроссбуху, лежащему перед ней на столе, списком послушниц:

— Но молодые все равно нуждаются в охране. Кто-то способный. Может быть...

— Ара может это сделать! Сестра Шип, я имею в виду! — Идея пришла к Ноне из ниоткуда. Не всем им придется столкнуться лицом к лицу со Скифроулом. Она могла спасти Ару. Если Ковчег падет, Ара уведет послушниц на запад. Даже дарнишцы были бы лучше, чем Скифроул: у них были свои боги, и они не сжигали людей из-за тонкостей учения Предка. Ара может это сделать. Тяжесть спала с сердца Ноны.

Настоятельница снова склонила голову набок.

— Она должна была последовать вашему примеру, когда назвали ее имя, сестра. Сегодня больше всего нужна вера. — Снова постукивание пальцем по гроссбуху. — Пожалуй, вы правы. Когда-то я думала, что она — Избранная, пришедшая спасти нас всех. Пусть она, по крайней мере, спасет детей.

— Благодарю вас, настоятельница! — Нона чуть не заплакала. Она направилась к двери, когда Колесо махнула рукой, отпуская ее.

Нона сбежала по ступенькам, пробираясь мимо испуганных сестер. Она чувствовала себя готовой вынести ужасную мощь корабельного сердца, готовой вместе с сестрами противостоять ударным войскам Скифроула, готовой на все. Единственное, к чему она сейчас была не готова, — сказать Аре, что она спасла ее.

Три года назад

Спасение

ОГРОМНАЯ БЕЛАЯ ПРОСТЫНЯ, в которую были завернуты все части Абета, кро зеленой нити Коридора, показалась Ноне в каком-то смысле таким же ужасным местом, как и пещеры и туннели в черном льду. Очень личная злоба множества дьяволов сменилась безличной злобой бесконечного ледяного ветра под бледным как кость небом, которое простиралось во все стороны до бесконечности. Открытое пространство ошеломило ее, хотя она и бывала в тех местах Коридора, где не было видно стен. Но это было что-то другое. Безжалостное обнажение, которое заставляло чувствовать себя крошечной чернильной точкой на огромной неисписанной странице.

— Мы идем не в ту сторону, — проговорила Нона сквозь тряпку, которую дал ей Зоул, чтобы навязать на лицо.

— Мы идем в правильном направлении.

— Мы уходим из Коридора, — возразила Нона.

— Нам нужно развести костер, — сказала Зоул.

— Как, во имя Предка, мы это сделаем? Я имею в виду, это было бы неплохо... — Одна только мысль об этом заставила Нону остановиться и представить себе потрескивающее пламя. — Может, нам найти две сосульки и потереть их друг о друга?

— Здесь, так близко к Коридору, племена прячут древесину и уголь. Там, на дальнем льду, тайников гораздо меньше, и в них будет храниться ворвань и сушеный жир.

— А как мы найдем один из этих тайников? — Сама идея казалась нелепой. За исключением Грэмпейнов, пробивающихся сквозь лед в нескольких милях к западу, покров казался совершенно безликим.

— Они часто лежат вдоль торосов.

— Но... мы не следуем вдоль тороса. Я не вижу ни одного.

Зоул ничего не сказала, просто продолжала идти по снегу. Нона, не имея другого выхода, склонила голову против ветра и последовала за ней.

Через милю Зоул остановилась.

— Смотри. — Впереди ветер разметал снег на несколько акров, обнажив лед под ним. Белые борозды лежали параллельными линиями, проходя сквозь полупрозрачный лед вокруг них. — Линии давления. Самые толстые из них часто превращаются в торосы.

Они пошли дальше. Ветер начинал загонять холод в кости Ноны, чего не смогла сделать даже ледяная сырость туннелей. Пальцы снова стали чужими. Из лекций Сестры Сало она знала, что обморожение может наступить меньше чем за час. Сначала плоть становилась мертвенно-белой, потом черной, и, наконец, начинала гнить, отравляя кровь, если пораженный участок не ампутировали или не отрезали.

— Ты была права. — Торос начал давать о себе знать. Впереди, словно сломанные зубы, вздымались огромные плиты льда, ломаная следовала вдаль по грубо прямой линии.

Зоул подошла к гребню так близко, как только позволяла поверхность, давая им некоторую защиту от ветра. Они прошли милю, потом еще одну.

Нона посмотрела налево, потом направо, на бесконечный белый рельеф. То тут, то там ветер срывал с низких сугробов шлейфы снежных кристаллов и заставлял их струйками мчаться по льду.

— Ты действительно здесь жила? Здесь живут целые племена? — Просто пересечение бесконечного покрова казалось безумной авантюрой. Провести всю жизнь в бескрайней неизменной белизне, вечно замерзающей, вечно раздираемой ветром, казалось даже отдаленно невозможным.

Они шли вдоль тороса еще с милю.

Солнце низко с клонилось к западу, отбрасывая тень тороса на десятки ярдов. Скоро их накроет тень Грэмпейнов, и наступит ночь.

В точке, ничем не отличающейся от любой другой, Зоул остановилась. Она походила вокруг, опустив голову, пиная снег то тут, то там.

— Ты должна копать в этом месте. — Зоул топнула ногой.

— Я?

— У нас нет правильных инструментов. Было бы глупо рисковать нашими мечами, когда у тебя есть клинки острее и прочнее.

Нона вздохнула и опустилась на колени. Она высвободила дефект-клинки и принялась рубить лед. Зоул, используя нож, высвобождала блоки, которые надрезала Нона. Через несколько минут они увидели внизу темную массу. Это оказался мешок, набитый углем, и, отдельно, немного растопки.

— Теперь убежище.

Вновь заработали нож Зоул и клинки Ноны — отрезали куски льда от тороса там, где невыразимое давление под ним вырвало их из-под покрова.

К тому времени, как стемнело, труд Ноны и опыт Зоул соорудили небольшое убежище с тремя стенами и половиной крыши. Зоул достала железную костровую чашу на трех ножках и, используя уголь, развела крошечный костерок. Они поместили ее в середине укрытия и втиснулись с обеих сторон. Перемена была поразительной. Ноне показалось, что она почти переживет эту ночь.

— ПРОСЫПАЙСЯ.

Нона застонала. Все ее тело болело. Даже стоны причиняли боль. Она не хотела просыпаться даже ради того, чтобы вырваться из сумятицы кошмаров.

— Просыпайся!

— Нет.

Нона обнаружила, что ее тащат с холода в куда-то еще более холодное. Она открыла глаза, пытаясь вспомнить, где находится.

— Фокус приближается. — Зоул подняла ее на ноги.

Луна, и без того яркая, с каждой минутой становилась все ярче.

— Я спала, — пожаловалась Нона слабым и дрожащим голосом.

— Нам нужно тепло, — сказал Зоул. — И остаться сухими. — Она потянула Нону выше по склону тороса. Лед раскололся вокруг них, когда Зоул использовала свою вода-работу, чтобы сделать плоскую платформу. — Не упади.

Вокруг них нарастало лунное тепло. Нона вздохнула от удовольствия и развела руки. Зоул накинула на каждую из вытянутых рук влажные шали, которые не дали высушить себя раньше.

— Дай им высохнуть и, когда поднимется туман, убери их под пальто.

Тепло превратилось из роскошного в свирепое. Вокруг них послышался звук капающей воды. Лед начал таять у них под ногами, талая вода стекала по склону. Через некоторое время вода местами стала на дюйм глубиной и начала испаряться.

— Предок! Я думала, что никогда больше не согреюсь! — Нона зажмурилась и распахнула пальто. От простого удовольствия не мерзнуть ей захотелось плакать. Она безмолвно возблагодарила того из своих далеких предков, кто поместил луну в небо.

Над дымящейся водой поднялся туман, и Нона спрятала шали Зоул под тунику, затем застегнула пальто. Она стояла, сначала по колено, потом по грудь в молочном океане, вздымавшемся вокруг нее. На мгновение она встретилась взглядом с Зоул, и белый прилив захлестнул обеих.

Видимый изнутри, туман приобрел кровавый оттенок. Нона стояла, наслаждаясь жарой, хотя и знала, что когда ветер наберет силу и очистит лед, ее волосы снова замерзнут.

В конце концов фокус начал проходить, и блеск побледнел. Пар струился на усиливающемся ветру, белая простыня, которую начали рвать, потом разорвали, потом разорвали в клочья. На многие мили вокруг лед стоял, как темное зеркало, вновь показывая небосвод багровых звезд, вторая луна таяла в отраженных глубинах.

— Как будто мы стоим на озере. — Уже произнеся эти слова, Нона увидела первые белые нити льда, растекающиеся по поверхности, лед-пальцы. Она сомневалась, что где-нибудь вода была глубже дюйма. До нее донеслось отдаленное бульканье.

— Скоро все будет так, как было. Мы должны вернуться в укрытие.

Зоул смахнула иней с волос и нырнула обратно в ледяной домик, который они сделали. Его стены стали тоньше, но все еще хорошо защищали от ветра.

Нона еще немного постояла, наблюдая, как по поверхности воды расплзается ледяной узор. Он рос из нескольких мест, и очень быстро его самые длинные усики соединились. Вскоре работа луны будет сведена на нет.

— А она не утекает под лед? — Это почему-то казалось неправильным. Столько тепла потрачено впустую. Такой маленький результат. Если бы при прохождении луны ледяной покров действительно каждую ночь таял бы на дюйм, кто знает, что могло бы произойти?

— Некоторая утекает. Большая часть снова замерзает. Мы почти в десяти милях от Коридора.

Нона присоединилась к Зоул в укрытии и прижалась к ней. Они сгрудились вокруг углей костра. Еще до того, как сон вернулся к Ноне, не осталось ни клочка открытой воды. Лед снова замерз, и ветер гнал тонкую снежную пыль по его глади.

НОНА ПРОСНУЛАСЬ ОТ оглушительного треска ломающегося льда.

— Что?

— Торос растет. Нам пора двигаться. — Зоул почти закончила укладывать вещи. На востоке солнце пыталось вырваться из-за горизонта. — Сейчас. — Осколки льда сыпались на стены их убежища и разлетались вдребезги там, где новые блоки поднимались из основного покрова.

— Не оглядывайся. — Зоул вышла из укрытия и зашагала прочь. Нона последовала за ней. Куски льда с силой ударили ее по спине, когда она вышла на открытое место, другие промчались мимо и улетели на сотни ярдов.

Отойдя подальше от тороса, Нона и Зоул остановились и повернулись в ту сторону,

откуда пришли. За этим торосом — и за вторым и за третьим — поднимались Грэмпейны, неумолимые каменные зубы прорезали лед.

— Я не хочу на них лезть. — От одного вида вершин Нона почувствовала холод. Пальцы рук и ног уже онемели.

— Мы подождем здесь. — Зоул сложила руки на груди.

Нона вздохнула.

— Тогда пошли. — Она двинулась прочь. Зоул осталась на месте. — Хорошая шутка. — Она жестом поманила лед-девушку.

— Шутка?

Нона поплелась назад:

— Зачем нам ждать здесь?

— Я кое с кем встречаюсь.

Нона оглядела белое пространство вокруг них:

— Со снежным человеком?

Зоул нахмурилась:

— Я не...

— Это была шутка, Зоул!

Зоул нахмурилась еще сильнее:

— Разве шутки не должны заставлять людей...

— Просто скажи, с кем мы встречаемся!

Зоул поджала губы и прищурилась, глядя куда-то вдаль:

— Таркакс Лед-Копье.

— Таркакс? — Нона моргнула.

— Да.

— Тот самый Таркакс, который работал в Калтессе? Тот самый Таркакс, который должен был защищать нас, когда Раймел Таксис пришел убить меня во время похода? — Нона предполагала, что этот человек был, по крайней мере, из лед-племен, но в саму мысль о встрече с кем-то в этой глуши было трудно поверить, не говоря уже о человеке, которого она кого-то знала.

— Да.

— Не похоже, что он идет. — Нона медленно повернулась, призывая свою ясность. — А как он вообще нас найдет во всем этом?

— Мы тень-связаны. Он легко найдет нас, если мы не двинемся с места.

— А. — Нона не видела Таркакса с того дня, как убила Раймела Таксиса. Клерэ воткнула в Таркакса булавку, покрытую тюрягой. Нона догадывалась, что этот инцидент был чем-то вроде пятна на репутации воина.

Некоторое время говорил только ветер.

— И как долго мы будем ждать? — Ноне становилось все холоднее, причем ей было холодно с самого начала. Ходьба, по крайней мере, давала немного тепла.

— Теперь уже недолго.

— Ты его чувствуешь?

— Я их вижу.

— Их? — Нона проследила за взглядом Зоул. Она не видела ничего, кроме белого. Ее ясность внесла еще несколько оттенков в ледяной пейзаж, но это все еще была просто палитра из льда и снега.

— Жди.

Нона ждала, глядя изо всех сил, пока ее глаза не начали слезиться. Она, по-прежнему, ничего не видела:

— Я не...

— Привет, послушницы! — Мужской голос раздался откуда-то слева.

Нона резко обернулась. Таркакс был примерно в пятидесяти ярдах от нее, приближаясь во главе группы из пяти соплеменников, все в белых мехах, почти невидимые, даже если бы Нона смотрела в правильном направлении.

— Ты обманом заставила меня смотреть не в ту сторону! — Нона бросила сердитый взгляд на Зоул.

Девушка пожала плечами:

— Я подумала, что тебе следует знать, что такое шутка.

— Нона! Ринг-боец из Калтесса! — Крик Таркакса опередил любой ответ Зоул.

Нона приветственно кивнула. Туземцы собрались вокруг, когда Таркакс заключил Зоул в объятия, которые девушка терпеливо вынесла, только страдальчески поморщившись. Он отпустил ее и хлопнул по спине, прежде чем повернуться к Ноне:

— Как тебе понравился лед?

— Я еще жива.

— Ха! — Таркакс ударил ее по плечу, затем снова обратил свое внимание на Зоул, выпустив поток слов на языке лед-племен. Это прозвучало так, словно ей задали сразу дюжину вопросов.

Пока Зоул отвечала на том же гортанном языке, Нона оглядела остальных. Они стояли бесстрастно под ее пристальным взглядом, все с тем же красноватым оттенком кожи и плоскими чертами лица, как у Таркакса и Зоул. В людях Коридора смешались сотни оттенков, остатки жителей всех земель и государств, которые когда-то населяли целый мир. Однако лед-племена, казалось, возникли из особых источников, или, возможно, суровые условия уничтожили все, что не идеально подходило для выживания. Нона заметила, что у каждого из них на поясе висел тяжелый мешок и множество инструментов, изготовленных из черного железа, которое лед-племена предпочитали из-за его нежелания разбиваться при охлаждении. Они ответили ей пристальным взглядом темных глаз, и Нона спросила себя, как тот, кого она и Зоул знали, смог оказаться так близко в необъятности всей этой дикой природы...

В конце концов чередой длинных вопросов Таркакса и серия коротких ответов Зоул подошли к концу. Таркакс топнул ногой и хмуро посмотрел на Нону:

— Хорошо. Тогда нам лучше идти.

— Куда? — спросила Нона. — Ты можешь провести нас через горы?

Таркакс фыркнул:

— Я бы не пожелал этого даже пеларти! — Он опять топнул ногой. — Дочь моего брата убедила меня показать тебе более быстрый путь домой.

— Быстрее, чем пересечь горы? Мы должны пересечь их... они стоят у нас на пути! — Нона указала на запад на случай, если мили дикой природы каким-то образом ускользнули от внимания Лед-Копья. — Погоди... Зоул — твоя племянница?

— Разве я не благословен? — Похоже, Таркакс не чувствовал себя благословенным. Несколько его спутников фыркнули, ветер унес клубы их дыхания.

— Но... почему ты не позаботился о ней, когда она осиротела? — Новая путаница

навалилась на старую.

— Я мог бы придумать тысячу веских причин! — сказал Таркакс, снова фыркнув. — Но лучше всего просто сказать, что мой брат все еще жив. Хотя с такой женой я понятия не имею, почему он давным-давно не застелил себе снежную постель!

— Но... — Нона повернулась и уставилась на Зоул. — Ты не сирота?

— Я когда-нибудь такое говорила?

— Ну... ты нет... но Шерзал...

— Ты веришь в этом деле сестре императора? — Зоул подняла бровь.

— Прекрасно! — Нона всплеснула руками. — Тогда почему, во имя Абета, ты была с ней?

— Разве это не очевидно, Нона Грей? — спросила Зоул. — Я шпионила за тобой.

Святой Класс

Настоящее Время

В КОНЦЕ КОНЦОВ Нона предоставила Сестре Чайник известить Ару о назначении и должности хранительницы монастыря. Глядя на восток с утесов Скалы Веры, казалось, что вся империя охвачена пламенем. Нона сомневалась, что кто-нибудь из них вернется с защиты Ковчег. Она не хотела, чтобы последние слова Ары были сердитыми. По правде говоря, она была недостаточно сильна для этого прощания.

Настоятельница Колесо собрала военный отряд перед лесом колонн. Нона присоединилась к ним и увидела, что старуха на кого-то кричит.

— Вы, конечно, не пойдете! Мы идем в открытый бой.

— Рули, дорогая, поддержи мою сумку. — Сестра Сквородка сделала вид, что не слышала настоятельницу.

— Вам сто два года, Мали Глосис! Я не позволю вам умереть на конце стрелы Скифроула! — Голос Колесо звучал так сердито, как Нона никогда ее не слышала, но в нем было нечто большее, чем гнев. Нотка испуга... или, возможно, отчаяния.

— Вы не думаете, что от меня будет польза? — Сестра Сквородка повернулась к настоятельнице, потирая рукой обрубок запястья.

— Не думаю, что вам удастся спуститься со Скалы! Вам больше *ста* лет!

— Хе! — Сестра Сквородка отмахнулась от этой мысли. — У меня еще осталось несколько трюков.

Нона согласилась с Колесо. Сестра Сквородка ходила, шаркая. У нее было плохое зрение. Не было никаких сомнений, Сквородка знала все, что можно было знать о Пути. За последние несколько лет она научила Нону делать больше, чем та считала возможным. Но за все время ее пребывания в Сладком Милосердии Нона никогда не видела, чтобы она хотя бы касалась Пути. Конечно, она могла дойти до потайных комнат и увидеть нить-пейзаж... даже вытащить несколько нитей, если возникнет необходимость. Но когда дело доходило до того, чтобы выдержать Путь достаточно долго и собрать силу, это была игра молодых. Яростная энергия, проходящая через тело на Пути, разорвет хрупкую старую женщину на части.

Настоятельница Колесо топнула своим посохом.

— Сестра Сквородка...

— Мы все здесь? — Сквородка оглядела монахинь. — Сестра Дуб, ты уверена? Может быть, тебе лучше остаться, дорогая?

— Сестра Сквородка! — взревела Колесо. — Я отдаю вам прямой приказ, как ваша настоятельница. Вы остаетесь здесь, в монастыре!

Сестра Сквородка с улыбкой покачала головой.

— Я — Госпожа Путь, дитя. Я иду, куда хочу. — И с этими словами она зашаркала к колоннам.

Ветры бушевали вокруг уходящего военного отряда, ветер Коридора, размышлявший о перемене направления, и лед-ветер, стремящийся вмешаться в путаницу. С востока воняло

дымом, и, без сомнения, костры дарнищев приближались на западном фронте.

В их группе было очень мало той силы, которую Сладкое Милосердие тренировало столько лет. Основная часть Красных и Серых Сестер была посланы на войну. Из Серых остались только Сестры Чайник, Яблоко и новоиспеченная Сестра Котел. Сила Красных Сестер была ограничена Сестрами Сало, Железо и Скала. Сестра Сквородка была из единственной Мистической Сестрой и никто не мог сказать, где находятся остальные. Нить-связи были бесценным средством связи, и, как учила Сестра Сало, хорошая связь больше помогала на поле боя, чем запасная армия. Если бы Настоятельница Колесо добилась своего, каждая Мистическая Сестра была бы связана с каждой другой, и Нона, тоже, с каждым марджалом. Однако без значительной степени привязанности между двумя сторонами такие связи было чрезвычайно трудно сформировать, и невозможно поддерживать или терпеть. К большому неудовольствию настоятельницы.

Настоятельница Колесо повела их к Виноградной Лестнице; она пела боевой гимн Предка, древнее знамя монастыря щелкало над ней на шесте, который держала Сестра Ведро. Монахини образовали авангард, послушницы шли позади. Корабль-сердце находилось в железном ящике на одной из повозок, используемых для перевозки винных бочек. Шесть послушниц тянули его с помощью длинного дышла. Нона все еще горела его аурой. Она принесла его из хранилища, используя две лопатки для стирки, и была к этой штуке ближе, чем когда-нибудь хотела. Воспоминание о его фиолетовом свете пробежало по ее костям. Остальные не чувствовали того же, что и она, но чувство неловкости возникло примерно в десяти ярдах, превращаясь в ужас в трех и в безумие намного ближе.

Нона чувствовала, как гнев Ары вибрирует по их нить-связи, но она крепко держала канал и отказывалась вступать в дискуссию. Рули сказала, что Аре дали доспехи из черн-кожи и меч из Ковчег-стали. Приказ настоятельницы. В конце концов, Ара была Йотсис, даже если у монахини не должно быть семьи. Нона утешалась этим. Ара выживет. Будет время для взаимных обвинений и извинений, если Нона тоже доживет до конца недели. Но, если нет, эта нить-связь может дать последний миг для честного признания, и Нона скажет: их дружба всегда была для нее чем-то слишком драгоценным и она никогда не рисковала признаться, что хочет большего.

— Я никогда не видела ни одного скифроулца, — пробормотала Сестра Дуб в паузе между куплетами. Она шла между Ноной и Чайник и выглядела так, словно ей гораздо приятнее было бы присматривать за Красным Классом. Нона сомневалась, что Дуб держала меч с тех пор, как приняла священный сан более двадцати лет назад.

— Не волнуйтесь, Сестра Дуб, Сестра Клетка видела сотни и выжила, чтобы рассказать эту историю. — Чайник ухмыльнулась Ноне.

— Да. — Нона не упомянула, что все это время с ней была Зоул и они постоянно убегали или прятались.

На вершине Виноградной Лестницы Нона обернулась посмотреть, где Сестра Сквородка, сдалась ли она или отстала.

— Святой Предок! — Нона остановилась как вкопанная.

— Что? — Рули и Алата повернулись вместе с ней.

Сестра Сквородка сидела на тележке, опираясь одной рукой на ящик с корабль-сердцем, по-видимому, совершенно спокойная.

— Продолжайте двигаться! — Сестра Скала и Сестра Шрам сердито посмотрели на них. Рули и Алата повернулись, толкнув вперед изумленную Нону.

Боковые края плато образовывали нишу, где монастырский виноградник мог ловить солнечные лучи, укрываясь от ветра. Виноградная Лестница вилась пологим уклоном высоко над рядами виноградных лоз, давая видеть только юг, да и то ограниченно. Потеряв три четверти высоты, тропа обогнула северный край ниши, и внезапно оказалось, что разрушение достигло их порога. Фермерские дома, на которые Нона смотрела бесчисленное количество раз за эти годы, теперь извергали в небо пламя. Другие превратились в обугленные клочки земли, из которых тянулся дым. Нона, пораженная тем, как быстро разрушение добралось монастыря и городских стен, поспешила присоединиться к Кетти, шедшей перед монахинями.

Когда они миновали последний поворот, приведший их к символическому шлагбауму в конце тропы, песня Настоятельницы Колесо внезапно оборвалась и воцарилась тишина. Настоятельница, шедшая впереди Ноны, свернула за угол и остановилась как вкопанная. Нона оказалась прижатой к спине Колесо и изо всех сил пыталась помешать монахиням сзади сбить их обеих с ног. Навстречу им двигался отряд скифроулцев — дюжина пехотинцев в кольчужных рубашках, стеганные доспехи на руках и ногах, все в пятнах сажи и крови. Они шли в три ряда по четыре человека, первый ряд держал на плечах длинные копья, у следующих висели за спиной большие мечи и более короткие на обоих бедрах. За ними четверо лучников. Небольшая банда, предназначенная убивать и жечь. Без сомнения, Адома пыталась заставить войска императора покинуть город и защищать своих крестьян. Крустикэл, конечно, не собирался делать ничего подобного. На открытой местности орды Скифроула устроили бы резню его солдатам.

Там, где все остальные сестры останавливались, Сестры Сало и Железо, шедшие по бокам настоятельницы, продолжили идти. Они вытащили сталь из ножен, достаточно быстро, чтобы она запела. Двое из первой шеренги скифроулцев, пораженные неожиданной встречей, были слишком медлительны и не успели опустить копья. Монахини пронзили насквозь двух других копейщиков. В следующий удар сердца они уже были среди врагов, три скифроулца рухнули позади них, а четвертый свалился с внешнего края тропы. Солдаты с большими мечами потянулись за более короткими клинками и умерли прежде, чем успели замахнуться. Двоим лучникам удалось убежать. Сало и Железо взяли копья у мертвых. Сало взвесила свое оружие, оценив его баланс и вес, и запустила его прежде, чем лучники успели сделать пятьдесят ярдов. Копье Железо также бросилось в погоню, и оба попали своим мишеням между лопаток. Солдатская кольчуга не позволила им умереть на месте, но оба упали, тяжело раненные.

Железо первой добралась до двух упавших лучников. Один из скифроулцев поднял руку, прося пощады. Он получил быструю смерть, самое сладкое милосердие из всех возможных.

Настоятельница Колесо провела свою паству через бойню, останавливаясь только для того, чтобы прочесть над трупами *«Проклят еретик»* Св. Хеджемона. Многие из Святы Сестер бледнели, проходя мимо павших. Зияли уродливые раны, запах смерти был слишком спелым и реальным, чтобы его игнорировать. Послушницы, продолжавшие занятия Мечом, казались более спокойными, хотя Джулу вырвало. Нона взглянула на Джоэли, перешагнувшую через мужчину, чья голова лежала под странным углом, шея была наполовину перерезана. По крайней мере, ее самодовольная улыбка исчезла.

Оглянувшись, Нона увидела, что Яблоко остановилась среди мертвых с Чайник и Котел, все три стягивали с трупов доспехи и одежду.

— Ты всю ночь читала эту книгу, Джула? — спросила Нона, отступая на несколько

шагов, чтобы идти рядом.

— Шши! — Джула жестом велела Ноне говорить потише, указывая глазами на Джоэли.

— Ты нашла что-нибудь хорошее? — Нона придвинулась ближе.

— Я поняла, что лучше провела бы время, упражняясь с топором. — Джула перекинула оружие с левого плеча на правое.

— Там не было ничего полезного?

Джула испустила вздох, перешедший в зевок:

— Там очень много всего. Аквинас, кажется, довольно уверен во всем этом. Но, не видя частей Ковчега, которые он описывает, я никак не могу понять, не лихорадочный ли это сон. И, даже если его описание имеет хоть какой-то смысл для того, кто находится внутри святилища Ковчега, это все равно не означает, что все это действительно сработает.

— Ты ведь захватила с собой книгу? — спросила Нона.

— Конечно, нет. Ты велела мне спрятать ее. Я запомнила то, что посчитала самым важным... Хотя я должна была спрятать ее под рясой. Она хорошая и толстая. Может остановить стрелу!

Нона с притворным безразличием еще раз взглянула на Джоэли, которая оказалась ближе к ним, затем вернулась на свое место за Колесо.

На Ратлендской дороге, ведущей в Истину, они присоединились к почти непрерывной веренице фургонов, повозок, оборванных солдат и измученных путешественников; целые деревни шли пешком, гоня перед собой стада. Несмотря на тесноту, вокруг монастырской повозки и ее железного ящика образовалось значительное пространство. Люди расступались, было там место или нет, и держались позади с озабоченными лицами.

Батальон Седьмой армии под командованием генерала Джалсиса был расквартирован в большом реквизированном фермерском доме недалеко от дороги. Возможно, план состоял в том, чтобы следить за безопасностью прибывающих беженцев, хотя сейчас это место больше походило на полевой госпиталь, где лечили солдат, раненых в продолжающихся стычках на близлежащих полях

Настоятельница Колесо снова начала боевой гимн и сестры присоединилась. Многие из тех, кто был на дороге, подхватили песню, и она, казалось, подбодрила их. На мгновение Нона почувствовала укол грусти при мысли, что Клере понравилась бы эта часть. Та всегда гордилась своим голосом. Но их дружба разлетелась на куски и теперь мир, казалось, делал то же самое. Нона только надеялась, что, как и в случае с Клерой, какая-то часть того, что было драгоценным, уцелеет.

Чем ближе они подходили к Истине, тем хаотичнее становилась обстановка. Офицер, которого генерал Венсис назначил руководить их действиями, был отозван старшим офицером и присоединился к небольшой группе кавалерии. Они поскакали к северным воротам, топчя посева и перепрыгивая через изгороди. Огромная волна дыма поднималась с востока города, поглощая дым всех меньших пожаров. Нона знала, что идет великая битва, но, несмотря на то, что монахини прекратили петь, она ничего не слышала, кроме воя ветра, скрипа и грохота телег и тревожных жалоб крестьян. Ее удивляло, что все произошло так быстро, но Сестра Сало, которая преподавала войну, часто говорила, что оборона может держаться и держаться и, вдруг, рухнуть как плотина, сметенная без всякого предупреждения.

Они миновали тела на обочине дороги — крестьяне, батраки и путники, некоторые изрублены мечом или топором, некоторые утыканы древками стрел, некоторые почернели и

обгорели. Не все были мертвы, но те, кто хотя бы не полз к городу, наверняка умирали.

Настоятельница Колесо подняла свой посох и повела сестер в поле, где скот отсутствовал достаточно долго, чтобы помет, который они оставили, успел покрыться коркой. Она вскарабкалась на мостки через живую изгородь и обратилась к монахиням и послушницам:

— Мы не пойдем через город, чтобы присоединиться к обороне. Северные ворота будут забиты, а улицы за ними переполнены. Я намерена обойти стены и войти поближе к дворцу.

Послышался всеобщий вздох. Нона смирилась с тем, что будет стоять перед Ковчегом, но ей казалось, что между ними и врагом будут, по крайней мере, стены города. Конечно, Крустикэл не выведет свои войска на открытое место. Если бы он мог остановить Адому на поле боя, то сделал бы это в двухстах милях к востоку от своей парадной двери.

Настоятельница продолжала, не обращая внимания на потрясенные лица перед ней:

— Госпожа Тень выберет трех Сестер Благоразумия, и они разведают обстановку перед нами. Мы будем действовать по их докладам. Если понадобится, защитники на стене поднимут нас на веревках.

— А сколько Серых Сестер вообще с нами? — прошипела Рули.

— Две, — сказала Нона. — Если не считать Сестры Яблоко.

Чья-то рука легла ей на плечо.

— Сестра Клетка. — Яблоко повернула Нону к себе лицом. — Я временно назначаю вас в Серый. Идите вместе с Чайник и Котел и постарайтесь не умереть. Кроме того, мы будем очень благодарны вам, если вы сумеете сделать так, чтобы Колесо не повела нас на десять тысяч скифроулцев, распевая во все горло.

Нона коротко кивнула. Она позволила Рули и Джуле обнять себя, собравшись духом перед их совместными объятиями. Поверх голов подруг она встретила взглядами с Кетти, Генной, Алатой, Лини и другими бывшими одноклассницами. Все они выглядели испуганными. Тяжесть ответственности легла на нее, когда подруги ее отпустили.

Чайник прошла мимо с мрачным лицом, но, когда она проходила мимо Яблоко, ее пальцы скользнули по руке другой женщины; Яблоко обернулась и что-то прошептала, посмотрев ей вслед светлыми глазами.

Чайник присоединилась к Котел, которая уже переодевалась в одежду, снятую с мертвого скифроулца на Виноградной Лестнице. Одежда казалась намного убедительнее той, которую они принесли с собой со склада Тени, меньше напоминала военную униформу и была более случайной: солдаты носили похожие табарды, которые когда-то сияли ярким узором, и в одежде были отдельные элементы, отличавшиеся от того, что обычно носили в империи.

— Бери самое кровавое, Нона. Ты будешь раненой, если нас остановят. — Чайник бросила в ее сторону грубую рубашку с малиновым пятном на груди. — Никакой кольчуги для тебя. Мы везем тебя обратно, чтобы перевязать. Это также скроет то, что ты не умеешь говорить по-скифроулски.

— А ты умеешь? — спросила Генна из рядов наблюдающих послушниц.

— *Йа, ирх кен хем гутья.*^[1] — Чайник не отрывала взгляда от застежек своей кольчужной рубашки.

Через несколько минут они были готовы к уходу.

— Наблюдай. Оценивай свои возможности. Мы оставили Сладкое Милосердие позади, не оказывай его врагу. — Яблоко вручила Ноне стандартный полевой набор Серой Сестры:

пояс со всеми ядами, противоядиями, проволокой, отмычками и хитростями ордена.

— Я так и сделаю, Госпожа Тень. — Нона поправила пояс под грубой рубашкой. Котел и Чайник уже тронулись.

Нона еще раз взглянула на Джулу и Рули, потом снова на монастырь, почти невидимый вдаль на краю Скалы. Глубоко вздохнув, она бросилась бежать, наступая Чайник на пятки.

Чайник повела их в следующее поле, где кукуруза росла по грудь, початки уже увядали. Бента свернула, чтобы присоединиться к Ноне, кукурузные стебли шептали свои жалобы позади нее. *Котел!* Нона еще не привыкла к монашескому имени Бенты. Она сделала мысленную пометку произносить имя правильно, когда они заговорят, затем погрузилась в свой бег и транс ясности, позволяя сельской местности впереди открыться ей и выкрикивать свои секреты.

Справа от них изгибались стены Истины. Кое-где древние блоки первоначальной стены были заменены песчаником, добытым с плато, и стена опускалась до пятидесяти футов в высоту, но в основном сооружение было тем, что простояло века — ровным семидесятифутовым барьером, достаточно широким, чтобы поддерживать боевой ход наверху с защитной стенкой для тех, кто по ней патрулировал.

Защитники стояли не слишком густо. Нона подумала, что большинство из них призвали присоединиться к битве на востоке, где городская стена ближе всего подходила к императорскому дворцу и Ковчегу в нем. Несмотря на это, головы стражников в шлемах усеивали верх стены через равные промежутки, и, без сомнения, резервы ждали, чтобы броситься на подкрепление, когда потребуется. Сестра Правило рассказала им, что Истина никогда не подвергалась нападению другого народа, но выдержала осады во время нескольких восстаний. Однако самое последнее из них произошло более ста двадцати лет назад. Достаточно времени, чтобы уроки, преподанные кровью, были забыты.

Нона тренировалась под наблюдением Яблоко на полях неподалеку от тех, через которые они сейчас двигались, но, наблюдая за продвижением Чайник, поняла, что ей еще многому предстоит научиться. Чайник была во всех частях империи, на обоих фронтах войны, ее жизнь зависела от скрытности больше раз, чем она могла вспомнить. Она провела их вокруг небольших групп скифроулцев, выискивающих слабые места вдоль стен, и мимо наблюдателей, спрятавшихся глубоко в поле, роце или коттедже. Некоторые из них были опытными разведчиками армии Скифроула, и даже тень-работниками марджал, но ни один из них не был погружен в тень так глубоко, как Чайник; их плетение тьмы посылало рябь, которую могла прочесть только она и никто другой, не считая ной-гуин. Нона знала, что Чайник будет докладывать об их положении Сестре Яблоко по их тень-узам.

— С холма Малдена нам будет хорошо видно, — сказала Бента.

Чайник покачала головой:

— Он будет покрыт скифроулцами. Рядом со Старыми конюшнями есть одинокая сосна. Мы посмотрим оттуда.

Она провела их четверть мили до сосны, пересекая поля, ныряя по проселкам, огибая горящие фермы. Нона никогда не видела более высокого дерева.

— Ты лезешь вверх, Сестра Клетка. — Чайник приподняла кольчугу, показывая, что не собирается лезть в доспехах. — Тень-работник, прячущийся в ветвях, твой. Мы возьмем тех, кто на земле.

Нона видела запасников Скифроула, спрятавшихся вокруг пустых конюшен. Тень-работник ускользнул от ее внимания.

— Как высоко?

— На самом верху. Должно быть, он маленький, раз забрался так высоко. Дай нам минуту, потом иди.

Чайник подняла обе руки, и тени собрались вокруг нее, как туман. Котел потянулась, поймала несколько теней и обернула их вокруг себя. Пара сплелась, не просто одетая в темноту, но лишенная цвета и отличия, так что глаз хотел скользнуть по ним без остановки. Мгновение спустя они обе уже плавно двигались к конюшням.

Нона молча считала. Криков она не ожидала. Досчитав до шестидесяти, она помчалась к дереву. Ровный бег без всякой попытки скрыться. Наблюдатель не выбрал бы такую высокую позицию, если бы хотел смотреть на землю вокруг ствола.

Подпрыгнув, Нона дотянулась до самой нижней ветки и начала подниматься, быстро карабкаясь по ветвям. По мере того как она взбиралась, ветви становились уже и ближе друг к другу, так что ей приходилось пробираться сквозь густые иголки. Маленькие ветки ломались вокруг нее, царапая обнаженную кожу и оставляя на ней липкий сок. Наблюдатель не обнаружит ее только в том случае, если покачивание сосны и скрип ее ветвей на усиливающемся ветру скроют шум, который производила Нона.

Еще выше, и ветки с иголками стали расти не так плотно, хотя теперь ей нужно было думать о том, куда поставить ногу, так как многие ветви дерева не выдержат ее вес. Нона остановилась футах в двадцати от вершины.

Неужели Скифроул поместил туда ребенка?

Оставалось очень мало места, где наблюдатель мог спрятаться, и, если она поднимется немного выше, то будет открыта для любого ножа или дротика, которые можно в нее бросить. Нона напрягла свои чувства, ее ясность кусала так сильно, что все ее тело покалывало. Она почувствовала каждый крошечный порез на своей коже и свет, скользкий по ее глазам, уши атаковали шум ветра и скрип дерева. Она узнала каждый рубчик коры под своими пальцами. И увидела вокруг себя медленный восходящий поток тени.

Нона ухватила за ствол, теперь такой узкий, что она могла обхватить его двумя ладонями. Сестра Яблоко сказала, что, когда Колесо вывела их из монастыря, они оставили милосердие позади. Тот, кто скрывался над ней, несомненно, имел множество ножей и игл, покрытых самыми ужасными ядами, и подниматься вертикально, чтобы напасть на хорошо подготовленного врага, никогда не было здоровой стратегией.

Она обхватила ногами ствол, вытянула руку, призвала клинки и замахнулась. Вся верхушка дерева упала. Наблюдатель издал короткий вопль, быстро затерявшийся в треске ломавшихся веток и закончившийся глухим ударом. Нона осталась на новой вершине сосны, откуда открывался прекрасный вид на орды, выстроившиеся на востоке.

Нона и представить себе не могла, что в Скифроуле так много людей, не говоря уже о том, что их королева сможет провести их через Грэмпейны и через сотни миль к порогу императора. Впервые за этот день ее охватил настоящий страх. Мастерство не могло одолеть такое количество. Красная Сестра могла срубить пятьдесят врагов только для того, чтобы найти еще пятьсот, бросающихся на нее. Глядя на простирающийся на восток океан человечества, Нона наконец-то поняла всю чудовищность угрозы. Этот прилив захлестнет Истину и не остановится, пока не достигнет моря Марн. Ее друзья, все послушницы, все монахини умрут. У них не было ни единого шанса. Ни единого.

Линия атаки лежала на востоке. Ряды боевых машин швыряли свои снаряды, осадные башни с грохотом продвигались вперед, наземные войска устремлялись к стенам; геранты,

несшие длинные лестницы и захват-крючья, выглядели достаточно огромными, чтобы перебросить крючья через крепостные валы.

Однако подавляющее большинство сил Адомы еще не вступило в бой, их стройные ряды выстроились перед акрами, отданными под их размещение и заключенными в грубые стены частокола. Возник второй город, на этот раз из палаток — бесконечное лоскутное одеяло из холста и шкур, испещренное разноцветными флагами. Нона видела признаки промышленности, дым из железных труб, где чинили оружие и доспехи, подковывали лошадей, точили мечи. Осадные машины, еще не вступившие в бой, громоздились, как гигантские звери, лежащие среди муравьиного роя пехотинцев. В других местах находились лошади, больше, чем она когда-либо видела; они кружили в своих загонах, целые стада, несмотря на то, что основная сила Скифроула вступала в бой на собственных ногах.

Ветер донес до нее зловоние, еще более сочное, чем от Истины, нечистоты людей и животных, десятков тысяч людей и животных или, возможно, сотен тысяч, вонь тысячи походных кухонь и тысячи отхожих мест.

То тут, то там среди скопления войск стояли величественные шатры, яркие цвета их тканей поражали чувства. Над ними на ветру трещали стяги.

Большинство шатров находились слишком далеко, чтобы их можно было хорошо разглядеть, но один шатер стоял всего в миле от них и едва ли за пределами досягаемости стрел из большого скорпиона, достаточно близко, чтобы Нона заметила его исключительное качество и замечательные размеры. В пятидесяти ярдах впереди стояла шеренга из шести больших катапулт с глиняными сосудами, наполненными легковоспламеняющейся жидкостью. С низким и гортанным звоном они бросали свой горящий груз за стены Истины, о разрушениях можно было только догадываться, дым извергался в небо.

Нона оглянулась на Колесо и ее группу, теперь уже затерявшуюся вдаль. Маленькие ворота, через которые Настоятельница Стекло когда-то вывела ее из города, стояли далеко от нее и очень близко к линии фронта, хотя пока можно было войти в них, не оказавшись частью сражения. Около пятидесяти человек городской стражи удерживали позиции перед воротами, а защитники толпились на стене высоко над ними. Это была самая восточная точка входа, через которую можно было проникнуть в город, не попав под бурю стрел. Вход там значительно сократил бы расстояние, которое нужно было преодолеть внутри стен, чтобы добраться до дворца. Нона еще раз оглядела нереальную панораму, хорошо знакомый ей пейзаж, ставший чужим из-за войны, и начала быстро спускаться.

— Для них это единственный путь. Иначе их просто окружат, собьют в толпу и вырежут у подножия стен. — Нона рассказала, что увидела.

Чайник кивнула:

— Как называются эти ворота?

Нона пожала плечами:

— Не знаю...

— «Малые врата», — сказала Бента.

— Вот и все. — Нона оглядела поля в поисках признаков приближающегося врага, затем посмотрела на Чайник. — Ты можешь сделать так, чтобы Яблоко поняла?

Чайник снова кивнула, сосредоточенно нахмутив брови. Ее тень-узы с Яблоко были исключительно сильными, и, находясь так близко к ней, она могла передать основную информацию.

— Готово.

— Мы должны присоединиться к ним. — Бента встретила взгляд Ноны своими тревожными голубыми глазами. Яблоко когда-то научила их варить особенно неприятный яд именно такого цвета, «фальшивый синий», как называла его Нона.

— Или... — Нона подняла руку, указывая на восток.

— Слишком опасно, — сказала Чайник.

— Сегодня день опасностей. Мы собираемся столкнуться со Скифроулом, тем способом или другим. Хотим ли мы, чтобы это случилось, когда они проломают городскую стену? Мы ждем у ворот императора и шеренга пикинеров продвигается вперед, в то время как стрелы сыплются дождем...? Или мы хотим действовать как Сестры Благоразумия, за их линией фронта, и бить по тому, что они предпочли бы сохранить в безопасности? Такой шатер не ставят для мелкого генерала или какого-нибудь принца. Я видела, как ты сделала это меньше месяца назад! — Нона наблюдала, через нить-связь с Чайник, как Серая Сестра убила командира пятисот скифроулцев в роскошном шатре, перерезав ему горло, пока он спал под мехами хулы. — Они нас не боятся! Они высокомерны и глупы. Мы могли бы нанести реальный ущерб. Это может быть сама Адома! Даже если мы умрем, мы продадим наши жизни за что-то стоящее, больше, чем мы могли бы достичь, убивая пехотинцев, когда они взбираются на стены.

— Это все еще слишком...

— Ты их не видела, Чайник. Словами эту армию не нарисуешь. Такие большие числа не имеют смысла. Они — океан, волна. Они перекачатся через стены и раздавят нас, и ничто из того, что у нас есть, не остановит их. Нам нужно отрезать голову. Нападайте на их предводителей там, где они наиболее уязвимы. Вот для чего нас тренировала Яблоко!

Чайник покачала головой и повернулась, чтобы уйти. Нона схватила ее за руку:

— Поднимись на дерево, а потом расскажи мне.

Чайник закатила глаза.

— Сестра Котел, не позволяйте ей делать глупости, пока я там. — И она исчезла, быстро взбираясь по сосне, несмотря на вес кольчужной рубашки.

— Вам следует научиться выполнять приказы, сестра. — Бента посмотрела на Нону, сузив глаза. — Сестра Чайник видела больше войн, чем любая из нас.

Чайник спрыгнула на землю прежде, чем, казалось, успела добраться до вершины. Она присоединилась к ним с побелевшим лицом.

— Давайте сделаем это.

Святой Класс

Настоящее Время

НОНА НЕ СМОГЛА понять ни слова из того, что говорилось на четырех уровнях охраны периметра, но Чайник оказалась достаточно убедительной, чтобы пройти. На последнем блок-посту она даже умудрилась заслужить шлепок по спине и несколько смешков. Во время этих встреч Бента в основном молчала, но вставила несколько непрошенных комментариев, поскольку молчание провоцирует вопросы. Бента говорила на языке империи с сильным акцентом, который преобладал в тени Грэмпейнов на стороне Скифроула... хотя Нона предполагала, что теперь обе стороны хребта были стороной Скифроула.

Со своей стороны Нона говорила на международном языке боли — стонала и держалась за бок окровавленными руками. Она достаточно часто страдала, чтобы знать, как это сыграть. О чем бы ее ни спросили, она собиралась только стонать. Ее письменный скифроульский был в зачаточном состоянии, разговорный — еще хуже.

Получив указания от какого-то младшего офицера, Чайник быстро повела их через фланги армии Скифроула. Нона ковыляла за ней, опираясь рукой на плечо Бенты и опустив голову, чтобы абсолютно черные глаза не привлекали внимания.

Запах этого места был невыносим. Дым от битвы у стен плыл назад, смешиваясь с дымом бесчисленных кухонь и общих костров, всепроникающей вонью отхожих мест, ароматом незнакомого тушеного мяса, булькающего в котлах, и тяжелым духом тесно сбившихся людей, тягловых лошадей, кавалерии, загнанного в загон скота и свиней, бродячих собак и палаточных трущоб, в которых жили женщины и торговцы, следующие за армией. Как будто огромный город вывели в поле, дали оружие и одели в доспехи.

Хотя Чайник старалась казаться беззаботной, Нона видела, что она замечает каждую деталь, и предательская морщинка между ее бровями означала, что она посылает Яблоко всю информацию, которую позволяли передать их тень-узы. Нона могла только догадываться, что в ответ отправляла Яблоко. Требовала ее возвращения? Умоляла? Даже угрожала? Или у Госпожи Тень хватило дисциплины не отвлекать Серую Сестру своими личными страхами, даже когда эта Серая Сестра была Чайник и миссия вполне могла быть такой, из которых не возвращаются?

Резко свернув за отхожую траншею, огороженную стеной из сплетенных веток, Чайник схватила пустой бочонок из-под воды и сунула его Ноне:

— Тебе уже лучше. Держи его над своими «ранами» и целеустремленно иди. Нам нужно проникнуть в этот шикарный шатер и, если это того стоит, убить того, кого мы там найдем.

Все еще находясь под случайными взглядами бесчисленных глаз, они обошли заднюю часть отхожего места, и Чайник повернула их путь на несколько градусов в сторону далекого шатра. По мере того как они продвигались вперед, Чайник, и Бента набирали ношу — груда одеял для Чайник, тяжелый моток веревки для Бенты. Яблоко всегда подчеркивала власть, которую простая ноша дает человеку, несущему ее.

В каждой точке, где их путь был перекрыт и они должны были отойти в сторону или обойти, Чайник уверенно шла так, что они выходили на курс, более точно направленный к

их цели. Нона заметила, что обе монахини также умудрились вылить весь свой запас смертьсусла в две отдельные общие бочки с водой. Если слегка едкий привкус останется незамеченным, первые жертвы начнут умирать не раньше, чем через несколько часов, и у них будет достаточно времени, чтобы присоединиться к ним в списке жертв.

— Это будет нелегко. Если там действительно есть кто-то важный, туда поставят охранников столь же хорошо обученных, как мы, — на ходу выдохнула Чайник, только для их ушей.

— Отвлечение? — пробормотала Бента.

— Обязано быть, — кивнула Чайник.

По периметру шатра выстроилась шеренга солдат с суровыми глазами, одетых в более яркую и менее рваную форму, чем у обычных. Чайник не подошла достаточно близко, чтобы не предупреждать их. Еще одна из максим Яблоко: *Делай только один верный шаг, никаких предварительных.*

— Катапульти? — Чайник обратился прямо к Ноне через их нить-связь. — Ты сможешь это сделать?

— Да. — Нона так и не овладела умением работать с огнем и могла только задувать свечи и заставлять фигуры плясать в пламени очага. Но эти большие глиняные горшки с горящим маслом... К ним она могла протянуть руку и прикоснуться своей камень-работой. Особенно так близко к Ковчегу с кровью, поющей под его дудку.

— Не слишком близко. Мы не хотим, чтобы шатер захватило. Иначе наши цели разбегутся.

Выход из шатра шел под множеством навесов, висевших между шестами, вырезанными из незнакомого Ноне темного дерева. Любой, кто появлялся из шатра, видел ряд катапульти, расположенных примерно в пятидесяти ярдах. Чайник вела их кружным путем, приближаясь к шатру сбоку. Когда они подошли ближе, она и Бента притянули к себе тени, едва заметное скопление, которое текло за ними и удерживало темноту в тумане, едва поднимавшемся над вытоптанной травой.

Нона остановилась и, сосредоточенно нахмурившись, уставилась на катапульти. Ряд оборонительных сооружений был выстроен перед большим лагерем против отдаленной возможности того, что армии императора Крустикэла могут выступить из-за стены. За этими рядами лежало несколько сот ярдов развороченной земли. Затем море вооруженных людей, которое волновалось вокруг основания стен Истины; они метали камни и стрелы, ожидая своей очереди у приставной лестницы или захват-крюка. Слева, раздражающе далеко от линии огня катапульти, первая из полудюжины огромных осадных башен только что встретила со стеной.

Нона потянулась своим камень-чувством к ощущению обожженной глины, ища округлость и полноту контейнеров. Катапульти метали через неравные интервалы, каждая стреляла по мере готовности, более быстрые экипажи медленно догоняли более медленные.

Внезапно она ощутила, что нашла свою цель — словно вспомнила имя, которое ускользало от нее. Как она могла когда-либо его не знать? Она выбрала горшок, который уже был поднят в метательную чашу катапульти с помощью веревочной сетки, погруженной в глину. Верхняя часть горшка была защищена от ветра пористым медным кожухом, фитиль внутри только что был зажжен. Пока Нона смотрела, человек, который работал рычагом, занял позицию. Мгновение спустя метательное плечо взметнулось вверх, скрученные шкуры с гортанным звоном ослабили напряжение. Плечо врезалось в стопорную балку, оторвав от

земли весь задний конец колесного каркаса. Горшок поплыл дальше, все еще поднимаясь.

Нона замедлила мир, стиснула зубы, сжала кулак, и горшок разлетелся вдребезги. Пылающее масло растеклось, замедлилось и упало на головы лучников, которые стреляли по стенам Истины.

Собравшиеся тени обвили ноги Ноны, вызвав в ней холодный темный трепет. В то время как все взгляды обратились к огню и крикам за линией катапульта, три монахини помчались вперед, быстрые и плохо видимые. Они пригнулись и прошли между двумя солдатами, охранявшими шатер.

Нона толкнула мужчину, стоявшего перед ними, со всей эмпатией марджал, которая у нее была: *ты нас не видел*.

Чайник прорезала колеблющуюся стену шатра, низко пригнулась, и все три в мгновение ока проскользнули на четвереньках внутрь.

Нона поняла их ошибку в тот момент, когда оказалась в шатре. Внутренность представляла собой единое пространство, освещавшееся движущимися разноцветными лучами — солнечный свет проникал сквозь стены. Земля была покрыта подстриженной травой. Пять фигур в пятнистых белых туниках мягкотелых стояли вокруг человека, сидевшего в центре на простом деревянном стуле. Мягкотелые были достаточно опасны сами по себе, ассасины, столь же смертоносные, как и ной-гуин, сведущие в своих боевых искусствах и своеобразных вариантах тень-работы. Однако внимание Ноны привлек мужчина в центре, еще до того, как она поднялась с колен. Черный бархат его мантии был испещрен сигилами, вышитыми серебряными и золотыми нитями. Дюжины сигилов. Такие деньги могли быть щедро потрачены на короля или королеву, но здесь, в этом пустом шатре, это означало только одно. Все это было ловушкой, рассчитанной на то, чтобы привлечь лучших ассасинов, которые были у врага. Этот человек явно был магом, ожидающим здесь, чтобы убедиться, что никто из тех, кого заманили сюда, не сбежит. Либо Скифроул научился за время долгого марша по Коридору не сигнализировать, где спят их боевые командиры, либо они были намеренно глупы, жертвуя предводителями, или, возможно, даже просто используя актеров для игры «заманить и подменить». Скифроулцы должны были знать, что лучшие из ассасинов империи нанесут удар в последние дни и часы, прежде чем они достигнут стен императора.

К их чести, Чайник и Бента плавно откатились в сторону, поднялись на ноги и выпустили шквал метательных звезд. К сожалению, отвлекающий маневр, позволивший им войти незамеченными, просто дал знать мягкотелым, что кто-то приближается. Каждый из них держал по паре боль-палочек, тонких железных стержней около двух футов длиной. Сигил на конце, активированный тень-работой, вызывал такую боль, что даже легкое прикосновение к обнаженной плоти заставляло жертву кричать на полу. Артефакт, который Туран Таксис называл Беда, был создан по тем же принципам.

Со скоростью хунска мягкотелые отражали град звездочек, особенно заботясь о том, чтобы защитить человека среди них. Маг поднялся на ноги. На вид ему было лет пятьдесят, седые волосы коротко подстрижены, тяжелый взгляд темных глаз. Татуировка доминировала на его лице, синие линии расходились от глаз. Что-то вроде цветка. И еще что-то вроде паука, раздвигающего лапы. Нона знала, что он квантал. Она не могла сказать, как поняла это, за исключением, возможно, того, что у него отсутствовали какие-либо уродства, характерные для многих марджалов, которые слишком глубоко погружаются в искусства стихий, или в те редкие и более странные искусства, которые иногда у них проявляются.

— Три! Три — это награда, достойная моих усилий.

Нона почувствовала, как мужчина ступил на Путь. Тяжесть его шагов сотрясла ткань мироздания. Он улыбнулся. Путь-маг, обладающий опытом десятилетий, готовился уничтожить трио Серых Сестер, которые, вероятно, пали бы от его мягкотелых, хотя и не без потерь. Даже если он и понял, что Нона — квантал, ему нечего было бояться, потому что носил броню из сигиллов высшего порядка. На ее взгляд, одежды, несомненно, были способна всосать энергию тридцать шагов по Пути. Скорее всего, они выдержат пятьдесят или даже больше. Нона никогда не приближалась к тридцати шагам. Она чуть не умерла, пытаясь завладеть тем, что взяла менее чем за двадцать шагов рядом с той пещерой, в которую за ней пришел Раймел Таксис.

Гнев, который ждал взорваться с той секунды, когда она поняла, что завела сестер в ловушку, теперь завладел Ноной, внутри нее произошел взрыв, на фоне которого вспышка масляной бомбы казалась бледной. Мгновение спустя, движимая тем же гневом, Нона бросилась бежать по Пути.

Так близко от Ковчега Нона увидела Путь с новой ясностью, обнаружив, что он широко раскинулся под ее ногами, хотя, на самом деле, он был не больше под ней, чем над ней. Путь был горной рекой, лавиной, молнией, одновременно, все это и многое другое, льющееся сквозь нее. Она заставила свой разум дать самое простое толкование тому, что лежало перед ней, и побежала по Пути так, как бежала много раз. С каждым шагом в ней нарастала безграничная энергия. Она почувствовала, как ярость дара начинает сжигать ее разум, начинает распутывать каждую ниточку ее существа.

Нона знала, что ей нужно найти своего врага, прежде чем он возьмет и сформирует свою силу и превратит ее в пепел. У нее не было никакой защиты. Даже если бы она смогла сделать достаточно шагов и собрать достаточно энергии, чтобы пересилить его одежды, — а она знала, что не сможет, — у нее не было времени. Маг сойдет с Пути и уничтожит ее прежде, чем это произойдет.

Сестра Сквородка научила Нону, что, когда квантал бежит по Пути, он находится не в каком-то одном месте, а, скорее, по всей его длине. Когда что-то не имеет ни конца, ни начала, оно также не имеет и середины, и вскоре ты начинаешь понимать, что, если нет способа определить, где ты находишься, то, во многих отношениях, ты находишься *повсюду*, вдоль всей его длины.

Это, сказала Сестра Сквородка, и есть ключ к тому, чтобы найти своего врага. Это просто требует понимания того, что нет другого места, где он мог бы быть, кроме как перед тобой.

Нона никогда не была уверена в этой логике и не могла утверждала, что понимает Путь, но она верила древней женщине, которая учила ее с таким терпением, и каким-то образом, здесь, на самом Пути, она поняла, что каждое слово было правдой.

Веры оказалось достаточно. Она увидела впереди мага Скифроула, идущего к ней по лучу извивающегося света, теперь ставшего таким же узким, как труба, по которой послушницы шли по меч-пути. Она видела скорее его идею, а не личность, выраврованную потоками энергии Пути.

Сестра Сквородка много рассказывала о состязаниях на Пути, но никогда не позволяла послушницам практиковаться, поскольку такие состязания почти всегда были фатальными для проигравшего. Спрыгнуть с Пути и овладеть тем, что ты взял, было достаточно трудно, но если тебя с него сбросили... Это делало задачу намного сложнее. Большинство кванталов

Путь-ходоков избегали таких дуэлей, потому что они часто оказывались смертельными не только для проигравшего, но для обоих. Сестра Сквородка сравнила это с борьбой на канате. Не так уж трудно заставить упасть противника, но самому не упасть вслед за ним почти невозможно.

Образ приближающегося Путь-мага, сформировавшийся у Ноны, сказал ей, что противник глубоко погрузился в медитацию, которую маги использовали, чтобы найти свою безмятежность, и продвигается осторожными шагами. Он шел по Пути так, как учила Сестра Сквородка, как и все кванталы, которых знала Нона. Сестра Сквородка за все свои годы не встречала другого человека, который бросался бы на Путь и мчался бы по нему с таким пренебрежением. Теперь Нона надеялась, что каким-то образом ее спасет скорость.

Нона бросилась вперед с той безрассудной поспешностью, с которой всегда выходила на Путь, обхватив себя растущей силой, как плащом. Маг увидел ее только в последнюю долю секунды, оторвав взгляд от изучения дороги перед собой, в его глазах застыли шок и ужас.

Последовал удар, тяжелый, как столкновение миров, и, одновременно, легкий, как мгновенный холодок от проходящего облака. Нона знала, что стоит на Пути и в то же время летит с него во все стороны, ее кости падают и горят. Падать или не падать. Выбор. Ее ровный бег сбросил мага с Пути, она вывалила половину своей энергии ему на колени и замедлилась, но отклонилась совсем не намного. Тем не менее, ее равновесие ускользало от нее с каждой долей секунды, и, так же как на монастырском меч-пути, она знала, что ошибка будет расти с каждым шагом, пока она не упадет. Она сделала еще два шага и, по собственному выбору, прыгнула с Пути.

Ее бег по Пути почти не занял времени. Чайник и Бента преодолели половину расстояния до первого из мягкотелых. Метательные звезды висели в воздухе между ними, лениво вращаясь. Нона увидела, что Путь-маг начал падать. Яркие разряды бело-голубой энергии вырвались из его кожи, лицо начало искажаться от ужаса.

Даже пока Нона изо всех сил пыталась овладеть энергией Пути, бушевавшей в ней, беспорядочные резонансы, пульсировавшие между ней и магом, подтвердили, что он не смог сделать то же самое. Сброшенный со страшной силой с Пути, он потерял равновесие, не в силах сдержать то, что взял. И хотя сгилы на его мантии, стоившей полгорода, были способны отразить самый сильный разряд силы, который могла бросить Нона, защита не могла спасти его от самого себя.

Нона впитала в себя все, что дал ей Путь. Ее кожа хотела покрыться волдырями и пузырями, ее кости хотели воспламениться. Она выкрикнула свое отрицание и бросилась на спину Чайник. Она опустила монахиню на пол в ярде от первого из мягкотелых. Легендарная бесстрастность мягкотелого дала трещину при виде того, как один враг сражается с другим. Бритые брови поднялись в мгновенном удивлении. Нона дрожала от едва сдерживаемой силы, бледно-фиолетовое пламя лизало ее кожу, а версии ее самой продолжали пытаться вырваться и пойти своим путем. Она втащила их всех обратно. От боли ей захотелось упасть в обморок, но было слишком жестоко позволить себе такое облегчение.

Со всхлипом Нона использовала рожденную Путем силу, чтобы бросить Чайник одной рукой, направив ее как кеглю так, чтобы сбить с ног Бенту, в то время как второй рукой она срубила первого мягкотелого, который пытался перехватить ее. Обе Серые сестры, кувыркаясь, полетели к стене шатра. Путь-маг уже сиял ярче дня, содрогаясь от силы,

которую не мог сдержать. Нона последовала за подругами, ее ноги оставляли глубокие борозды в земле, пока она пыталась ускориться. Боль-палочка хлестнула по ней, но невидимая броня Пути отразила удар.

Взрыв позади Ноны раздался в тот самый момент, когда она приземлилась на своих сестер, все еще лежащих на траве. Она раскинула руки, когда ударная волна прокатилась над головой. Свет, более белый и интенсивный, чем солнечный, осветил материал стен шатра, когда ударная волна разорвала их на странные геометрические узоры. Мгновение они висели там, а в следующее исчезли. Взрыв, рассеявший Путь-мага, превратил периметр охраны снаружи шатра в красный туман, а затем выстрелил этим туманом в окружающую его армию, которая упала, как кукуруза перед косой, на пятьдесят ярдов со всех сторон. Мгновением спустя склады масла взлетели на воздух с громким *уф*, огненная буря закружилась в небе вокруг катапульта.

Вокруг них лежала выжженная и дымящаяся земля, единственная зелень осталась там, где лежала Нона, закованная в броню энергии Пути. Она оплакала потерю мантии Путь-мага. Если бы он вывернул ее наизнанку, то та могла бы уцелеть. Со стоном она скатилась с Чайник, которая, в свою очередь, скатилась с Бенты. Энергия Пути все еще горела в ней, требуя освобождения.

Они лежали почти в середине круга уничтожения. Нона никогда не видела, чтобы кто-то шел по Пути и не сумел овладеть тем, что взял. Она больше никогда не хотела это видеть.

Она обрела дар речи.

— Возвращайтесь к остальным. — Неразбериха скроет их побег.

Не дав ни одной женщине возможности ответить, Нона вскочила на ноги и ровными шагами помчалась к отряду Скифроула, скопившемуся у основания огромной стены Истины. За последние три года интенсивного обучения под руководством Сестры Сквородка, Нона научилась всем всевозможным способам формировать и овладевать силой, которой Путь заполнял ее. Она все еще не могла пройти по Пути дважды за два дня без огромного риска, и поэтому стремилась использовать с пользой то, что у нее было сейчас.

Скорость, которую дал ей Путь, была подобна стремительности, которую крутой склон придает бегущим ногам. Сначала это просто бег без усилий, намного более быстрый, чем тот, на который ты способна. А потом он будет похож на полет, твои ноги будут бить по земле с такой же скоростью, с какой твои пальцы могут барабанить по столу. И почти сразу же после этого ты поймешь, что у тебя нет контроля, ты вот-вот упадешь, и это будет больно. Очень больно.

Нона вырвалась из глазающей орды прежде, чем кто-либо из них смог оторвать свое внимание от кровавой бойни, произошедшей в шатре. Она пересекла половину открытой площадки перед стенами прежде, чем первая стрела пронеслась мимо ее уха.

Она врзалась в спины солдат, сгрудившихся у основания ближайшей осадной башни, и сломала несколько из них, прежде чем их тела остановили ее страшный импульс. Дюжина стрел ударила вокруг нее, убив еще нескольких солдат. Тогда она начала петлять, все еще цепляясь за силу Пути, отказываясь потратить ее на один славный акт разрушения.

Солдаты перед ней понятия не имели, что среди них есть враг. Все без исключения были сосредоточены только на том, чтобы попасть в осадную башню до того, как их найдет стрела или камень с огромной стены, нависшей над ними. Нона плечом отталкивала мужчин и женщин в доспехах, словно маленьких детей. Осадная башня воняла живицей, сочащимся из ее сырых бревен, необработанными шкурами, прибитыми к стенам, и страхом тех, кто

взбирался на нее. Огромные колеса сейчас неподвижно стояли по обе стороны сооружения, которое плотно прижималось к стене Истины.

Нона ворвалась внутрь и побежала вверх по ребристому деревянному пандусу, который образовывал квадратную спираль внутри башни. Куда бы она ни ступила, везде оставался светящийся след, выжженный в древесине и запечатлевший ее проход. Вместо того, чтобы исчезнуть, каждый след становился все ярче и ярче, пока на шестом ее шаге первый из отпечатков ног не взорвался; достаточно мощный взрыв разорвал стены башни, превратив их в облако расколотых досок и разорванных шкур. Цепь взрывов погнала Нону вверх по башне, разрывая на части солдат, которых она оставила позади себя, и поджигая главные балки.

К тому времени, как Нона прорвалась через занавес из цепей, закрывавший дверной проем прямо под крышей башни, та начала рушиться. Нона пробежала по платформе, которая вела к зубчатой стене, и, со скоростью хунска, проскользнула через линию защиты. На дальнем краю она зацепилась за каменную кладку и соскользнула вниз по внутренней стене в ливне искр, приручая спуск дефект-клинками.

Она оказалась среди толпы испуганных защитников, которые мгновение назад бегали по разным поручениям, боролись с огнем, укрепляли слабые места или подносили к стене стрелы или камни.

— Я — Невеста Предка! — Двое мужчин нацелили на нее копья, и Нона подняла руки.
— Я здесь, чтобы помочь.

Три года назад

Спасение

— ТЫ ШПИОНИЛА ЗА мной?

— Я шпионила за всеми вами. За сестрой императора, за Красными и Серыми Сестрами, за Церковью Предка. — Зоул выглядела настолько непреклонной, насколько это вообще возможно для человека.

— Зачем? — Нона не смогла придумать другого вопроса.

Вперед шагнул Таркакс:

— Коридор вмещает миллионы людей. Что будет, когда упадет луна?

— Коридор закроется, и мы все умрем, — сказала Нона.

— Большинство, — кивнул Таркакс. — Но даже если только один из десяти доберется до льда, и если только один из ста из этих достигнет горячих морей, которые поддерживают нас... Их будет больше, чем людей в племенах.

Нона моргнула и обнаружила, что на ее ресницах начал образовываться иней. Она знала, что лед-племена немногочисленны, особенно те, что проводят время в глубоких льдах, а не охотятся на зверей, обитающих в прибрежных морях и на окраинах Коридора. Ей никогда не приходило в голову, *как* мало их может быть:

— И какой-же у тебя план?

Таркакс пожал плечами:

— Быть подготовленным и предупрежденным — это план сам по себе. Но среди нас есть те, кто считает, что Коридор можно спасти, по крайней мере, на какое-то время. Возможно, на несколько столетий. Зоул собирала информацию. Здесь нет никакого предательства. Мы хотим помочь вам и тем самым помочь самим себе.

— Как? — Нона прищурилась, глядя на воина. Долгие годы она представляла его странствующим наемником. Потребовалось усилие воображения, чтобы превратить его в дядю Зоул, присматривающего за племянницей и надеющегося спасти все народы Абета.

— Ну, в этом-то и вся сложность. — Он криво улыбнулся. — Мы послали Зоул не только следить за вами.

— Вы послали меня потому, что мне нужно было узнать больше, чем могут научить говорящие со льдом, — сказала Зоул.

— Да. — Таркакс кивнул. — Ты, наверное, заметила, Нона, что дочь моего брата — исключительный ребенок. Наше племя имеет доступ к двум Старым Камням, и среди наших людей никогда не было никого, кто держал бы их в руках и после этого был полностью очищен. До Зоул. И все же она не вознеслась. Говорящие со льдом утверждают, что требуются четыре Старых Камня, настроенных на каждую кровь, чтобы выковать ее полностью. — Он взглянул на ладонь, которую только что развернула Зоул. В укусе ветра ее плоть казалась бледнее, чем Нона когда-либо видела, но на ладони расплылось алое пятно, как масло на воде. — А теперь она подставила себя третьему.

Нона вздрогнула, и не только от холода:

— И если Зоул «вознесется», что с того? Заставит ли это лед перестать приближаться к

нам?

— Нас также интересует Ковчег твоего императора, Нона.

— Потому что он может управлять Луной? — Нона покачала головой. — Ты думаешь, что Зоул сможет его открыть? Но, конечно, пророчество Аргаты было просто чепухой, придуманной местными политиками, чтобы увлечь людей.

— Ковчег *может* направлять Луну. — Таркакс оглянулся на своих товарищей, как будто их тоже нужно было убеждать.

— Если это действительно так, то почему император, его отец, и мать его отца до него, все они запретили книги, в которых говорится об этом, и сделали преступниками любого, кто пытается найти путь? Если корабль-сердца были ключом к Ковчегу, почему они все еще лежат разбросанными? Разве поколения императоров не пытались бы привести их в Истину? Шерзал и Адома, кажется, думают, что это правда, но это ничего не значит. И, вряд ли, они действительно в это верят.

— Твои императоры сотни лет пытались открыть свой Ковчег разными способами, Нона. Но знаешь ли ты самое важное, что они обнаружили?

Нона молчала и ждала, когда Таркакс сам ответит на свой вопрос.

— Они обнаружили, что, когда у тебя есть сокровище неисчислимой ценности и потенциала, иметь его закрытым для себя и неиспользованным — не самое худшее, что может случиться. Намного более опасная ситуация: кто-то другой найдет — или даже просто поверит, что нашел — способ открыть Ковчег и использовать его. Такие люди наберутся сил и попытаются отобрать у тебя это сокровище.

Нона нахмурилась. Зоул снова обхватила ее руку и стояла молча.

— Итак... что вы собираетесь делать теперь?

— Мы отправим тебя домой, Нона. — Таркакс усмехнулся, затем поднял маску из тюленьей шкуры, хотя ветер усилился. — Есть два чуда, которые позволят это. Первое чудо — изделие Пропавших. Второе чудо заключается в том, что до него можно добраться за один день.

НОНА ТАЩИЛАСЬ В хвосте группы, ее мысли лихорадочно метались. Зоул шла рядом.

— Ты шпионила за нами? Сладкое Милосердие приняло тебя! Настоятельница взяла под свою защиту!

— Разве Таркакс не принял тебя и не взял тебя под защиту? — спросила Зоул. — Разве ты не собираешь всю возможную информацию и не готовишься поделиться ею с Настоятельницей Стекло по возвращении? Разве монастырь существует не для того, чтобы обучать шпионов?

Нона открыла рот, потом закрыла его. После этого они молча шли несколько часов. Нона наблюдала за другими лед-жителями, тащившимися с опущенными головами по обе стороны от них — тремя мужчинами, двумя женщинами и Таркаксом. Все они были настолько закутаны в шкуры и меха, что напоминали огромных лесных медведей. Двое из них тащили за собой длинные, тяжело нагруженные сани, скользившие на деревянных полозьях. Нона спросила себя, из чего племена глубоких льдов, за тысячи миль от Коридора, строят свои сани. Возможно, из костей левиафанов, извлеченных из моря.

— Куда мы идем? — На самом деле Ноне очень хотелось спросить, не пришли ли они. Ноги были ей незнакомы, и она спросила себя, не придется ли отрезать пальцы, когда они оттают.

— Туда, откуда течет черный лед, — сказала Зоул.

— Почему? — Ноне очень хотелось сказать, что она не хочет туда идти и что она предпочла бы карабкаться по Грэмпейнам гольшом на лед-ветру.

— Потому что в этом месте похоронено чудо.

Нона могла бы спросить, что это за чудо, но сейчас незнание тащило ее дальше; иначе, она чувствовала, ноги просто откажутся от своего долга и оставят задачу добираться туда рукам.

Только с наступлением темноты они добрались до длинной темной полосы во льду и пошли по ней туда, где она становилась все темнее пока, наконец, стала совсем черной, а потом внезапно снова превратилась в белую. Уже пересекая горы, Нона видела это пятно и знала, что оно похоже на огромную слезу, длинный хвост которой тянется к стене Коридора в милях к северу от них.

Когда свет погас, их повела Зоул, темнота была ничто для ее глаз. Она остановила их в том месте, где снизу все еще шептала злоба:

— Мы с тобой пойдем одни, Нона. Мы должны действовать быстро.

Таркакс и остальные сгрудились как можно ближе к корабль-сердцу и образовали барьер против ветра. Таркакс опустил заледеневшую маску, обнажив ухмылку.

— Будь сильной, племянница. И ты тоже, Нона Грей. Будь жестокой и верной, как я. — Он ударил себя в грудь кулаком в перчатке. — Зоул — надежда нашего народа, но в тебе тоже есть героиня, девочка. Я ее видел.

Нона не могла не улыбнуться в ответ, хотя ее лицо болело от холода. Ей нравился Таркакс, несмотря на его хвастовство. Она кивнула и коротко поклонилась лед-жителям.

— Пусть ветер дует вам в спину. — Сестра Правила говорила, что это обычное благословение на льду.

— Ха! — Таркакс обнажил все зубы в широкой улыбке. — Приближается война, маленькая Нона. Войны всегда приближаются. Ты устроишь им ад! Запомни этот гнев. Она тебе понадобится! — С этими словами он закрыл лицо и пошел прочь, остальные последовали за ним.

Зоул и Нона молча смотрели им вслед, пока ветер стонал вокруг. Когда ледяной вихрь, наконец, поглотил Таркакса и его людей, лед действительно показался очень одиноким местом.

Нона повернулась и посмотрела на пустоту, в которую вела их дорога. Тут и там алая звезда отражалась от гладкого льда. Но впереди звезд не было, только всепоглощающее черное ничто.

— Если фокус начнется, пока мы будем там, внизу, мы обе утонем!

— Здесь нет никакого фокуса, Нона. Теперь мы в моем доме.

Зоул пошла в темноту. Мгновение спустя она вынула из рюкзака корабль-сердце, и Нона последовала за его чужим светом.

— Иди там, где я, — сказала Зоул. — Местами лед рыхлый.

Нона придвинулась ближе, стиснув зубы от невидимого холодного огня корабль-сердца. Она всегда представляла себе, что эти шгуки — пылающие источники тепла, и сейчас ей хотелось бы, чтобы это было правдой. На самом деле монастырские трубы несли сигилы там, где они проходили через хранилище корабль-сердца, и именно эти специально созданные сигилы преобразовывали сияние в нечто столь обыденное, как тепло. Если бы у нее хватило умения, Нона тут же нарисовала бы такие сигилы на своих башмаках.

Злоба, исходящая снизу, росла по мере того, как лед вокруг них темнел. Она достигала ее даже сквозь сияние корабль-сердца, и Нона знала, что эта злоба была гораздо более яростной, чем та, которую она испытывала раньше. Здесь был источник, место, где зло, которое Пропащие счистили с себя, чтобы обрести свою так называемую божественность, теперь сочилось обратно в мир.

— Здесь. — Зоул остановилась перед трещиной, тревожно похожей на ту, в которую она упала во время схватки с Йишт. — Мы спустимся здесь.

— А нам не надо закрепить веревку или что-нибудь в этом роде? — Нона видела, что спутники Таркакса несли железные шипы, молоты и длинные тонкие веревки из сплетенных сухожилий. — Мы должны были попросить...

— Их веревки недостаточно длинные. — Зоул вытащила из-под пальто моток веревки. — Как и моя.

— Если бы мы связали их вместе, у нас были бы сотни...

— Нам надо добраться до дна. Это больше двух миль.

— О... — Нона попыталась нащупать ножи и вспомнила, что оставила их подо льдом. — А для чего тогда веревка?

— Чтобы привязать тебя к моей спине. Это будет трудный спуск.

Как обычно, когда Зоул говорила «трудно», она имела в виду «невозможно». И, как обычно, ей это удалось. Нона вцепилась в спину Зоул, не видя ничего, кроме ее рук и мерцания там, где случайные трещины во льду возвращали частицу света корабль-сердца. Зоул закрепила свой рюкзак спереди, с корабль-сердцем внутри и клапаном, оставленным открытым, чтобы позволить свету вырываться наружу для Ноны. Несмотря на то, что она была привязана к Зоул, Нона мрачно цеплялась за нее. Она стала благодарна за веревку позже, после сотен ярдов спуска. Руки болели, а разум был слишком хрупок в такой близости от корабль-сердца, чтобы беспокоиться о том, отпустят руки или нет. Зоул неуклонно продвигалась вниз. Она обладала нечеловеческой силой и делала себе опоры изо льда, когда нуждалась в них.

Пока Зоул спускалась, Нона не слышала ничего, кроме звука собственного дыхания и треска льда, отвечающего потребностям лед-девушки. Каждый раз, когда Зоул отдыхала, становился слышен новый набор звуков. Постоянный стон, скрип, иногда громкий и почти металлический, иногда такой глубокий, что Нона чувствовала его только в груди. Медленная ледяная река, бесконечно текущая к Коридору.

— Здесь почти не капает.

— Да.

— Тогда откуда эта дыра?

— Внизу есть источник тепла. Чуть выше точки замерзания, но достаточно, чтобы держать этот путь открытым.

Зоул возобновила спуск. Шахта была не вертикальной, а наклонной, с потоком льда. Полдюжины раз они проходили мимо старых шахт, которые когда-то были вентиляционными отверстиями, но ледник затянул их слишком далеко, заставляя тепло создавать новый выход.

Время потеряло смысл: повторение украло его.

Когда Зоул, наконец, прыгнула на фут или около того и приземлилась на сырой камень, Нона вздрогнула от потрясения, словно очнувшись ото сна.

— Где мы?

— Здесь когда-то стоял храм Пропавших. — Зоул развязала веревку, привязывавшую к ней Нону. Нона пошатнулась, едва не споткнувшись на неровном полу, ее конечности не слушались, грудь болела.

Они спустились по стене низкой ледяной пещеры с голым каменным полом. Там, где камень поднимался, он оказывался испещренным параллельными линиями, ранами, выдолбленными медленным движением ледника.

Нона сделала еще несколько шагов назад, стремясь как можно дальше отойти от корабль-сердца.

— Держись ближе. — Зоул протянула руку, чтобы удержать ее. — Здесь много *клаулату*, и они сильны.

— Ну, и где же это чудо? — Нона огляделась и не увидела ничего, кроме темноты. Ненависть *клаулату* пронзила ее, древняя и голодная.

— Здесь, — сказала Зоул. — Где же еще оно может быть, как не под тем проходом, который проделало его тепло?

Нона обернулась и увидела, на что указывает Зоул. Огромное кольцо лежало там, где скала достигала дна. Оно было три ярда в поперечнике, периметр — фут в толщину и два фута в ширину. Плоская поверхность была испещрена сигилами, которых Нона никогда не видела. Их яростный потенциал кричал в ее глазах, искажая мир вокруг них.

Кольцо не лежало на земле. В некоторых местах Нона могла просунуть руку между необычным кристаллическим металлом и скальной породой под ним.

— Я думаю... — Нона шагнула ближе к артефакту, не в силах отвести взгляд, ее взгляд был прикован к сигилам. — Я видела это раньше?

— Не знаю. Ты бывала во дворце императора?

— Нет. — Конечно, она не бывала во дворце. Она была Ноной Грей. Крестьянским ребенком.

— Жаль. Если бы ты видела его, оно отметило бы тебя и помогло переместить тебя к нему. Вряд ли ты видела другое. Хотя говорящие со льдом утверждают, что Пропавшие вылепили тысячу двадцать четыре таких и поместили каждое из них в Ковчег.

Нона стояла теперь рядом с кольцом, протянув к нему руку, пальцы покалывало от желания прикоснуться к покрытому водяными бусинами металлу.

— А что оно делает?

— Оно приведет тебя к другому такому же кольцу. Как будто ты просто шагнула от одного к другому. — Зоул присоединилась к ней, и давление корабль-сердца снова заставило голоса болтать в глубинах собственной тьмы Ноны. — Шерзал показала мне рисунок еще одного такого кольца, которое стоит во дворце ее брата. Оно находится в Ковчеге, но не во внутреннем святилище.

— Ты хочешь, чтобы мы отправились во дворец Крустикэла? — Нона подняла брови при мысли о том, какой прием их ждет.

— Нет. — Зоул жестом пригласил Нону войти в круг. — Я хочу, чтобы туда отправилась *ты*.

— Но... я? Одна? — Нона покачала головой от такого безумия. — Ты *тоже* пойдешь.

— Нет.

— Но... что ты будешь делать здесь? — Нона махнула рукой в сторону пещеры. — Это безумие.

— Мне нужно сделать на льду кое-что. — Зоул встретила пристальный взгляд Ноны. На

ее лице, освещенном снизу фиолетовым светом, не было никаких эмоций.

— Кое-что? — Нона покачала головой. — Нет! Твое место в Сладком Милосердии с нами, твоими сестрами. Со мной.

— Я хотела бы отправиться с тобой, Нона Грей.

— Ну, тогда пошли!

— Я не могу. Я дала обещание.

Нона взяла Зоул за руку:

— Нарушь его. — Она шагнула в кольцо, потянув за руку Зоул, чтобы привести девушку с собой. Зоул сопротивлялась, упираясь ногой в кольцо снаружи.

— Не могу.

Нона отпустила руку Зоул и шагнула назад.

— Это не имеет значения! — Горький смех вырвался у нее. — Это не сработает. — Она снова рассмеялась, удивляясь самой себе, что вообще поверила в это. Кольцо, которое может выплюнуть человека за сотни миль от себя!

— Для этого нужна сила Старого Камня. — Зоул подняла корабль-сердце. — Ты должна взять его с собой.

— И оставить тебя в этом месте! На дне ямы глубиной в две мили? Теперь я знаю, что ты сумасшедшая. Корабль-сердце сломало твой разум.

— Ты должна сосредоточиться на расстоянии и направлении, в котором хочешь путешествовать, — продолжала Зоул, как будто Нона ничего не говорила. — Это в том направлении. — Она указала. — Иначе есть вероятность, что ты появишься из другого, более отдаленного кольца.

— Зоул! Пойдем со мной. Домой. — Голос Ноны застрял у нее в горле. Тяготы путешествия и постоянное пребывание в ловушке между разрывающей разум мощью корабль-сердца с одной стороны, и пытающейся вторгнуться злобой *клаулату* с другой, оставили ее слабой, переполненной разбитыми эмоциями.

— Я хочу, — тихо сказала Зоул.

— Кому ты пообещала? — Нона сделала еще один шаг назад. Идея расцвела в ее голове, повторенная голосами, которые были ее и все же не ее. — Йишт была там, чтобы украсть корабль-сердце... Она была из твоего племени! — Нона заметила сходство, когда увидела Зоул и Таркакса вместе с их спутниками, но она не понимала его смысла до этого момента. Все они выглядели одинаково. — Йишт была из твоего племени... Ни один из вас не работал на Шерзал. На самом деле. Вы обе работали на племя. Для того, чтобы открыть Ковчег любым способом! — Нона остановилась как вкопанная, склонила голову набок и уставилась на Зоул так, словно могла силой воли вырвать у нее правду. — Гесса? Гесса была ценой, которую стоит заплатить?

— Я никогда не собиралась...

Ужасное убеждение охватило Нону, и в этот момент ей было все равно, исходит ли оно от разума или от дьяволов Пропавших.

— Кто для тебя Йишт? Кузина? Старшая сестра? Мать...

— Я...

— Обещание кому удерживает тебя здесь? — Нона уже кричала. Какая темная клятва заставляет Зоул остаться в этом нечестивом месте и вскарабкаться по двум милям черного льда, чтобы начать поход в ужасную ледяную пустыню наверху? — Обещание кому?

— Я не могу сказать...

— Обещание кому, сестра? — Нона вложила в этот вопрос каждую унцию своего таланта марджал, чтобы заставить Зоул ответить, и это усилие было таким яростным, что даже заставило замолчать странные голоса в ее голове.

— Настоятельница Стекло. Я обещала Настоятельница Стекло.

И с этими словами Зоул бросила корабль-сердце в Нону, сильно, быстро, прямо и верно. Вокруг Ноны вспыхнул древний свет сигилов кольца. И Нона начала падать; хотя она цеплялась за мгновение, но не могла спастись.

Прошло меньше времени, чем нужно сердцу, чтобы ударить, и Нона споткнулась о свободно стоящее металлическое кольцо. Она шагнула в известняковую пещеру, и корабль-сердце выпало из руки, которой она защищалась от него. Со всех сторон воздух был наполнен разбитым текучим камнем, осколки которого лениво падали прочь, вырванные из кольца, которое они покрывали. И, впервые за целую вечность, Нона точно знала, где находится.

Святой Класс

Настоящее Время

ЗАЩИТНИКИ ЗА СТЕНОЙ Истины дали Ноне полную свободу действий, что, по мнению, было значительным упущением, так как она пришла со стороны Скифроула в форме врага, а стены собственного дворца императора находились всего в двухстах ярдах дальше. Наверно, она казалась такой почерневшей от дыма, грязной и забрызганной кровью, что другие уже не могли сказать, во что она одета. В общем хаосе у основания стены просто не пытаться кого-то убить оказалось достаточным, чтобы определить, что она не на стороне Скифроула.

Она пробиралась между ранеными, лежавшими в беспорядке в тени стены среди разбросанного оборудования. Там и тут стояли повозки, нагруженные всякой всячиной — от бочек с дегтем и связок стрел до пакетов с перевязочным материалом и бочонками с водой. Одна тележка был набита разрозненными частями древних доспехов, словно большие дома вывалили в нее все свои запасы, другая щеголяла дюжинами зеленых и золотых новых табардов для армии императора, неиспользованными, как будто кто-то ожидал рекрутировать новобранцев, в то время как убитые стрелами ветераны сыпались со стен или умирали, пронзенные сталью Скифроула.

— Я тебя знаю. — Молодой солдат наткнулся на нее, когда сержант вел его отряд к ближайшей лестнице в стене.

— Клетка! Из Калтесса! — Товарищ солдата остановился и уставился на нее. — Ты и есть она! У тебя ее глаза. Ты побила Денама...

Человек позади подтолкнул его вперед и колонна прошла мимо Ноны; все они глядели на нее, стараясь отвлечься от криков наверху и проносащихся мимо стрел.

Нона повернула к ближайшим зданиям. Город давным-давно потек, чтобы прижаться к границам, которые когда-то казались глупо и чрезмерно щедрыми. Дома великих и богатых стояли бок о бок, толпой, словно стремились захватить место недалеко от дома императора. Рядом, в тени городской стены, приютились все службы, которые деньги любят держать под рукой. Бани, конюшни, золотых и серебряных дел мастера, ювелиры, портные, портнихи и заведения, где знатный человек может просадить свои деньги в карты или кости, попробовать яды, которые странным образом искажают ум, купить компанию молодого партнера по постели или удовлетворить менее распространенные желания, запрещенные законами как государства, так и Церкви.

И все это горело.

Нона предположила, что Путь-маг, которого она убила, мог быть частью Кулака Адомы. Она все еще надеялась, что войны бой-королевы на другой границе удерживали Кулак на востоке. Мысль о том, что они могут быть здесь, среди орды, пугала ее так, как не могли напугать простые цифры. Она знала, что их роль состоит в том, чтобы брать крепости и города, бросающие вызов их королеве, а на западе по-настоящему сопротивлялась только Истина.

Если Кулак здесь, то его, вероятно, держат в резерве и ждут, не рухнут ли стены при

обычной осаде. Или ждут, когда достаточно много защитников соберутся в одном месте; тогда при ударе Кулака произойдет ужасная резня с максимальным результатом.

В течение короткого периода раздумий Нона увидела, как двое мужчин упали со стены, ударившись о бульжную мостовую так близко, что она почувствовала на лице теплые брызги их крови. Она быстро вышла из опасной зоны. Вокруг валялись трупы других жертв, павших после последней атаки стены, в том числе скифроулцев. Дальше, в еще не охваченных пламенем зданиях, были открыты двери для самых тяжело раненых. Когда перегруженные работой целители перевязывали раны и вправляли кости, раненые кричали так, что бросали вызов шуму со стен наверху.

Нона двинулась дальше, мимо раненых, припасов, капризного осла, запряженного в пустую повозку, мимо запасов, в переулок, ведущий между первыми зданиями.

Вонь обуглившейся плоти преследовала Нону, когда та шла к дворцу. Она направилась к шпилям императора, видневшимся даже над крышами особняков. На улице, в сотне ярдов от дворцовых стен, выстроилась шеренга угрюмых мужчин из элитной дворцовой гвардии; стража Крустикэла завернула Нону назад. Увидев подозрение в глазах их предводителя, пытавшегося разглядеть что-то сквозь грязь на ее тунике, она не стала спорить.

Нона собиралась воссоединиться с друзьями. Окутанные дымом улицы были гулко пусты. Повсюду лежали использованные стрелы, почему-то по одиночке, пламя лизало яблони в соседнем саду, где приземлился один из огненных горшков Скифроула. Все окна были закрыты ставнями, словно великие дома закрыли глаза на ужасы дня.

Нона погрузилась в транс безмятежности и стала искать направление. Нить-связи с Чайник и Рули тянули ее в разные стороны, но теперь они начали сходиться. Она последовала за ними, трусцой пробегая по широким улицам между особняками с заколоченными окнами. Она огибала блокированные и горящие дороги, стремясь присоединиться к Настоятельнице Колесо и отряду из монастыря.

У ворот одного из особняков с колоннадой лежало тело седовласой леди, марнский жемчуг из разорванного ожерелья был разбросан по каменным плитам. Из груди старухи торчала стрела. Ноне было трудно не поверить, что все это сон. Что это могучая и богатая Истина, не тронутая войной на протяжении многих поколений. Еще до наступления ночи воины Скифроула будут рыскать там, где накануне вечером прогуливалась знать. Всего несколько дней назад на этих самых улицах Нона встретила Лано Таксиса. Как бы она ни хотела, чтобы этот человек умер, она еще больше хотела, чтобы его солдаты защищали город. Не самое лучшее время для убийства их предводителя. И все же она надеялась, что Скифроул поймает его и предаст жестокой смерти.

Нона свернула на другую широкую, обсаженную деревьями аллею, где, если бы не клубящийся дым, все было бы нормально. Налетел порыв ветра, очищая воздух, и тут из ниоткуда появилась Настоятельница Колесо. Она держа посох высоко, как золотой маяк, и половина Сладкого Милосердия усердно шла за ней по пятам.

В хаосе обороны Настоятельница Колесо не нашла никого, кто обладал бы достаточным авторитетом и интересом, чтобы направить силы Сладкого Милосердия в какое-либо русло или найти для них цель. Однако, не собираясь сражаться вслепую, Колесо послало Чайник и Бенту на поиски любого отряда Скифроула, уже оказавшего внутри стен. Ноне она приказала принимать наблюдения Чайник, полученные через нить-связь.

Тем временем настоятельница собрала свою паству в саду, окруженном высокой стеной, где ни одна шальная стрела не найдет ни послушницу, ни монахиню, и устроила там свой

командный пункт. Нона быстро обняла Рули и Джулу, уклоняясь от их вопросов, и поспешно переделалась в старую одежду Красной Сестры, которую ей выдали, сбросив грязную одежду, снятую с мертвого скифроульца на Виноградной Лестнице. Чайник и Бента присоединились к группе, когда Нона закончила переодеваться. Легкость, с которой они вскарабкались на стену, подчеркивала тот факт, что убийцы Скифроула, почти наверняка, работали в городе. Яблоко протиснулась сквозь толпу послушниц и взяла Чайник в руки, не обращая внимания на неодобрение Колесо. На мгновение они крепко обнялись, а потом разошлись. Яблоко сдержала любые упреки за риск за плотно сжатыми и обеспокоенными губами.

— Сестра Чайник, Сестра Котел, доклад! — Пронзительный визг Настоятельниц Колесо потребовал их внимания.

Чайник заправила выбившуюся прядь рыжих волос обратно в головной убор Яблоко и поспешила к настоятельнице. Нона последовала за ней.

К ее чести, Настоятельница Колесо слушала в мрачном молчании и только хвалила их усилия. Через несколько минут Чайник и Бента снова отправились по приказу Колесо, на этот раз на разведку в поисках любого признака прорыва, где требовалось подкрепление. Нона должна была оставаться рядом и передавать Колесо то, что видела Чайник, несмотря на все протесты и заверения Ноны, что Яблоко может сделать это почти так же хорошо.

Нона стояла и смотрела глазами Чайник, одновременно описывая то, что видела та. Брешей еще не было, но в полудюжине мест битва на стенах постепенно проигрывалась.

— Главная угроза — осадные башни, — обратилась к собравшимся Сестра Сало, словно они стояли на песке Зала Меча. — Император, без сомнения, сосредоточил свои силы у Янтарных ворот, но вы должны были заметить, что даже там стоит слишком мало солдат и они не смогут долго противостоять потоку Скифроула вверх по этим башням.

— Мистическая Сестра могла бы превратить их в угли... Мы видели, на что способна Святая Сестра! — Колесо бросила одобрительный взгляд на Нону, одоблив ее усилия по дороге в город. — Хотя у нас здесь их очень мало.

Мистические Сестры, посвященные в сан в Сладком Милосердии, были отправлены — по приказу Колесо — в распоряжение Первосвященника Невиса и находились то ли на восточном фронте, то ли на западном. Выжил ли кто-нибудь из них, было неясно. Сестра Сквородка смогла подтвердить смерть трех самых могущественных из ее бывших учениц.

Взгляд Колеса скользнул по монахиням перед ней. Сестра Сквородка оглядывалась вокруг с несколько растерянной улыбкой, как будто думала, что они отправились в путешествие на седьмой день. Джоэли пригнулась, возможно, опасаясь, что может поймать стрелу даже здесь. Ее работа с нитями была замечательной, но она не смогла бы взорвать осадную башню. Нона уже прошла по Пути, и второй проход, даже если бы это было завтра, стал бы огромным риском. Колесо подозвала Шерил и Халуму, послушниц из Мистического Класса.

— Сестра Сквородка сказала мне, что вы, девочки, уже ходили по Пути...

Мимо поспешно прошел монах в алой рясе и с длинным мечом в руке.

— Серые Братья подожгли башни! — Он помчался дальше.

Нона поспешила на дорогу, чтобы посмотреть на стену, мимо послушниц, которые с опаской быстро заглядывали за угол улицы. Покатые, покрытые шкурами крыши пяти уцелевших осадных башен высывались из-за зубцов городской стены. Белый дым вырывался из-за цепных занавесов дверных проемов, выплескиваясь на подъемные мосты, опущенные на стены. Он кружился вокруг отчаявшихся солдат Скифроула, бросающихся в

атаку, потому что они больше боялись того, что находилось за ними, чем окровавленной стали тех, кто ждал впереди.

Нона прокричала свои наблюдения Сестре Яблоко и вернулась в укрытие рядом с ней и настоятельницей.

— Как смогли Серые поджечь такие вещи? И невидимыми? — Нона удивленно покачала головой.

— Такое сооружение? — Сестра Сало нахмурилась. — Поджечь тем, что может пронести человек, и пронести незаметно...

— Надеюсь, они ушли, — сказала Нона.

— Нет, — ответила Яблоко. — Они этого не сделали. Им пришлось проникнуть в Скифроул. У них было масло, спрятанное в бурдюках под одеждой. После чего, Предок, возьми их и люби, они, должно быть, подожгли масло внутри строения. Где-то у самого дна, но не слишком близко от входа.

Потребовалось полчаса, чтобы очистить стены от Скифроула. К тому времени осадные башни превратились в столбы пламени, которые начали рушиться сами по себе. Чайник доложила, что осаждающий Скифроул отступил, чтобы присоединиться к большей части орды, бросив свои лестницы и крюки перед стенами среди груды тел павших. Нона наблюдала за отступлением глазами Чайник, приглашенная войти, когда Серая Сестра заняла место на стенной башне.

— Смотри! — Рули потянула Нону за руку, отрывая от видений.

По широкой, мощной Королевской дороге, названной так во времена, предшествовавшие империи, приближаясь странная группа, одетая в одежды одного бледного цвета, но не двух одинаковых оттенков. Они двигались медленно, почти неохотно. Во главе их шел седовласый мужчина с молочно-белыми глазами и толстой кожей, покрытой старыми ожогами. Нона его знала.

— Рексус Дегон! — Главный Академик, который наблюдал за Ноной, когда Сестра Сквородка привела с собой ее, Гессу и Ару для соревнования в Академии. Рядом с ним шла женщина с длинными седыми волосами в почти белом халате. Похоже, они пришли прямо из здания Академии, прижавшегося к задним стенам императорского дворца. Многие из тех, кто следовал за ними, были не старше послушниц вокруг Ноны.

— Академики! — сказала Джула. — Я думала, их больше.

— Было, — ответила Яблоко.

— А теперь больше нет, — сказала Сестра Железо.

— С ними Мистические Сестры! — Нона заметила позади группы небесно-голубые рясы. Сестра Сквородка всегда носила обычное черное Святых, и голубые рясы были редкостью даже в Сладком Милосердии. Две Мистические Сестры, которых она не знала, и пара Мистических Братьев, похожих друг на друга, как близнецы. — Что они здесь делают?

Какой бы ответ ни последовал, он остался не услышанным, поскольку настойчивый рывок Чайник увел Нону прочь. Она снова стояла в шкуре Чайник, рядом с оборванными защитниками, ожидающими на стенной башне. С возвышения открывался вид на бесконечную орду Скифроула, выстроившуюся на садовых землях Истины, — уродливый шрам там, где когда-то колыхались поля, зеленые от прыг-кукурузы. Что-то приближалось. Нона не могла видеть, на что смотрит Чайник, только то, что огромное количество скифроуловцев двигалось, кружилось, толкалось.

— Они убираются с пути кого-то могущественного, — сказала Чайник.

Открылось свободное пространство, в котором находилась группа из примерно двух дюжин человек. Пламя взметнулось из ниоткуда, поднимаясь в воздух вокруг тех, кто приближался к стене, яркий огонь, разрываемый на части быстро вращающимися ветрами, которые, казалось, сосредоточились на вновь прибывших.

— Кулак Адомы! — Чайник подняла лук, который добыла, и запустила стрелу в сторону магов Скифроула.

Другие на стене последовали ее примеру, и вскоре взлетели десятки стрел. Ни одна из них, казалось, не достигла своей цели. Возможно, ветры свернули их с пути.

Когда Скифроул приблизился, Нона разглядела отдельных людей.

Группа из пяти человек, двое мужчин и три женщины, почти голые, танцевали у подножия поднимающейся огненной бури; еще трое в белых плащах приближались с поднятыми руками. Работники пламени и воздуха, плетущие защиту от стрел. Впереди всех шли трое грузных мужчин в бронзовых доспехах, пламя над головой отражалось на чешуе их кольчуг и смазанной жиром мускулатуре огромных рук. Камень-работники, возможно, чтобы валить стены. За ними еще две дюжины человек, одни высокие, другие низкие, одни старые, другие молодые, одетые во все виды одежды — кое-кто в ярких цветах, любимых их народом, другие в черных плащах; еще один в кожаных доспехах, украшенных серебряными пластинами. Последний, болезненно худой человек в старинных доспехах, покрытых красной эмалью, был их предводителем. Нона помнила его и многих других из воспоминаний, которыми делилась Чайник о своем пребывании при дворе Адомы. Одно только объединяло их среди всего этого многообразия. Сигилы. Даже на таком расстоянии они царапали мозг Ноны. Все они носили по крайней мере пару защитных сигиллов. Как у Путь-мага...

— Они все кванталы!

Нона осознала, что вернулась обратно, к настоятельнице, и говорила вслух.

— Скажи мне! — Нону трясла не Колесо. Сестра Сквородка держала ее за руку железной хваткой. — Что ты видела?

— Кулак Адомы, — сказала Нона. — Приближается Кулак Адомы.

Рексус Дегон и его союзники добрались до монастырского отряда.

Впереди, за стенами, буря скрутила дневной дым в странные узоры. Усиливающаяся буря обрушила остатки осадных башен, искры и угли наполнили воздух.

— Чайник мне показала. Приближается Кулак Адомы, — повторила Нона. Она не думала, что среди них будет так много кванталов. Одни марджалы чисто-кровки, специализирующимися на огне, воздухе и камне, могли в одиночку угрожать стенам, но с двумя дюжинами Путь-магов за спиной... Не было никаких шансов противостоять им. Говорили, что на далекой границе Скифроула с королевством Альд, Кулак Адомы разрушил огромные замки и опустошил армии. Однако в пределах империи их никто не видел, во всяком случае среди тех, кто выжил, чтобы рассказать об этом. Надежда на то, что они останутся на востоке, занятые войной с Альдом, оказалась тщетной. Теперь, когда она разбилась вдребезги, Нона поняла, как сильно она и многие другие цеплялись за нее.

— Ну, теперь уже поздно спасти стену. — Сестра Сквородка отпустила руку Ноны и зашаркала, чтобы перехватить академиков.

Нона последовала за ней, чтобы убедиться, что ни одна шальная стрела не найдет старуху, так как она, казалось, совершенно не замечала угрозы.

— Госпожа Путь. — Рексус Дегон одарил Сестру Сквородка низким поклоном. —

Прошу нас извинить. Долг зовет. Я уверен, что и вы почувствовали присутствие нашего врага за стенами. — Пока он говорил, Нона тоже это почувствовала. Вибрации, пульсирующие по всему нить-пространству. Дрожь в паутине. Шаги тех, кто шел по Пути. Много шагов, как будто по нему маршировала целая армия.

Сестра Сквородка не сделала ни малейшего движения, чтобы убраться с дороги старика.

— Нам действительно надо спешить. — Он выглядел так, словно был далеко не в восторге от такой перспективы. Нона не была уверена, как много этот человек видит своими слепыми глазами, но этого было достаточно, чтобы понять, что он предпочел бы оказаться где-нибудь в другом месте. — Долг зовет...

— Долг... — Сестра Сквородка протянула руку ладонью вверх, и на нее опустилась обугленная чешуйка. Другие падали со всех сторон, как черный дождь, некоторые все еще светились. — Слишком поздно спасать стену. — Черная чешуйка погасла в темноте ее ладони.

— Мы ее спасем! — Рексус оперся на посох и понизил голос: — Или умрем, пытаюсь.

— Я помню тебя маленьким мальчиком, Рексус. — Сквородка покачала головой. — У тебя были самые голубые глаза в мире. И у тебя всегда текло из носа. Ты должен остаться здесь со своими друзьями.

Рексус склонил голову.

— Жаль, что не могу, Госпожа Путь. Сила империи еще не полностью потрачена. Мои собратья-маги и я, может быть, и не славимся убийствами и кровавыми расправами, но создания Адомы обнаружат, что мы знаем несколько фокусов. А если нам придется продать наши жизни, цена будет дорогой, и, хотя наши враги сумеют увидеть то, что они купили, их будет гораздо меньше, чем они ожидают. А теперь прошу меня извинить, дорогая леди. — Он поднял свой посох и повернулся к собравшимся позади него. — Вперед!

— Подожди здесь. Я с этим разберусь. — Сестра Сквородка направилась к городской стене. Над ними клубились черные тучи, пронизанные огненными полосами. Защитники съежились, прячась за зубчатыми стенами.

— Чепуха! — Рексус поспешил догнать Сестру Сквородка. Академики последовали за ним, как и Мистические Братья. Только пара Святых Ведьм не двинулась с места.

— Подожди здесь.

Сестра Сквородка никогда не шевелила пальцами, когда работала с нитями. Она говорила, что это привычка, из которой вырастаешь. Как шевелить губами при чтении. Тем не менее, Нона увидела момент, когда она потянула за нить Главного Академика.

— Да! — Рексус повернулся к своим последователям с новой убежденностью. — Мы должны подождать здесь! — Он объявил об этом так, словно это был его план с самого начала. На шее у него бессильно поблескивал мендент, сигил, который должен был удержать его от подобных манипуляций, даже если этого не сделал его разум.

Сестра Сквородка направилась к стене, ее шаг был длиннее и увереннее, чем Нона видела за десять лет, проведенных в монастыре. Заходящее солнце отбрасывало перед ней тень старой женщины, но в умирающем багровом свете она уже не казалась старой.

— Сестра! — Нона догнала Сестру Сквородка, не отрывая взгляда от стены, ожидая стрел. — Я должна отвезти вас обратно. Здесь небезопасно. — Она потянулась к руке старухи, готовая нести ее, если понадобится.

— Останься. Все будет хорошо, дитя. — Сквородка пошла дальше.

— Да, будет. — Нона вдруг поняла: то, что Сквородка собирается идти у стене в одиночку, было прекрасной идеей. Она удивилась, почему не видела его раньше. Она стояла, озадаченная. Мгновение спустя Нона решила, что в этом плане есть небольшой изъян. Она пойдет с Сестрой Сквородка, хотя ей и велели остаться. Тогда все будет хорошо.

Сквородка заметил возвращение Ноны, подняв бровь, затем пожала плечами. Она указала на каменную кладку, возвышавшуюся перед ними:

— Ты видишь, куда упадут блоки?

— Что?

— Это написано прямо перед нами. Если ты посмотришь, как нити проходят через гранит, то увидишь, где он сломается. Увидеть, куда упадут куски, немного сложнее, Нина, но нити тянутся не только в прошлое, но и в будущее. Можете увидеть траектории и они будут... О! Здесь. Нет, чуть левее. — Она потянула Нону к определенному месту.

— Это Нона. И... — Остальная часть того, что должна была сказать Нона, утонула в треске, расколовшем мир, грохоте, глубоко, как черный лед, и крике, когда великая стена Истины начала рушиться внутрь. Взорвавшаяся часть стены была шириной в сотню ярдов и располагалась прямо перед ними.

Нона замедлила неуклонный марш времени до ползания. Огромные глыбы опускались по дугам гравитации, их вялое вращение разбрызгивало мелкие камни и осколки, плиты древней штукатурки рассекая воздух, другие взрывались, за ними по спирали вились пыльные следы.

Как и предсказала Сестра Сквородка, хотя вокруг нее и Ноны валялись блоки, размером с телегу, ничего, кроме нескольких камешков и двух осколков размером с кулак, не падало прямо на них. Эти Нона сумела отразить.

Еще до того, как удары перестали заставлять землю трястись под ногами Ноны, поднялось густое облако пыли. Минуту или около того они стояли слепыми, окруженные такой плотной пылью, что даже завывающий ветер не мог ее разогнать. Мир возвращался урывками, а затем, после одного особенно яростного порыва горячего ветра, воздух стал чистым. Нона и Сквородка стояли одни, обе покрытые серым.

Кулак Адомы появился из дыма, пробираясь через обломки. Сначала одинокая женщина в кожаном боевом костюме, затем двое мужчин, один в придворном наряде, другой в мантии, настолько претенциозной, что его можно было бы принять за уличного мага, если бы не сигилы, вышитые золотой нитью. Более дюжины других последовали за ними, а их вел тощий человек в красных доспехах. Кванталы шли впереди, марджалы работали своей магией сзади. Огненный ураган поднялся вокруг них, панцирь для защиты от стрел, Нона и Сквородка оказались внутри его периметра. Взгляды всего Кулака устремились на них — удивленные, насмешливые или пренебрежительные.

«Уличный маг» казался возмущенным.

— И это все, что император посылает, чтобы сразится с нами? Ребенок и старая карга? — Он говорил на языке империи с резкими ударениями, но достаточно ясно.

— Подождите! — Тощий человек в красном поднял руку в перчатке, когда несколько человек вокруг него попытались призвать свою силу. — Как это возможно? Путь-маг Сладкого Милосердия? Я слышал, что вы умерли!

— Не совсем, Йом Рала, не совсем. — Сквородка улыбнулась, но в ее улыбке была печаль.

Йом Рала. Теперь Нона вспомнила его имя и страх, который окрашивал голос Чайник.

когда она говорила о нем. У этого человека была убийственная репутация.

Йом Рала обратился к своим коллегам:

— Вы наверняка слышали о Сестре Сквородка. В Антральных войнах ее имя осмеливались произносить только шепотом. Она свергла Дарламара еще до того, как большинство из нас родилось, и Мага из Илона тоже. Когда пройдет достаточно времени и она войдет в историю, ее имя станет произноситься в числе самых знаменитых Путь-ходоков этой империи, наравне с именами Сестры Облако и Сестры Сова.

— Она выглядит так, словно не в состоянии дойти до своей могилы! — воскликнула молодая женщина в мантии, расшитой огненно-желтыми и оранжевыми сигилами.

Несколько молодых Путь-магов рассмеялись.

— Мы проявим уважение к Сестре Сквородка! — рявкнул Йом Рала. Он повторил свои слова на скифроульском, затем обратился к монахине более мягким тоном, его акцент был почти незаметен. — Я бы предложил дуэль, но, говорят, вы не всходили на Путь около двадцати лет.

Сестра Сквородка поклонилась магу Скифроула:

— Это правда, но я не могу драться с вами на дуэли.

Йом Рала склонил голову набок.

— Вы еще можете сделать несколько шагов? Поразительно в вашем возрасте, сестра. Но я не должен был ожидать меньшего. — Он взглянул на Нону. — Вы привели воина, который будет сражаться вместо вас?

— Нону? Она же маленькая девочка. Ей действительно пора бежать... — Сквородка жестом велела Ноне идти, и внезапно это показалось той действительно хорошей идеей. Но Нона все равно осталась. Сила внушения сдула ее волю, как ветер Коридора сдувает стрелка-семена, но что-то более сильное удержало Нону на месте. Раньше она не понимала, что любит эту старушку. Но сейчас поняла. И Нона Грей не могла уйти от этого, как не могла выйти из собственной собственной кожи.

Через широкую дыру в городской стене Нона могла видеть, как орда Адомы рванулась вперед. Десятки тысяч вооруженных для войны людей бежали во весь опор к пролому.

— Она просто сумасшедшая старая монахиня. — Один из старших магов подошел и встал рядом с Йомом. — Мягкотелые говорят, что она не всходила на Путь уже лет десять, а то и больше.

— И это правда, — сказала Сквородка. — Я не всходила на Путь с тех пор, как эта девочка рядом со мной была огоньком в глазах своего отца.

Йом с сожалением склонил голову и махнул вперед одному из своих огонь-ткачей:

— Убей ее, и дело с концом.

— Я не всходила на Путь двадцать лет, потому что за все это время ни разу не покидала его. — Сестра Сквородка снова взглянула на Нону. — Беги, дитя. Пожалуйста.

И Нона побежала, хотя и знала, что это неправильно, что она не должна бежать, что она должна остаться со своим учителем, даже когда глаза затуманились слезами... Она побежала. Это «пожалуйста» заставило ее уйти. Она побежала быстрее, чем когда-либо, быстрее, чем считала, что это возможно без Пути.

Она почувствовала шаг, который унес Сестру Сквородка с Пути. С Пути, по которому она шла каждый день и каждый час жизни Ноны. Нона и представить себе не могла, что это возможно. Она только знала, что даже Предок не мог обладать такой силой. Сестра Сквородка все это время ходила во славе, зная, что уход с Пути будет ее концом. Этот

единственный шаг с Пути послал ударные волны по всему миру. Послал волны, которые прокатятся по нить-пространству вокруг всего шара Абет. Не останется квантала, даже лед-квантала на краю какого-нибудь горячего моря возле полюса планеты, который не понял бы, что пал кто-то великий.

Нону спасло даже не расстояние, которое она смогла установить между собой и Сестрой Сквородка, но то, что, хотя Сквородка и не могла даже надеяться на то, что сможет совладать с энергией, которую Путь дал ей, она каким-то образом сумела придать направление выбросу силы.

Взрыв поднял Нону в воздух и бросил ее через всю улицу, почти к ногам настоятельницы и Главного Академика. Все они упали, как покошенные. Нона с трудом перевела дыхание и, несмотря на боль в боку, которым она ударилась о землю, поднялась одной из первых. Она посмотрела назад, туда, откуда пришла, на зияющую брешь и пожары, окаймлявшие ее. Дальше не было ничего, кроме огромной широкой траншеи, разорвавшей на ярды вглубь черную землю империи и дымящуюся по всей длине.

Святой Класс

ПОСЛЕ ВПЕЧАТЛЯЮЩЕЙ КОНЧИНЫ Сестры Сковородка Нона осознала три вещи. Во-первых, врыв полностью уничтожил Кулак Адомы — на земле, где они стояли, не осталось даже лоскута мантии с сигилом, а от многих тысяч атакующих пролом солдат остались только фрагменты обгоревших костей. Но, тем не менее, в орде остались десятки тысяч сильных и невредимых воинов, которые, вопреки всякому здравому смыслу, не умчались в панике на родину, а вновь наступали. Во-вторых, смерть Сестры Сковородка поразила ее, как нож между ребер. Нона подумала о засохшем цветке, выпавшем из спрятанной монахиней книги, и обнаружила, что у нее из глаз текут слезы. В-третьих, она поняла, что ни Джулы, ни Рули не было среди послушниц, собравшихся перед Настоятельницей Колесо.

— Где Джула? — Нона попыталась вытрясти ответ из Алаты. Отбросив дезориентированную Алату, она схватила Кетти, у которой из рассеченного лба текла кровь. — Где Рули?

— Я...

— Соберись! — Собственные чувства Ноны звенели, и не только от физической силы взрыва. Ее кровь все еще резонировала с высвобожденными энергиями. Возможно, сам Путь дрожал, как натянутая струна. Нона была потрясена до глубины души и чувствовала, что не в состоянии воспользоваться ни одним из даров, которыми наградило ее наследие квантала или марджала. — Кетти!

— Я... думала, они помогают им...

— Кто?

— Эта женщина и гвардейцы. — Кетти коснулась лба и с удивлением посмотрела на свои алые пальцы.

— Что за женщина? Что она сделала?

— Она помогла Рули подняться, — Кетти махнула рукой в сторону улицы. — Вон там. У ворот с резными львами. — Между Ноной и воротами стояла повозка, на которой ехали Сестра Сковородка и корабль-сердце. Одно колесо было сломано, железный ящик лежал рядом, на боку, на каменных плитах.

— И куда они делись?

— Я... — Растерянность затуманила глаза Кетти. — Я думаю, они пошли туда. Мужчины несли Джулу.

Настоятельница Колесо окликнула Нону по имени через стену сада. Передовые части орды Скифроула уже неслись через заполненную обгоревшими костями траншею, где всего несколько минут назад погибли их братья и сестры. Сестра Железо и Сестра Сало бежали вперед, к пролomu, солдаты выходили из боковых улиц, чтобы поддержать их. Заходящее солнце отбрасывало их тени на врага и окрашивало всю их сталь кровью. На ближайшей лестнице городской стены защитники выстроились в очередь, чтобы спуститься и присоединиться к обороне.

От основной группы прибежала Мэлли:

— Настоятельница хочет, чтобы ты принесла корабль-сердце, Нона... Я имею в виду,

Сестра Клетка.

Нона проигнорировала ее, взяла лицо Кетти в ладони и повернула к себе. Когда-то Кетти была намного выше ее. Теперь той пришлось поднять глаза.

— Сосредоточься! Мужчины, во что они были одеты?

— Алый. Униформа гвардейцев.

Нона отпустила ее. Кетти вытерла кровь с руки и направилась к остальным послушницам, окружившим настоятельницу.

— И серебро! — крикнула она через плечо, прежде чем вытащить меч из ножен.

— Корабль-сердце, Нона! — указала Мэлли, не желая подходить к упавшему ящику.

Алый и серебристый. Цвета Шерзал. Мужчины, которые поймали Нону в лесу Реллам, недалеко от ее деревни, мужчины, которые отправили ее по длинной дороге к тому месту, где она сейчас стояла; под грязью и кровью эти мужчины тоже носили цвета Шерзал.

— Гвардейцы Шерзал забрали Джулу! — Нона попыталась открыть нить-связь, которую она выковала с Рули, используя общность их крови марджал. Тут же оглушительное эхо последнего действия Сестры Сквородка заполнило ее череп, и она согнулась пополам, прижав обе руки к голове.

— Ты... ты в порядке, Нона? — Мэлли, рядом с ней.

Нона посмотрела в сторону пролома, где передовые силы Скифроула были уже в длинной тени стен. Настоятельница Колесо вела одноклассниц и учительниц Ноны к этому пролому. Людей, которые были жизнью Ноны с раннего детства. Перед ними лежала только разорванная земля, разбитый камень и верная смерть. Силы Скифроула были неисчислимы, их невозможно было остановить. Позади группы она увидела Кетти. Алата и Лини шли бок о бок, готовые умереть так же, как жили, вместе. Генна, выглядевшая невысокой рядом с Сестрой Дуб. Новый укол печали пронзил Нону. Она увидела печальную улыбку Сестры Сквородка. Никто из них не хотел умирать. Даже Сквородка, у которой за плечами было сто лет. Но, по крайней мере, они умрут вместе, сражаясь.

Выругавшись, Нона повернулась к ним спиной и убежала от Мэлли к шпильям императора. Проходя мимо разбитой повозки, она подхватила ящик с корабль-сердцем.

Аура корабль-сердца ударила по Ноне, разрывая корни ее личности, стремясь изменить ее. Она терпела его две улицы, а потом перебросила ящик через высокую садовую ограду. За садом располагался особняк, а за ним — открытая площадь, простиравшаяся до самых ворот Крустикэла. Ее будет ждать кольцо имперских гвардейцев, которые один раз уже прогнали ее. Она взобралась на стену и спрыгнула рядом с ящиком, прежде чем отойти и присесть на корточки у ствола вяза. Сумерки заполнили сад, и на мгновение битва показалась далекой, уже наполовину сном.

Нона пробормотала свое стихотворение.

— *Она падет, она падет, луна, луна...* — и погрузилась в прохладную даль транса безмятежности. — Рули... — Она открыла нить-связь своей подруги.

— О, слава Предку! — Рули оторвалась от созерцания узорчатого пола, который видела одним глазом.

— Что? — прошипела Джула. — Что?

Рядом, перед парой высоких бронзовых дверей, с полдюжины стражников Шерзал стояли напряженные и готовые к бою, пока их капитан вел горячий разговор с тремя мужчинами в зеленых с золотом императорских мундирах, преградившими ему путь.

Ничего, произнесла Нона внутри черепа Рули.

— Это... ничего, — сказала Рули. — Я только что вспомнила, что за нами присматривает друг. — Она попыталась открыть второй глаз, но он так и остался заплывшим и закрытым.

— Друг? — Джула взглянула на ближайшего гвардейца. — Что ты... О! — Она закрыла рот и крепко сжала губы.

Я иду за вами обоими. Только обязательно покажи мне все. Нона могла бы углубить связь и направить взгляд Рули туда, куда она хотела, но она чувствовала тревогу подруги. Еще немного глубже, и она потеряет контроль над тем, как много они разделяют через связь, а разделенный страх не принесет никакой пользы ни одной из них. У них обеих хватает своих.

Капитан гвардейцев, похоже, выиграл спор, потому что люди императора отступили назад и распахнули двери. Рули обнаружила, что ее грубо подняли на ноги, и Нона впервые осознала, что запястья подруги связаны за спиной.

Прежде чем войти в двери, Рули долго оглядывалась назад, туда, откуда они пришли. Широкий коридор, увешанный картинами и уставленный скульптурами, тянулся к далекой комнате, освещенной странным голубым светом.

— Пошевеливайся! — Гвардеец толкнул ее, и Рули, пошатываясь, ввалилась в другую комнату, на этот раз с куполообразным потолком, сквозь круглое окно высоко наверху виднелось темнеющее небо. Черные полосы пересекали пятно полуночной синевы, и, в отличие от коридора, опять запахло дымом.

Дворец Крустикэла оказался даже больше похож на лабиринт, чем замок Шерзал. Похоже, идея была показать величие императора миру, наткнув как можно больше бесконечных палат, зал, галерей, святилищам и проходов. Здоровый глаз Рули метался влево и вправо, подмечая детали. Место казалось почти пустынным; без сомнения, его снаружи охраняли стражники. Остальные обитатели, вероятно, жались друг к другу в каком-нибудь святилище, поскольку несчастье любит общество и поскольку в империи не осталось мест, куда могли бы сбежать люди высокого происхождения.

В конце концов, спустившись на три лестничных пролета, они пришли к железной двери, охраняемой двумя стражниками в алом и серебряном. За дверью находилась библиотека. Не похожая на те, грандиозные и эффектные, которые Нона мельком видела во время редких вылазок в дома богатых людей, но, скорее, напоминающая хранилище первосвященника или небольшую коллекцию в скриптории Сладкого Милосердия.

Среди пыльных коричневых и черных томов в кожаных переплетах, бриллианты Шерзал и ее серебристо-белое платье казались совершенно неуместными.

— Послушницы! — Она приветствовала их широкой сияющей улыбкой. Скифроул мог сколько угодно прорубать путь к дворцу, но Шерзал не пожалела времени, чтобы нанести румяна, покрасить губы алым и расчесать до блеска темно-рыжие локоны. — Рули... и... Джула. — Она указала на них по очереди длинным пальцем с острым ногтем. — Я рада, что вы смогли присоединиться к нам.

— Мы должны быть с нашей настоятельницей! — Голос Рули прозвучал как писк. Она углубила его и попыталась влить немного негодования. — Скифроул прорвался через городскую стену.

— Да, да. Адома и ее скучная орда. — Шерзал повернулась и подошла к задней стене комнаты. — Вы, девочки, принесете гораздо больше пользы здесь, уверяю вас. И я не случайно решила встретиться с вами именно в библиотеке...

Она отодвинула в сторону две стопки книг, позволив им упасть на пол. Снова открылась железная дверь, и вошла молодая женщина, одетая в серую тунику и черную кольчужную рубашку, очень изящную. Женщина окинула послушниц темными глазами над высокими скулами.

— Сафира... — Узнавание просочилось из разума Ноны в губы Рули. В их головах всплыло воспоминание о женщине, которая несла Джулу после взрыва. Несколько дней назад она была в компании Лано Таксиса.

Сафира подняла бровь, глядя на Рули, затем повернулась к Шерзал:

— У меня есть код. Мне пришлось убить рыцаря-защитника.

— Не имеет значения. — Шерзал снова обратила внимание на ту часть стены, которая была раньше скрыта грудой книг. Она выхватила нож и принялась колотить каменные блоки. — Ну, где же ты прячешься? — Она пыхтела и попыталась всадить наконечник клинка чуть подале. Без предупреждения блок открылся и оказался каменной облицовкой на деревянной дверце шириной в фут и высотой в шесть дюймов. За дверцей находился набор из трех сверкающих стальных колес, вставленных в стальную пластину, помеченную цифрами.

— Десять, двадцать, четыре, — сказала Сафира.

Шерзал повернула каждое из колес в соответствии с названными ей числами.

Позади Рули раздался скрежет, и она резко обернулась. Прямоугольная часть того, что раньше казалось кафельным полом, теперь отодвигалась назад, открывая лестницу.

— Чудеса наших предков! — Шерзал восторженно захлопала в ладоши. — Но вы, девочки, конечно, все об этом знаете. — Она взяла один из фонарей с читального столика и начала спускаться еще до того, как пол полностью отодвинулся. — Пойдем! Быстро. Он снова соскользнет на вас, если будете медлить.

Стражники последовали за ними, Джула и Рули — между стражниками, Сафира замыкала шествие.

Лестница шла вниз по квадратной спирали, повороты появлялись один за другим. Глубина императорских подвалов показалась поразительной даже послушницам, жившим на Скалы Веры, вся толща которой была пронизана пещерами.

В конце концов они оказались в удивительно сухом помещении, совершенно не похожем на пещеру. Шерзал повернулась к ним лицом и подняла фонарь.

— Вам здесь понравится. — Она откашлялась. — Включить свет.

На потолке замерцали прямоугольники белого света. Другие появились вдоль двух коридоров, ведущих в противоположные стороны. Нона никогда не видела такого ровного и белого света. Он вызывал странные изменения в цвете тех предметов, на которые падал.

— Сюда! — Шерзал снова пошла вперед, ее платье развевалось при каждом длинном шаге.

Они миновали двери направо и налево, открывавшиеся в квадратные белые комнаты, гулко пустые, а иногда темные или освещенные мерцающими огнями. Время от времени Рули замечала что-то внутри. Предмет, накрытый полотном, — может быть, сундук или шкаф; кусок черного металла, продырявленный круглыми отверстиями, возможно, выбитый из какой-то более крупной конструкции; зубчатое колесо из металла, слишком оранжевого, чтобы быть золотым; масса проводов, выходящих из серебристо-серой сферы... они извивались, или это было трепетание света? Пока Рули изумлялась, Нона вспомнила о внутреннем святилище в Церкви Надежды на Белом озере. Что сказал проповедник Микэл?

Сис строят свои дома над лучшим из того, что осталось в Коридоре. Сами императоры построили свой дворец над Ковчегом и его силой привязали к себе Академию.

— Подождите. — Шерзал подняла руку и остановилась в секции коридора, которая ничем не отличалась от других. — Вам это тоже понравится, послушницы. Мой отец показал это мне и брату давным-давно... еще до рождения нашей сестры. — Она бросила перед собой нож. Тот дернулся в воздухе, превратившись в ливень ярких осколков, которые упали на землю перед одной из темных дверей. Разрушение сопровождалось удивительно музыкальным звоном. — Вам понравится меньше, если вы меня разочаруете. Это можно использовать более тонко, с очень неприятным эффектом. Ну... неприятным для того, кого потом будут отскребать от пола. Но на это очень интересно смотреть. — Она подошла к стене и постучала — быстрый, меняющийся стук. Панель отодвинулась, и она прижала палец к светящемуся диску внутри. — Теперь безопасно! — Тем не менее она жестом велела гвардейцам пройти перед ней.

Рули посмотрела налево, переступая через осколки ножа Шерзал. Темная комната, такая же справа. Как только ее глаза скользнули в сторону, вспышка света вызвала путаницу жестких линий и резких теней. Круг? Нона заставила подругу задержать взгляд еще на один удар сердца и, используя тень-работу, пронзить темноту взглядом. Большое кольцо, выше человеческого роста и прислоненное к задней стене?

Шерзал снова остановилась ярдах в десяти и подождала, пока они все пройдут, прежде чем постучать по такому же узору на стене. На секунду коридор позади них наполнился едва заметными линиями, как будто сотни стеклянных лезвий пересекли его. Через несколько мгновений они исчезли из виду.

— Эта ваша надоедливая подруга может сделать что-то подобное, не так ли? Но в те дни, когда наш народ построил Ковчег, мы знали, как строить простые механизмы, которые могли бы сделать не меньше! Наши предки могли взять несколько зубцов и шестеренок, связать их проводами и молниями и получить устройство, способное сделать все, что угодно!

Отголосок ненависти Ноны к этой женщине скривил губы Рули. Кто из них сжал ее руки в кулаки, никто не мог сказать.

Терпение, сказала Нона, обращаясь скорее к себе, чем к Рули. *Я найду вас.*

Шерзал снова взяла инициативу на себя. Через сотню ярдов коридор заканчивался белой дверью. Сафира присоединилась к сестре императора. Шерзал шагнула вперед, и дверь скользнула в сторону, открывая большую комнату с белыми стенами. По периметру стояли шесть белых дверей. Огромная круглая серебряная дверь была вделана в пол в центре комнаты, ее единственная петля была толще человеческой ноги. Вокруг нее стояли три гвардейца императора, их нагрудники были покрыты зеленой и золотой эмалью.

— Пожалуйста. — Шерзал кивнул в сторону Сафиры. — Ой, подожди! — Она повысила голос и повернулась к трем мужчинам. — Если, конечно, вы не захотите присоединиться ко мне и поклясться мне служить. Работать на меня гораздо приятнее, чем на моего брата.

Мужчины дружно обнажили мечи.

— Как хотите. — Шерзал жестом подозвала Сафиру. Четверо гвардейцев последовали за женщиной в центр зала.

Нона сморгнула видение, когда кровь начала брызгать. Сафира была не менее опасна, чем Чайник. Нона вернулась в свое тело, удивляясь тому, что стало так темно.

Нона собрала волю в кулак и призвала дефект-клинки. Даже в этом безмятежном саду, всего в двух шагах от стен императорского дворца, она слышала шум и грохот битвы на

улицах. Ее сестры уже должны были скрестить клинки с врагом. Она почувствовала настойчивый вопрос Чайник вдоль их нить-связи и закрыла его, покачав головой.

Железный ящик сдался перед ее клинками и корабль-сердце ной-гуин выкатилось на траву. Ни одна ее часть не хотела прикасаться к нему. Нона вспомнила Настоятельница Стекло, ее руку над пламенем свечи, плоть, тающую на костях, отказывающуюся отступить, несмотря на нечеловеческую боль.

— Проклятие. — Она протянула руку и взяла светящийся шар. Тотчас же холодный огонь пробежал по ее костям, в черепе зародился шепот. Прикасаться к корабль-сердцу было не больно. Скорее это заставляло вспомнить, как ей было больно.

Вместо того, чтобы лезть наверх при помощи одной руки, Нона хмуро уставилась на стену между собой и дворцом. С помощью корабль-сердца, усилившего ее камень-работу, кирпичи и раствор сдались в считанные мгновения. Она закружила поднявшуюся пыль вокруг себя, и та повисла сзади, словно крылья дракона. Единственным подходящим ключом ко дворцу остался театр, если она не собирается пробивать себе дорогу, убивая всех подряд.

Кольцо гвардейцев Крустикэла сжалось настолько, что их спины буквально уперлись в стену. Высоко над ними на зубчатых стенах плясал свет горящего города. Дворец, хотя и укрепленный, далеко не являлся крепостью. Его защитой были городские стены и войска императора. Когда на него нападет Скифроул, им не потребуется много времени, чтобы проникнуть внутрь.

Полдюжины охранников вышли вперед со своих позиций, еще больше начали наступать с обеих сторон. Офицер, герант ростом не менее восьми футов, нацелила копьё на приближающуюся Нону. Мерцающий наконечник копья задрожал, когда края ауры корабль-сердца поселили ужас в сознании женщины.

— Ты можешь остановиться там, где стоишь, или умереть, сделав шаг вперед! — Пот выступил на темном лбу женщины, но долг удержал ее на месте. Ее подчиненные, однако, отступили на несколько шагов.

— Я — Сестра Клетка, а это — корабль-сердце. — Голос Ноны, усиленный ветер-работой, разнесся по всей улице, перекрывая звуки пока еще невидимой битвы. — Оно принадлежит императору Крустикэлу, и Предок велел мне принести его из монастыря Сладкого Милосердия, чтобы помочь императору. — Она надавила всей своей эмпатией марджал, желая, чтобы они приняли ее слово, и сделала еще один шаг вперед. — Кто-нибудь из вас возьмет у меня эту ношу и передаст императору вместо меня? — Она протянула корабль-сердце гвардейцу, позволяя ветру донести звуки битвы до стен, делая их еще ближе.

Гвардеец-герант заскрежетала зубами и нахмурила брови, не поддаваясь внушению:

— Я не знаю вас, сестра. Я не могу пропустить вас без поручительства...

— Я ее знаю! — раздался крик со стен наверху. — А ты знаешь меня. Впусти ее, Керла!

Нона прищурилась, глядя на стены. Регол помахал ей рукой.

— Ты знаешь Регола? — спросила Нона.

— Все знают Регола. — Женщина с облегчением отступила назад. — Встреть ее у Двери ученых! — крикнула она Реголу. — Под твою ответственность! — Она указала толстым пальцем налево. — Маленькая дверь с каменными завитками над притолокой. Примерно в ста ярдах отсюда.

Новость разнеслась по рядам, и все стражники убрались с дороги Ноны. Она скорее шла, чем бежала, сосредоточившись на сопротивлении корабль-сердцу.

— ЧТО ЗА ЧЕРТОВЩИНА... — Челюсть Регола захлопнулась, и он попятился вместе гвардейцами за Дверь ученых. Он побледнел, когда корабль-сердце потянулось, чтобы исказить его разум.

— Ты должен держаться подальше, — сказала Нона.

— Спасибо за совет. — Регол прижался спиной к колонне и остался на месте. Через мгновение он нашел свою улыбку и выдавил ее на бледное лицо, покрытое капельками пота. — Не думаю, что у меня есть выбор. Черт возьми, чуть не обделался!

Дальше, среди колонн вестибюля, сгрудились пятеро гвардейцев с копьями наготове. Двое из них уже плакали. Ноне самой хотелось плакать. Или кричать, чтобы заглушить голоса, эхом отдающиеся в ее разрушенном сознании. Сила, которую давало ей корабль-сердце, была невероятной, но кожа уже покрылась мурашками, словно дюжина дьяволов следовала по ней своими отдельными путями.

— Как ты здесь оказался? — Вопрос вырвался у Ноны, несмотря на стиснутые зубы и срочность ее миссии. Ей было стыдно признаться самой себе, что за последние два дня она ни разу не подумала о Реголе. Если бы она это сделала, то ожидала бы найти его с бойцами Калтесса, а не во дворце. Все бойцы Партниса Рива, вероятно, были призваны на службу в отряд у Янтарных ворот. На мгновение образ Денама в полном вооружении мелькнул у нее в голове. Если кто-то и мог заставить Скифроул остановиться, так это десятифутовая груда мускулов и ненависти. — Почему ты не с остальными?

— Ты же меня знаешь. — Улыбка Регола исказилась. — Любимая игрушка Сис. Все хотели видеть меня в свою личную охрану. Мне пришлось выбирать, приглашение какой леди я хочу принять.

Еще до того, как он закончил говорить, Нона поняла, что больше вопросов задавать не будет. Она должна добраться до остальных:

— Голубая комната. Комната с голубым светом. Мне нужно попасть туда!

Регол нахмурился:

— Я ее знаю. Следуй за мной.

Нона последовала за ним ровным шагом, держа корабль-сердце в обеих руках, как можно дальше от себя. Его свет заражал освещение хрустальных ламп, висящих на золотых цепях, превращая каждый коридор во что-то потустороннее и заставляя заблудившихся слуг с криками возвращаться в комнаты, из которых они выглядывали. Она уставилась на удаляющуюся спину Регола и заставила себя идти за ней.

Он предает тебя с какой-то иллюхой Сис.

Голос в голове Ноны принадлежал ей, но не она говорила им.

То, что вы испытали вместе, было драгоценным, священным, святым.

Другой голос. Тоже ее. И тоже не ее.

Вырви его сердце!

Нона почувствовала, как ее клинки-дефекты ожили, и жидкая ярость заменила ее кровь. Ее глаза остановились на точке между лопатками Регола. Именно туда, как учила Сестра Сало, надо вонзать нож для лучшего эффекта. Она оторвала глаза от его спины. Взгляд на свои руки подтвердил ее опасения: обе были испачканы дьяволами ее собственного изготовления, извивающимися в сиянии корабль-сердца.

Она подавила испуганный смех. Чтобы пройти Дух-испытание Настоятельницы Колес и принять черный цвет Святой Сестры, каждая послушница должна была рассказать о тринадцати методах очищения от дьявола и дать подробный отчет о том, как именно жертва

должна быть предана смерти, и что именно надо сделать с ее трупом. Метод зависел от природы одержимости и от того, удалось ли изгнать дьявола из жертвы или нет. Она носила черное меньше недели, и вот она здесь, нечестивая и нечистая, пригодная только для убийства.

Нона! Новый голос оторвал ее от размышлений. Это был голос, который ей не принадлежал. Голос, который она знала. Срочность. Даже отчаяние. *Нона! Где ты?*

Нона позволила нить-связи взять ее. Все что угодно, лишь бы уйти от корабль-сердца. Она оставила для себя ровно столько, чтобы держаться прямо и передвигать ноги.

Чайник неслась по терракотовой поверхности, напрягая все силы. Впереди взвилось пламя, с ревом вырвавшееся из разрушенной крыши. Чайник промчалась по пылающему стропилу, слишком быстро, чтобы сгореть. Вырвавшись из огня, она побежала дальше с безрассудной скоростью. Яблоко нуждалась в ней. Она спрыгнула с одной черепичной крыши, пересекла широкую улицу и взобралась на крышу на противоположной стороне. Скорость хунска понесла ее вверх по скату, разбрасывая осколки черепицы. Она взобралась на гребень крыши, и перед ней открылась широкая Королевская дорога, забитая воинами Скифроула. Они стояли от одной стороны до другой, их ряды простирались на сотню ярдов к разрушенным стенам Истины и океану их соотечественников, все еще скопившихся за ними. Их яростные вопли сотрясали воздух, резонируя в груди Чайник, — нечеловеческий шум, пугающий, отчаянный, возбуждающий.

Императорские солдаты стояли десятую плотными рядами, но стремительное наступление Скифроула изолировало отдельные очаги защитников. Одна из таких групп находилась прямо под ней, ярдах в двадцати от орды Скифроула, пойманная в ловушку у стены особняка какого-то лорда. Застрявшие защитники включали в себя пару десятков солдат империи и весь отряд Настоятельница Колесо. Взгляд Чайник остановился на мелькнувших длинных рыжих волосах, хозяйка которых лежала на земле между Лины и Алатой, которые сражались как демоны, чтобы очистить пространство вокруг нее.

— Яблоко!

Не колеблясь, Чайник бросилась вниз по дальней стороне крыши и съехала вниз по водосточному желобу, волоча за собой тени. Падая, она выхватила меч и кинжал, погрузившись в этот миг глубже, чем может любой, кроме чисто-кровки хунска. Спуск Чайник превратился в летящий удар ногой, который сломал шею мужчине, и она повалила его на землю, перерезав горло скифроулцу слева и отрезав голову тому, кто был справа. Прежде, чем голова отскочила от груди к спине и упала на землю среди плотно сбившихся врагов, Чайник нанесла еще полдюжины ударов, и сердца шести врагов начали качать кровь из ран, которые должны были убить их. Она мельком увидела своих сестер, одно лицо, забрызганное кровью и искаженное яростью, другое — бледное и безмятежное. Кровью из раны на голове послушницы текла так сильно, что Чайник даже не могла ее узнать, но та все равно размахивала мечом. Нона знала, что Ара никогда не простит ее за то, что она оставила ее в монастыре, но часть ее радовалась, что подруги здесь нет и ей не придется смотреть, как она умирает.

Завернутая в скорость хунска, Чайник сделала шаг в сторону, уходя от ленивого удара ножом, сделала выпад и отклонилась от маха меча. Серия пинков и ударов отправила еще четверых сжимавших копыта скифроулцев на землю. Чайник закружила вокруг себя тьму, одарила ее зубами и отравила страхом. Израненные невидимыми краями и наполненные ужасом, ближайшие из врагов бросились назад, расчищая пространство.

— Яблоко! — Чайник встала на колени рядом с Яблоко. Ряса монахини блестела над ребрами.

Яблоко потянулась к щеке Чайник окровавленными пальцами:

— Я знала, что ты придешь.

Руки Чайник были заняты тем, что рвали неподатливую ткань, обнажая рану. Удар копья, багровая дыра в бледной плоти Яблока. Дыра, которая пузырилась и засасывала. Ужас Чайник пронзил Нону с такой яростью, что она едва не упала обратно в свое тело в коридорах дворца. Серая Сестра не позволила ему отразиться на лице и работала спокойно, сохраняя периферийное восприятие битвы вокруг себя.

— Копье попало тебе в легкое. — Чайник отняла руку Яблоко от лица и приложила к ране. — Зажми ее, крепко!

Лини отшатнулась, разбрызгивая кровь, и Чайник вскочила на ноги, снова схватив оружие. Три огромных скифроулца с большими круглыми щитами и короткими, но тяжелыми топорами преследовали отступающую Лину. Чайник ныряла между их ног, перерезая сухожилия и мышцы на своем пути, пока не оказалась в лесу скифроулцев. Ярость клокотала на грани ее безмятежности. Яблоко лежала умирающая. Яблоко! Воин-герант попытался наступить на нее, в то время как со всех сторон другие меняли хватку на копьях, готовые пронзить ее сверху, пока она каталась и извивалась.

Тяжелый сапог выбил меч из ее руки. Чайник попыталась было вытащить ядовитые булавки из внутреннего кармана, но ей пришлось отказаться от попытки, потому что пришлось изгибаться, уходя от первых двух ударов копьями. Скифроулцы молотили по ней так же, как крестьяне толкут зерно мельничными пестами. Нона, смотревшая глазами Чайник, видела, что ситуация не дает никакой надежды на выживание.

Отдай мне свое тело. Нона протянула руку вдоль тела Чайник, пытаясь выронить кинжал, который та все еще сжимала.

Спаси ее, Нона. И в знак полного доверия Чайник полностью подчинилась ее воле.

Нона бросила кинжал и сжала руки Чайник в кулаки. Собственные руки Ноны держали силу, настолько большую, что та убивала ее, заставляя каждый талант, который у нее был, превзойти свой максимальный потенциал, сжигая ее. Она выпустила дефект-клинки, которые так долго были частью ее жизни, но не из собственной плоти, а из кулаков Чайник, сделав из них по одному клинку для каждой руки, оба длиной с большой меч. Когда они выпрыгивали из плоти, кровь монахини окрасила их невидимый материал, придав им форму.

Нона воспользовалась умопомрачительной скоростью Чайник, чтобы поднять ее с земли, широко раскинула руки и начала вращаться. Скифроулцы разлетались на куски со всех сторон, теперь уже видимые клинки разрубали кольчуги, щиты, копья и мечи. Чайник прорубила широкую дорогу обратно к Яблоко, прекратив бойню только тогда, когда в поле зрения появилась Алата, сражавшаяся с несколькими врагами.

В течение тридцати долгих секунд под руководством Ноны Чайник с безрассудной самозабвенностью тратила свои резервы скорости, складывая тела скифроулцев неровными горами. В это время Сестры Сало, Железо и Скала организовали боевой периметр. Даже Настоятельница Колесо заняла свое место, орудуя мечом с диким ликованием и степенью мастерства, которая напомнила ее пастве, что она когда-то прошла испытание Меча. Они сражались в темноте. Солнце зашло в день, который запомнится надолго, хотя вряд ли кто-то из них увидит еще один рассвет.

Посреди круга кровавой бойни Чайник остановилась.

— Где... — Нона попыталась вспомнить имена кванталов-послушниц из Мистического Класса. — Шерил и Халума? — Она придала силу голосу Чайник и вложила в него принуждение марджал, которое требовало ответа.

— Здесь. — Сестра Дуб кроваво кашлянула с того места, где лежала, обхватив одной рукой труп молодой девушки. — Эта. — Она кивнула на раненую послушницу, прислонившуюся к стене.

Чайник в три шага добрался до Халумы. Она сцепила пальцы на спине послушницы и поставила ту на ноги. Из глубокого пореза по ноге девушки текла кровь, но она держала себя в руках.

— Я брошу тебя на Путь. Ты возьмешь то, что сможешь, и вернешься к нам. Поняла?

— Н... нет. — Девушка уставилась на нее широко раскрытыми глазами. — О чем... о чем вы говорите, Сестра Чайник?

Нона приложила ладонь руки на лоб Халумы, потянувшись за силой корабль-сердца и толкнула девушку на горящую линию Пути. Она почувствовала первый шаг Халумы, смотрела, как она бежит, пытаясь укротить свою скорость, и толкнула ее назад, когда та начала падать. Через восемь шагов Халума полностью пропустила поворот и вернулась в свое тело. Немедленно ее начало трясти. Нона обхватила обеими руками голову девушки с боков и сильно надавила, чтобы удержать ее вес, потом надавила еще сильнее, чтобы удержать ее вместе.

— Овладей своей силой.

Халума так и сделала.

Мгновение спустя она выпустила энергию во вспышке света и тепла. Канал, который Халума прорезала через солдат Скифроула, был усеян почерневшими частями тел, но в остальном чист.

— Тащите раненых! — Нона, используя руки Чайник, схватила ближайших послушниц и толкнула их к спинам нескольких последних скифроулцев, стоявших между ними и солдатами императора. Она двинулась назад через монастырскую группу, проталкиваясь одна за другой к оборонительной линии, пока не оказалась лицом к лицу с потрясенной сестрой Сало.

— Держи проход открытым, пока они не пройдут.

— Сестра Чайник?

— Сделай это!

Нона двинулась дальше, заставив Кетти и Гену тащить Сестру Дуб. Им пришлось тащить и Шерил, так как монахиня отказывалась выпускать тело девушки, не в силах признать, что та мертва. Внезапная волна эмоций, охватившая Нону и Чайник при виде Дуб, цеплявшейся за изломанный труп послушницы, грозила потрясти Нону до глубины души. Она стойко отбросила ее.

Колесо приказала другим здоровым послушницам тащить побольше раненых. Алата поспешила мимо с Лини на руках, и к ней приблизился Скифроул. Ближайший человек метнул копье. Нона, используя скорость Чайник, поймала его и швырнула обратно, не поворачивая. Древко повалило своего бывшего владельца, сбив шлем с его головы и выбив глаз из глазницы. Чайник огляделась в поисках Яблоко. Неужели ее отвезли обратно, на главную линию обороны? Времени не было. Слишком много солдат толпилось вокруг. Нона снова призвала два дефект-клинка бросилась в наступающую массу вражеских воинов.

— Нона! — Что-то ударило в нее, отскочило и разбилось. — Нона!

Ноне показалось, что этот человек уже давно зовет ее по имени. Она сморгнула фиолетовый свет из глаз и посмотрела вверх.

— Нона! — Регол стоял на краю комнаты, рядом с одним из многочисленных гобеленов, изображавших огромные морские пейзажи. В руке он держал вазу и собирался ее бросить. Очень ценную вазу, судя по виду. Купол над ними украшал океан из цветного стекла. На черном небе начали появляться первые звезды.

Нона резко обернулась. Ее глаза остановились на двух мраморных статуях борцов, оценивающих друг друга по бокам арочного прохода, ведущего из зала. Еще больше статуй, чередующихся с портретами, украшали коридор.

Регол спал с какой-то шлюхой Сис. Заставь его сказать правду.

Нона почувствовала, как ее лицо исказилось от безобразного подозрения.

Отрежь ему лживый язык.

Она повернулась к Реголу с таким пристальным взглядом, который должен был бы пронзить его.

Убей их обоих.

— Я тебя ненавижу! — Слова вырвались из нее, истекая ядом.

Нона зарычала, тряся головой, чтобы избавиться от голосов. Она попыталась подавить их гнев, это было что-то, чем она не владела. С усилием она перевела взгляд с растерянного Регола на пятна, медленно поднимающиеся по ее запястьям. Ее пальцы коснулись корабль-сердца.

— Оставайся здесь! Если ты пойдешь за мной, я убью тебя. — И, не оглядываясь, она повернулась к арке и побежала.

Святой Класс

НОНА ПРОБЕЖАЛА ПО коридору до бронзовых дверей в дальнем конце. Двое гвардейцев, задержавших людей Шерзал, все еще были на посту. Подойдя ближе, Нона замедлила шаг. Ничто в ее внешности не давало ей права войти, и двое мужчин уже обнажили мечи, прежде чем беспокойство, которое они почувствовали при приближении корабельного сердца, сменилось страхом, а затем ужасом. Медлительность ее продвижения позволила им сохранить достаточно ума, чтобы отпереть двери. Они вбежали внутрь, оставив двери широко открытыми. Нона последовала за ними.

Она собрала то, что видела глазами Рули, и этого оказалось достаточно, чтобы привести ее к железной двери библиотеки. Рассмотрев замок, она потянула за нить, даже пошевелив пальцами. Войдя, она взяла последний фонарь, перевернула читальный столик и оторвала от него ножку. Воткнутый в дальнюю стену дефект-клинок вскоре открыл потайную нишу. Нона не стала тратить время на сложный клубок нитей, который мог поддаться ее усилиям и открыть замок лестницы, а мог и не поддаться. Вместо этого она просто повернула колеса на те же числа, что и Шерзал. Она протиснулась внутрь и прошла уже треть пути вниз по квадратной спирали лестницы, прежде чем дверь в полу библиотеки закончила открываться.

Теперь ее дьяволы говорили отдельными голосами, их мнения терзали ее так, как это редко удавалось Кеоту. Стараясь не обращать на них внимания, Нона поспешила по длинному коридору. Ковчег-огни все еще сияли, но у ней не было времени ими любоваться. В одной руке она держала корабль-сердце, на запястье висел фонарь. В другой она сжимала ножку стола, которую то и дело бросала перед собой и поднимала. Процесс остановился, когда ножка развалилась в воздухе, достигнув пола в виде россыпи аккуратно нарезанных кубиков.

Дальний конец коридора оказался ближе, чем предполагала Нона, и никакой двери там не было. Скорее, это было похоже на то, словно глухая стена поднялась там с тех пор, как другие прошли этим путем, и закрыла проход.

Нона подошла к боковой стене, где Шерзал выстучала ритм, и постаралась воспроизвести его. Ничего не произошло. Она отрезала грязный подол от своей туники и бросила ее вперед, чтобы проверить, не изменилось ли что-нибудь. Подол упал на пол кусочками. Она раздраженно зарычала. Один из ее дьяволов попытался превратить рычание в крик первобытной ярости, в то время как другие пытались схватить ее руки.

Нона прикусила губу и сосредоточила свою волю. Она села и откатила сердце корабля к противоположной стене, где оно будет меньше давить на мысли. Через мгновение, чтобы сосредоточиться, она потянулась к своей ясности и безмятежности. Она представила себе, как руки Амондо двигаются так, словно жонглер держит в воздухе не три или четыре шара, а девять. Она передала образ исчезнувшего пламени и линии падающей луны из одной части своего сознания в другую. Ключи к обоим состояниям транса циркулировали через нее, втягивая в свою орбиту каждое беспокойство, каждое требование и тайный ужас, как всегда бывало, когда она достигала обоих состояний одновременно.

Воспоминание о том, как Шерзал выстукивала ритм по стене, стало единственным

фокусом Ноны. Совместный транс придал ему кристальную ясность. Рука Шерзал настучала ритм, видение повторялось, потом еще раз и еще, пока ритм не побежал по жилам Ноны, как беспорядочное биение второго сердца.

Нона встала и отстучала нужный ритм. В стене появилось отверстие, и она вдавила светящийся диск внутрь углубления. Вторая проверка показала, что ловушка обезврежена, и Нона поспешила дальше.

Но прежде, чем она прошла через место, защищенное лезвиями, что-то ударило ее, не дефект-клинок, но тоже острое и невидимое. Боль Рули. Она протянулась через их нить-связь, как удар копья.

Когда Нона была новичком в этом искусстве, такая боль заставила бы ее мысленно присоединиться к Рули, не оставляя ей никакого выбора. Теперь у нее было достаточно мастерства, чтобы сопротивляться притяжению, но Нона никогда не игнорировала друзей, даже если это означало, что она должна будет разделить их боль.

За один удар сердца Нона заняла плоть Рули. Они держали ее на полу со связанными запястьями и лодыжками, руки за спиной. Стражник, который пнул ее, отступил в сторону, и Шерзал широко улыбнулась. Позади нее Джула, тоже связанная, сидела у ног еще нескольких охранников.

— Ну, это довольно глупо. — Шерзал подошла ближе, ее улыбка сменилась беспокойством. — Посмотри на себя, ты вся в крови. — Нона напомнила себе, что сестра императора практически командовала инквизицией и наблюдала, как они сжигали заживо ее соперников при дворе по сфабрикованным обвинениям в незначительных преступлениях, вроде недобрых, хотя, вероятно, и точных, сплетен. Беспокойство на ее лице было полностью наигранным. — Ты понимаешь, что Диллон просто делает тебя более податливой? Идея состоит в том, чтобы избавить нас от необходимости проходить через ту часть, где я спрашиваю тебя о книге, а ты притворяешься, что не знаешь, о чем я говорю.

— Но... — протест Рули был прерван сильным ударом в живот.

— Скоро мы перейдем к вопросам. И, если мы не получим ответов, Диллону придется вытащить свой нож. А если и это не сработает... — Шерзал указала мимо охранников и Джулы, на дверь позади. Там наготове стояла Сафира, а рядом с ней угрюмая Джоэли Намсис. Ненависть Ноны к девушке искривила губы Рули. Джоэли, должно быть, все это время опережала ее.

— ...у Сафиры есть свои яды и иглы. И, посмотри! Она привела твою подругу, чтобы поиграть с ней. Я действительно хочу сохранить молодую Джоэли нетронутой для того, что придет позже, но, если понадобится, она вытащит то, что нам нужно, из твоего черепа. Хотя мне сказали, что это может оставить вас обоих калеками.

Рули застонала и повернула голову, так что другая половина комнаты оказалась в поле зрения ее единственного здорового глаза. Древний пол был забрызган кровью, оставшейся после убийства стражников Крустикэла, длинные пятна указывали на то, что всех троих утащили через дверь напротив. Удар пришелся Рули в спину под ребра, и, когда она вскинула голову, Нона увидела нечто, что заставило посчитать поднимающуюся боль всего лишь небольшой неприятностью. Светясь расплавленным золотом на конце длинной цепи, которую, по-видимому, использовали для того, чтобы затащить его в комнату, лежало корабль-сердце Сладкого Милосердия.

Еще один удар пришелся по ребрам Рули, согнув ее пополам от боли. Шерзал повернулась так, что ее ноги оказались на линии глаз Рули:

— Маленькая птичка сказала мне, что ты и твои подружки были заняты кражей книг. А под твоими подружками я имею в виду Нону Грей и Арабеллу Йотсис, обе они в большом долгу передо мной за то, что нанесли ущерб моему союзу с Адомой.

— Нанесли ущерб? — Рули разразилась кровавым смехом, и Нона почувствовали прилив любви у ней за это. — Адома... — У нее не хватило дыхания, чтобы произнести это, но Адома провела свои войска через Великий Перевал и захватила дворец Шерзал в самом начале вторжения, три года назад. Как только корабль-сердце ной-гуин было потеряно, союз по захвату Ковчег распался. Ему «нанесли ущерб» точно так же, как опускающаяся пятка наносит ущерб улитке. Официально, конечно, предательства никогда не существовало, но, если Крусикэл действительно верил в это, он вообще не знал свою сестру.

— Да, ущерб. — Шерзал нахмурилась. — Но, при правильном стимулировании, Адому еще можно вернуть в игру. У нас есть то, что ей *действительно* нужно, и все двери плотно заперты. Более того, видишь цилиндры, прикрепленные к стенам? — Шерзал махнула рукой. Рули уставилась на один из дюжины белых цилиндров, каким-то образом прилипших к стенкам комнаты, каждый из которых был длиннее и толще ее ноги. — Брат доверил их мне. Они относятся ко Второй эпохе, когда наши предки вновь овладели тайным огнем. При нажатии на определенную кнопку они взорвутся с такой же силой, какую может направить квантал Путь-ходок. — Она вытащила из-под платья короткую толстую палочку с красной кнопкой на конце. — Они должны были запечатать Великий Перевал и превратить его в гробницу для десяти тысяч скифроулцев. Я сказала брату, что они не функционируют, и сама в это верила, благодаря чей-то умной нить-работе. Но милая Сафира, хранительница моих тайн, показала мне их тайник, и я принесла их сюда.

Я сомневаюсь, что они смогут открыть или уничтожить Ковчег, но они, безусловно, могут похоронить его достаточно глубоко, и Адоме потребуется много лет, чтобы докопаться до него. Так что она нуждается во мне, так же как она нуждается в моем корабль-сердце, а я — в ее. Я даю тебе эту информацию, потому что, если ты расскажешь мне все, что я хочу знать, для тебя найдется место на моей службе, маленькая Рули, которая не хочет, чтобы ей рулили.

Рули покачала головой:

— Если бы это было правдой, если бы вы действительно думали, что они все еще будут работать, что они могут взорваться, вас бы здесь не было. Вы были бы на другом конце города или на западе, если там еще остались какие-нибудь крепости.

— К сожалению, кнопка зажигания должна быть нажата вблизи них. Она не сработает даже за стеной. Когда-то, возможно, но не сейчас. Все эти чудеса исчезают... Кроме того, я знаю, что случается с неудачниками. Это некрасиво. Если до этого дойдет, то мой конец будет скорым и славным, а могила — глубокой.

— Ну... корабль-сердце, которое ты украла. Те два, которыми владеет бой-королева... — Устами Рули говорила Нона. — Получается только три.

Шерзал протянул четыре пальца и начала их загибать.

— Ну, одно здесь... — стражник пнул Рули в бедро, — то, которое любезно подарила Настоятельница Стекло. — Номер два... — удар ногой по ребрам — и три.. — по голове — у Адомы. Четвертое... — Охранник ударил ногой по лодыжке Рули. — Четвертое корабль-сердце, в котором я нуждаюсь, будет доставлено мне Лано Таксисом и Особенным ной-гуин из разграбленного монастыря Сладкого Милосердия. — Шерзал наклонилась и подождала, пока стоны Рули утихнут. — Как видишь, я нужна Адоме. Мне есть чем с ней поторговаться.

Монастырь! Даже разделяя боль Рули, Нона обнаружила, что та ничтожна перед тем ужасом, который обрушили на нее слова Шерзал. Лано Таксис в монастыре. Мысль о том, что Ара стоит в одиночестве на страже против сил Таксиса и ной-гуин, заставила ее упасть обратно в собственное тело. Ара! Она заставила Ару остаться. Она думала, что спасает ее!

Нона снова вцепилась в Рули, даже когда страх за монастырь пытался увести ее прочь. Шерзал все еще говорила:

— Но мне сообщили, что, даже когда мы откроем Ковчег, контролировать Луну может оказаться досадно сложным делом. Моя маленькая птичка говорит мне, что Настоятельница Стекло наставила вас, дети, на путь поиска книги, которая должна помочь в этом деле. Эта женщина — просто чудо. Я так рада, что она умерла. Но ее раздражающий ум — причина, по которой я не могу позволить себе не воспринимать эту книгу всерьез. Обладание этим знанием будет действительно вишенкой на торте. Вот почему я приказала привести сюда вас обеих. К сожалению, у вас нет с собой книги, но вы можете сказать мне, где она. И, если юная Джула действительно так прилежна, как говорит мне Джоэли, то, кажется, стоит потратить время на то, чтобы подвергнуть ее пытке, поскольку у нее есть необходимая нам информация, скрытая за этим простым маленьким личиком.

Нона приглушила боль Рули и мысленно заговорила с ней.

Я могу спасти вас. Я попробую открыть двери, но, если я не смогу пройти, мне придется взять под контроль ваше тело. Ты действительно должна доверять мне, чтобы это произошло.

Рули даже не пыталась скрыть своего облегчения.

Ты можешь делать мне больно, а я буду сидеть и смотреть, как ты убиваешь эту суку. Но даже если ты возьмешь контроль, ты все равно останешься в моем теле... а я немного связана.

Вот почему я хочу сначала попробовать двери. Оставайся сильной.

Скорее, Нона! Он достает свой нож... и это должно быть легко по сравнению с тем, что собирается сделать со мной Сафира! Я не такая сильная как ты...

Нона вернулась в свое тело, тяжело дыша. Она посмотрела на глухую стену, запирающую коридор, и потянулась к ней камень-работой. Не требовалось большого мастерства, чтобы понять природу барьера. Она все поняла даже с расстояния в пятьдесят ярдов. Коридор был закрыт железной плитой толщиной в два фута.

Нона помолчала, обдумывая варианты. Путь-связь Чайник передавала пульсирующую смесь горя, гнева и страха, которая терзала обостренные чувства монахини, а также суету сражения. Боль от побоев Рули все еще пульсировала на конце ее нить-связи, но нарастающий ужас от приближающегося ножа затмил ее. Нона собралась с духом, чтобы присоединиться к подруге, но, даже когда она собралась, ее пронзило что-то гораздо более сильное, чем страх или ярость. Оно пришло из связи, которую она имела с Арой. Связи, в которой не было ничего, кроме угрюмого молчания с тех пор, как Нона покинула Скалу Веры. И вдруг эхо повторило первый шаг Ары по Пути, и отзвук зазвенел в ней громче любого колокола.

К тому времени, когда Нона пробилась в сознание Ары, ее подруга сошла с Пути и вступила в бой, настолько односторонний, что оборона дворца Крустикэла выглядела как встреча равных. Ара в одиночку сражалась среди леса колонн не с десятками, а с *сотнями* наемниками-пеларти.

За всем этим стоял Лано Таксис. Так сказала Шерзал. Его монета привела пеларти с

ледяных окраин. Настоятельница Колесо сказала, что первосвященник приказал оставить Нону в монастыре. Золото Таксиса и влияние Таксиса подняли руку Первосвященника Невиса, чтобы оставить Нону одну перед монастырем и его корабль-сердцем. Только дальновидение Настоятельницы Стекло позволило ей сделать правильный шаг. Нона вспомнила обещание, данное умирающей женщине. Обещание, что она не выберет ни Красный, ни Серый, ни небесно-голубой Мистической Сестры, но возьмет черный Святой Сестры. Даже на смертном одре Стекло видела, кто заменит ее на посту настоятельницы и сколько благосклонности она заслужит таким жестом. Без доброй воли Колесо Нона осталась бы в монастыре, в милях от корабль-сердца, неспособная сотворить ни одно из чудес, которые она творила через нить-связи, и тех, которые она еще собиралась сотворить.

Нона сгорбилась, придавленная нерешительностью. Она чувствовала, как рука Настоятельницы Стекло лежит на ее плече, но не чувствовала направления. Даже легендарное предвидение старухи имело свои пределы. Она не могла предвидеть такого конца. Теперь это выпало на долю Ноны, и она чувствовала себя не в состоянии принять вызов. Ужас и боль Рули начали пронзать их нить-связь. Отчаянное изнеможение Чайник потянулось к Ноне через связь, которую они разделяли. В пяти милях отсюда другая подруга высвободила устрашающую силу Пути в попытке в одиночку уничтожить армию, посланную убить не Сестру Шип, а Сестру Клетку.

Нона не могла потерять Ару. Только не ее. С криком отчаяния Нона бросилась через коридор, подхватила корабль-сердце и побежала в темную комнату слева. Сияние корабль-сердца открыло то, что Рули мельком видела на своем пути, то, о чем говорила Зоул там, в черном льду. Огромное кольцо, слишком большое, чтобы войти в маленькую комнату через единственную дверь. Оно было прислонено к задней стене, слишком высокое, чтобы стоять вертикально. Его размеры и сигилы были идентичны тем, что были на кольце, через которое Зоул отправила Нону против ее воли три года назад. Не задумываясь, Нона прыгнула в круг. Она держала перед собой корабль-сердце, и кусочек ее тела напрягся, ожидая столкновения со стеной за кольцом.

ПЕЩЕРА, В КОТОРОЙ оказалась Нона, была слишком велика, чтобы свет корабль-сердца мог найти ее стены. Позади нее кольцо из странного кристаллического металла мягко покачивалось на своем ободе. Свечение от десятков сгиллов, разбросанных по всему периметру, уже угасало.

На полу на несколько ярдов во всех направлениях лежали обломки песчаника, который когда-то покрывал кольцо. Осколки лежали в том же хаосе, в котором они приземлились три года назад, когда Нона появилась здесь. В тот раз она пронеслась гораздо больше пяти миль. Зоул бросила ее в другой двойник кольца, находившийся под черным льдом и в сто раз дальше.

Нона обнаружила это кольцо вместе с Арой и другими во время своего раннего исследования подземных пещер. Его охранял холотур, используя только страх. Те дни казались давними и простыми. Часть Ноны хотела, чтобы древняя магия могла отправить ее назад через годы так же легко, как через мили.

В то мгновение, когда погас свет большого круга, вспыхнуло корабль-сердце. Появились стены пещеры, нарисованные фиолетовым и черным, крыша наверху, увешанная нисходящим лесом сталактитов. Лужи покрывали волнистый пол, поверхность каждой все еще дрожала от сотрясения, вызванного появлением Ноны. Чувства Ноны тоже вспыхнули. Мир нитей, е

котором висела тонкая, как бумага, реальность человечества, лежал обнаженным перед ее глазами. Ее камень-чувство неистовствовало, протягиваясь сквозь пронизанные пустотой просторы Скалы Веры, отдаваясь эхом в проходах, неизвестных человеку, крадясь тайными путями, обвивая спящую массу Стеклой Воды; вес ее бесчисленных галлонов сдерживался такой тонкой каменной стеной...

Нона стряхнула с себя эти ощущения и не стала терять времени. Она побежала, следуя путями, которые она и ее друзья исследовали много лет назад. Ей потребовалось не больше пары минут, чтобы добраться до прохода, из которого она однажды с трудом выбралась в расщелину и добралась до места убийства Гессы.

Нона прыгнула к отверстию наверху и в течение трех ударов сердца выбралась из расщелины в пространство перед старым хранилищем корабельного сердца, из которого Йишт когда-то украла его.

— Ты нужно Лано, — обратилась Нона к корабль-сердцу. — Он тебя не получит. — Она прижала шар к гладкой стене прохода и приложила свою силу к камню. Мгновение спустя она отдернула руку. Корабль-сердце осталось, погребенное за дюймами камня, с немногими признаками беспорядка, которые выдавали его присутствие.

Голоса ее дьяволов зывали к ней в тишине, которая осталась теперь, когда ураган силы корабль-сердца больше не дул сквозь нее. Они говорили ей бежать. Взять корабль-сердце и сбежать через кольцо в какое-нибудь отдаленное место. Они шептали, что Ара — фальшивка, дитя Сис, выросшее на золоте. Они говорили, что Ара всегда видела в ней крестьянку, а не настоящую подругу. Они говорили, что Ара никогда не полюбит ее в ответ. И что, будь Ара на ее месте, она бы сбежала.

И Нона им поверила.

— Это не имеет значения. — Она побрела дальше по туннелю, прочь от корабль-сердца. Ее рассудок раскалывался, мысли метались то в одну сторону, то в другую, и Нона цеплялась за самые простые из своих истин. Те, что она нашла первыми. — Не важно, что она обо мне думает. Не важно, ненавидит ли она меня. Она — моя подруга. Я ее *не* оставлю.

Она бежала вслепую, следуя своей памяти об этом месте, проводя рукой по стене, падая, поднимаясь, ползая, извиваясь, и добралась до пещер Яблока. Ворота на лестницу Тени сдались под ударом ее клинков, она вышла и побежала через монастырь. Здесь она выросла, из маленького ребенка превратилась в молодую женщину, на которую Настоятельница Стекло нагрозила слишком много доверия.

В окнах горело немного света, но факелы окружали двор перед дормиториями, а на ступеньках сидела Сестра Шрам. Монахиня выглядела старше, чем Нона когда-либо представляла ее за своим столом в скриптории. На коленях она сжимала кухонный тесак. Над ней, из окон Священного Класа, куда под страхом побоев не допускались младшие послушницы, высывались дюжины маленьких лиц. Они выглядели до смешного молодыми для поля боя.

— Защити монастырь! — Нона остановилась и встретилась взглядом с широко раскрытыми глазами сестры Шрам. — Никакой пощады. Пусть Предок позаботится о милосердии.

Слабый крик, донесшийся до Ноны из леса колонн, затерялся в гораздо более громком крике, грозившем расколоть ее череп изнутри. Ара! В то же самое время белая агония пронзила ее плечи, эхо раны Ары.

Ара! Ара! Я иду!

Но́на рванулась к битве, мысленно ища подругу и находя только темноту.

Между колоннами стояли пеларти, образуя свободный ореол вокруг того места, где в луже собственной крови лежала Ара. К изумлению Но́ны, над упавшей девушкой стояла Клера. На какое-то мгновение Но́не показалось, что ее подруга каким-то образом спасает Ару, но, когда их взгляды встретились через разделявшие их ярды, ее охватила холодная уверенность. Именно Клера уложила Ару на землю.

Клера открыла было рот, чтобы заговорить, но ничего не сказала, окруженная тесной компанией наемников вокруг нее. Казалось, что в это мгновение одна Клера видела Но́ну.

Но́на вытащила меч и бросилась на первых пеларти. Всего несколько часов назад Сестра Сало вложила рукоять меча ей в руку, и, когда Но́на пробиралась через группу из шести человек, она забрала свои первые жизни с помощью этого клинка. Вот тогда Пеларти и узнали о ее появлении.

Сзади, в комплексе монастыря, зазвонил Бител. Это казалось подходящим. Колокол никогда не предвещал ничего, кроме катастрофы.

Но́на оглядела выстроившиеся перед ней войска. Она почувствовала, как ее дьяволы шевелятся под одеждой, их голоса зывали к крови, и она поняла, что согласна. Книга Предка говорит, что для всего есть время. Настало время пожинать плоды. Время смерти. Время умирать. ^[2]

В рядах пеларти закрипели луки, поднялись копья, побелели костяшки пальцев на рукоятках мечей и топоров. Лучница с ястребиными глазами поймала взгляд Но́ны, ее щека была разорвана и окровавлена. Она натянула тетиву, но ее прицел дрогнул.

Пеларти наверняка знают о ней разные истории. Клера любила рассказывать истории, и они были здесь ради нее. Они должны знать ее как Но́ну, как девочку с абсолютно черными глазами, которая убила Раймела Таксиса, как девушку, которая сломала разум лорда Турана Таксиса древней магией боли. Они слышали, что для некоторых она была известна как Аргата, Избранная. Учитывая шпионаж Джоэли, они, вероятно, даже знали ее под новым именем. Сестра Клетка.

Убей их всех.

Устрой кровавую резню.

Наполни воздух их воплями.

Но́на прислушалась к крикам своих дьяволов и обнаружила на своем лице мрачную улыбку. Дрожащая лучница со звоном выпустила стрелу. Она молча повернулась и начала пробираться назад, мимо воинов своего клана. Слева от нее повернулся другой, мускулистый мужчина, на руках которого рунами были начертаны имена его предков. Двое из тех, кого он оттолкнул, повернулись и побежали вместе с ним. Сестра Шип уже показала им, на что способна Красная Сестра.

Ручеек превратился в поток. Пеларти оставили десятки мертвых тел, все еще разбросанных или сваленных в кучи там, где их убила Ара. Они бежали так, словно Но́на покатила на них корабль-сердце. Ее дьяволы завывали от разочарования, и оно эхом отозвалось в ней.

Но́на подошла к Клере и увидела, что Ара лежит у ее ног:

— Она мертва? — Сердце болело, отчаяние подавляло ярость.

— Как ты здесь оказалась? — Клера проигнорировала вопрос. — Тебя не должно было быть здесь! Откуда ты знала?.. и даже тогда, как ты сюда попала?

Но́на проигнорировала вопросы. Клера была искусной лгуньей, но, казалось, не могла

понять, что другой брат Таксиса солгал ей. Снова. Та же фигня. Мишенью всегда была Нона, а не Ара.

— Она мертва? — Она бросилась вперед, отталкивая Клеру от Ары, которая все еще была обернута вокруг копья. Нона опустилась на колени, протянув руку, чтобы коснуться распущенных золотых волос. — Ара?

— Тебе не следовало отпускать меня. — Слова вылетели из Клеры так, словно это она была ранена, словно это она была обернута вокруг копья. — Ты связала меня. Виновна. Ты должна была позволить им утопить меня.

— Я никогда так не поступлю с другом. — Нона сразилась с Зоул, Дарлой, Арой... со всеми, и настояла, чтобы Клере позволили бежать. Что могло бы измениться, если бы она не настояла? Кто бы еще жил, кто бы уже ходил с Предком? Она отогнала эти мысли и положила пальцы на шею Ары, ища пульс. Ее вознаградила еле слышный стон, еле заметное дрожание руки. Нона обнаружила, что снова может дышать.

Короткий смешок вырвался у Клеры, похожий как на боль, так и на радость.

— Они все думают, что ты — страшная злодейка. Молот церкви. Клетка-Без-Тени. А ты все еще ребенок, Нона! Ты влетаешь во все с распахнутым сердцем, ожидая... чего? Ты не понимала, как действуют люди, когда настоятельница привела тебя сюда, грязноногую крестьянку. Ты не понимала, когда она отослала тебя. И теперь ты не понимаешь. Люди лгут, Нона, они воруют и обманывают, им нельзя верить. Люди причиняют тебе боль, подводят тебя. И они продают тебя.

— Это не значит, что я должна быть такой. — Нона посмотрела на Клеру, которая вздрогнула. Дьяволы внутри нее жаждали крови Клеры, и Нона старалась не сделать это желание своим. — У нас есть целая церковь, построенная на предках. — Она махнула рукой в сторону купола. — Семья. Мертвая семья. — Она взяла руку Ару в свои. — Ты *выбираешь* себе друзей. Уж если ты собираешься поклоняться мертвым людям, которых не выбирала, тогда, возможно, и узы дружбы не должны быть так легко разорваны. Верно?

Клера покачала головой:

— Ты глупа, Нона Грей. Ты собираешься убить меня сейчас или позволишь это сделать кому-то другому?

Нона изо всех сил старалась заглушить голоса своих дьяволов. Она видела столько смертей, сколько не увидишь и за десять жизней. Она выбрала Черный. Настоятельница Стекло не просто так сделала ее Святой Сестрой. Не война была тому причиной:

— Ара может выжить. Если мы доставим ее к Сестре Роза. Сейчас же! — Нона оглянулась на монастырь. Они приближались. Старые сестры и молодые девушки.

Клера раздраженно махнула рукой в сторону монахинь:

— Пусть они заберут ее. Мне все равно. Я пришла не за Арой. Она просто стояла у меня на пути.

Нона сжав руку Ары, отпустила ее и встала.

— Я скучала по тебе, Клера. Прошло слишком много лет.

Клера окинула взглядом плато:

— Мы были детьми, Нона. Дети постоянно заводят и разрывают дружеские отношения. Это не важно. Но то, что мы сейчас делаем, очень важно. Речь идет о сторонах в великой игре. И ты не на той стороне. На стороне тех, кто проигрывает. Тебе следует перейти на другую.

Нона покачала головой:

— Я не играю. И я всегда была на твоей стороне, Клера. Ты просто этого не понимала. Клера посмотрела на Ару сверху вниз.

— Я хотела, чтобы она убежала.

— Я знаю.

— Ей следовало бежать. Их было слишком много для нее. Почему она была такой глупой?

Но на пожалала плечами, медленный жест, выдающий ложь бешено мчащемуся разуму:

— Где Лано Таксис?

— Ты же знаешь Таксисов. — Клера кивнула в сторону плато, простирившегося за колоннами. — Им нравится, когда ты тратишь свою силу на людей, которых они считают расходными. Потом они приходят, чтобы закончить работу, если что-то еще осталось закончить.

— Так оно и есть.

— Он там со своими солдатами и восемью ной-гуин. Его учителями из Тетрагода. И другими.

Но на посмотрела на свой меч.

— Моя сила не истрочена.

— Ты думаешь, что сможешь убить меня, не дотянувшись до Пути, маленькая Но на? — Клера вытащила свой меч, близнец меча Ноны, взятый с тела Красной Сестры.

Но на повернулась спиной к Клере и посмотрела на плато. Если подруга ее ударит, пусть так и будет. Она не хотела бы жить в мире, где Клера способна на такое.

— Я думаю, мне не придется тебя убивать, — сказала Но на. — Я думаю, ты будешь драться с ними вместе со мной. Сестра.

Говоря это, Но на заметила, что несколько монастырских девушек, последовали за ней и встали между колоннами. Теперь они наблюдали, выглядывая из-за серого камня. Она махнула им, чтобы они шли вперед, и четверо послушниц Серого Класа вышли вперед. По кивку Ноны они подняли Ару и быстро унесли ее прочь, петляя между каменными стволами.

— Отнесите ее к Сестре Роза! Быстрее! — Она снова повернулась к Клере. — Ну?

— Сражаться с ними вместе с тобой? — Клера всплеснула руками. — Даже если бы у Лано была *только* одна вторая армия, у тебя не было ни единого шанса. Но у него восемь ной-гуин, Но на! Восемь!

Пока Клера протестовала, Но на настойчиво умоляла Ару проснуться. Ничего. Она стиснула зубы от нахлынувшей боли подруги и попыталась снова.

— Их восемь! И один из них — Особенный. — Клера покачала головой. — И он самый страшный ублюдок, которого я когда-либо знала. Он — паук в центре паутины тень-уз. Если бы только он был один, без армии, без других ной-гуин, у тебя все равно не было бы ни единого шанса... — Она замолчала, увидев рассеянный взгляд Ноны. — Прости, я тебе не надоела?

— Я не собираюсь драться с ними сегодня! Только не здесь, на их условиях! Это было бы безумием! Их *восемь*! — Но на собралась с духом, борясь с отчаянием и болью, которые теперь пульсировали в ней тремя нитями. Ара пришла в себя и присоединила свое горе к страданиям Рули и Чайник. Но на передала сообщение в голову Ары, затем подняла глаза, чтобы встретить возмущение Клеры. — Я, конечно, побегу! И я действительно очень спешу. Есть много чего, что я должна сделать. Мне нужно, чтобы ты пошла к ним и сделала вид, что все еще верна Лано.

— Это будет нетрудно. Мне нравится быть на стороне победителя.

— Скажи им, что я испугана. Собираюсь бежать. Скажи им, что они никогда не сумеют найти меня, если не начнут действовать прямо сейчас. Я пойду в подземелье. В хранилище корабль-сердца, где умерла Гесса. Постарайся идти впереди. Впереди всех, Клера. Это очень важно.

— Впереди. Ты хочешь, чтобы мы последовали за тобой... — Клера нахмурилась. — Я могу это сделать. Но когда они найдут тебя, Нона, они убьют тебя. Я не смогу их остановить.

— Просто приведи их. Приведи их всех. И посмотрим, кто утонет, а кто выплывет.

Клера в последний раз встретилась с ней взглядом, затем повернулась и убежала через Скалу, туда, где только начинали появляться огни и знамена первой шеренги Лано.

— Когда они придут, вы должны быть Серыми Сестрами, а не Красными, — обратилась Нона к молодым послушницам и старым сестрам, которых было не больше двух дюжин, и все они наблюдали за ней из самого сердце леса колонн. — Никто не трогает лорда Таксиса или ной-гуин, даже не приближается к ним. Притяните к себе войска дома. Используйте монастырские здания. Не рискуйте, просто используйте возможности. Скорее ранить, чем убить. Вы хотите замедлить их, заставить переосмыслить, дать им повод отступить. В конце концов, вы должны бежать, а не стоять. Вы носите монастырь в себе. — Она махнула рукой в сторону монастырских зданий. — Это просто камни, сложенные для защиты от ветра.

Нона погнала сестер прятаться, а сама заняла свое место среди мертвых пеларти, наваленных дюжинами, разбросанных десятками. Она закусилла нижнюю губу, спасаясь от настойчивости своих нить-связей, закрыла уши от шепота собственных дьяволов и призвала к себе ясность. Ей открылся скрытый мир деталей, от усыпанного звездами, испещренного дымом небесного свода наверху до жалоб Скалы Веры внизу. Голос Скалы был слишком глубоким для ушей, но слабо рокотал в ее костях, когда камень остывал под ночным ветром.

Факелы Таксиса и фонари на шестах было трудно не заметить, но, если ной-гуин опередят их, прокравшись в темноту между колоннами, они могут убить ее прежде, чем она узнает, что они там. Нона расфокусировала зрение, чтобы увидеть нить-пейзаж. Сестра Сквородка говорила, что, в конечном счете, истинный квантал-маг видит только нити мира, ибо они являются глубочайшей истиной и раскрывают не только каждую вещь, как она есть, но также прошлое и будущее каждого предмета, а также отношения предметов друг к другу. Действительно, наблюдая за нить-ландшафтом, ты узнаешь, насколько искусственна идея изолированности отдельных объектов или даже людей, поскольку каждый из них бесконечно связан и переплетен с окружающим миром.

Нона сосредоточилась на настоящем. Она видела колонны и видела сквозь них. В этот момент ясности она увидела, что они могут быть картой — каждая колонна, возможно, отмечала каждый Ковчег. Она отбросила это озарение и посмотрела дальше. Она видела Скалу, пещеры внизу, движение ветра. Солдаты армии Лано казались сложными многомерными узлами, скользящим вдоль множества нитей. И впереди них скользила горстка узлов, связанных крепче, чем любой солдат. Каждый из них был пронизан черными нитями и соединен ими в паутину собственного изготовления. Ной-гуин, идут за ней.

Сзади все темные нити сходились в черный центральный узел. Особенный, наступает вслед за своими миньонами.

Вздвогнув, Нона поняла, что ассасины гораздо ближе, чем она предполагала. Она повернулась и побежала, огибая колонну так, чтобы та осталась за спиной. Резкие удары крест-ножей по камню последовали за ней, начиная с того места, где она стояла всего удар

сердца назад. Без предупреждения еще один ной-гуин вырвался из темноты, обогнув колонну прямо перед Ноной, и атаковал с захватывающей дух скоростью и преимуществом внезапности, его оружие было зазубрено смерть-шипами, предназначенными для закрепления в плоти. Нона могла только свернуть с их пути и упасть на землю. Еще один ассасин бросился на нее с копьем с черным наконечником. Нона, зная, что не сможет уклониться от удара, протянула руку, надеясь, что сможет как-то отвести его.

В это мгновение что-то черное метнулось в ассасина. Маленькая послушница. Хунска. Нона даже не знала ее имени. Еще две прыгнули на человека со смерть-шипамии, одна из них закричала, когда ее тут же пронзили.

— Нет! Бегите! — Нона вскочила на ноги. Она выхватила одной рукой крест-нож из воздуха.

Еще больше послушниц с ножами в руках бросились в атаку. Через несколько секунд все они будут мертвы. Неистово закричав, Нона снова бросилась бежать. Девочки не отступят, если она останется. Она не могла допустить, чтобы все их смерти были на ее совести.

Нона неслась так, словно все демоны черного льда следовали за ней по пятам, и, по правде говоря, другого выбора не было. Она пробежала через лес столбов и выскочила на открытую площадку перед домом настоятельницы. Здесь она была наиболее уязвима. Как только Ной-Гуин вынырнут из-за колонн, она будет для них идеальной мишенью. На бегу Нона потянулась к ремню на груди. Чайник дала ей полное полевое снаряжение Серой Сестры. Она рванула влево, вправо, влево. Мимо нее просвистели крест-ножи. Она знала, что даже когда она замедлится, надеясь уклониться от звезд, другие ной-гуин будут бежать к ней по прямой. Кончики ее пальцев пересчитал флаконы в сбруе и поискали закодированные отметки. Сестра Яблоко много раз заставляла их выискивать особые флаконы в самых трудных обстоятельствах. Правило состояло в том, чтобы пить все, что было в выбранном флаконе, независимо от того, правильно ты выбрала или нет. Крест-нож вонзился в плечо Ноны, и она споткнулась, едва не выронив открытый флакон. Она перевернула крышку и опрокинула содержимое в рот, скользнув влево, когда еще больше ножей ударило о камень вокруг нее.

Нона добралась до монастырских зданий по крайней мере с двумя ной-гуинами, наступавшими ей на пятки; бешеный ритм их шагов все еще был приглушен, как будто не было никаких обстоятельств, при которых ассасинов можно было бы считать шумными. Еще один острый как бритва крест-нож ударил ее в заднюю часть бедра.

Резкий поворот в проулок между прачечной и винодельней позволил Ноне проделать трюк, который выиграл ей много гонок с друзьями: она оттолкнулась ногами от стены и прошла резкий поворот, не теряя скорости. Она бросилась в здание дормиторийев, взлетела по двум лестничным пролетам, ворвалась в Святой дорм и выпрыгнула в окно за своим рабочим столом, разбив ставни. Она приземлилась на крышу склада через дорогу и с криком перекатилась через гребень крыши, когда крест-нож вырвался из ее плеча. Еще два кувырка сбросили ее с желоба, и она побежала к дальнему концу прачечной. Ее бедро было белым от боли, но она бежала, почти не хромя. Дефект-клинки врезались в камень, позволив Ноне метнуться вокруг угла в комнату для глажки, а затем, через галерею для стирки, спуститься по ступенькам и попасть в комнату с колодецем. Здесь, у стены колодца, были сложены мешки с бельем, каждый из которых был привязан к веревке, свисавшей в шахту. Без остановки Нона спрыгнула в колодец, хватаясь во время падения за веревки.

Тяжелые мешки полетели вместе с ней, проскользив ярдов пять-десять, прежде чем

застрять, когда шахта сузилась. Нона резко остановилась, проклиная боль в плече. Секунду спустя она отпустила веревки и пролетела оставшееся расстояние.

Она зацепилась дефект-клинками за каменную кладку на самом дне шахты и перемахнула через пруд в пещеру под центральным дубом.

— Привет? — произнесла он в темноту. Ее пальцы нащупали рукоять ножа в ноге, и она невольно ахнула. Если она вытащит его, то, скорее всего, истечет кровью. Если оставит внутри, любой яд, находившийся на лезвии, будет продолжать питать ее кровь.

— Нона? — Слабый, дрожащий голос.

— Это ты мне скажи. Ты единственная, кто может видеть. — Сквозь боль Ноны пробилась улыбка. Она повернулась на голос Ары.

— Помоги мне подняться. — Хриплый звук, сопровождавший каждое слово, говорил о поврежденном легком. Скорее всего, сломаны ребра.

— Ты вся мокрая, — сказала Нона, найдя Ару в темноте. Она подняла подругу, стараясь не слишком давить на раненую ногу. *Нынешняя* боль заставляла думать, что на самом деле ей было не больно, пока она не остановилась.

— Послушницы опустили меня в бассейн, как я им велела. — Ара оперлась на нее. — Как ты велела мне им сказать. И они поставили мешки... — Она выпрямилась и ахнула. — Если кто-то хочет нас найти, несколько мешков с грязными рясами недолго их не задержат.

— Да. — Нона, прихрамывая, сделала шаг вперед, увлекая за собой Ару. — Так что давай и мы не будем здесь долго задерживаться.

Две монахини, шатаясь, шли, поддерживая друг друга. Нона была совершенно слепа и ориентировалась только по памяти; Ара могла видеть, но не была уверена в маршруте. Одной рукой Нона прижимала тряпку к ране на плече. Путь, который она оставила, и закупоренный колодец означали, что ной-гуин должны будут выследить ее. Как только они доберутся до подземелий, они попросят Клеру вести их. Нона позволила немного крови пролиться здесь и там. Она хотела оставить след, по которому могла бы идти Клера, а не уступить его одному из ассасинов, более искусному в выслеживании, хотя и незнакомому с лабиринтом пещер.

В узком проходе, длиной ярдов в сто, Нону захлестнула тошнота. Она прислонилась к стене, и ее вырвало на землю перед ней.

— Нона!

— Я в порядке... — Она чувствовала головокружение и тошноту. Черное лекарство, которое она приняла во время бега, сражалось с ядом, которым были покрыты маленькие ножи ной-гуин. Она согнулась пополам, уперев руки в бедра. Тишину нарушали только ее судорожные вздохи, хриплое дыхание Ары и кап-кап-кап пещеры. В голове Ноны дьяволы нашептывали ей страхи. Страхи настолько тайные, что она не признавалась в них даже самой себе.

Клера предаст тебя.

Арабелла Йотсис ненавидела тебя с самого начала. Для нее ты теперь такая же грязная крестьянка, как и в первый день приезда.

Ты умрешь здесь, в темноте.

Таксис, Йотсис, Намсис... все они одинаковы.

Йишит чуть не задушила тебя в этих туннелях. Ты думаешь, что сможешь сбежать от восьми ной-гуин?

С ними Особенный. Он хуже остальных семерых, вместе взятых.

Брось девуцу. Она тебя тормозит.

— Заткнитесь!

— Что? — Ара напряглась.

— Нет, не... — Нона покачала головой. — Не имеет значения. Давай двигаться дальше.

Нона хромала вслепую через сырые и узкие пространства с невыразимой тяжестью камня над ней, отчаянно пытаясь не сбиться с пути. Местами им обоим приходилось тащить себя по полу, как раненым животным. Знание того, что их преследуют самые смертоносные ассасины во всем Коридоре, не помогало ничем. Каждый из ассасинов находится полностью в своей стихии, ведь по их жилам текла древняя тьма. Воображение наполняло тишину между вздохами тихими звуками крадущегося врага. Несколько раз Нона оборачивалась, решив изучить нить-пространство и увидеть, насколько близка угроза, но только для того, чтобы изгнать из себя эти мысли, не желая тратить время на раскрытие информации, которая не изменит курс ее действий. Ара не жаловалась ни на одну из этих пауз, просто висела на плече Ноны, делая медленные болезненные вдохи, которые скрипели, входя, и клокотали, выходя. Нона вспоминала Яблоко, получившую удар в легкое в хаосе битвы. Всхлипывая, она тащила Ару дальше.

Наконец они достигли цели Ноны. Она чувствовала пульс корабль-сердца из-за каменной стены, в которой утопила его.

— Отойди. — Нона погрузила пальцы в камень, как в глину, и вытащила корабль-сердце, ее руки почернели от чужеродного света. Сразу же свечение сделало знакомым окружение, которое казалось таким чужим, когда открывалось только через прикосновение. Дьяволы в ее плоти отступили от корабль-сердца, хотя именно оно их породило.

— Ты принесла сюда *его*? — Ара прислонилась спиной к противоположной стене, ее лицо было мертвенно-бледным, губы почти черными.

— Я не хотела! — Нона скривила лицо, когда шепотки в ее голове превратились в крик. — Я не Зоул... Я не могу исцелить нас этим. Мне очень жаль.

— Ад, — пробормотала Ара. — Я скорее буду терпеть боль, чем снова прикоснусь к этой штуке.

Расщелина, по которой поднялась Нона, лежала всего в нескольких футах. Прежде чем приблизиться к ней, она прошла десять ярдов по коридору, ее сердце колотилось, ожидая каждую секунду встретить нож, вылетающий из темноты. Она вытащила нить из камня, всего лишь одну из множества, мерцавших в ее колдовском взгляде. Нить рассказывала историю Скалы — как та образовалась и приняла нынешнюю форму, как ее прорезали каналами древние воды. Она потянула нить дальше и привязала ее к нити в противоположной стене. Дрожь неправильности пробежала по всей ее длине, затем затихла.

С бешено колотящимся сердцем, уверенная, что ной-гуин в любой момент набросятся на нее, Нона подошла к краю расщелины. Она применила свои навыки камень-работы, разбивая камень по бокам трещинами и в то же время послала свое камень-чувство по проходам, которые, как вены, пронизывали плато. Она чувствовала безмолвную громаду Стеклоанной Воды: провал лежал всего в нескольких сотнях ярдов, но даже с помощью корабль-сердца вода и кости любых человеческих тел, приближающихся по туннелям, оказались слишком малы, чтобы их можно было заметить. Бросив поиски, она уронила корабль-сердце, щелкнув им, чтобы оно покатило по проходу под ней. Сердце с грохотом скрылось из виду, укатившись достаточно настолько далеко, чтобы ни один шепоток его света не достигал Ноны. Она позволила себе вздохнуть с облегчением, освободившись от

этой шгуки.

— Ара, ты должна спуститься. — Нона указала вслед корабль-сердцу.

— Вниз? — Ара застонала. — Я не могу.

— Я не шучу. — Нона нащупала путь к ней сквозь темноту и схватила ее за рясу. —

Надо пролезть вниз десять футов. И еще восемь футов до пола.

— Я не могу!

Нона потащила Ару к трещине:

— Ты должна.

— Падение убьет меня!

— Оставайся здесь, и вместо падения тебя убьют ной-гуин.

— Ной-гуин? — Голос Ары звучал слабо.

— Восемь. — Нона подтащила Ару к краю, вздрогнув от жуткого стога девушки. — Я сделала для тебя опоры.

Ара начала спускаться, постанывая от боли. Нона, извиваясь, втиснулась следом. Она повисла на клинках прямо под краем расщелины. Внизу Ара добралась до крыши прохода под ними и закричала от боли, пытаясь спуститься вниз. Последовал глухой удар, затем наступила тишина. Боль, вспыхнувшая вдоль нить-связи, почти заставила Нону потерять свою собственную хватку; она предположила, что Ара от боли потеряла сознание.

Нона ждала, вися на невидимых когтях, одно плечо начинало болеть от напряжения, кровь капала с другого, бедро превратилось в массу раскаленной добела смертельной муки, живот крутило, тело ослабело от эха того, что яд ной-гуин хотел сделать с ней. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем что-то произошло, и все это время голоса ее дьяволов в тишине пещеры становились все громче, их требования все труднее было игнорировать. Они заставляли ее рассудок казаться безумным. Почему она не бежит?

— Ты знаешь, куда направляется эта сука?

Нона уже знала, что они идут. Она почувствовала, как ее нить вернулась на свое естественное место, когда первый из них прошел через нее. Нона завязала свой узел так, чтобы он разорвался при таком вторжении, и, когда он лопнул, нить, которую она установила, послала рябь через что-то более глубокое, чем камень. Сестра Сквородка пыталась научить ее этому трюку, но именно от Джоэли Намсис Нона в конце концов научилась тонкому искусству нить-ловушек, сторож-нитей и предупреждение-нитей. Ей пришлось попасться в многие из них, прежде чем она овладела техникой. Как однажды сказал ей Кеот: *твои враги формируют твою жизнь больше, чем когда-нибудь могли бы друзья.*

Нона знала, что они придут, но, пока Лано Таксис не заговорил, она не смела и надеяться, что он присоединился к охотничьему отряду. Он, должно быть, бросил королевское состояние, оставив доспехи с отчеканенными на них сигилами у устья колодца, но у него все еще была достаточная защита в виде сигил-амулетов и такой же одежды; все они могли остановить Путь-взрыв. Не то, чтобы Нона могла его устроить.

— У подножия плато есть выход. Вот куда бы пошла я. — Голос Клеры. — Она, наверняка, расставила нам ловушки. Проволоку, возможно.

Нона собралась с духом, борясь со своей болью, со своей слабостью, с голосами в голове, говорящими ей, — и не без оснований, — что Клера снова предала ее, что Клера не последовала ее указаниям.

Нона ждала. Какая-то фигура начала перешагивать через трещину. Со всей скоростью и

силой, оставшимися у нее, Нона рванулась вверх, не обращая внимания на крик раненого плеча, и схватила человека за лодыжку. Тем же движением она втянула дефект-клинки и позволила ее весу утащить их обоих в глубину.

Трещина поползла вокруг них, как будто они тонули в меду. Нона оставила свою жертву на произвол судьбы, сосредоточившись на собственном приземлении. Когда ее голова выскочила из трещины, она отследила сияние корабль-сердца. Когда усыпанный камнями пол приблизился, Нона вытянула здоровую ногу, чтобы поглотить первый удар. Она знала, что одной ноги будет недостаточно. Другая ее нога коснулась земли, и она напряглась, чтобы не врезаться всем телом в камни. Зловещий маленький нож, воткнутый в заднюю часть ее бедра, врезался еще глубже, когда мышцы вокруг него напряглись.

С воем Нона опустилась на корточки и тут же бросилась к корабль-сердцу. Она шлепнула по нему рукой и с усилием, которое, как она думала, могло сломать ее и без того сжатые зубы, заставила стены трещины рухнуть внутрь.

Быстрее мысли она перекатилась, вытянув руку к Аре, лежавшую без сознания под отверстием. От прикосновения камень-работы Ноны, несколько больших кусков камня превратились в пыль, рассыпаясь по воздуху, в то время как более мелкие куски отскакивали куда угодно, только не на Ару.

Фигура в черном плаще остановилась рядом с Ноной.

— Что за... — Человек быстро отбежал от нее. — Яйца Предка! Это же гребаное корабль-сердце! — Клера уперлась спиной в противоположную стену, стараясь отодвинуться подальше. — У меня такое чувство, будто мой мозг варят!

Нона взглянула вверх, на грудку битого камня, завалившую трещину в крыше над ними. Усилие, с которым она закупорила трещину, оставило ее с головной болью, которая была достаточно сильной, чтобы конкурировать за внимание с плечом и бедром.

— И это твой план? — Клера проследила за ее взглядом, ее лицо побледнело и покрылось капельками пота. — Это не план! — Она шлепнула грязной ладонью ко лбу. — Нет! Не могу поверить, что была такой дурой. Что ты со мной сделала, Нона? Какое-нибудь разум-трюк марджалов? Это он, не так ли, разум-трюк?

Нона проигнорировала ее и подползла к Аре. Головной убор ее подруги распустился, и ее золотистые волосы были малиновыми от крови из какой-то новой раны на голове. Нона взяла флакон из своих запасов Серой Сестры и открыла его перед носом Ары. От резкого запаха у Ноны слезились глаза, и Ара, кашляя и отплевываясь, пришла в себя и оттолкнула флакон.

— Ты только что купила себе полчаса, максимум час!

Клера пошла было прочь, потом вернулась.

— Они найдут обходной путь, выследят нас и убьют. — Она пнула камень и заковыляла в темноту, ругаясь. — Ты только что убила меня! О чем ты только думала? Это не план!

— Да, — сказала Нона. — Это не план. Вот *это* — план. — Она подняла корабль-сердце, сжимая его так крепко, что ей показалось, будто косточки пальцев сейчас сломаются. На мгновение свет внутри камня замерцал и потускнел. Нона протянула руку вдоль безмолвных, лишенных света туннелей, ее камень-чувство искало. Наконец она нашла дальнюю стену, которую хотела найти... и сломала ее. Казалось, что это усилие в ответ сломало что-то внутри нее. Она упала на пол, горячая кровь хлынула из ее рта, корабль-сердце выкатилось из ее безжизненной руки.

Скала Веры громыхнула.

— Нона? — спросила Ара дрожащим голосом. — Что ты наделала?

Нона лежала там, где упала:

— Провал.

— Стеклянная Вода? — Клера вздохнула. — И что же ты сделала?

Нона уперлась рукой о пол под грудью и оттолкнулась от земли. Казалось, она весит столько, сколько положено десяти монахиням. Камень под ее ладонью дрожал.

— Туннель над нами вот-вот снова превратится в реку. — Она оперлась о стену и встала на одну ногу. — Чуть позже и этот. — Она нагнулась, чтобы поднять Ару с земли. — Значит, нам надо поскорее убираться отсюда.

Святой Класс

НОНА ЗНАЛА, ЧТО темнота и скорость, с которой вода под давлением движется по туннелю, означают только одно: в конце концов отдаленный гул внезапно превратится во *вжик*, и через мгновение все они будут мертвы.

Воздух уже пришел в движение, подгоняя их сзади, как бы быстро они ни двигались.

— Мы никогда не доберемся до Пути Безмятежности! — Обезумевшая Клера остановилась в двадцати ярдах от Ноны и Ары. Отблеск корабль-сердца слабо отразился на ее лице и руках, делая ее предположением в темноте.

Ара плелась вперед какой-то сломанной трусцой, кряхтя и вздрагивая каждый раз, когда она оступалась на неровной земле. Нона, искалеченная болью в голове, шла неуклюжей походкой и неуклюже болтала раненой ногой, не желая сгибать ее.

— Быстрее! — Было ясно, что Клера вот-вот умчится прочь, бросив их. — Быстрее!

— Мы не идем к Пути Безмятежности! — Им так далеко не уйти, Клера была права. — Нам просто нужно добраться до комнаты холотура и кольца. — Нона подняла корабль-сердце повыше. — С этим!

— Значит, ты хочешь умереть в более знакомом месте? — взвизгнула Клера. Она повернулась, чтобы уйти.

— Кольцо — это врата. Магические врата. А это — ключ! — Нона попыталась ускорить шаг, но тело, казалось, не желало ее слушать.

Клера пошла медленнее, ожидая их. Слишком напуганная, чтобы стоять на месте, ее нервная энергия отскакивала от стен:

— Быстрее! Быстрее!

Нона шла близко к Клере, Ара — в нескольких ярдах позади. Клера ускорила шаг. Это много говорило об ауре корабль-сердца. Даже зная, что оно — ключ к ее спасению, Клера, казалось, не испытывала ни малейшего искушения схватить его и убежать.

Отдаленный гром определенно стал менее отдаленным. Усиливающийся рев эхом отдавался в их сторону, прерываемый серией ударов. Воздух проносился мимо них так быстро, что, казалось, толкал их вперед, едва не отрывая от земли.

Дыхание Ары стало прерывистым, превратилось в трудные отчаянные вздохи. Нона чувствовала нож в ногу каждый раз, когда переносила на нее свой вес, горячая кровь струилась по спине. Клера танцевала впереди них, обезумев от страха, крича им обеим, чтобы они поторопились. Нона ушла в себя, ее мир превратился в однообразие боли и бега, один мучительный шаг за другим. Там, в туннелях, погиб Лано Таксис. Внезапная смерть, и лучшая чем та, которую он заслужил, но злоба Ноны выгорела на его отце, Туране. Жестокий конец, который она дала этому старику, был пятном на ее душе, оставшимся даже сейчас. Она это знала. Таким пятном, которое не смоет вся стремительная вода, направленная в ее сторону. Смерть наступала на пятки, и ей хотелось быть лучше, хотелось спасти своих друзей.

— В какую сторону? — Клера ждала ее там, где туннель раздваивался.

— Сюда! — Нона заставила корабль-сердце ярко вспыхнуть и свернула за угол в пещеру холотура. Существо, которое они давным-давно изгнали, было одним из того немногого,

пугавшего Нону больше, чем то, что сейчас несло за ними.

Обернувшись, Нона что-то увидела. В дальнем конце длинного коридора, по которому они бежали, к ним неслась белая стена. И на полпути между Арой и яростью этого потока мчалось что-то темное и ужасное, и мчалось почти так же быстро как вода. Одна черная фигура, чей неясный облик каким-то образом наводил на мысль о вещах гораздо худших, чем мог представить себе ум.

— Особенный! — Клера ворвалась в комнату впереди Ноны. Из всех их преследователей только темное сердце ной-гуин сумело удержаться впереди потопа и теперь было в нескольких мгновениях от того, чтобы догнать их. Тени, которые неслись впереди Особенного, несли с собой новый ужас, угрозу, которая заставляла белую ярость позади казаться добротой.

— Ара! — Нона бросилась бежать, работая раненой ногой, не обращая внимания на то, что нож, вонзенный в бедро, может нанести ей новые повреждения. — Беги!

Впереди маячило огромное кольцо. Клера добежала до него первой и обернулась, крича им:

— Бегите, суки!

Особенный ворвался в комнату, темная ярость теней кипела вокруг пустоты, кошмарные формы тянулись вперед, чтобы разорвать плоть и разрезать души. Веревки тьмы хлестнули и обвилились вокруг Ноны, впились полуночными зубами в ее одежду. Она шла, пошатываясь, словно тащила за собой груженую повозку. Она обнаружила, что кричит, и каждый дьявол в ней кричал так же громко. Гнев Особенного молотами бил по ней.

— Бегите! — взывала Клера из кольца.

Между Ноной и Клерой оставалось всего несколько ярдов. Она услышала *вжик*, когда неисчислимые галлоны Стеклоанной Воды с грохотом выскочили из-за угла и устремились в пещеру. Она врезалась в бок кольца, хлопнув по нему ладонью, и повернулась. Ара была на длину копья позади нее, пойманная в ловушку и размахивающая руками, вокруг ее задыхающегося рта поднималась красная пена. Особенный отставал от нее на три длины копья, когти его теней сомкнулись вокруг ее ног. А за ним — первая вздымающаяся волна потопа.

— Беги! — снова закричала Клера и с умопомрачительной скоростью обрушила шквал метательных звезд в пустоту, где должен был находиться Особенный.

Каким-то образом Ара вырвалась из теней Особенного и бросилась головой вперед в кольцо. В тот же миг туда прыгнула Нона, сбив с ног Клеру. Рев потока поглотил их крики. И по ним ударила невероятно холодная вода.

Внезапно остался только крик Клеры. Девушка сделала еще один вдох, еще раз вскрикнула и наступила тишина. Остались только тяжелое дыхание и кашель Ары, а также дыхание самой Ноны, едва слышное сквозь оглушительный стук ее сердца. Войдя в ворота, Нона почувствовала, как Особенный борется с ней за контроль над корабль-сердцем, как его разум тянется к нему. Каким-то образом ей удалось вырваться и запечатать ворота в то мгновение, когда она упала в императорский дворец.

ОБЛЕГЧЕНИЕ ОБРУШИЛОСЬ НА Нону, но не как избавление от цепей, а как сжат горла, как рыдание, как горе по поводу возможной смерти Ары и Клеры, которое вырвалось наружу только теперь, когда они были спасены. Она заставила себя встать на четвереньки и отползти подальше от остальных, унося с собой корабль-сердце; потом она снова рухнула на

пол. Клера не кричала, и даже дьяволы Ноны затихли в наступившей тишине.

Все три лежали в нескольких дюймах ледяной воды в маленькой квадратной комнате, из которой Нона покинула подвал Крустикэла.

Клера слабо похлопала по воде, теперь выбегающей в коридор.

— Извините, у меня маленькая неприятность. Кажется, я обмочилась. — Она приподнялась. — Что, черт возьми, это было? И где мы находимся?

Нона со стоном перевернулась.

— Императорский дворец. — Она села, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой раненую ногу. Кровь окрасила воду вокруг рукоятки ножа. — Ара?

— Разве я еще не умерла? — Ара не шевельнула ни единым мускулом, просто лежала на животе в потоке воды, ее грудь тяжело вздымалась.

— Извини, — сказала Нона, — на это нет времени. У меня есть для тебя дела. — Она простучала код, который включал и отключал клинок-стену снаружи. — Тебе нужно научиться этому. — Она снова отстучала его. Когда ее страх, усталость и боль начали спадать с высот, достигнутых в крайних точках побега, Нона снова начала ощущать страдания Рули, эхом отзывавшееся через их нить-связь.

— Один вопрос. — Клера поднялась на ноги, с нее капала вода. — Не лучше ли было начать твое наводнение в тот момент, когда мы добрались бы до кольца?

— Чуть не проломил себе череп, пытаясь достать его из хранилища. Не думаю, что смогла бы это сделать из пещеры холотура. Слишком далеко.

Нона глубоко вздохнула, пытаясь избавиться от двоения в глазах:

— Вы уловили ритм?

— Да. — Клера.

— Нет. — Ара.

— Достаточно хорошо. Мне нужно идти.

— Идти? — Клера бросилась к дверному проему, желая увеличить расстояние между собой и корабль-сердцем. — Куда?

— Не уходи! — Нона добавила к тревоге в голосе принуждение марджал. — Сначала проверь, нет ли ловушки. — Она послала инструкции Аре вдоль их нить-связи. Это было легче, чем говорить.

— Надо... надо помочь Рули... — Нона вздохнула и опустила подбородок на грудь. Мгновение спустя нить-связь взяла ее.

Крики Рули были такими громкими, что Нона не могла себе представить, почему их не слышно в коридоре, находившемся менее чем в сотне ярдов. Ее боль была хуже всего, что Нона пережила в тот день, и все же каким-то образом она знала, что девушка ни словом не обмолвилась о том, что видела в книге.

Боль ослабла и, когда Рули перевела дыхание, Нона услышала рыдания Джулы. Послушница была гораздо менее молчалива, чем ее подруга. Между слезами она рассказывала Шерзал все, что помнила из «*Книги Лунь*» Аквинаса. То есть, учитывая, что это была Джула, почти все, что лежало между обложками книги. Очевидно, охранники Шерзал были образованнее большинства, потому что один из них делал обширные заметки, пока Джула выплескивала свои кишки.

— Перестань ее мучить! Ты же обещала!

— Я сказала, что могу. Когда ты нам все расскажешь.

Рули подняла веки и затуманенным взглядом поглядела на Шерзал. Сестра императора

раскаживала перед Джулой, которая сидела недалеко, прислонившись к стене. В дополнение к охраннику, который вел записи, по бокам от девушки стояли еще двое.

— Мы попробуем это снова? — Нежный голос рядом с ухом Рули.

Рули вздрогнула и попыталась отвернуться, но сильные пальцы схватили ее за подбородок и повернули лицом к сидящей рядом на корточках Сафире. За спиной бывшей любовницы Чайник стояла Джоэли Намсис, выглядевшая слегка больной.

Отдай мне свое тело, Рули.

Нона? Милый Предок, я думала, ты меня бросила!

Отдай мне свое тело.

Я думала, ты никогда не попросишь, дорогая. И с этими словами Рули убежала в святилище, которое предложила ей Нона, отказавшись от всякого контроля.

Одна из рук Рули была привязана к ее боку. Другая была в руке Сафиры, рука бесполезно болталась на сломанном запястье. Но сломанное запястье не было главным источником боли Рули и не мешало тому, что Сафира сделала с ее пальцами, дотянуться до нее. Сафира взяла еще одну черную иглу и приготовилась воткнуть ее под один из двух ногтей Рули, под которым иглы еще не было. Нона предположила, что они, должно быть, покрыты чем-то вроде яда красного аспида. Просто иглы под ногтями, конечно, не могли объяснить чудовищную боль, проходящую через руку Рули.

— Готова? — спросила Сафира.

— Ты права, полагая, что книга Аквинаса — ключ. — Нона изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал ровно, прошипев последние слова через зубы Рули.

— Что? — Сафира прищурилась.

— Книга действительно ключ. Но ты никогда не понимала, ключ к чему.

Сафира с подозрением посмотрела в глаза Рули:

— О чем ты говоришь?

— Да, дитя, объяснись. — Шерзал нависла над ними обоими, все еще улыбаясь. Рули перестала кричать и умолять, и это привлекло ее внимание. Даже рыдания Джулы затихли.

— С... с кем, по-твоему, ты здесь сражаешься? — Нона заставила губы Рули улыбнуться. — Скифроул? Твой брат? Горстка послушниц?

Едва заметная морщинка пробежала по лбу Шерзал чуть выше ее носа.

— Адома. Это всегда была Адома. По крайней мере с того времени, когда Шелла Яммал перешла к Предку. — Шерзал подошла ближе, вглядываясь в лицо Рули. — Знаешь, я знала ее очень давно. Еще до этой глупости с монастырями и настоятельницами.

Нона сплюнула кровь изо рта Рули и заставила себя посмотреть на свои пальцы. Боль была нереальной, но почему-то, когда сердце корабля прожигало ее насквозь, ничто другое не могло казаться более важным:

— Если бы ты действительно знала Настоятельница Стекло, то поняла бы, что никакая смерть ее не остановит.

Глаза Шерзал расширились, и она невольно шагнула назад. Нона тоже почувствовала удивление Рули и внезапный шок от предательства. Нона никому из них не сказала правды. Всей правды.

— Когда настоятельница отправила нас на охоту за этой книгой, она охотилась не за чем-то, что хранило тайны Луны... Просто за тем, что тебе было очень нужно. Настоятельница Стекло всегда вела долгую игру. Я думала, ты это знаешь? — Нона снова сплюнула. — Она хотела, чтобы мы взяли что-то, что заставило бы тебя привести нас сюда,

минуя все секреты и защиту императора, прямо к воротам Ковчега. Почему, как ты думаешь, мы так долго медлили? Прошли годы, прежде чем мы взяли эту книгу. Почему, как ты думаешь, мы так плохо скрывали наши планы? Но мы не могли сделать это *слишком* легко. Это Джоэли узнала, чем мы занимаемся, и рассказала тебе? — Нона глубоко вздохнула и пристально посмотрела на Шерзал. — Или Маркус? Или оба? — Боль пронзила Нону от непроизвольного признания на лице Шерзал. Остальные считали, что включение Маркуса было глупостью. Что он предаст их всех за один удар сердца. Но в конце концов они поверили суждению Ноны. А сама Нона решила включить Маркуса, чтобы у Шерзал был еще один способ узнать, что им нужно, и захотеть забрать это у них... Хотя в глубине души Нона верила, что Маркус не предаст ее... что братство, выкованное в клетке, выдержит...

— Это чепуха! — Шерзал взяла себя в руки. — Девчонка просто пытается выиграть время. Продолжай, Сафира. А ты! — Она повернулась к Джуле. — Все до мельчайших подробностей, или я отрежу нос и уши этой девочке и брошу их тебе на колени.

Сафира наклонилась с другой иглой.

— Прости, Чайник, — пробормотала Нона, и Сафира остановилась, на мгновение озадаченная. Нона втянула в себя силу корабль-сердца и, когда Сафира приблизилась к пальцу предназначенному для последней иглы, из него выскочил один-единственный дефект-клинок, в два раза длиннее обычных. Сафира замерла, насаженная на вертел. Клинок вошел ей под подбородок и вышел из затылка.

— Сафира! — Шерзал шагнула вперед, раздраженная задержкой.

Сафира дернулась, потом резко упала. Нона убрала клинок, и женщина упала, пригвоздив Рули и ее раненую руку к полу. Нона подавила боль и продолжала обращаться к Шерзал, как будто ничего особенного не произошло:

— Ты привела нас сюда, под давлением, в спешке, небрежно, ты показала нам путь внутрь, показала нам каждый трюк, каждую ловушку и каждый секрет.

— Убей ее! — рявкнула Шерзал Джоэли и побежала к двери, через которую они вошли.

— Я бы не советовала, Джоэли. — Нона пристально посмотрела глазами Рули на девушку Намсис. — Я жду тебя за дверью, и на Абете нет такого места, где бы я не нашла тебя, если ты причинишь вред еще одной из моих подруг.

Шерзал остановилась у двери:

— Покажи мне коридор.

Что-то похожее на прозрачное окно открылось в середине двери, но изображение изменилось, словно окно быстро двигалось по коридору снаружи.

— Стоп!

Изображение остановилось на трех фигурах. Три грязные, мокрые, покрытые пятнами крови фигуры приближались к двери. Нона шла впереди и держала на руках обмякшее тело Ары, глаза девушки сверкали сквозь щелки. Клера шла в десяти шагах позади Ноны, нервничая и оглядываясь на ярко освещенный зал.

— Ты думаешь, охранники, которые у тебя здесь, нас остановят? — спросила Нона. Было очень странно видеть себя идущей к ним.

Ара контролировала ее тело так же, как Нона контролировала тело Рули.

— Я думаю, что бронированные двери снаружи можно открыть только изнутри, — сказала Шерзал. — Вот что я думаю.

— Если ты уйдешь *сейчас*, то все еще сможешь сбежать, — сказала Нона. — Ты знаешь выходы из этого города, туннели под стенами. У тебя есть деньги, связи, последователи. Ты

могла бы купить себе дорогу на лед и спуститься с него где-нибудь в полудюжине королевств от Скифроула и Дерна.

— Никакого «могла бы», — усмехнулась Шерзал. — У меня есть сани, которые отвезут меня в Римарлу, так далеко на запад, что Дарн — всего лишь слух. Но почему я должна бежать? У меня здесь есть все, что мне нужно. — В коридоре Нона остановилась, неловко опустила Ару на пол и достала из-под одежды корабль-сердце ной-гуин.

— Лано Таксис мертв. Особенный ной-гуин мертв, все ной-гуин, которых он взял с собой в монастырь Сладкого Милосердия, мертвы. Корабль-сердце у нас, — произнесла Нона ртом Рули, но улыбка была ее собственной.

— Эти девчонки едва могут ходить. Клера — единственная из них, кого не собьет с ног сильный ветер. — Шерзал тоже улыбнулась. — И она — моя.

— Ты бы поставила на это твою жизнь? — спросила Нона. — Потому что я готова поставить свою, что это не так. — Со связанной здоровой рукой Рули и другой рукой, зажатой под остывающим телом Сафиры, Ноне теперь оставалось только блефовать, а она никогда не была хорошей лгуньей. Единственным ее преимуществом было то, что она верила в то, что говорила.

— Если я открою бронированные двери, почему ты меня отпустишь? Если Клера на твоей стороне, что помешает ей убить меня?

— Клянусь Предком, мы не сделаем ничего, чтобы помешать тебе уйти.

Шерзал фыркнула:

— Предком?

— У тебя есть кнопка. Дай Клере и двум монахиням войти. Покажи Джуле, как снова поднять бронированные двери. Если кто-нибудь из них приблизится к тебе или попытается остаться с твоей стороны двери... устрой свой взрыв и получи свой великий конец, — сказала Нона.

— А если Скифроул уже во дворце? — спросила Шерзал.

— Жизнь полна азартных игр, — ответила Нона. — Но это место защищают мои сестры, а они не из тех, кого легко одолеть.

— «Очень важно, убивая монахиню, не забыть привести с собой армию достаточного размера», — процитировала Джула, все еще сидевшая между охранниками Шерзал, и одарила сестру императора кровавой ухмылкой.

— Она права, — сказала Нона. — Я видела, сколько привела Адома, и, честно говоря, не думаю, что этого достаточно. — Без корабль-сердца, которое держала Нона, Шерзал было нечем торговаться с Адомой. Нона и ее подруги могли запереть ее в Ковчеге и улететь через путешествие-кольцо, как только прибудет бой-королева.

В прищуренных глазах Шерзал сверкнула ярость.

— Это еще не кончено. Ты это знаешь? Пока я жива, ни для кого из вас это не кончено. — Она снова вынула из-под платья короткий стержень, обхватила его рукой и положила большой палец на кнопку. Потом сложила руки перед собой, чтобы защитить ладонь, державшую стержень, и направилась к выходу: — Опустить бронированные двери, — крикнула она, обернулась и позвала Джоэли. — Пойдем, девочка. — Она помахала охранникам, стоявшим рядом с Джулой. — Оставьте ее.

— Нет, — сказала Нона. — Они все остаются. Кто-то должен заплатить.

— Мстительная маленькая послушница, не так ли? — Шерзал позволила себе улыбнуться. — По крайней мере, у нас есть что-то общее. — Она пожала плечами. — У меня

наверху полно охранников. А у Джоэли никогда не хватало духу на все это, не так ли, девочка? А жаль. Я думала, что в тебе больше отцовского, но как только дело дошло до нескольких игр, больше монастырских, ты разлетелась на куски.

Джоэли покачала головой:

— Нет! Нет! Я могу это делать. Возьмите меня с собой!

Шерзал рассмеялась и зашагала прочь:

— Возможно, ты сможешь переубедить меня, нить-работница.

Нона увидела, как дергаются пальцы Джоэли, когда она пыталась, но Шерзал никогда не казалась человеком, которого легко было бы поколебать... даже если бы каждый предмет ее драгоценностей не был обработан сигилами, поглощающими разрушение и закрепляющими ее нити.

В дверях Шерзал остановилась.

— Настоятельница Стекло действительно была замечательной женщиной. Я слишком часто ее недооценивала. — Она говорила достаточно громко, чтобы ее услышала вся комната, но не отрывала взгляда от своей руки на двери. — Но, если тебя впечатляет долгая игра, не расслабляйся. Еще ничего не кончено. — Она посмотрела на странное окно, чтобы проверить, где стоят Нона, Ара и Клера, потом открыла дверь. Толстая бронированная дверь снаружи ушла в пол. Шерзал вышла, скрестив руки на груди, большой палец на кнопке, которая должна будет взорвать взрывчатку, установленную ею в Ковчеге.

Нона, под контролем Ары и с Арой на руках, отошла к стене коридора, чтобы Шерзал могла пройти как можно дальше от корабль-сердца. Клера кивнула в сторону сестры императора, но ничего не сказала.

Когда они втроем пересекли бронированную дверь, Нона вернулась в свое тело, Ара скользнула обратно в свое, а Рули вернулась в свою плоть с серией хныкающих вздохов.

— Бронированные двери, вверх! — крикнула Нона, и позади нее десять тонн железа плавно скользнули на место.

Необычное окно продолжало показывать коридор, как будто железная стена толщиной в два фута ничего не меняла. Нона, прихрамывая, вошла и увидела, как Шерзал повернулась в их сторону. Она экспериментально ткнула в кнопку, радуясь возможности отправить их к Предку теперь, когда между ними поднялась дверь.

— Какое разочарование для нее. — Нона прищурилась, глядя на женщину. Даже сейчас ее дьяволы кричали, чтобы она погналась за Шерзал и разрубила ее на части.

Клера, стоявшая рядом с Ноной, помогла Аре подняться. Ара, со своей стороны, позволила Клере помочь ей и не ударила в горло, что было бы неразумно, даже учитывая то, что меньше часа назад Клера метнула ей в спину копье.

— Это еще не кончено, — сказала Ара, присоединяясь к Ноне у окна.

— Да, — сказала Нона, наблюдая, как Шерзал остановилась у клинок-ловушки.

Сестра императора бросила монету, чтобы убедиться, что ловушка не активирована. Монета упала на пол четыремя серебряными полосками. Она бросила злобный взгляд на бронированную дверь и безрезультатно нажала на кнопку.

— Ты должна пойти туда и убить ее. — Охранники, которые должны были резать Джулу, освободили ее, и та подошла, чтобы помочь Рули, которая изо всех сил пыталась сбросить с себя труп Сафиры.

— Если мы откроем бронированные двери, она сможет взорвать взрывчатку, — сказала Нона, не отводя взгляда.

Шерзал набрала последовательность, чтобы отключить клинок-ловушку. Всегда осторожная, она бросила вторую монету. Та со звоном ударилась о землю и остановилась. Удовлетворенная, Шерзал поспешила вперед, набирая скорость, стремясь добраться до своих охранников и убежать прежде, чем ворвется Скифроул.

Она уже миновала клинок-ловушку, как вдруг ее тряхнуло. Она замедлила шаг, а затем пошла дальше, еще медленнее. Толчок был вызван разрывом первой проволоки. Невидимо тонкая, она пронзила мясо до костей прежде, чем Шерзал успела ее сломать. Замедление было результатом многочисленных проволок позади первой, впивающихся в нее. К этому моменту она уже должна была почувствовать боль. Кровь появилась сначала в виде тонких красных линий, запачкав разрезанные края ее платья. Когда она пошатнулась, большие складки плоти и мышц начали отрываться от костей. Верхняя половина ее лица сделала что-то похожее, деталь, к счастью, оставшаяся скрытой за поднявшимся багровым туманом. Сестра императора успела сделать еще пять шагов, прежде чем упасть кровавыми останками. Звук ее крика не достиг Ковчега.

Ара и Клера выглядели так, словно их вот-вот стошнит.

Нона медленно кивнула:

— Вот теперь все кончено.

Святой Класс

— Я ПРИНЕСУ ПРОВОЛОКУ. — Ара выглядела так, словно предпочла бы сделать что-нибудь другое, даже если бы не сражалась с собой за то, чтобы просто стоять. Но первое и самое главное, чему научила их Сестра Яблоко насчет установки проволоки: потом все надо убрать.

Кто на самом деле устроил ловушку для Шерзал, можно было поспорить. Нона использовала свою нить-связь с Арой, чтобы попросить ее это сделать. Ара, слишком слабая, чтобы установить провода, использовала эту же связь, чтобы вселиться в тело Ноны, в то время как Нона, в свою очередь, обитала в Рули и разговаривала с Шерзал за бронированными дверями. Окровавленную проволоку из Ковчег-стали надо было вернуть в набор, который Чайник дала Ноне вместе с ядами и лекарствами — стандартное снаряжение каждой Серой Сестры.

Тем не менее, задача Ары состояла в том, чтобы вытащить провода из окровавленных останков Шерзал.

— Иди с ней, Клера, — кивнула Нона и жестом показала им идти обратно в коридор. Аре понадобится поддержка. Когда путь будет свободен, Нона отпустит охрану Шерзал. Джоэли останется здесь. Джула связала девушку веревками Сафиры. Джоэли, может, и хороша с нитями, но Джула лучше завязывала узлы.

— Книга была ложью? — Рули подошла ближе, баюкая раненую руку, словно она была сделана из яичной скорлупы. Джула вертелась вокруг нее, пытаясь помочь. — Я прошла через все это из-за лжи? — Теперь, когда Нона прислонила корабль-сердце ной-гуин к дальней стене, рядом с корабль-сердцем Сладкого Милосердия, обе послушницы смогли приблизиться к ней.

— Может быть, это и не ложь, — сказала Нона. — Но, может быть, книга полна ошибок и вообще бесполезна. Важно то, что вы верили в ее ценность. Она привела нас сюда и сохранила жизнь вам обоим. Настоятельница Стекло всегда хотела, чтобы книга стала ключом, который приведет нас к двери Ковчега. Не могу себе представить, как она предвидела, что это произойдет в то время, когда Скифроул будет сражаться на улицах Истины.

— Тогда как нам управлять луной, если мы вообще не можем попасть внутрь? — спросила Джула. — А мы не сможем. Инструкции Аквинаса очень сложны... Если он ошибается, тогда я не знаю, что делать.

— Ну... Первое, что нужно сделать, это открыть дверь, не так ли? — Нона пыталась отгородиться от голосов своих дьяволов, которые бушевали против глупости Джулы. Если девушка подойдет еще ближе, Нона сможет протянуть руку, когда та этого не ожидает, и прикончить ее. Она прислонилась спиной к стене. — Но до этого... Мне нужно, чтобы кто-нибудь вытащил этот чертов нож из моей ноги!

Джула вздрогнула, когда голос Ноны перешел в крик или, возможно, в проклятие, или в оба. Несмотря на это, она вышла вперед, уже развязывая завязки своей рясы, чтобы использовать их как жгут. Нона прислонилась головой к стене и заскрежетала зубами, а Джула принялась за работу.

— Как мы можем открыть Ковчег? — спросила Рули. Она имела право спросить. Ей под ногти загоняли отравленные иглы.

— Я... — взревела Нона, когда Джула вытащила из бедра крест-нож и затянула жгут над рассеченной мышцей.

— Нона! — Клера вернулась вслед за Арой, бледная, с окровавленными руками. — Как ты...

Джула встала, бросив маленький нож на пол:

— Будет жить.

Нона перевела взгляд своих черных глаз на охранников Шерзал.

— Вон! — Она прорычала это слово сквозь стиснутые зубы. — Присоединяйся к обороне, если хотите пережить эту ночь.

Клера заметила связанную Джоэли, сидящую на полу:

— Я ее знаю. Одна из марионеток Шерзал.

Нона проглотила упрек в том, что Клера и сама была такой, и попыталась прогнать дьяволов с языка.

— Мы должны вытянуть из нее правду, — сказала Клера, не обращая внимания на потрясенные взгляды Джулы и Рули. — Шерзал не держала всех яиц в одной корзине. Она собиралась поделиться с Адомой только в крайнем случае. Она охотилась за своими собственными корабль-сердцами. Это я точно знаю. У нее был агент среди лед-племен, и она отправила ее на охоту за Старыми Камнями. Ты действительно не хочешь знать, кто? Я слышала, что это была... Но богатая девушка здесь, она-то знает.

— Нона! — Из дверного проема раздался голос Ары.

В коридоре яркий свет заглушил обычное освещение. Он свирепо лился из комнаты, в которой хранилось путешествие-кольцо. Вспышка обрисовала резкие силуэты гвардейцев, застывших в нескольких ярдах от нее. Глубокий пульсирующий гул сотряс землю.

Нона выхватила меч. Ара изо всех сил пыталась вытащить свой. Клинок Клеры с шипением выскользнул из ножен.

Раздался треск, словно наступил конец света, и свет погас. Сначала Нона ничего не увидела. Коридор заполнили остаточные изображения, наплывающие друг на друга. Когда они исчезли и вновь появились темные фигуры людей Шерзал, Нона увидела, что перед ними стоит новая фигура, а в ее руках горят два шара света — один ядовито-зеленый, а другой красный, словно начинающее светиться железо.

— Йишт! — закричала Джоэли позади них.

— О, черт... — Клинок Клеры дрогнул, острие опустилось.

Нона сморгнула оставшиеся следы своей слепоты. В коридоре, в одиночестве — стражники в ужасе бежали, — стояла лед-женщина, так густо покрытая дьяволами, что у ней не было видно ни клочка незапятнанной кожи.

Я не могу умереть. Последние слова Йишт — и Раймела Таксиса. Возможно, если черный лед и преподал какой-то урок, так это то, что зло никогда по-настоящему не умирает...

— Нона? — Улыбка Йишт исказилась. Мгновение спустя остальная ее часть покрылась рябью, и на ее месте оказалась Зоул с напряженным лицом.

— Зоул? — ахнула Ара. — Ты же мертва!

— Она играет с нашими умами! — Клера отступила на несколько шагов.

— С двумя корабль-сердцами в руках я могла бы заставить вас увидеть кого угодно, —

сказала фигура. — Но я — Зоул.

— Она лжет, — сказала Ара. — Зоул умерла.

— Нет, — возразила Нона. — Это Зоул.

И, как только она это сказала, Таркакс Лед-Копье вышел в коридор, в десяти ярдах позади своей племянницы, и поморщился, как будто стоял слишком близко к жару огня. Зоул продолжала приближаться, и появились другие из племени Таркакса, толкая его в плечи.

Охранники уже убежали. Когда Зоул подошла ближе, Ара и послушницы отступили в комнату. Даже Нона не могла вынести объединенного давления обоих корабль-сердец.

— Как она здесь оказалась?

— Ты знала? Ты лгала нам?

Нона покачала головой:

— Я обещала Настоятельнице Стекло. Как и Зоул.

Когда Нона вернулась одна, с корабль-сердцем в руках, она немедленно все рассказала Настоятельнице Стекло. По указанию настоятельницы, она позволила всем поверить, что Зоул мертва, и ни словом не обмолвилась об Йишт. Каким-то образом отсутствие траура среди послушниц усилило привязанность Ноны к Зоул. Девушка шла одинокой тропой, и шла по ней без жалоб и компромиссов.

Нона не слышала о Зоул почти два года, а когда услышала, то обнаружила, что они нить-связаны. Каким-то образом во время их долгого бегства из черного льда, когда Зоул вынесла ее, наполовину бесчувственную, из этого ледяного ада, лед-девушка выковала связь между ними.

По предложению Настоятельницы Стекло, Зоул поставила перед собой задачу: доставить в империю оба корабль-сердца, управляемых ее племенем. В то же самое время — по-видимому, по собственной воле — Зоул принялась убеждать сестру императора, что Йишт все еще жива и пытается сделать то же самое — принести Шерзал два корабль-сердца, в которых та нуждалась. Все эти годы Настоятельница Стекло видела перед собой фигуры и приводила их в движение. Стремление Таркакса Лед-Копья защитить племена, оставив Коридор открытым, было лишь еще одним фактором, который нужно было включить в долгую игру. Нона понятия не имела, откуда настоятельница знала, куда приведет каскад причин и событий, но та всегда считала своим долгом все это знать. Нона видела результаты: применение знаний смогло открыть двери, которые ее дефект-клинки не могли даже поцарапать, и повергло настолько могущественных людей, что никакой боевой подвиг не смог бы остановить их руку.

Зоул ждала на льду, держа наготове Старые Камни. Нона сказала ей, что можно идти, и вот она здесь, с другой половиной ключа от Ковчега.

Зоул вошла в комнату, где Шерзал пыталась Рули. Она держала в руках два корабль-сердца своего племени, одно из которых было красным, как железо из кузницы, а другое — ядовито-зеленым. Корабль-сердца ной-гуин и Сладкого Милосердия лежали у дальней стены, одно — черно-фиолетовое, обжигающее глаз, другое — золотое. Девушка, которая отправила Нону обратно из сердца черного льда, исчезла. Перед ними стояла лед-женщина — жесткая, бескомпромиссная, совершенная. Зоул наблюдала за Ноной и остальными словно издалека, ни намека на узнавание в ее лице, ни теплоты, только сосредоточенная деловитость.

— Ты сможешь это сделать? — спросила Нона. Из всех них только Нона могла стоять в длину копья от Зоул и встречать ужасный свет в ее глазах. — Ты можешь взять все четыре и

открыть Ковчег?

— Это будет тяжело.

Нона спросила себя, остались ли в этой лед-женщине намеки на более молодую Зоул. Даже тогда она была тверда и, казалось, лишена эмоций, но Нона помнила, что Зоул назвала ее подругой и пришла в Тетрагод, чтобы спасти ее. Она помнила застенчивую улыбку Зоул, когда та отпускала одну из своих редких шуток, настолько сухих, что могли пройти мимо совершенно незамеченными.

— Тяжело? — Как всегда, когда Зоул называла что-то тяжелым, это означало, что это, по сути, невозможно... акт самоубийства.

— Очень тяжело. — В глазах Зоул было что-то похожее на страх. Нона никогда такого не видела.

— Попробуй. — Нона подошла к стене и села, опершись на нее спиной. — Скифроул приближается. Мне нужно помочь...

Нона не почувствовала, как упала, но врезалась в Чайник, словно упала с большой высоты.

Святой Класс

ЧАЙНИК ЛЕЖАЛА, РАСКИНУВ руки и ноги, оглушенная ударом одного из маленьки щитов, которые, казалось, предпочитали многие скифроулцы этой волны. Мужчина, ударивший ее, теперь перепрыгнул через нее в образовавшееся пространство. За ним последовал еще один скифроулец, на этот раз приземистая женщина с необычной пурпурно-красной кожей, которую Чайник никогда раньше не видела. Она несла короткое копье с длинным зазубренным наконечником, которым, похоже, прикончила изрядное количество раненых врагов. Не останавливаясь, она ткнула им в грудь Чайник. У Чайник не осталось сил ни на что. Она сумела только вскинуть пустую, беспомощную руку.

— Нет. — Слово Ноны сорвалось с губ Чайник.

Сидя в одной комнате с четырьмя корабль-сердцами, Нона чувствовала себя свечой, горящей не только с обоих концов, но и по всей длине. Их сила наполняла ее, разрывая на части. Быстрая, как мысль, она вытащила дефект-клинок из ладони Чайник и разрешила скифроулку пополам.

Вставай.

Чайник с трудом поднялась на ноги. Скорость покинула ее. Изнеможение тянуло ее вниз больше, чем мелкие раны, кровь из которые прилепила к телу ее одежду. Несколько ударов упало на дефект-броню, которую Нона создала вокруг Чайник, пока та поднималась.

Впусти меня.

— Они все мертвы, Нона. — Чайник взмахнула рукой, и Нона наполнила воздух движущейся бурей дефект-кликов. Скифроулцы перед ней рассыпались на куски. Позади них лежала Королевская дорога, плотно забитая их родичами. Они стояли вплоть до пролома в стенах, через который внутрь вливался океан орды Адомы.

Более чем в ста ярдах от них, но уже внутри круга городских стен, десятки скифроулцев несли на плечах ступенчатую платформу, поднимавшуюся на ярды над морем голов. На нижней ступеньке дюжина лучников в черных кольчугах выпускала из орлиных луков стрелу за стрелой, посылая их в полет над наконечниками копий своей армии, к стенам дворца или к лучникам на крышах Истины. На следующей ступеньке четверо ветер-работников применяли свое искусство, чтобы защитить лучников от приближающихся стрел, но Ноне показалось, что они сосредоточили свои усилия прежде всего на третьей, самой высокой ступеньке, где на золотом троне восседала фигура в алых доспехах. Сама бой-королева, Адома, вошла в город и привела своих последователей в неистовство. Женщина с командирским взглядом, ее кожа казалась дырой в ночи. Говорили, что она растапливала черный лед и пила получившуюся воду, чтобы обрести свою силу. Даже на таком расстоянии Нона чувствовала, как из нее сочится злоба.

Позволь мне помочь, Чайник! Где Яблоко?

— Не знаю. — Чайник отступила назад и ударом локтя в затылок сбила с ног мужчину, который совсем недавно ударил ее. — Я не знаю! — Ее голос сорвался, когда она отступила к императорским гвардейцам, сражавшихся перед стенами дворца. Перед глазами Ноны замелькали образы. Она увидела, как Лини упала с копьем, пронзившим ее грудь. Алата погибла, сражаясь над ее трупом. Она видела, как Сестра Сало и Сестра Железо сражаются

спина к спине, а Скифроул карабкается по круглой стене мертвых, окружая пару. Она увидела Сестру Сало с мечом глубоко в теле самого большого геранта, которого Нона когда-либо видела. Каким-то образом старуха пронзила доспехи мужчины, но там, где клинок из Ковчег-стали, который она отдала Ноне, мог легко выйти обратно, ее, из Бэрронс-стали, остался зажатым. Когда скифроулец срезал ее, Сало удивленно посмотрела на врага. Она выглядела не напуганной, не гордой, не умиротворенной, не побежденной... просто удивленной.

Воспоминания Чайник атаковали Нону. Она увидела Кетти, сломанную топором. Высокая, быстрая, Кетти. Всегда говорящая о мальчиках. Теперь она никогда не найдет того, кого сможет удержать. Нона сморгнула видение, сморгнула смерть других послушниц и монахинь, которых знала большую часть жизни.

— Нет. — В голосе Ноны прозвучало столько эмпатии марджал, что даже те, кто стоял в первых рядах, замерли, прислушиваясь, оружие застыло на полувзмахе.

Настоятельница Колесо стояла недалеко, ее правая рука была в самодельной поддерживающей повязке, лоб забинтован. Вокруг нее стоял жалкий остаток монастырского отряда.

— Нет! — Нона отступила к боевой линии. Мужчины и женщины дворцовой стражи отпрянули с ее пути, словно схваченные невидимыми руками. Скифроул, жаждущий крови всего в нескольких ярдах впереди нее, замолчал, хотя она была всего лишь Чайник, раненой, без доспехов, ничем не примечательной.

Когда Нона подняла руки Чайник, из спаленной огнем ночи вылетела стрела. Она разлетелась вдребезги в нескольких дюймах от ее плеча. Другая просвистела мимо. Нона сложила руки над головой, борясь с какой-то противоборствующей силой. Каменные блоки и черепица сорвались со зданий по обе стороны Королевской дороги и бросились на армию, набившуюся по всей ее ширине. Стены застонали и рухнули в клубах пыли.

— Луна падает. — Голос Ноны задрожал в телах людей, как если бы заговорил сам Абет, и за ним последовал ужас. — Луна. Падает.

Она замахнулась рукой на спины скифроулцев, пытавшихся отступить через тех, кто все еще наступал на дворец. Вращающиеся дефект-лезвия рассекали броню, плоть, кости. Даже плиты мостовой под ногами врага были изрезаны на куски.

Нона возглавила атаку, скользя и прыгая по улице, которая превратилась в склеп. Капитан-герант, которая на закате пыталась преградить ей путь во дворец, теперь присоединилась к ее контратаке.

Они не могли победить. Возможно, дюжина Нон могла бы повернуть прилив, но даже когда Скифроул умирал кучами, их мертвые были растоптаны свежими воинами, жаждущими пролить кровь за свою королеву. И по всей дороге начали расползаться скифроулцы, карабкаясь по обломкам, ища способы окружить дворец, способы подойти к нему со всех сторон, в то время как Нона могла защитить только одну.

Нона позволила солдатам империи пройти мимо нее. Она увидела, как торопливо прошла маленькая Генна, сжимая окровавленное копьё обеими руками, выглядя одновременно свирепой и измученной.

На мгновение слабость Чайник захлестнула ее, и Нона не нашла в себе силу, которая могла бы ее возместить. Так много смерти и боли лежало перед ней. Столько крови, что ливневые стоки скоро переполнятся. Убийство, убийство и еще одно убийство. Чего еще можно было ожидать, когда лед продолжал смыкаться? Все человечество превратилось в

диких животных в постоянно сжимающейся клетке.

— Луна идет. — Нона использовала рот Чайник, чтобы говорить от имени Чайник. —
Будьте готовы убраться с ее пути.

Святой Класс

НОНА ВСКИНУЛА ГОЛОВУ. В комнате остались только она и Зоул. Нона лежала неуклюже приткнувшись к стене. Остальные остались снаружи, наблюдая из коридора.

Зоул было трудно разглядеть — виднелась лишь неясная, темная фигура, вокруг которой кружили четыре светящихся шара, четыре корабль-сердца, настроенных на каждое из племен, пришедших в Абет давным-давно, вынырнувших из темноты среди галактики умирающих звезд. Они пришли сюда в поисках тепла солнца, которое бы жгло сильнее, чем те, что они оставили позади. Истории никогда не могли согласиться что выбросило их на берег Абета — отчаяние или просчет. Возможно, они не могли путешествовать дальше, но они нашли мир, уже покинутый теми, кто его заселял. Прошло очень немного тысячелетий, прежде яростно красная звезда Абета начала тускнеть, а планета — замерзать и превращаться в ту скованную льдом сферу, какой она была до того, как предсмертные муки солнца ненадолго растопили лед.

Зоул сказала, что Старые Камни — дело рук Пропавших, как и Ковчеги. Церковь учила, что они были корабль-сердцами, жизненной силой, которая приводила в движение суда, принесшие четыре племени через черноту бесконечности на Абет, и что Ковчеги тоже были делом рук предков Ноны. Хотя, возможно, эта история должна была поддержать честь человечества, утверждая, что Ковчеги и сердца — чудо Предка, а племена — вовсе не дикари, живущие на руинах намного более великой расы. Теперь, когда Зоул приблизилась к большой круглой двери в центре комнаты, Нона легко могла представить себе ее существом, совершенно непохожим на всех, кто ходил по Коридору.

Зоул добралась до двери хранилища, свет и тень постоянно двигались вокруг нее, в то время как корабль-сердца продолжали медленно кружить по своим орбитам. Нона думала, что дверь будет сопротивляться ей, что пол затрясется, потолок треснет и посыпется пыль. Вместо этого огромная круглая плита из серебристой стали стала подниматься без грохота и театрального представления, пока не встала вертикально, открывая лестничный пролет. Зоул подняла руки, и корабль-сердца устремились по четырем направлениям компаса, вонзившись в стены примерно на полпути между полом и потолком. Нона не могла сказать, были ли там какие-то структуры, чтобы принять их, или они сами проделали свои дыры.

— Как ты себя чувствуешь? — Она, прихрамывая, подошла к Зоул, которая выглядела, как статуя. Теперь, когда Нона могла приблизиться к ней, она поняла, как выросла ее подруга. У нее не было толстых мускулов геранта, но она была высокого роста, заставляя Нону чувствовать себя ребенком рядом с ней и карликами всех остальных. Кожа Зоул стала сероватой, как будто сила корабельных сердец сожгла ее до мелкого пепла, ожидавшего лишь легкого прикосновения, чтобы упасть. Нона не удивилась бы, если бы при ближайшем рассмотрении обнаружила, что плоть Зоул отполирована до блеска или просто слегка дымится. — Ты... Ты... все еще ты?

Глаза Зоул стали серо-стальными, и Нона попыталась разглядеть в них что-то от своей подруги.

— Я сжалась.

— Я... — Нона потянулась вдоль их нить-связи, но ничего не нашла. — Зоул... — У нее

болело сердце. В этот момент она пожалела, что не знала женщину, стоявшую перед ней, до того, как она прикоснулась к Старому Камню и выжгла из себя все недостатки. Она бы обняла подругу, но дьяволы в ее собственной плоти отказывались приближаться.

— Поторопитесь! — Клера подошла к плечу Ноны вместе с Арой и Рули, шедшими следом. Таркакс и Джула подхватили Джоэли и притащили ее. Остальные лед-воины остались охранять коридор. — Быстро!

Настойчивость Клеры была порождена желанием убраться подальше от корабль-сердец, но она вновь разожгла сердце Ноны. Снаружи все еще умирали ее сестры.

— Зажги свет, — приказала Нона, и темные ступени под дверью осветились точно так же, как коридоры снаружи, когда света потребовала Шерзал. Нона стала спускаться, ругаясь каждый раз, когда раненая нога должна была выдерживать ее вес.

Ковчег оказался совсем не таким, как ожидала Нона, а ведь ее воображение нарисовало дюжины всевозможных сцен. Лестница, шедшая вниз примерно на пятьдесят футов, привела их в небольшую круглую комнату, грязную и совершенно пустую, за исключением единственного изогнутого стула из какого-то незнакомого материала, лежавшего на боку у стены.

— Аквинас говорил, что будут рычаги, машина... Он видел их в священном видении! — Рули протиснулась мимо Ноны. — Я держала ложь этого ублюдка в секрете, когда эта сука втыкала мне иголки под ногти!

Джула ввалилась вместе с Джоэли. Стало тесно.

— Здесь должны быть четыре циферблата, каждый внутри другого...

— Здесь ничего нет. — Даже Джоэли казалась разочарованной.

— И как бы ты работала с такой машиной, даже если бы ее не украли много веков назад? — Клера сплюнула на землю и ударом ноги отправила стул скользить по полу. Годы сделали его хрупким, и он разбился о дальнюю стену.

Нона нахмурилась, яростно глядя на осколки.

— Книга Аквинаса была ключом к нашему проникновению. Ложью. Я никогда ожидала, что она поможет, как только мы окажемся внутри. Хотя было бы мило, если бы это произошло. — Она медленно оглядела комнату, ища хоть какую-то зацепку. — Настоятельница сказала мне, что цель любого плана — простота. — Она произнесла эти слова, запинаясь, собирая уверенность по мере того, как обрывки событий дня складывались воедино. — Наши самые сложные устройства трудно использовать, потому что нам не хватает понимания, как сделать их простыми в использовании.

Все посмотрели на нее.

— Выключи свет. — Комната погрузилась в темноту. — Зажги свет.

Свет вернулся, мягкий, всепроникающий, не отбрасывающий теней и не имеющий источника.

— Когда Шерзал закрыла бронированную дверь... она просто попросила закрыть. Почему вы думаете, что строителям Ковчеха — где бы это ни произошло — понадобятся рычаги и циферблаты, чтобы управлять Луной? Первый инстинкт Шерзал оказался верным. Настоятельница просто заставила ее усомниться в себе, заставила думать, что ей нужна книга, полная тайных знаний.

— Покажи нам Коридор, — громко сказала Зоул воздуху.

В тот же миг перед ними появилось кольцо света, повисшее в воздухе, переполненное крошечными деталями, зелеными и коричневыми, окаймленное белым. Тень разделяла его

на ночь и день.

— Покажи мне фокус луны.

Появился широкий красный круг, шире Коридора, может быть, раза в два. Вокруг него в виде вытянутого эллипса простиралась гораздо более широкая розоватая область.

— Покажи нам, где мы, — сказала Нона.

Кольцо стало поворачиваться и неуклонно увеличиваться, бóльшая его часть исчезла из поля зрения, пространство перед ними заполнило все более и более увеличивающееся изображение.

— Грэмпейны, — прошептала Джула, — и море Марн.

— Ближе! — приказала Нона. И через мгновение она увидела леса и реки, раскинувшиеся перед ней, словно драгоценные карты Сестры Правило взяли за руки и развернулись для осмотра. Все было омыто слабым розоватым оттенком. — Еще ближе!

Они увидели Истину, Скалу Веры и обработанные поля вокруг. Мерцали крошечные огоньки. Струйки дыма следовали за ветром.

— Еще ближе!

Они увидели городские стены, улицы, отдельные крыши, мерцание пламени, темную массу армии Адомы и сам дворец.

— А что означает розовый? — спросила Джула.

— *Есть достаточный угол и ресурс, чтобы сосредоточить фокус в любой точке розовой зоны.*

Все, кроме Зоул, вздрогнули от неожиданного голоса. Как и свет, голос, казалось, не имел источника, и, как и свет, в нем не было ничего естественного. Клера нервно огляделась:

— Кто ты? Покажись!

— *Я — Стержневой корень.*

Глаза Джулы расширились, и она сделала знак арбората, сначала подняв один палец, который символизировал стержневой корень, ведущий от первого предка, затем все остальные, показывающие ветви древа Предка. Рули и Ара обменялись потрясенными взглядами.

— Ты...

Нона перебила вопрос Клеры. За пределами дворца умирали последние из их друзей:

— Насколько маленьким можно сделать фокус? — спросила Нона.

В центре изображения дворца появилась красная точка. Она, похоже, была ярдов десять в поперечнике.

— Ты можешь сделать фокус здесь? — Нона протянула руку, чтобы коснуться места перед дворцом, где Королевская дорога выходила на площадь. — И чтобы он прошел между моими большим и указательным пальцами?

— *Да. Он поглотит около трети процента оставшегося топлива, чтобы установить, а затем исправить основные изменения в положении луны.*

— И что это даст? — спросила Клера, наклоняясь вперед. Свет запечатлел восхищение на ее лице.

— Я думаю, он прожжет землю и расплавит камни, — сказала Нона.

— У Адомы там сто тысяч скифроулцев. — Джула взглядела в изображение. Люди на краю орды казались пылинками. — Разве можно убить так много одним прикосновением?

— За один удар сердца! — Клера соединила два пальцами на начале Королевской

дороги, провела ими по улице и развела, когда рука вышла за стену, чтобы охватить всю массу захватчиков. — Подождите! Ничего не случилось!

— Фокус уже на разрешенном минимуме. Более узкий фокус считается опасным для флоры и фауны.

Ноне показалось, что она поняла. Фокус сужался по мере того, как сужался Коридор, усиливая интенсивность по мере того, как усиливался холод. Но он достиг максимальной безопасной интенсивности много лет назад, и лед продолжил наступать. Еще чуть-чуть уже — и фокус опалит посевы, ослепит животных.

— Как мы можем разрешить ему сузиться еще больше? — спросила Нона. *Ты сможешь это сделать?* Вопрос Джулы снова и снова повторялся в глубине ее сознания, хотя ее дьяволы почти заглушили его своим криком о крови и огне. *Ты сможешь это сделать?*

— Только Очищенные имеют допуск.

— Очищенные? — Но Нона знала ответ еще до того, как слова вышли из ее рта. Молчаливая незнакомка среди них, из которой объединенный огонь четырех корабль-сердец начисто выжег все человеческое. Были ли для этого нужны сами корабль-сердца или просто кто-то, лишенный ими всех пятен? Была ли Зоул теперь больше, чем человек, или меньше, чем человек? И этот голос, утверждавший, что он — Стержневой корень, был ли он человеком? Предком, прилетевшим на Абет на кораблях, плывущих между звездами, или одним из Пропавших, которые ушли еще до того, как здесь появились люди?

— Ты сделаешь это, Зоул?

Зоул осталась стоять неподвижно, как статуя, только ее голова повернулась, чтобы встретиться взглядом с Ноной:

— Ты просишь меня об этом?

Даже когда ее друзья умирали снаружи, Нона не хотела просить отдать такую силу в ее руки. Дьяволы в ней кричали *да*, но каким-то образом их голоса не могли управлять ею. В битве, в бою лишать жизни тех, кто поднимает на нее оружие, всегда казалось ей правильным. Хотя даже эта уверенность слабела по мере того, как ее навыки и силы росли, делая поединки все более и более неравными. Теперь, в этом месте, она могла забрать жизни бóльшего количества людей, чем могла себе представить даже с их изображением, плавающим перед ней. Она могла сделать это за один удар сердца, без усилий и риска. Никто из них не увидит ее лица и даже не поймет, что удар будет нанесен...

— Если я попрошу, ты это сделаешь? — спросила Нона.

Прежде чем ответить, Зоул потянулась к свету, позволяя образам Истины потечь по ее серой руке.

— Я чувствую... по-другому, Нона. — Она говорила так, словно они были совершенно одни. — Словно я отделилась.

— Отделилась от чего? — Несмотря на смерть, разворачивающуюся в миниатюре на ладони Зоул, именно легкая печаль в голосе Зоул заставила глаза Ноны наполниться слезами.

— От всего. Я вижу более широкое существование. Как будто весь Абет является таким же, как ваш Коридор, срезом чего-то большего.

— Ты сделаешь это, Зоул? — Нона заговорила, преодолевая голод своих дьяволов, даже когда почувствовала, как они поднимаются и тянутся к ее шее. — Скольких ты убьешь, чтобы спасти немногих?

— Нона! — Ара схватила ее за плечо. — Империя *горит!*

— Не империя! — ответила Нона. На мгновение ей удалось отгородиться от своих дьяволов и заговорить голосом той Ноны, которая получилась бы, если бы их от нее оторвали. — Сейчас Скифроул сражается с Дарном. И сражения почти закончились! — Она покачала головой. — Разве мы все не братья и сестры? Должна ли я убить их из гордости или должна признать, что лед сузился и теперь существует новый порядок?

— Смотрите! — Клера указала на шею Ноны. — Она как Йишт!

Джула и Джоэли в ужасе уставились на нее. Даже если бы они не знали историю Йишт, монастырское образование вселило в них ужас перед одержимостью.

— Это правда. — Нона повернулась к ним лицом. — Я не могу принять такое решение. Половина меня хочет прожечь путь шириной в милю прямо через каждый город Скифроула... Более громкая половина говорит, что мы должны сжечь их полностью... Я не в состоянии судить. Пусть это сделает Сестра Шип, если Зоул позволит. — Она отступила в сторону, чтобы дать Аре говорить с Зоул и обнаружила, что ее нет. — Ара?

— Здесь. — Ара находилась позади всех остальных. Она соскользнула по стене и сидела у ее основания, на губах кровь, лицо почти такое же серое, как у Зоул. Она не выглядела удивленной новостью о дьяволах Ноны, значит она уже сама обитала в испорченной плоти, о которой шла речь.

— Я могу забрать у тебя *раулату*. — Зоул шагнула вперед и протянула руку к шее Ноны.

— Что? — спросила Клера. Она переводила взгляд с Ноны на Зоул, словно была готова драться с ними обоими или бежать. — О чем, черт возьми, она говорит?

— Она имеет в виду дьяволов, — сказала Нона. — *Моих* дьяволов.

— Старые Камни отрывают их от нас. Как скульптор откалывает лед, чтобы показать свое творение. — Зоул потянулась к Ноне.

Нона отступила назад, прижавшись к Рули:

— Нет.

— Нет? — Зоул с любопытством склонила голову набок.

— Это *дьяволы*, Нона! — Джула была на грани истерики.

— Это я, — сказала Нона. — Кусочки того, кто я такая.

— Ужасные кусочки, — сказала Рули. — Я чувствовала их сквозь нить-связь, но не понимала. — Она замолчала, смущение отразилось на ее лице.

— Если ты разделишь ингредиенты черного лекарства на две половины, обе будут ядами, который убьет тебя. Вместе они — нечто иное. — Нона провела пальцами по шершавой коже на шее, чувствуя, что она горячая на ощупь. — А ты сможешь вернуть их обратно, Зоул?

— Я могу вытащить их и бросить в огонь.

— А ты можешь превратить их в то, чем они были раньше?

— Это сделает тебя менее чистой, отдалит от Предка. — Зоул смотрела на нее без осуждения.

— Тем не менее. — Нона наклонила голову, подставляя шею Зоул. — Ты сожгла все свои грехи и слабости, и это так отдалило тебя от нас, что тебе уже все равно, кто будет жить, а кто умрет. Я не могу принять такое решение с головой, полной разбитых кусочков, но и с этими кусочками тоже не могу. — Она встретилась взглядом с серыми глазами Зоул. — Пожалуйста.

Зоул положила ладонь на первого из дьяволов Ноны. Ощущение, когда он распался и растворился под кожей Ноны, было одновременно горьким и сладким. Что-то ушло, что-то

добавилось.

Зоул нашла двух оставшихся дьяволов Ноны, даже не глядя на них, хотя они и скрылись из вида. В то же мгновение гнев Ноны, ее жажда мести и способность ненавидеть перестали кричать на нее из разных источников, но вплетались обратно в ткань того, кем она была, смесью хорошего с плохим.

Нона глубоко вздохнула и обратилась к воздуху:

— Сожжет ли сузившийся фокус весь город, или просто выжжет путь наружу?

— *Альbedo луны может быстро изменяться от нуля до единицы.* ^[3]

— Что?

— *Луна будет темнеть, пока ее свет не станет направленным и сфокусированным.*

— Ты можешь включать и выключать луну по моей просьбе?

— Да.

Нона на мгновение застыла в полном изумлении, прежде чем снова обрела дар речи.

— Зоул, скажи этой штуке, чтобы она повиновалась мне. — Она приблизилась к изображению. Контратака ослабла, и оставшиеся защитники были прижаты к стенам. В некоторых местах вокруг дворца Скифроул без сопротивления ставил лестницы и цеплялся крюками за зубчатые стены, на которых сражались стражники, пытавшиеся отбросить их назад.

— Зачем мне отдавать такую власть в руки того, кто еще не выгнал из себя ни одного *раулату*? Ты — бесформенная глина, Нона Грей.

— По крайней мере, мне не все равно. По крайней мере, мне будет больно, какое бы решение я ни приняла. По крайней мере, я в ужасе! — Нона расфокусировала взгляд, чтобы разглядеть нити Зоул. Она научилась заглядывать гораздо глубже, чем в тот первый день в Башне Пути, когда заявила, что у Зоул нет нитей. Сестра Сквородка была права, поправляя ее. Все имеет нити. Даже сейчас вода, составлявшая бóльшую часть тела Зоул, имела бесчисленные нити, соединяющие ее с миром. Но нити, которые действительно имели значение, самые яркие, которые Нона не смогла увидеть с первой попытки, нити, которые одновременно описывали Зоул и связывали ее с людьми вокруг нее... эти нити полностью отсутствовали, как и раньше.

— В конце концов все это не будет иметь значения, Нона Грей. — Зоул развела руками. — Кто узнает наши имена через сто лет? Кто построил каменный лес на пороге Сладкого Милосердия? Перемены проходят через все. Совершенство — единственная константа.

— Для меня это важно. *Сейчас.* — Нона взяла холодные серые руки Зоул в свои, грязные от грязи и крови. — Ты уходишь от нас. Я это знаю. Я не знаю, куда ты идешь. Может быть, присоединишься к Пропадшим. Но ты уйдешь. И это не имеет значения. Имеет значение то, что ты — моя подруга, Зоул. Я готова умереть за тебя. И самое меньшее, что ты можешь сделать, — подарить мне луну.

Нона не была уверена, показалось ли ей, что губы Зоул совсем чуть-чуть изогнулись, но если улыбка была воображаемой, то ее слова точно нет.

— Пусть Нона управляет луной.

Святой Класс

ЗВУК БИТВЫ МОЖНО описать как рев, и иногда это действительно так. Когда тысячи воинов бросаются в атаку, их опережает рев и заглушает все остальные звуки. Но в промежутке между атакой и контратакой раздаются крики тех, кто слишком ранен, чтобы молчать, и еще недостаточно близок к тому, чтобы пересечь Путь и замолчать. Есть лязг оружия, чаще всего на щитах, ибо бой в толпе — это уродливая, безобразная вещь, и парировать удается не часто. Слышны отчаянные крики о помощи и рыдания побежденных.

Чайник слышала все это. Она видела лес ног и тел, поднимающихся вокруг нее, а за спиной — дворцовую стену. Она видела черное небо над головой. То тут, то там сквозь рваный ветром дым просвечивали багровые звезды. От Надежды не осталось и следа.

У нее болела не столько тело, как сердце, ее боль тупо пульсировала под одеялом изнеможения, которое душило ее. Она не будет думать о Яблоко. Вместо этого она оставила эти пустоты в своем сознании нетронутыми, ее мысли обходили их. Скифроул прозвучал совсем близко. Ей не придется слишком долго избегать мыслей о Яблоко.

Казалось, ничто, кроме самого Предка, вышедшего из ниоткуда и облаченного в славу, не могло заставить замолчать ожесточенную битву. Но когда, без предупреждения, вокруг них загорелся фокус луны, все многие тысячи сражающихся замерли в изумлении.

Фокус, до которого оставалась еще несколько часов, не подкрался к ним плавно, как обычно, поднимаясь к своей пылающей кульминации. Только что было темно, а в следующее мгновение они погрузились в яростный жар луны. Каждое пламя теперь казалось бледным; огни города, факелы и боевые фонари среди толпы солдат, огненные змеи, обвившиеся вокруг трона Адомы, все они стали мерцающими призраками самих себя. Те, кто был ближе всего к смерти, точно знали, что сейчас они смотрят за Путь.

В следующий момент, когда солдат мог бы подумать, что воспользуется отвлечением внимания своего врага, произошло второе чудо. За три удара сердца луна превратилась в тусклый багровый диск, на который глаза могли смотреть. И все глаза посмотрели на него. Это было чудо, превосходящее мастерство любого мага.

Чайник подняла голову — поступок, о котором она раньше не могла и подумать. Она оттолкнулась ногами, скользнув спиной по стене императорского дворца, и с трудом поднялась из мертвых и раненых, наваленных вокруг нее, словно втянутая всеобщим вздохом. На лице луны было что-то написано, как темным пальцем. Два слова, черным по красному. На языке Скифроула.

Идите домой.

Бормотание разнеслось по всей длине Королевской дороги, вплоть до полей за ней. Грамотные среди орды Адомы передавали смысл остальным.

Далеко позади, среди своих войск, со своего трона поднялась Адома, далекая фигура, мерцающая алым. Слова бой-королевы долетели до Чайник, словно та стояла рядом с ней, затрепетали на разделявших их ярдах, зазвенели вокруг нее благодаря искусству ветер-работников. Мало кто из солдат императора понял ее слова, но тон не оставлял сомнений в том, что послание было вызовом.

— Скифроул не убегает от света и фокусов! Теперь это наше дом. Передо мной лежит

мой дворец. — За этими словами лежала сила. Ее голос был способен направить сердце к насилию, возбудить гордость в любой груди. Армия вокруг нее потребовала сотни миль Коридоров именем бой-королевы. Они не убегут. Только не под ее пристальным взглядом, с победой всего в броске копья. Воины Скифроула начали поднимать оружие и обретать голос.

Поднявшееся ликование затихло, когда луна полностью потемнела, оставив слепыми дважды по сто тысяч глаз. Чайник выругала себя за то, что забыла всю свою подготовку и позволила себе потерять хватку. Яблоко будет ругать...

Луна снова засветилась, хотя и не в полный фокус. Яркий свет ударил по трону Адомы и вокруг, заполнив половину ширины улицы. Интенсивность поднялась от сильной до ослепляющей так быстро, что почти не было времени, чтобы отвести взгляд. Мгновение спустя обжигающий круг исчез, сменившись обычным светом Луны, который принес день в ночь Истины.

Чайник сморгнула остаточные образы и попыталась понять, что произошло. Она слышала крик прежде, чем увидела его источник. По всем краям области, в которую ударила луна, горел Скифроул. Крики доносились откуда-то сзади, где воины катались от боли в обожженной плоти, хотя на самом деле не горели. Но на том месте, где сто человек несли платформу Адомы, не было ничего. Просто черный круг ярдов двадцать в поперечнике. Ни следа платформы, трона, людей на ней или под ней. Даже их дым, казалось, был выжжен из воздуха.

Потом луна померкла, и слова вернулись.

Идите домой.

И Скифроул побежал.

В ЗАЛЕ КОВЧЕГА царила тишина. Нона управляла Луной, озвучивая свои желания и используя пальцы, чтобы поместить и определить размер фокуса на изображение перед ними. Она смотрела на результаты глазами Чайник. Казалось неправильным увидеть смерть королевы и столько ее подданных в виде вспышки света, которую можно было бы прикрыть кулаком, но которая заставила выживших, размером с муравья, бесшумно бежать от края почерневшего круга, оставшегося позади.

— Ты должна была убить их всех, — сказала Клера. — Пока они были в одном месте. Сейчас они разбегутся. Нельзя использовать Луну, чтобы выследить тысячи мелких банд, бродящих по окрестностям.

Нона отошла от изображения и оглядела своих друзей. Рули все еще обнимала свою раненую руку. Джула, с красными глазами, сосредоточенно наморщила лоб. Ара обмякла, тяжело дыша, но все равно наблюдала. Джоэли стояла в изумлении, словно забыла, где находится и что она связана, предательница императора, под дворцом которого они стояли. Таркакс наблюдал за Ноной, его темные глаза были непроницаемы. А Зоул... Зоул стояла в стороне от них всех, хотя и была на расстоянии вытянутой руки, ее голова была наклонена, как будто она слушала музыку, которую никто другой не мог слышать.

— Почему ты не убила их всех? — спросила Джула.

Нона нахмурилась.

— Я думала, Настоятельница Стекло заставила меня пообещать принять Черное и стать Святой Сестрой только потому, что знала — это изменит мнение Колеса обо мне. Это было частью ее плана. Но настоятельница редко делала что-то только с одной целью или говорила

что-то, что имело всего один смысл. — Нона посмотрела на свою рясу, липкую от крови. — Сладкое Милосердие сделало из меня оружие. Оно отточило каждое мое умение до остроты. Они вложили меч в мою руку, потому что всегда будут враги, которым нужно противостоять, всегда будет насилие, которое должно быть встречено насилием.

Но это никогда не было сердцем Сладкого Милосердия. Корабль-сердце не было основой монастыря. Основой всегда была вера. Всегда было убеждение, что все мужчины и женщины — наши братья и сестры. И эта вера не заканчивается границами. Для нее не имеют значение ереси, которые нас разделяют, или то, обращаешься ли ты с молитвами к белой звезде, или к полям, лесам и камням.

Настоятельница Стекло говорила со мной в день своей смерти. Она рассказала мне, что, потеряв ребенка, поначалу считала всех послушниц Сладкого Милосердия своими детьми, пытаясь заполнить дыру, пустоту, которую может знать только мать. Но Предок научил ее не быть такой узкой. Она поняла, что дети перед ней, те, кого она могла видеть, те, кого Церковь отдала ей в руки, были не более и не менее важны, чем все остальные. Она увидела, что все мы дети, сколько бы лет мы ни прожили.

Она учила нас этому каждый день. Даже сестра Колесо учила нас этому, вопреки самой себе, если вы слушали достаточно внимательно. Это записано в Книге Предка и неважно кто произносит эти слова или как пытается их исказить... это чистая правда.

Настоятельница Стекло хотела, чтобы я взяла Черное, потому что она хотела, чтобы луной владела Святая Сестра. Не как оружием, а как инструментом. Целитель иногда может использовать нож, чтобы резать, но, в конечном счете, он исцеляет.

Клера выглядела удивленной:

— Но они просто вернутся. Лед смыкается. Не хватает ни места, ни еды. Кто-то должен умереть. Много кто. Сестра Правило научила нас этому в первый год нашего пребывания в монастыре. Главное, что умрем не *мы*!

Нона еще раз оглядела комнату. Остальные смотрели на нее так, словно она была каким-то новым существом, стоящим в башмаках друга.

— Возможно, Сестре Правило придется выучить что-то новое.

По настоянию Ноны они покинули комнату. Таркакс понес Ару вверх по ступенькам, так как у нее не хватало сил для подъема, и Нона заковыляла следом, наполовину жалея, что никто не несет ее. Более чем наполовину этого желая.

В круглой комнате наверху, купаясь в равной степени в аурах четырех корабль-сердец, расположенных в стенах, Зоул использовала свое исцеление марджал. Это всегда был один из ее наименее развитых навыков, но с силой четырех Старых Камней, гудящих в ней, она работала быстро и хорошо. Легкое Ары восстановилось, ее плоть срослась. Бедро Ноны и раны на плечах затянулись, мышцы под ними снова соединились. Запястье Рули выпрямилось, яды под ногтями нейтрализовались.

— Что мы будем делать с Джоэли? — Рули схватила связанную девушку своей только что исцеленной рукой.

— Она убила Дарлу, — сказала Клера. — Разве она не заслуживает смерти?

— Я этого не делала! — запротестовала Джоэли, и ее хорошенькое личико исказилось от страха. — Я хотела, чтобы она убежала!

— Но это же ложь! — взревела Ара, внезапно придя в ярость.

— Но... Я приняла таблетку правды Сестры Яблоко!

Ара яростно замотала головой.

— Твой отец заплатил за то, чтобы твои воспоминания изменились. — Она схватила Джоэли за плечи. — Я не знаю, сколько наших друзей погибло сегодня ночью, но их будет слишком много. Не думаю, что могу позволить этому... пятну... уйти отсюда.

— Клянусь! Клянусь Предком! Я не пыталась убить Дарлу! Кл...

— Ара! — крикнула Нона. Ара вела себя совсем не так. Если уж на то пошло, то это Нона должна жаждать крови Джоэли за смерть подруги и сотню мелких преступлений.

С рычанием и явным усилием Ара оторвала руки от одежды Джоэли и отошла.

— Ты здесь старшая монахиня, Сестра Клетка. Ты выносишь приговор.

— Старшая?

— Настоятельница посвятила тебя раньше меня.

— На одну минуту!

— Даже так.

Нона посмотрела Джоэли в глаза, и девушка попыталась отступить, но Рули крепко держала ее. Джула, сжав губы в горькую линию, с ненавистью смотрела на нее. Желание просто протянуть руку и вонзить дефект-клинок в сердце Джоэли горячей волной поднялось в Ноне. Но она и раньше слышала голос каждого дьявола в этой смеси, отдельный и несвязанный. Каким-то образом, несмотря на то, что она приняла эти частички себя обратно в целое, обратно в мешанину противоречий, которая была ею, теперь было легче отбросить их — словно знание их «сырыми» помогло умерить их требования.

— Она убила Дарлу! — повторила Клера. — Она не может уйти от этого.

— Тебе даже Дарла никогда не нравилась, — сказала Нона. — Ты отравила ее^[4] и оставила беспомощной для Раймела Таксиса и его солдат. Так что, возможно, тебе стоит придержать язык, Клера. — Она посмотрела на Джоэли, пытаясь понять, какой расчет скрывается за ужасом на ее лице. — Настоятельница Стекло разрешила Джоэли вернуться в монастырь. А эта женщина шла только на те компромиссы, на которые хотела пойти. Это не мое суждение... Зоул? Ее воспоминания изменились?

Зоул зашагала вперед, пока не оказалась лицом к лицу с Джоэли, которая отвернулся, пытаясь убежать:

— Я не вижу никаких признаков. Неужели так трудно поверить, что в бою она принимала неверные решения?

Нона перерезала дефект-клинком пути Джоэли:

— Ты мне не нравишься. Если ты перейдешь мне дорогу, я дам тебе больше, чем получу. Я расскажу правду о твоей службе Шерзал и, надеюсь, справедливость восторжествует. Но не мне судить о твоих преступлениях, и не мне назначать тебе наказание.

В наступившей изумленной тишине заговорил Таркакс:

— Мы здесь закончили?

— Нам нужно выбраться из дворца, — согласилась Нона. — Император, вероятно, уже в пути.

— И? — спросила Клера. — Он должен будет сыпать на нас золото до тех пор, пока не будут видны только макушки наших голов!

— Его сестра лежит в коридоре, и не в самом красивом виде, — сказала Ара.

— Она предала его! — возмутилась Рули.

— Это ты так говоришь, — ответила Ара. — Решит ли Крустикэл поверить тебе, послушница? Убийство королевской особы никогда не остается безнаказанным. Это создает плохой прецедент.

— Мы оставляем корабль-сердца? — спросила Джула.

— Я возвращаю корабль-сердце Сладкого Милосердия в монастырь, — сказала Нона. —

В нем есть кое-что мое, что я хочу вернуть. Кроме того, ничто другое никогда не умело так хорошо нагревать воду.

— Ты возьмешь остальные, Зоул? — спросила Ара. — Или оставишь корабль-сердце ной-гуин императору? Возможно, это позволит ему забыть о недавней потере...

Зоул переместила корабль-сердце ной-гуин в центр серебристо-стальной двери. И закрыла дверь:

— Пусть Крустикэл возьмет его, если сможет.

Она активировала путешествие-кольцо с бóльшим мастерством, чем Нона, и оставила его открытым, отступив в сторону, чтобы позволить вернуться своим товарищам по лед-племени.

— А как вы выберетесь из черного льда? — спросила Нона.

Таркакс, последний из них, подошел к кольцу:

— Мы идем на другое кольцо, — сказал он. — В тысяче миль от Коридора. — Он вздохнул. — Но там нам предстоит вскарабкаться на три мили! Так что думай о нас, маленькая Нона, когда греешь пальцы ног при свете своей собственной луны!

— Маленькая? — Нона усмехнулась. Она была на ладонь выше мужчины.

Таркакс усмехнулся в ответ:

— Никогда не называй Лед-копье коротким!

Он шагнул в свет и исчез.

Зоул двинулась за ним, в ее руках горели корабль-сердца.

— А что будешь делать ты? — крикнула ей вслед Нона. Она была на льду и все же не могла себе представить, как люди там выживают, не говоря уже о том, чтобы жить. — Что ты будешь делать теперь, когда ты такая... совершенная?

— А что будешь делать ты со своим несовершенством, Нона Грей? — спросила Зоул. — Мы обе будем искать свою цель, как и всегда.

— И что же это за цели? — Нона искренне надеялась на ответ. В Книге Предка было множество ответов, но они никогда не подходили к ее вопросам. — Каковы наши цели?

— Ты считаешь, что они разные? — с любопытством спросила Зоул. Она повернулась к кольцу. — Я изменилась. Ковчег назвал меня «очищенной». Я слышу шепот, и это кажется важным. Возможно, меня зовут Пропавшие. Возможно, их голос будет яснее на льду, где дует ветер. Я думаю, что это и есть моя цель на данный момент, и, возможно, твоя. Слушать. — Она собралась уходить.

— Спасибо, Зоул. — Нона почувствовала внезапную пустоту, боль в горле. Она хотела сказать еще что-то, но слова казались слишком неуклюжими, чтобы произнести их. — Я буду скучать по тебе.

— Я тоже буду скучать по тебе, подруга.

И Зоул исчезла.

Святой Класс

ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА сестры Сладкого Милосердия должны были оказывать помощь раненым, совершать обряды над мертвыми и молиться, чтобы Предок принял всех, кто перешел Путь.

Оказалось, что уцелевших из паствы Настоятельницы Колесо было так мало, а их мертвых — так много, что выжившим оставалось заботиться только о своих.

Нона и Ара обнаружили, что они — единственные невредимые из монахинь монастыря, хотя их раны только что зажили, а плоть под ними все еще болела. Поэтому им выпало собрать уцелевших и организовать тех, кто еще мог ходить — они помогали тащить или уносить с поля боя тех, кто был не в состоянии позаботиться о себе.

Император и Академия открыли свои двери для раненых, но Нона приказала доставить раненых монахинь и послушниц в Св. Геллиот. Новый кафедральный собор стоял в четверти мили от дворца, а восточное крыло все еще дымилось от предыдущего удара особенно далеко залетевшим горшком с горящим маслом. Факелы освещали ступени главного входа, на которых стоял сам Первосвященник Невис, организовывая лечение раненых — монахинь, монахов и послушниц — переутомленными церковными целителями и добровольцами из числа верующих.

— Поместите мертвых в мавзолей. С честью! Мы будем служить панихиду по ним в этот день сто лет подряд. Я прикажу вырезать мой приказ на стенах. — Невис выглядел подавленным, но продолжал работать с мрачной эффективностью торговца, выжимающего маржу, направляя свои ресурсы на максимальное выживание.

Нона помогла отнести Настоятельницу Колесо в мавзолей. Первосвященник Джейкоб заказал построить это здание для себя, как только вступил в должность. При Невисе работа продолжалась, хотя кто именно теперь будет похоронен внутри, стало менее ясно.

— Положите ее сюда.

Ноне не нужна была помощь. Колесо, казалось, ничего не весила. Без своей яростной воли она казалась маленькой, старой женщиной, в основном кожа да кости. Однако Ара, сестра Дуб и Генна настояли на том, чтобы вложить в это усилие свои силы, несмотря на то, что последние две еле держались на ногах. У Генны было множество мелких порезов и, возможно, сломаны ребра. У сестры Дуб на лбу и на левой стороне лица красовался багровый синяк. В самом начале боя ее ударили так, что она потеряла сознание, и это спасло ей жизнь. Казалось, у нее кружится голова, и она не уверена в себе.

Вчетвером они уложили настоятельницу, расправляя ее конечности и приводя в порядок одеяние. Они встали вокруг ее трупа, стараясь не наступить на дюжины других, и прочитали прощальные молитвы. Нона в последний раз слышала их изо рта самой Колесо, когда старая Сестра Кость не смогла подняться с постели холодным утром три недели назад.

Потребовалось много поездок туда и обратно с Королевской дороги, чтобы найти павших. Некоторых они не могли найти. Нона видела, как упала Кетти, получив смертельную рану. Она примерно помнила, где это произошло, но, несмотря на то, что она подняла и перекатила сотни тел, она так и не смогла найти подругу.

— Не могла ли она уползти, чтобы умереть? — спросила Клера, побледнев и вытирая

глаза, хотя и утверждала, что их жжет дым.

— Не понимаю, как она могла... — Нона моргнула и постаралась скрыть дрожь в голосе. — Я не могу... — прорычала она, подняла большой камень с рухнувшей стены и отбросила его на несколько ярдов.

Под ним ничего не было.

В конце концов им пришлось прекратить поиски.

На востоке небо побледнело до серого, надвигался рассвет, как будто эта ночь была такой же, как и любая другая, и солнце взойдет, чтобы засвидетельствовать новый день.

Они положили Яблоко, Железо, Сало, Камень и Хризантему рядом с Настоятельницей Колесо. Чайник лежала поперек Яблоко, ее грудь вздымалась от рыданий, но она не издавала ни звука. Рули плакала, Ара была бледна, Джула выбежала на улицу, ее тошнило. Нона призвала свою безмятежность и носила ее как броню, не желая смотреть в лицо своим чувствам. Колесо сказала бы ей, что печаль — роскошь, которую она может приберечь на потом, когда работа будет закончена.

Однако даже доспехи безмятежности Ноны оказались неэффективными, когда они начали переносить послушниц, чтобы положить их с сестрами. Две девочки из Красного Класа каким-то образом присоединились к военному отряду настоятельницы, хотя Колесо сказала, что идут только старшеклассницы. Нона не могла понять, почему никто этого не заметил. Это были дети, и она плакала, кладя их под огромный мраморный купол мавзолея первосвященника.

Взошло солнце и холодный ветер разогнал дым перед оставшимися сестрами и послушницами Сладкого Милосердия, которые отправились обратно в монастырь. Чайник не было с ними, потому что ни у кого из них не хватило духу оттащить ее от Яблоко.

Нона вытащила корабль-сердце из опустошенного огнем особняка, в котором оставила его, и стряхнула с него горячий пепел. Она положила его в кожаный мешок и потащила за собой. Раненые ехали в повозках, реквизированных для этой цели первосвященником. Пять миль до Скалы Веры никогда не казались такими длинными.

— Сестра Роза позаботится о них, как никто другой в городе, и у нее будет для этого больше времени. — Первосвященник Невис стоял на ступеньках, провожая их, и выглядел так, словно не спал несколько дней. Он позвал Сестру Дуб, как самую старшую из оставшихся в живых монахинь, но позвал и Нону, и теперь обращался к ним обоим. — Сестре Роза, как единственной старшей сестре, придется пока занять дом настоятельницы. Она хорошая женщина и первая скажет, что ей не хватает огня, необходимого для этой должности. Я назначу подходящую, когда мы составим список умерших и увидим, какие сестры среди Красных и Серых вернулись на Скалу Веры. А до тех пор Настоятельнице Роза понадобится совет ее сестер. — Взмахом руки он отпустил их. — Пусть Предок стоит со всеми вами.

Посланник в зеленом с золотом мундире Крустикэла обогнал колонну повозок, когда они отъезжали от собора. По великолепию его мундира и выправке Нона определила, что он, скорее, личный эмиссар, чем простой гонец, доставляющий свитки, скрепленные печатью императора. Он поспешно прошел мимо, затем вернулся назад, остановившись перед Ноной, шедшей во главе группы. Он был чуть выше ее и, прищурившись, встретился с ней взглядом.

— Император приказал мне привести к нему послушницу Нону Грей. У нее абсолютно черные глаза, и она не отбрасывает тени. Вы видели какую-нибудь такую?

— Не в последнее время. — Нона редко пользовалась зеркалами. — Я — Сестра Клетка.

Посланник коротко кивнул.

— Если увидите ее, скажите, что ей приказано немедленно явиться к трону. — Он поспешил к собору.

— Ты нужна императору, Нона! — Ара выдавила из себя улыбку. — Он тебя требует!

— Почему ты не пошла? — спросила Джула.

— Обязательно схожу, — сказала Нона. — Но не сейчас. Сначала у нас есть более важные дела. — Она помолчала. — Что меня смущает, так это то, что он не узнал меня по глазам...

— Ты еще не знаешь? — Рули моргнула. — Мне показалось, я тебе сказала... Но... Может быть, мы были слишком заняты.

— Знаешь что? — Нона в замешательстве поднесла руки к глазам.

— Они изменились, когда Зоул исцелила нас, — сказала Ара. — Должно быть, она исправила ущерб, нанесенный тебе тем черным лекарством, сделанным послушницами. Я думала, ты знаешь...

— Что меня смущает, — сказала Клера, наклоняясь вперед, — так это то, что он не заметил, что у тебя нет те... Нона, у тебя есть тень!

— Я знаю, — Нона позволила себе слабо улыбнуться и подняла руку, чтобы проследить за своей тенью через улицу. — Она была втянута в корабль-сердце Сладкого Милосердия, когда я послала ее за Йишт. — Она пошевелила пальцами и посмотрела, как танцует ее тень, привязывая ее к миру. — Я забрала ее обратно.

К полудню они прибыли в монастырь. Нона боялась найти его в руинах, но оказалось, что, после смерти их хозяина, люди Лано Таксиса были мало заинтересованы в том, чтобы заработать себе еще больше неприятностей с Церковью и Предком.

Сестра Роза была в санатории, ухаживая за полудюжиной раненых младших послушниц. Еще три погибли. Когда ей сказали, что она должна стать настоятельницей, Роза покачала головой и вернулась к смене повязок, слезы катились по ее щекам.

— У меня нет времени на эту чепуху. Вообще. Здесь слишком много дел. — С бесконечной осторожностью она помогла послушнице, которая изо всех сил пыталась перевернуться, и приказала своей помощнице, крошечной девочке, которую Нона не могла представить достаточно взрослой для рясы, отнести воду другой.

В конце концов Ара принесла один из запасных посохов в санаторий и повесила его над дверью, так как Роза не захотела переезжать в большой дом.

Много позже Нона оказалась одна у лестницы, ведущей в класс Тени. Яблоко никогда больше не поднимется по ней. Сердце Ноны болело, и она знала, что эта боль останется с ней, станет частью того, кем она была сейчас, как рана, которую смерть Настоятельницы Стекло оставила на ней и которую она будет носить всю свою жизнь. Некоторые уроки должны быть написаны шрамами, сказала Сестра Сало. Нона будет скучать и по ней.

В последний день, проведенный с ними, Настоятельница Стекло многое рассказала Ноне. Тайны о будущем и о прошлом. Наконец она замолчала, наполовину улыбаясь, наполовину грустная. *Все листья должны опасть вовремя*, сказала она. *Жизни, которые мы прожили, отпадают от нас, но что-то остается, что-то, что является частью дерева.*

Стекло уже была больна, когда строила свои планы за несколько месяцев до смерти. Она тайно встречалась с Ноной и Зоул после их отдельного возвращения и даже тогда сказала, что не ожидает увидеть как зацветут цветы, семена которых она сажала.

— Сеять, зная, что не пожнешь, — старый вид любви, а любовь всегда была лучшим

ключом к будущему. — Настоятельница положила свои руки на их. — Вы, мои дорогие, обе Избранные, но избрала вас я. Каждая из вас — игральная кость, которая выиграет вопреки всякой вероятности. Зоул, дорогая, не забывай держаться за то, что заставляет нас любить тебя. Если ты достигнешь конца своего путешествия без этого, ты никуда не пойдешь. И, Нона, моя свирепая маленькая Нона, помни о милосердии. Милосердие к другим в победе. Милосердие к себя. Ты заслуживаешь счастья, дитя. Никогда не забывай об этом.

Нона держала в каждой руке по перекладине ворот Тени, прижавшись лбом к металлу, когда чья-то рука легла ей на плечо.

— Ара...

Ее подруга присоединилась к ней у ворот, и некоторое время они стояли молча.

Левая рука Ары держала тот же прут, что и правая Ноны, почти касаясь.

— Трудно поверить, что она ушла, — прошептала Ара.

— Она не ушла. — Каждый из них мог бы говорить о многих «она», но Нона думала о Яблоке и о том, что эта лестница, эти ворота всегда будут вести к ней.

— Настоятельница Стекло все время думала о том, что могло быть, — сказала Ара. — Я обнаружила, что тоже слишком часто думаю о том, что могло бы быть. — Она повернула голову и посмотрела на Нону. — Странно видеть твои глаза. Как будто ты пряталась от меня все эти годы.

Нона открыла было рот, чтобы заговорить, но на нее упала другая, более темная тень, которую она могла только чувствовать, но не видеть.

— Чайник возвращается. — Нона убрала руки с решетки. — Я должна пойти к ней.

Солнце уже садилось, когда Нона достигла Дороги Безмятежности и начала спускаться с монастырских высот. Она почувствовала, что Чайник остановилась, и приглушенное эхо ее горя зазвенело по их нить-связи, похожее на плач большого и гулкого колокола. Она спустилась вниз, разыскивая подругу, и обнаружила ее лежащей у подножия Скалы, словно она выпала из окна классной комнаты Тени. Однако Чайник просто упала, не умерла, и поднялась, как сломанная кукла, когда Нона потянула ее вверх.

— Она была моей жизнью, Нона.

Нона крепко обняла ее:

— У тебя есть сестры. Ты не одна. — Они заплакали, и река печали Чайник омыла Нону, пока, наконец они не смогли снова дышать и Нона не повела сестру вверх по извилистой крутизне Дороги Безмятежности к Сладкому Милосердию.

Вечер застал Нону и горстку старших, собравшихся за одним из трапезных столов; перед ними стояла холодная еда, принесенная со складов. Большинство монахинь находились в Соборе Предка, молясь за погибших. Сестры Дуб и Правило помогли Чайник пройти через монастырь к Куполу, чтобы присоединиться к молитве, хотя Настоятельница Роза настойчиво советовала ей остаться в постели.

Нона сидела, жуя кусок хлеба. Его испекла Сестра Вяз. Она никогда не испечет другой. Сидевшая рядом с ней Ара пила воду из глиняной чашки и смотрела, как сквозь ставни пробивается свет заходящего солнца.

— Дарн все еще наступает. — Клера стукнула кончиком ножа по столу. — Ты собираешься поджечь несколько их барок и надеяться, что они тоже убегут? Потому что рано или поздно ты предстанешь перед троном, и сам император прикажет тебе сжечь их города дотла.

— Ты когда-нибудь была на льду во время фокуса луны, Клера? — спросила Нона.

— Нет. — Клера нахмурилась. — Я не так долго пробыла в монастыре, чтобы ходить в лед-поход. Да и зачем мне это? Это просто глупость Церкви — посылать туда детей.

— Я тоже так думала, — сказала Нона. — Но я была там, наверху, и... провела весь фокус на льду, в милях от Коридора. Знаешь, что происходит? Лед тает. Дюйм льда тает. Затем он снова замерзает. Ему некуда бежать. Все это тепло было потрачено впустую. Вся энергия Луны уходит на то, чтобы ночь за ночью растапливать один и тот же дюйм льда.

Рули оторвала взгляд от истерзанной руки.

— Но теперь у *тебя* есть луна! Ты можешь заставить ее сделать все, что угодно!

Джула покачала головой.

— Ковчег сказал тебе, что суженный фокус убьет растения и животных. Вот почему он не позволял тебе... пока Зоул не сказала, что он должен подчиниться.

— Мы видели, как он убивает... — Рули уставилась в пространство, словно представляя себе черный круг гари, оставшийся от бой-королевы.

Нона покачала головой:

— Фокус перестал сужаться много лет назад. Все, что не может жить с тем, что мы испытываем каждую ночь, умерло. То, что уцелело, стало более выносливым. Мы можем сузить фокус и посмотреть, как пойдут дела. Или мы можем сузить его до факела и провести вдоль кромки льда, и тогда фокус выжжет полосу шириной в милю. Мы можем прожечь каналы, которые доставят талую воду в море... возможности безграничны... Но суть в том, что у нас есть контроль. Мы можем попробовать. Мы можем изменить.

И даже если мы решим не использовать его, луна — это оружие, превосходящее все остальные. Мы можем установить мир. А с миром приходит прогресс. Мы потеряли наши знания в ходе тысяч войн. Мы не можем вновь открыть все это заново только потому, что наши умы всегда обращены к выживанию, лед всегда давит, и война является результатом. Постоянно. Луна может принести мир. Ни одна армия не пойдет в поход, ни один флот не поднимет паруса, если они будут знать, что сама луна выжжет их из мира.

Мир, прогресс, надежда. Мы можем купить века и за эти годы обнаружить новые ответы. Старые истории говорят нам, что Пропавшие научились жечь сам лед! Думаю, этого хватит, чтобы согреться навсегда!

Ара встала и принялась расхаживать по комнате, пока Нона излагала им свои мысли. Теперь она остановилась:

— А если император не слушает? Если он хочет выжечь Скифроул и Дарн из Коридора? А что, если он и там не захочет остановиться?

— Все равно будет мир, — сказала Нона. — Но луна слушает меня, а не его, и, если Зоул не вернется, ничего этого не изменит. Если Крустикэл захочет убивать, я скажу ему, что отвечаю перед первосвященником, а не перед императором.

— Тем самым первосвященником, который приказал тебе остаться и в одиночку охранять монастырь? — Ара фыркнула. — Невис и раньше продавался императору и Сис. Его цена может быть и выше, чем у его предшественника, но она у него все равно есть.

Нона покачала головой.

— Именно Настоятельница Стекло вложила посох первосвященника в руку Невиса. Если ты хоть что-нибудь знаешь об этой женщине, ты должна понять, что это не было случайностью. Она могла бы подстроить так, чтобы посох взяла Архонт Анаста, или любой из двух других. Но она выбрала Невиса. У него есть своя цена, но настоятельница знала его сердце и считала его достойным. Невис — купец. Купцы любят мир. Они любят

процветание. Купцы продадут сами себя, когда у них не будет другой сделки, но, когда я отдам себя и луну в руки Невиса, он поймет, что власть принадлежит ему, и тогда сделки, которые он заключает, будут совсем другими.

Нона встала. Теперь она знала, что чувствовала Дарла, возвышаясь над остальными послушницами:

— Настоятельница Колесо была права, веря в Избранную. Аргата вошла в Ковчег, и теперь луна наша. Зоул выбрала меня... так что, думаю, теперь я — Избранная.

Мы построим новое будущее, сестры. Так что имейте немного веры. Потому что именно на этом всегда строится будущее.

— ГОСПОЖА МЕЧ! ГОСПОЖА Меч!

Нона подняла руку, и Красный Класс остановился. Брошенные на пол послушницы поднялись и отряхнули песок со своей одежды. Их партнерши замерли, наблюдая за Ноной.

— Говори. — Нона махнула послушнице, стоявшей в дверях. Адела из Мистического класса, подумала она. Или Абела.

— Вы нужны Настоятельнице Правило в большом доме.

Нона вздохнула:

— Послушницы, повторите бросок. Я хочу, чтобы к моему возвращению хотя бы одна из вас все сделала правильно.

Она последовала за Аделой, или Абелой, из Зала Меча. Ветер Коридора дул с востока, развевая их рясы. Госпожа Дух огибала изгиб купола Предка с вереницей послушниц Серого Класса за спиной. Когда Джулу назначили на этот пост в столь юном возрасте, она испытала некоторое смятение, но Настоятельница Правило пригрозила повесить ее до старшей сестры, если ей это более подходит, и возражения утихли. Настоятельница Правило также указала на то, что даже первосвященник не смог бы найти во всей империи монахиню, которая знала бы Книгу Предка лучше, чем Сестра Страница... и никто не мог с этим спорить.

Впереди них бежала послушница, тащившая ящик с кувшинами вина, огромная девушка, напомнившая Ноне Дарлу. Она опередила их на ступеньках настоятельницы. Нона всегда считала, что Рули в конечном итоге будет управлять монастырской винодельней, но она, в конечном итоге, стала управлять флотом торговых кораблей своего отца, увеличив тоннаж в четыре раза, и переправила на берега Дарна столько сладкого вина Красного Милосердия, что можно было бы утопить в нем всех варваров.

Послушница с золотистыми волосами поторопилась убежать от двери, когда они приблизились. Новенькая. Настоятельница Правило отправила разведчиков на поиски подходящих девочек. Она даже наняла Гилджона, и тот присоединился к их усилиям — у старика был редкий глаз на ранние признаки крови. Однако в эти дни условия приобретения были несколько иными — дважды в год послушницы возвращались к своим семьям.

Девочка промчалась мимо с криком: «Извините!». У нее были волосы Ары. Она тоже будет красавицей. Нона слышала, что все сыновья лордов на протяжении двухсот миль выстроились в очередь, чтобы ухаживать за Арабеллой Йотсис, когда та вернулась в развалины дядиного замка. Ее дом, возможно, и превратился в обугленную грудку обломков, но земли Йотсисов остались, и, как ближайшая оставшаяся в живых наследница, Ара должна была принять титул лорда. Очевидно, до сих пор она отвергала всех своих поклонников. Возможно, кто-то другой все еще владел ее сердцем.

— У тебя столько неприятностей! — Клера сидела в прихожей настоятельницы, ее жакет был тонкой симфонией оттенков черного, молескина и замши, бриллианты в мочках ушей были единственным открытым признанием ее богатства. В Истине ее называли Фермер. Купцы шептались, что она может посадить медяк и собрать золото с дерева, которое вырастет. Почему у нее было так много деловых интересов для обсуждения с настоятельницей, Нона не понимала до сих пор. Она подозревала, что Клере просто нравилось бывать в гостях.

Нона отослала свой эскорт обратно к внеклассным обязанностям и постучала в дверь настоятельницы.

— Войдите.

Настоятельница Правило сидела за своим столом. Регол стоял со связанными за спиной руками. За его спиной стояла Чайник, злобно ухмыляясь.

— Я поймала его, когда он пытался проникнуть внутрь. Опять. — Она метнула взгляд на Нону. — Он быстр, но не очень умен и не умеет прятаться. — У плеча настоятельницы стояла Сестра Котел, наблюдая за Чайник. Нона часто видела, как она это делала, ожидая того дня, когда Чайник сможет заглянуть за призрак Яблоко и найти там ее.

Настоятельница Правило потянулась за своим посохом, которым пользовалась почти так же, как своей линейкой, когда была Госпожой Академия:

— Это становится глупо, Сестра Клетка. Я не могу допустить, чтобы этот молодой человек карабкался по скалам и пробирался по пещерам. Я просто не потерплю этого! Это чрезвычайно опасно. Если самого знаменитого ринг-бойца Истины убьют на монастырской территории, нам будет чертовски трудно расплатиться! — Она поднялась со своего места и взглянула на портрет Настоятельницы Стекло. «Она — Луна», так теперь называли Стекло. Взгляд Правило метнулся к портрету Настоятельницы Колесо, «Она — Битва». Правилс вздохнула. Когда настоятельница снова заговорила, голос ее звучал так же, как на уроке, когда она излагала законы не Церкви, а всего мира. Сурового и неизменного: — Сестра Клетка, вы должны обдумать все варианты. Мы все должны найти свой собственный путь и идти по нему как можно дольше. Вы молоды, и мест, куда может привести вас ваша дорога, много, некоторые из них за пределами воображения. Подумайте. Подумайте хорошенько. Возвращайтесь ко мне с ответом. Что бы это ни было, выведет ли это вас из монастыря или нет, вы получите благословение Предка. И мое.

— ОБЕТЫ?

Регол и Нона сидели рядом на краю провала Стеклянная Вода. Она кивнула, хмурясь, разрываясь. Горизонт лежал зеленый и далекий, но ее память все еще наполняла его дымом войны. Когда конец был так близок, ее мысли были заняты сестрами. *Ара*. Хотя они были не менее способны позаботиться о себе, чем Регол. Она посмотрела вниз, в провал, как будто ответ на ее загадку мог лежать внутри.

Озеро исчезло, остались только тридцать ярдов совсем недавно обнажившейся стены, черной от слизи, и темный туннель, ведущий от озера через илистое дно. Пахло не очень хорошо, но если сидеть с наветренной стороны, это было не страшно.

— Обеты? — повторил Регол.

— Обеты, — сказала Нона.

— Ты придерживаешься своих обетов?

— Да. Я поклялась.

— Но... монахини соблюдают обет безбрачия. — Регол бросил камень. Он, крутясь, полетел вниз, в грязь далеко под их ногами.

— И ты не захотел бы меня, если бы не мог поступить со мной по-своему? — Нона насмешливо наклонилась к Реголу, легонько положив руку ему между лопаток.

— Теперь... подожди... Я не сказал... Я имею в виду... — Он ухватился за край провала, внезапно осознав, насколько он глубокий.

— Ты не можешь продолжать приходить сюда, Регол. И я не могу уйти.

— Не можешь? — Его взгляд затвердел.

— Мне нужно остаться. Это место... оно больше, чем старые стены и место, где можно преклонить голову. Я назвала себя в честь клетки, в которой сидела, и с тех пор прошло всего несколько недель. А в монастыре я уже больше десяти лет. Он у меня в костях.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Хотеть — неправильное слово. Но ты уйдешь, и дамы Сис поблагодарят меня за это; ты станешь прославленным чемпионом Калтесса, и этот маленький удар в сердце станет чем-то, что ты оставишь позади.

— Не думаю, что это так, Сестра Клетка. — Регол склонил голову. — Скорее, он похож на денам.

— На что?

— На последний удар в пах, который ты нанесла Денаму. Теперь это признанное движение со своим собственным именем. — Регол снова поднял лицо, его прежняя улыбка вернулась на место, хотя и несколько кривоватая.

— Разве он... Я имею в виду, он...

— Выжил? Нет. Он погиб у Янтарных ворот, но ты должна была слышать, как он упал. Он убил так много скифроулцев, что... Ну, об этом есть песня.

— Ему бы это понравилось.

— Да, понравилось бы.

Регол поднялся на ноги, а Нона поднялась на свои. Он взял ее за руки.

— Калтесс научил меня, что иногда все проигрывают, но делать это нужно с достоинством, потому что никогда не знаешь, что может случиться. — Он поднял ее правую руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — Но все равно больно. До свидания, Нона Грей.

Регол отпустил ее руку и направился к зданиям монастыря, сначала медленно, потом все быстрее. К тому времени, когда он был на полпути к ближайшему из них, он начал насвистывать.

— До свидания, Регол.

После ухода Регола Нона долго сидела на краю провала. Она смотрела в глубины, которые заполнили тени. Она думала о тех, кого потеряла, и о тех, кого спасла, и о тех, кто спас ее. Она подумала о загадке своей жизни и о том, что даже лучший совет Настоятельницы Стекло на этот счет состоял в том, что люди сложны, особенно изнутри.

Солнце начало садиться, целуя лед, чтобы закончить еще один день. Нона вздохнула и снова попыталась встать, но на нее упала тень.

Нона подняла глаза.

— Лорд Йотсис... — Рядом с ней стояла Ара в брюках и тонкой куртке, расшитой золотом. Ветер развеивал ее плащ за спиной, а заходящее солнце подсвечивало огненные волосы.

— Нет, только Сестра Шип. Я сделала лордом свою младшую сестру. Она всегда этого хотела.

— Ты вернулась. — Нона обнаружила, что говорит шепотом.

— Однажды ты оставила меня охранять монастырь, а потом вернулась за мной, — сказала Ара. — Ты же не думала, что я брошу тебя, когда я тебе нужна?

— А как ты узнала об этом? — У Ноны пересохло во рту. Дрожь пробежала по ее телу. Она не знала, плакать ей или смеяться.

— У нас есть связь. — Ара потянулась к ее руке.

— Нить-связь. — Нона переплела свои пальцы с пальцами Ары и позволила поднять себя на ноги.

— И эта тоже, — сказала Ара.

Долгое мгновение они стояли лицом к лицу, всего в дюйме друг от друга, ветер дул то туда, то сюда, как будто никак не мог решить, в какую сторону дуть. А потом, взявшись за руки, обе повернулись и медленно пошли обратно к Милому Милосердию.

Луны могут восходить и падать, империи могут расти и угасать, даже звезды приходят и уходят, но есть константы, и, хотя история нашего рода постоянно меняется, он всегда один и тот же.

КОНЕЦ

— НОНА!

Нона подняла голову. Рули бежала к ней через причал, не обращая внимания на юбки и шляпу мастера, закувыркавшуюся, когда Рули прыгнула на ноги. Она крепко обняла Нону, и та, несмотря на мрачное настроение, подчинилась мгновению, подхватив свою старую подругу. Ее разум никогда не отпускала мысль, что они были одного роста, Рули, возможно, на дюйм или два выше, поэтому то, что теперь Рули стала крошечной женщиной, всегда удивлял Нону.

Нона подняла ее с земли. Рождение трех сыновей несколько утолщило Рули, но дополнительный вес не бросал вызов рукам, привыкшим к постоянной игре с мечом.

— Эй! — Рули рассмеялась.

— Что? Хентон этого не делает? — Муж Рули был восьми футов ростом и вдвое шире в плечах, чем Нона.

Когда Нона и Арабелла прибыли на пристань, вид двух монахинь не привлек особого внимания. Хотя обе были Красными Сестрами, они предпочли анонимность черной рясы. Однако теперь головы повернулись при виде визжащей от счастья мастера торговли Рули Вайнесонг, которую подняли в воздух, как ребенка.

— Ара! — Как только Нона позволила ногам Рули коснуться каменных плит, та снова бросилась к Арабелле. Они обнялись, и Ара изобразила ожидаемую улыбку, проделав это более убедительно, чем Нона. Ара всегда лучше умела уклоняться от спора, и, несмотря на то, что она сама начала этот спор, Ара казалась, по крайней мере внешне, менее затронутой им, чем Нона.

— Лодка готова? — спросила Ара.

— Это корабль! — Рули закатила глаза, на мгновение став такой, которой она была, когда все они были послушницами в монастыре. — Лодки предназначены для того, чтобы болтаться у берега. Мои корабли пересекают море! — Рули унаследовала флот своего отца и зарабатывала деньги, экспортируя вино в Дарн, а обратно привозя уголь. Войны и вторжения делали на удивление краткие перерывы в необходимой торговле через воду. — И да, он готов. Клера приехала сегодня утром. Она ждет на борту.

Нона взглянула на Ару, которая не сводила стального взгляда с корабля. Спор шел о полудюжине тем, которые каждая из них могла затронуть, чтобы сгоряча причинить боль другой, но сердцем всего этого была Клера.

— Она отдала тебя врагам! — крикнула Ара тем утром, ее лицо было затенено не только серым светом рассвета. — Она пыталась проткнуть меня копьем! — Она скатилась с кровати, чтобы задрать ночную рубашку и показать шрам на спине. Как будто Нона забыла. Как будто она не провела по этому месту кончиками пальцев тысячу раз и не знала его лучше, чем любую свою собственную рану.

Нона покачала головой.

— Она знала, что корабль-кожа не сдастся. — Броня, которую носили Красные Сестры, была тонкой, но легендарной прочности. — И она помогала нам так же часто, как вредила.

— Ты говоришь так, будто это хорошо, а не едва достаточно, чтобы оставить ее в живых! — Ара вскинула руки и вышла из кельи Ноны, даже не остановившись, чтобы взять свою одежду и защититься от холода.

Нона стряхнула с себя утренние воспоминания. Она последовала за Рули и Арой туда, где стоял корабль, привязанный к швартовым тумбам. Матросы прервали свои занятия, чтобы посмотреть, как приближаются монахини, набожные делали знак Деревя, в то время как другие постукивали рукой по груди, признавая Рули.

К перилам подошла Клера. Как и Рули, она носила непокрытые волосы, черные пряди ниспадали на плечи. Когда она была послушницей, это всегда был дикий клубок, но богатство торговца укротило их. И еще она нарисовала лицо. Только легкое прикосновение — затемнила брови, сделала более красными губы. Даже несмотря на свое неодобрение, Нона должна была признать, что Клера выглядит хорошо.

— Неужели она думает, что мы идем на бал? — прошипела Ара.

Ноне хотелось сказать Аре, чтобы она отбросила зависть. Краски, за которые Клера заплатила серебром, все равно не делали ее такой красивой, какой была Ара даже после тяжелой тренировки, с покрасневшим лицом и потом, прилепившим ее золотистые локоны к черепу. Грязь и кровь не могли запятнать великолепие, дарованное Предком Аре, даже с ее волосами, скрытыми под головным убором монахини. И только одно когда-либо казалось ей уродливым в Аре — ревность. Это был всего лишь поцелуй. Ноне хотелось сказать эти слова. Это был всего лишь поцелуй. Но именно они были топливом для огня, который сжигал Ару.

— Почему она вообще здесь? — Ара адресовала вопрос Рули, когда они следовали за ней по трапу. — Она проводит в монастыре два дня из семи. И теперь она тоже здесь!

— Ты же знаешь Клери. — Рули пожала плечами. — Может быть, она чувствует запах золота. Должно быть, она потратила достаточно денег, чтобы император послал именно ее. Ты же знаешь пословицу: императора нельзя купить, но его, конечно, можно взять напрокат.

Поднявшись на борт, Рули пошла поговорить с капитаном, а Нона и Ара медленно направились к носу, минуя Клери, без комментариев. Ара прошествовала мимо, высоко подняв голову. Нона, отягощенная стыдом, смотрела куда угодно, только не на нее, находя неожиданное очарование в том, как матросы завязывают веревки и перебирают сети.

Нона перевела взгляд с палубы на плоскую серую гладь моря Марн. Ледяные стены, ограждавшие море, были белой каймой на обоих горизонтах, более чем в тридцати милях к северу и почти в двадцати к югу. Кроме того, — напомнила себе Нона, — она и остальные оказались здесь, потому что Коридор расширили. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать Аре, но тут же закрыла. Лед, может, и таял, но что-то между Арой и Ноной замерзло.

Ноне хотелось сказать, что она никогда раньше не видела моря. Она хотела поделиться своим удивлением по поводу того, как деревянный пол под ее ногами поднимается и опускается. Вкус соли на ветру, крик чаек — все это дрожало у нее на языке, нуждаясь в том, чтобы поделиться, но глаза Ары были льдисто-голубыми и устремленными вдаль.

— Остров, полный чудовищ! — Клери подошла к ним сзади, смелая и не раскисающаяся. — Звучит заманчиво. И маловероятно.

Нона обернулась, Ара — нет.

— Если это маловероятно, то почему ты здесь? — холодно спросила Ара.

— Мне нравится вызов. — Клери бросила на Нону озорной взгляд. — И маловероятные ставки могут принести деньги. Война закончена, и этот остров может стать следующим большим событием.

Война передала в руки императора возможность разблокировать замороженный мир. Или, по крайней мере, его части. Обладая способностью фокусировать лучи умирающего

солнца, он мог расширить горизонты народов, которые тысячелетиями были заперты в сужающемся Коридоре, опоясывающем экватор Абета: зоне, прорезанной сквозь ледяные щиты толщиной в мили, в которые была заключена вся планета.

Но в то время как таяние сухопутных льдов вызвало бы катастрофические наводнения, под льдом, сковавшим края моря Марн, простирались только обширные воды. Там обитатели океана появлялись из темноты, и на них могло охотиться голодающее население. Поля, на которых недавно шли сражения, принесли плохие урожаи. Так что император приказал расширить море Марн.

Когда тающие ледяные скалы открыли остров, моряки были потрясены не тем, что он там оказался, а тем, что он, казалось, существовал внутри своего собственного воздушного пузыря под белой простыней. Вместо выскобленной до блеска скалы, обглоданной ледяными зубами, это место, по рассказам проходивших мимо моряков, могло похвастаться чудовищами больше домов. Император попросил, чтобы Нона приняла участие в расследовании. Настоятельница послала Нону одну, ее нежное сердце не желало рисковать другими ради этих чудовищ, а вера в непобедимость Ноны была непоколебима.

Ара пришла потому, что, поцелуй или не поцелуй, она сказала аббатисе:

— Что? Нет! Я не отпущу ее одну. Вы что, дура?

— Мы хорошо идем. — Нона нашла Рули у штурвала.

— Ветер Коридора либо с тобой, либо против тебя, когда ты плывешь по Марну. Когда он с тобой, твой корабль довольно быстро скользит по волнам.

— Что делает этот человек? — Нона указала на матроса, который боролся со сложным набором канатов и блоков под главным парусом.

— Морские штучки. — Рули отмахнулась от вопроса. — Что у вас с Арой? — Рули жила ради сплетен, но ее голос окрашивало искреннее беспокойство.

— Мы поспорили. — Слово было слишком маленьким. От Ноны, как от Госпожи Меч, ожидалось, что она одолеет в любой схватке, но в этом бою Ара легко смогла пробиться сквозь всю ее защиту и ударить в сердце.

Рули кивнула.

— Для воинов мир может быть тяжелее войны. — Она положила руку на плечо Ноны. — Трудно отпустить это время. Все еще иметь воспоминания и гнев, но не иметь кого-то, с кем можно сражаться.

Нона изучала палубу.

— Дело не только в этом. — Хотя Рули была права — мир, которого они так жаждали, был тяжелым.

— Вы спорили о Клере, — сказала Рули.

Нона надеялась, что это не так очевидно:

— Я не знала, что она...

— Ты никогда этого не знала. — Рули покачала головой с кривой улыбкой на губах. — Зато знали все остальные.

Клера говорила почти то же самое. После.

Ветер был с кораблем Рули «Гордость Рена», и путешествие оказалось коротким. Лошадь не смогла бы пробежать это расстояние быстрее, утверждала Рули. Тем не менее, три скудных часа сумели проползти, и каждое неловкое молчание, на самом деле почти не

занимавшее времени, растягивалось на целую вечность.

Часть Ноны хотела схватить Клеру за плечи, направиться с ней к Аре и потребовать, чтобы она дала истинный отчет о моменте под дубом в центре аркады послушниц при ярком свете луны.

Сама Нона уже все рассказала Аре:

— Она поцеловала меня! Я этого не ожидала.

— Ты могла бы остановить ее.

— Она была слишком быстрой!

В ответ Ара фыркнула и покачала головой:

— Слишком быстро для Госпожи Меч из монастыря Сладкого Милосердия? Слишком быстро для Щита Избранной, которая может выхватить стрелы из воздуха и написать свое имя на стене, падая мимо нее?

Нона хотела сказать, что она смущена, застигнута врасплох, шокирована. Все такое. Она хотела нагромождать свои оправдания до тех пор, пока они не воздвигнут такую высокую стену, что никто, даже Ара, не сможет увидеть правду. Но правда была в том, что когда Клера — подруга, которую она не бросила, несмотря на то, что Клера предала ее и ранила тех, кого она любила, — встала на цыпочки и прижалась губами к губам Ноны, она была быстра, но не настолько, чтобы от нее нельзя было уклониться, и когда их губы встретились и их дыхание смешалось, Нона осталась, пойманная моментом, на удар сердца, потом на еще и еще, и оторвала себя только тогда, когда, по прошествии полной и мучительно долгой секунды, нахлынула настоящая вина, смывшая множество менее достойных эмоций и желаний.

— Нет. — Она оттолкнула Клеру на всю длину своих рук. — Что ты делаешь?

— Я всегда хотела тебя. — Клера не отвернулась, как следовало бы.

— Ты никогда ничего не говорила.

Клера рассмеялась:

— Мы были детьми, когда я ушла. Ара не замечала ни девочек, ни мальчиков, пока ей не исполнилось восемнадцать, так что прости меня за то, что я не призналась в любви, когда мне было двенадцать.

— Любви? — Нона знала, что у Клеры в Истине было множество девушек.

— Всегда. — Клера попыталась подойти ближе, но Нона держала ее на расстоянии, которое было хотя и не безопасным, но, по крайней мере, безопаснее.

Крик матроса прервал размышления Ноны:

— Земля!

Там, в серой дали, среди испещренного льдом моря, темный кулак окутанного туманом камня бросал вызов волнам.

— Мы спустим лодку, — сказал Рули. — Моя команда останется на безопасном расстоянии.

— Кто-нибудь из нас может управлять лодкой? — Нона перевела взгляд с Ары на Клеру, думая, что они так же не в своей стихии, как и она.

— Конечно, могу, глупая. — Рули махнула матросам, чтобы они приготовили шлюпку.

Клера усмехнулась:

— Ты пообещала мужу остаться на корабле.

Рули взмахнул рукой, отбрасывая слова прочь.

— Он знает, что мой дядя был пиратом. Он должен был ожидать, что я совру.

— Ее всегда так трясет? — Маленькое суденышко накренилось и прыгало под ними, и волны казались намного больше теперь, когда Нона была на расстоянии вытянутой руки от них.

— Каждый сухопутный говорит это в первый раз. — Рули ухмыльнулся и наклонила спину, усердно работая веслами. Несмотря на постоянные попытки моря сбить ее с курса, гребки медленно пожирали расстояние до скалистого берега острова.

— Что это за чертовщина? — Клера, которая приобрела зеленый оттенок с тех пор, как присоединилась к ним в шлюпке, ослабила мертвую хватку на борту достаточно надолго, чтобы обвиняюще ткнуть пальцем в сторону острова.

— Большой камень, — ответила Ара сквозь стиснутые зубы.

Несмотря на свирепый ветер, дувший с Марна, остров умудрялся окутывать себя постоянно меняющимся покровом тумана — свидетельство жары, которая держала лед на расстоянии.

— Это была... вещь... какая-то. — Клера хмуро смотрела на остров, как будто напряженность ее взгляда могла расчистить путь к тому, что привлекло ее внимание.

— Что ж, похоже, ты сама ответила на свой вопрос, купец. — Ара продолжала смотреть вперед. — Это была вещь. Возможно, ты сможешь продать ее и покрыть свои расходы на поездку.

Клера кинулась в контратаку, как всегда, когда на нее нападали:

— Думаю, что да. Я очень хороший купец, хотя из меня вышла бы ужасная монахиня.

— В этом мы можем согласиться, — сказала Ара.

— Вероятно, это было чудовище, — сказала Нона, стараясь увести разговор от конфликта. — Именно для этого мы здесь. Давайте будем готовы.

Рули поддержала ее между взмахами весел:

— Я уверена, что в планы настоятельницы не входило, чтобы чудовище задохнулось от слишком большого количества ссорящихся монахинь и бывших послушниц. Так что держите глаза открытыми. Отсюда даже остров не виден, и я бы не хотела налететь на камень и утонуть, пока мы туда не доберемся.

Некоторое время спустя Нона вышла на берег с Арой на одном плече и Клерой на другом, пока Рули закрепляла лодку. Туман поднимался от темного берегового гравия. Нона наклонилась, чтобы зачерпнуть пригоршню крупного песка. Он был теплым и дымился на ладони. Туман струился к морю, такой густой, что «тварь», которую заметила Клера, могла нависать над ними прямо сейчас и оставаться невидимой.

— Оставайтесь начеку. — Ара вытащила меч, и Нона мгновением позже вынула из ножен свой.

Ара повела их вверх по каменистому склону, направляясь внутрь. По идее, Нона должна была быть главной, но Ара была воспитана, чтобы руководить, и инстинкт часто выводил ее за пределы монастырских чинов.

Внезапная перемена ветра на несколько мгновений обнажила весь берег позади них, потом ветер закружил новые облака тумана и снова скрыл его.

— Там нет монстров, — сказала Рули, присоединяясь к ним.

— Я знаю, что я видела, — мрачно сказала Клера.

— И что же ты видела? — спросила Нона.

— Он был большой. — Клера вытащила из-за пояса нож, как будто вопрос был решен.

Они стали взбираться по склону, петляя среди зазубренных черных скал и последовали за контурами земли вверх, когда достигли более пологого, но все еще крутого участка.

— Слава Предку! — воскликнула Рули, когда перемена ветра показала, что склон заканчивается недалеко от них. — Там есть вершина!

— Трава, — прокомментировала Ара, указывая на зеленое пятно между камнями.

Они взобрались на то, что оказалось на удивление острым краем, и начали спускаться по извилистой тропинке, которая оказалась значительно круче той, по которой они взбирались. Туман, окутавший их, не позволял определить, как далеко они упадут, если поскользнутся. Тревожное чувство, и Нона не спускала глаз с Рули. Остальные могли бы поймать себя, если бы споткнулись, но Рули не хватало их быстроты.

— Осторожнее здесь. — Ара замедлила шаг, чтобы спуститься по почти вертикальному склону мокрой скалы, на котором было мало выступов для рук и ног.

— Я всегда... — Порыв ветра разогнал туман. И тут Рули закричала, ища опоры.

Что-то нависло над женщинами. Существо настолько большое, что бросало вызов разуму. Черная громада была не просто больше дома, она была больше придорожной таверны с гостевыми комнатами и пивным садом. Извилистый хвост змеился вниз по склону, а шея, такая длинная и тонкая, что напоминала змею, парила над ними, поддерживая тупую голову, похожую на голову одной из крошечных ящериц, обитавших в трещинах Скалы Веры, только гораздо больше. На самом деле, если бы не четыре гигантские, похожие на стволы деревьев ноги, существо можно было бы принять за гигантскую змею, которая раздулась, проглотив кита.

Нона бросилась в бой, погружаясь в момент, двигаясь так быстро, что Рули и монстр, казалось, застыли на месте. Только Ара и Клера могли сравниться с ней, Ара бежала вверх по мокрому утесу, чтобы присоединиться к ней, Клера карабкалась в укрытие и не находила его. Страх не входил в расчеты Ноны. Размер ее противника просто не имел значения, когда трое ее друзей подвергались риску.

Она бросилась на грудь монстра, высоко подпрыгнув, устремляясь вперед с мечом из ковчег-стали в поисках какого-нибудь жизненно важного органа. Лезвие глубоко вошло в рукоять, и она всем своим весом потянула его вниз в надежде выпустить зверю кишки. Но шкура, которая почти не сопротивлялась ее удару, теперь боролась с разрезом. И делала это с таким упрямством, что даже ковчег-сталь сумела прорезать только несколько дюймов, прежде чем застрять и оставить Нону висеть на рукояти с ее башмаками почти в ярде от земли.

Нона уперлась ногами в чудовище, высвободила клинок и прыгнула, резко затормозив, несмотря на крутизну склона. Ара добралась до того места, где только что стояла Нона, и вонзила свой меч как можно глубже.

Что-то было не так. Нона привыкла оставлять своих врагов стоять, в то время как ее скорость побеждала их, но этот монстр дал слову «медленный» новое определение. Он даже не дернулся. Ноне потребовалось все ее самообладание, чтобы остановить атаку. Она остановилась там, под огромным размахом шеи существа, его яремная вена была далеко вне досягаемости над ней. Ара тоже, должно быть, почувствовала неладное и выдернула меч, не начиная новую атаку.

Рули все еще пыталась достать из-под куртки метательные звезды. Нона протянула ладонь, чтобы положить ее на руку подруги, когда та появилась, оцетинившись острой

сталью:

— Он не двигается.

Ара постучала рукоятью меча по ближайшей ноге и была вознаграждена глухим стуком:

— Это статуя.

— Но чего? — Клера встала и немного смущенно выпрямилась. Она посмотрела на чудовищное тело.

Рули нахмурилась:

— Джула говорила, что на Абете были гигантские существа задолго до нашего вида. Есть книги, в которых говорится о том, как найти их кости в земле. Некоторые рисунки выглядели немного похожими...

— Но этот никогда не был живым! — Ара стукнула еще раз.

Ветер изменил направление, завывая на склоне. Нона поймала Рули прежде, чем та потеряла равновесие. Порыв ветра показал им большой изгиб острова. Казалось, что обод, на который они взобрались и теперь спускались, может охватить его целиком. А внизу, разбросанные по внутреннему склону, на уступах, достаточных для их размеров, стояли десятки монстров. Некоторые из них были похожи на их нынешнего врага, другие, гораздо более устрашающие, ухмыляясь им сквозь зубы, бывшие длиннее клинков мечей. Туман вернулся, но прошло достаточно времени, и Нона была уверена, что эти звери — тоже статуи.

— Это кратер, — сказала Рули. — Вулкан.

— Что? — Клера подошла к Рули.

— Нам нужна Джула. Она все это знает, — сказала Рули. — Она прочла все книги в библиотеке. Я обращала внимание только на волнующие моменты. Огненные горы и древние чудовища. Это я помню.

— Это объясняет тепло. — Ара продолжила спускаться.

Вопреки уверенному предсказанию Рули, кратер не сужался до какого-то маленького центрального горла, из которого извергалось пламя всех адов. Вместо этого он, казалось, был заполнен до середины замерзшим озером, только ровная поверхность, которая встретила их, не была ни льдом, ни водой, а каким-то видом камня. Бледно-серым, отличающимся от черного камня стены кратера.

Тонкий слой почвы, покрывавший большую часть поверхности дна кратера, поддерживал траву и редкие небольшие кусты, которые вполне могли вырасти за месяцы, прошедшие с тех пор, как растаял лед. В некоторых местах неглубокие пруды слегка дымились, но вода, которая, должно быть, затопила это место, таинственным образом исчезла. Шедшая впереди Ара указала на устья нескольких узких шахт, по которым, должно быть, стекла вода.

Туман у основания кратера был тоньше и раздвигался чаще, открывая вид на то, что выглядело как скопление зданий в центре кратера; вполне достаточно, чтобы образовать деревню. Когда группа приблизилась к первому из этих строений, Нона внезапно почувствовала разочарование:

— Руины...

— А чего ты ожидала? — спросила Клера.

Нона не нашлась, что ответить. Туманы и чудовища дали безмолвное обещание — или казалось, что дали. Она понятия не имела, что их ждет, но надеялась не что-то большее, чем

руины.

Еще ближе, и Ара предупреждающе вскинула руку, останавливая их.

— Вот. Видите? — Она указала.

Какое-то существо двигалось среди обломков разрушенной стены. Большое, но не настолько, чтобы статуя монстра, с которой они столкнулись в первый раз, не могла бы расплющить его одной ногой. Нона и Ара потянулись к теням, которые скрывались под туманом, окутали себя темнотой и бесшумно двинулись вперед, обе полностью сосредоточившись.

Это существо Нона раньше не видела и никогда даже не слышала о таких. Оно немного походило на толстоногую собаку или, возможно, овцу, его грубые, простые очертания обещали силу. Что еще более важно, тусклый блеск его спины, искрящейся капельками росы, делал его похожим на что-то, сделанное из металла. Но — в отличие от чудовищ, которые казались живыми и все же были неспособны двигаться, — это было занято какой-то задачей.

Оно сделано из железа... Ара бесшумно передала сообщение по их нить-связи. Она воспользовалась ею впервые с тех пор, как Нона рассказала о поцелуе.

Что оно делает? Нона ответила так же, благодарная за близость.

Существо подняло каменную глыбу почти своего размера и положило ее на другую.

Пытается восстановить? спросила Ара, когда они сузили расстояние.

Едва ли это было возможно, но растопыренные когти передних лап теперь действовали как человеческие пальцы, делая ловкие движения.

— Привет? — Нона сбросила свой плащ теней, открывая себя всего в десяти ярдах от этого нового, меньшего монстра.

Существо повернуло свою тупую голову в ее сторону, рассматривая ее черным глазом, находившимся на этой стороне. Он больше походил на отполированный камень, чем на глазное яблоко. Какое-то мгновение существо наблюдало за ней, прежде чем снова переключить внимание на стену и схватить второй блок.

— Я сказала «привет», — громче повторила Нона.

— Что ты делаешь? — Ара потянула ее назад. — Ты не знаешь, насколько это опасно.

— Оно не знает, насколько я опасна, — возразила Нона, но позволила Аре оттащить себя. Железная собака-овца не обратила внимания на их ссору. При той скорости, с которой она двигалась, она могла восстановить оболочку здания меньше чем за день.

— Мы должны обойти его. — Клера удивила их обеих. Она не должна была так бесшумно подкрасться к монахиням, которые обучались как Серые Сестры, прежде чем принять Красный, но опять же, она провела годы под опекой убийц до своей торговой карьеры.

Ара, не обращая внимания на Клера, тем не менее обошла существо, направляясь к более плотно расположенным зданиям. Нона остановилась и помахала Рули, приглашая ее присоединиться к ним.

Они проходили мимо зданий, поврежденных в разной степени, и видели железных зверей разных размеров и конструкций, занятых восстановлением; все они не заинтересовались пришельцами. Одни, вдвое длиннее первого, раскидывали щебень, как снег метлой. Другие, значительно меньшие по размеру, работали над более тонкими задачами, используя более тонкие и ловкие пальцы.

— Повреждения, похоже, недавние, — сказала Рули.

Клера кивнула:

— Таяние не могло быть мягким.

Ара остановилась, чтобы взглянуть на сооружение, над которым усердно трудились железные звери. Казалось, это была не более чем стена из перекрещенных балок, которые поддерживали дорогу в никуда. Дорогу, которая поднималась и опускалась с такими крутыми поворотами и изгибами, что любой, кто должен был следовать по ней, столкнулся бы только с крутыми подъемами и быстрыми падениями.

— В этом нет никакого смысла...

В нескольких десятках ярдов от дороги, в зале без крыши красовалось множество зеркал, больше, чем Нона когда-либо видела, каждое высотой с нее, но ни одно из них не было настоящим. Клера фыркнула на отражение, показавшее ее комично толстой, в то время как Рули громко рассмеялась над другим, который сжал ее до роста меньше, чем ребенок. Нона и Ара без улыбки смотрели на свои собственные искажения, гигантские головы, выпирающие на крошечных телах, или крошечные головы на гигантских телах.

— Пойдем. — Слова Клера оторвали Нону от размышлений. Она не размышляла с проделках глаз — скорее, она задавалась вопросом, работает ли мозг с подобными искажениями. Неужели теперь Ара видит ее совсем по-другому? Зеркало ее мыслей, искаженное до неузнаваемости рябью одного поцелуя? Она отвернулась от отражений и последовала за остальными.

Дальше туман открыл железное тело огромного колеса диаметром не менее ста футов, поддерживаемого вертикально рамой, которая позволяла ему поворачиваться самым нижним краем всего в ярде над землей.

— Это что, сиденья? — Нона нахмурилась, глядя на нечто похожее на скамейки, расставленные через равные промежутки по периметру.

— Как это все не заржавело? — спросила более практичная Рули.

Пока они смотрели, железное существо, которое, казалось, было создано по образцу какого-то большого краба, двигалось вокруг края колеса, разворачивая ленту цветной материи, столь же яркую, как лучшие шелка из Олдена.

— Что происходит? — Клера медленно повернулась, оглядывая продолжающуюся работу вокруг них.

— Вот! — Рули указала на огни, мерцающие в тумане. Огни, которых, Нона была уверена, не было здесь несколько мгновений назад.

— Дело рук Пропавших, — сказала Ара. Они с Ноной видели такие же яркие огни и Ковчеге. Огни ярче и белее любого пламени. Хотя эти мерцали вдобавок красным, зеленым и синим.

— Угу. — Клера направилась к иллюминации.

Нона поспешила остановить ее. Она слышала об огнях среди туманов залитых лунным светом болот, соблазняющих неосторожных путников на медленную смерть в трясине:

— Подожди!

— Ты не можешь ждать вечно, Нона. — Клера стряхнула ее руку. — Иногда ты просто должна идти за тем, чего хочешь, даже если знаешь, что не получишь этого. Даже если это причиняет неприятности и боль тому, кого ты любишь.

Нона заколебалась, не зная, говорит ли Клера об огнях.

— Идем. — Клера резко отстранилась, пошла вперед, и Нона последовала за ней вместе с Рули.

— Музыка? — Рули склонила голову набок.

В воздухе действительно звучала слабая музыка, хотя ее играл инструмент, которого Нона никогда не слышала. Если бы Нону попросили предсказать, какая музыка может звучать здесь, среди окутанных туманом руин Пропавших, она, возможно, сказала бы о каком-нибудь неземном хорале, несовершенным эхом которого являлись песнопения, исполнявшиеся монахинями в Сладком Милосердии. Но это было что-то другое.

— Звучит довольно...

— ...весело, — закончила Клера.

— Мне кажется, это магия. — Нона повернулась к Аре, все еще стоявшей там, где она ее оставила, тенью в тумане. — Что-то вроде магии. — Она не чувствовала никакой опасности. Здесь было что-то древнее и странное, сохраненное против всякой вероятности, поддерживаемое на протяжении веков преданностью металлических слуг Пропавших. Она сделала несколько шагов по направлению к Аре и протянула руку, желая разделить этот момент тайны и удивления: — Пошли.

Плотная маска Ары дернулась, и на секунду Ноне показалось, что маска треснет и вернет ей прежнюю Ару. Вместо этого Ара перевела взгляд на удаляющуюся спину Клера, и ее взгляд стал жестче. Она молча пронеслась мимо, и нарастающее необъяснимое чувство радости вылилось из Ноны, как кровь из раны.

Нона последовала за остальными тремя. Огни впереди двигались, летели по воздуху, и чужая мелодия звенела в тумане. Медленно под изменяющимся освещением строение обретало очертания. Островок света среди тумана.

— Это... — Нона присоединилась к остальным.

— Вещь, — сказала Клера.

Огни были установлены на остроконечной круглой крыше, которая вращалась на центральной колонне. Под ней, в нескольких дюймах над землей и ярдах под крышей, также вращалась круглая платформа. Платформу усеивали дюжина или больше причудливых, ярко раскрашенных животных, среди которых не было одинаковых, каждое щеголяло седлом и степенно двигалось вверх-вниз на серебряном шесте, который его поддерживал.

Когда четверо исследователей приблизились, разинув рты и отбросив всякую осторожность, вся конструкция замедлила ход и остановилась, животные опустили к подножию своих шестов.

— Это кролик. — Рули указала на ближайшее. — Гигантский кролик.

— С седлом, — добавила Клера. — У них у всех есть седла.

Музыка замедлилась вместе с платформой и стала более тихой.

— Это улитка. — Ара нахмурилась, словно яростно искала смысл.

— Лошадь... с рогом. — Рули указал на другое. — И... вещь... с двумя седлами. — Это последнее было немного похоже на лошадь с двумя горбами на спине, каждый из которых щеголял седлом.

— Дракон?.. — Нона уставилась на алого зверя и попыталась сопоставить его со смутным воспоминанием о картине, которую однажды показала ей Джула.

— Не подходите! — Ара выхватила меч настолько быстро, что воздух зашипел, и направила его на дракона. — Я ему не доверяю.

Нона держала меч в ножнах. Дракон был не больше маленького мула и каким-то образом, как и музыка, имел веселый вид. Его большой желтый глаз, казалось, смотрел на нее так, словно знал шутку, которой не знала она.

— У них у всех есть седла, — повторила Клера, проходя мимо Ары. — Это для верховой

езды.

Ара держала меч нацеленным в сердце дракона:

— Я не довер...

Клера развернулась и, проникнув сквозь несуществующую защиту Ары, запечатлела поцелуй прямо на ее губах. Нона разинула рот. Мгновение спустя Клера уже лежала на спине — Ара яростно оттолкнула ее.

Ара вытерла рот:

— Ко всем чертям, что это зна?..

— Вот! Вот сколько времени это заняло. И как это произошло. — Клера, все еще лежа на земле, перебила Ару. — Ты не доверяешь. Вот что ты сказала. Ты не доверяешь. — Теперь она была рассержена, страсть сотрясала ее слова. — А тебе следует доверять. Я поцеловала Нону, и она оттолкнула меня. Правда, не так сильно. — Она поднялась на ноги, потирая плечо, гнев покинул ее так же быстро, как и вспыхнул. — Ты меня тоже не остановила. И она сказала тебе. В этом не было необходимости, но она это сделала. Это и есть доверие. Она верила, что ты доверяешь ей. Так что вынь палку из своего зада и помирись с ней, прежде чем твой страх потерять ее действительно заставит тебя потерять ее. Потому что я бы забрала ее за удар сердца, если бы она позволила.

Клера повернулась и указала на платформу.

— Предок хранил это для нас. Может быть, тысячи лет. В ловушке подо льдом. Льдом, который растаял только из-за того, что сделала Нона. Только из-за того, какая она. Доверяй ей. — Она выбрала одного из зверей, насаженных на серебряный шест. — Садись на эту... гигантскую лягушку... и скачи, как женщина!

Последовав собственному совету, Клера прыгнула вперед и вскочила в седло дракона. Рули, зараженная тем же безумием, выбрала лошадь с рогом.

Музыка, казалось, замерла вместе с дыханием Ноны. Она молилась, чтобы здесь, где растаял тысячелетний лед, растаяла и та боль, которая заморозила самое дорогое для нее. Долгое, мучительное мгновение Ара стояла, пойманная в ловушку силами, которых Нона до конца не понимала. Затем с шумом, похожим на вздох, она повернулась к Ноне, глаза ее блестели, и она протянула ей руку:

— Поедешь со мной?

— Всегда.

Они выбрали не-лошадь с двумя горбами и уселись по обе стороны шеста. Музыка стала громче, и, каким-то образом зная, что больше всадников не будет, платформа пришла в движение, каждое животное начало подниматься и опускаться, причем вся конструкция вращалась.

И повсюду вокруг них, в сияющем тумане, терпеливые слуги Пропавших трудились и неустанно восстанавливали, уверенные, что всегда стоит починить то, что приносит радость.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Я тоже не говорю по-скифроулски, но очень похоже на искаженный немецкий: Да, я могу хорошо говорить.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом (Книга Екклезиаста,3:1)

Кстати, сферическое альbedo нашей Луны — 0.12.

Но на слeгка преувеличила...

Рассказ, являющийся своеобразным послесловием к истории Ноны, был опубликован в антологии «RELICS» Aiki Flinthart, вышедшей 31.01.2021. Благодарю пользователя СОН любезно приславшего мне его текст (примечание переводчика).